

Михаил Сивеня

Из истории партизанского движения Белорусского Полесья

Мемуары партизана-разведчика

РБ

Москва 2020

УДК 94(476.7)“20”
ББК 63.3(2)622,5
С34

Сивеня, М. С.

С34 Из истории партизанского движения Белорусского Полесья. Мемуары партизана-разведчика / М. С. Сивеня. — Брест, 2020. — 452 с.

Мемуары белорусского партизана Сивени Михаила Сергеевича, написанные в 1970-е годы.

Автор встретил Великую Отечественную Войну в возрасте одиннадцати лет. Место жительства — болотистые, труднопроходимые места Полесья между городами Берёзой и Ивацевичами — предопределило его дальнейшую судьбу. Вместе с жителями деревень Ходаки, Житлин и Корочин он ушёл в лес и в возрасте тринадцати лет стал партизаном.

Из книги можно узнать о жизни белорусских партизан во время войны и о зарождении партизанского движения в Полесье.

Для интересующихся историей Великой Отечественной войны.

УДК 94(476.7)“20”
ББК 63.3(2)622,5

Книга издается исключительно в электронном виде. Распространяется свободно. При использовании материалов ссылка на первоисточник обязательна.

© М. С. Сивеня, 1975

© Оформление Д. Сивеня, 2020

Содержание

Предисловие	5
Их имена в наших сердцах	9
Вместо пролога	11
Рождение партизанского отряда	15
Партизанская зима	21
Говорит Москва!	26
Командир 112-го	33
Первый эшелон	37
Один день	41
В первую весну	49
В тыл врага	58
Возмездие	71
Думай, командир!	77
Связные арестованы	84
Так сражался Сергей Орлов!	95
Трагедия деревни Зыбайлы	103
На новом подъеме	111
Эшелоны не прошли	141
«Невеста»	149
Борьба за хлеб, борьба за жизнь	161
Красное знамя — святыня отряда	175
Клянусь жизнью!	182
Имя его в наших сердцах	190
Эпилог	198
Данилковичи	207
Из жизни юного партизана-разведчика Миши Сергеева ..	221
Приложения:	
Учетная карточка захоронения в д. Житлин	323
В огне партизанской войны	329
Воспоминания Н. Х. Колтуна	353
М. С. Сивеня и Н. Х. Колтун в книгах и газетах	361
Краткие биографии некоторых персонажей повести ..	419
Указ Президиума Верховного Совета СССР	431

Сивеня Михаил Сергеевич
(07.11.1929 — 02.07.1984)

Предисловие

Сивеня Михаил Сергеевич родился 07 ноября 1929 г. в деревне Житлин Ивацевичского (бывшего Коссовского) района Брестской области в крестьянской семье. Тогда это была территория Польши, а с 1939 года деревня вошла в состав Белорусской ССР.

В раннем возрасте Михаил потерял отца. Его мать Агрипина после смерти мужа повторно вышла замуж за Николая Харитоновича Колтуна — ярого сторонника советской власти, ставшего во время Великой Отечественной Войны одним из лидеров местного партизанского движения.

Деревня Житлин и соседние с ней деревни Ходаки и Корочин расположились на болотистой местности в глубине лесов. Сельская дорога, ведущая к деревням, была перманентно размыта и, зачастую, непроходима, так что местные жители привыкли перемещаться не по дороге, а через лес. Это и предопределило, что с приходом фашистских оккупантов жители деревень с семьями ушли в леса и создали там семейные партизанские лагеря.

В 1943 году мать Михаила была расстреляна фашистами, как жена и мать партизана, но, несмотря на молодость, парнишка сумел спасти из немецкого плена своих сестер (родную, которая была его младше на три года, и сводную — совсем малышку).

Став партизаном в юном возрасте (зачислен в партизанский специальный отряд 18 февраля 1942 г.), Михаил попал в разведку и успешно прослужил в ней до освобождения Белоруссии.

Упоминается в книгах Героя Советского Союза полковника Г. М. Линькова «Война в тылу врага» (Москва, ГИ Художественной литературы, 1956), В. Цветкова «Своими глазами»

(Минск, Беларусь, 1972) и в сборниках «Рядом с отцами» (Минск, Народная Асвета, 1978), «Память. Историко-документальная хроника Березовского района» (Минск, «Белорусская Советская Энциклопедия» имени Петруся Бровки, 1987).

Награжден орденом «Красной звезды», который, согласно Г. М. Линькову, вручал ему в 1944 году в Московском Кремле сам М. И. Калинин, и медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» и «За победу над Германией».

После войны обучался в Москве, но вернулся в родные места и жил сначала в Ивацевичах, а потом в Берёзе. Работал в милиции, в ДОСААФ, дослужившись до должности председателя Березовского РК ДОСААФ. В 1953 году женился на уроженке Старорусского района Ленинградской области Зое Новорусской. В браке у них родились два сына и дочь. Умер в июле 1984 года.

Будучи свидетелем зарождения партизанского движения в своём районе, в 1970-х годах написал повесть про партизанское движение в Белорусском Полесье, отдельные главы которой печатались в местной прессе, в том числе в газете «Маяк Коммунизма», но полностью повесть так и не была опубликована.

Редактировать и печатать повесть на машинке помогала автору супруга.

Надо отметить, что в самой повести Михаил Сергеевич про себя не написал ни слова. В первой части повести центральными персонажами являются его отчим Николай Харитонович Колтун и глава партизанского отряда Алексей Петрович Чертков, а далее описывается жизнь отряда. Упомянутый Г. М. Линьков также присутствует в книге под фамилией Льдов и псевдонимом Батя.

Себя автор упоминает только в отдельном рассказе «Поход на Ковельскую дорогу» под именем Миша Сергеев.

Ко мне в руки повесть попала в виде россыпи рукописей и чистового варианта, напечатанного на машинке. Среди рукописей попались автобиографические заметки Михаила

Сергеевича — его воспоминания о своей жизни во время войны в формате рассказов про Мишу Сергеева, а также биографические заметки о партизанах и воспоминания отдельных партизан. Кроме того, в рамках подготовки повести к изданию автором были собраны фотографии партизан, которые он планировал использовать в оформлении книги.

В настоящем издании представлены сама повесть, один отдельный рассказ из жизни партизанского движения Белорусского Полесья, а также автобиографические рассказы, скомпонованные и отредактированные мною в формат повести. Для оформления используются как фотографии, подобранные Михаилом Сергеевичем, так и картографические материалы, основанные на карте Генерального штаба РККА 1939 года, отсканированной Российским географическим обществом.

На последних остановлюсь подробнее. Перепечатывая рукопись я обратил внимание, что в повести упоминается множество географических наименований, в том числе ныне не существующих. Чтобы читателям было проще ориентироваться в географии региона, каждая глава проиллюстрирована фрагментом карты Белорусского Полесья, на котором красным цветом отмечены географические наименования, упоминаемые в тексте.

В приложении к книге перепечатаны статьи из книг и газет о М. С. Сивене и его отчине Н. Х. Колтуне, а также опубликованы историко-биографические материалы, для подготовки которых использовались данные с порталов «Память народа» и «Партизаны Беларуси».

Посвящается памяти Михаила Сергеевича и Зои Александровны, а также 75-летию Победы в Великой Отечественной Войне.

*Д. Сивеня
май 2020 г.
г. Москва*

Сивеня Михаил с матерью Агрипиной Евстафьевной
Колтун и сводной сестрой Еленой
1940 год

М. С. Сивеня

Их имена в наших сердцах
история 112-го партизанского отряда

Берёза, Брестская область
1975

К тридцатилетию Великой Победы над фашистами.

д. Житлин, братская могила партизан
фото 1970-х гг.

Вместо пролога

Тёмная сентябрьская ночь 1941 года.

Нигде в деревне не видно ни огонька, не слышно движения. Только очень внимательный человек смог бы заметить, как от близлежащего леса, через кустарник, тенью прошмыгнул к одинокому хутору человек. Постоял, прислушался, тихо постучал в небольшое наполовину забитое фанерой окошко.

Это был Николай Харитонович Колтун, председатель местного сельского Совета, человек незаурядной энергии, с большим жизненным и партийным опытом работы.

В первую империалистическую войну вместе с родителями он побывал в «беженцах». Там, подростком, впервые познакомился с новыми для него словами: революция, большевик, марксизм. Там вступил в комсомол и на всю жизнь связал себя с большевиками.

Вернувшись в 1920 году в родные края, он не смог свернуть с раз и навсегда избранного пути.

Преследование польской дефензивы удваивали энергию. Не пропало даром и время, проведённое в белопольских тюрьмах. Старшие товарищи, прошедшие суровую школу революционной борьбы, учили выдержке и стойкости, помогали изучить теорию марксизма.

Самым счастливым в его жизни был 1939 год. Выйдя из тюрьмы, бывшие узники с необыкновенной беззаветностью, не считаясь со временем, часто рискуя жизнью, устанавливали новую жизнь на Родине. Митинги, собрания, создание первых колхозов... События захватывали, мечты воплощались в жизнь. Казалось, так будет всегда.

...и, вдруг, война. Крушение всех надежд и жгучая ненависть к врагу, растущее желание мстить. Мстить за разрушенное счастье. Различные мысли роились в голове и одна неотступная — «На фронт!»

А дома семья, пятеро детей. Младшая — совсем малютка, ей всего три месяца. Мать молчала. Она понимала, что этот неутомонный человек не может в такой трудный для Родины час сидеть сложа руки, да и встреча с фашистами для него равносильна смерти. Его они не пощадят! А так может и лучше, она будет солдаткой, как сотни и тысячи других.

Несколько дней активисты района, а с ними и Николай Харитонович, пытались догнать фронт. Оставлен Минск, фашистские полчища запрудили все дороги. Немцы ведут себя нахально, чувствуют «хозяевами». Пробираться можно было только проселочными дорогами. Однажды на ночевке у них возникла мысль: «А не лучше ли вернуться и, используя опыт подпольной работы, начать организацию народного сопротивления фашистам?» Взвешивали все за и против. Четверо решили вернуться. И снова дорога на запад, домой. А есть ли он, дом?

На обратном пути несколько раз задерживали немцы, но поверив версии, будто идут они из заключения — отпускали. С каждым километром всё больше росло беспокойство. Жива ли семья, что делается в деревнях? Остался ли кто из актива? С кем начинать работу? С такими мыслями Николай Харитонович по небольшому кустарнику, тянувшемуся от опушки леса, осторожно пробирался тёмной ночью к своему родному хутору. Остановливался, прислушивался — кругом стояла тишина. В деревне не было слышно ни шума, ни движения, нигде не видно ни огонька, лишь в недалеком болотце бодрствовали лягушки и их монотонное «кум, кум» разносилось по окрестности. Мысленно Колтун никак не мог совместить эту первозданную тишину и спокойствие со всеми ужасами фашистской оккупации, которые он видел за последние два месяца.

Тихий стук в окно. Открылась дверь. Не зажигая огня, до утра проговорил он с женой. Узнал, что фашисты в деревне ещё не появлялись. Страшные вести о зверствах гитлеровцев иногда проникали в деревню, но говорили о них шёпотом, как бы не веря в их реальность. Крестьяне затаились, настороженно ожидая, что будет дальше.

На рассвете, поцеловав своих сонных детей, он вновь покинул родной дом, чтобы обосноваться в лесу.

Таким было возвращение. Двое из четверых вернувшихся допустили неосторожность, были схвачены фашистами и расстреляны в первый же день после возвращения. Поредела совсем малочисленная группа.

Деревня Житлин и соседняя Ходаки удалены от центральной магистрали и районного центра Ивацевичи на 20 км. Со стороны г. Ивацевичи к ней ведет одна единственная дорога, петляющая среди лесов, полей и болот. По ней проехать можно было только зимой или жарким летом, а в остальное время года она местами сливалась с окружающими её болотами и становилась почти не проезжей. После дождей, весной или поздней осенью пешеходам приходилось пробираться окружными тропинками, а местами через проложенные настилы-кладки.

Деревни окружали бесконечные топкие болота. Они тянулись на сотни километров, перемежаясь небольшими островками суши с высокими дубравами. Бедные песчаные поля давали очень скудные урожаи и крестьяне жили очень бедно, едва сводили концы с концами.

Хутор Колтуна стоял возле дороги и был выдвинут к лесу как передовой форпост.

Чтобы проехать в эти деревни со стороны Ивацевичей необходимо было проехать мимо хутора.

Николай Харитонович жил в лесу, изредка приходя на хутор. Только несколько человек из оставшегося актива знали, что он вернулся.

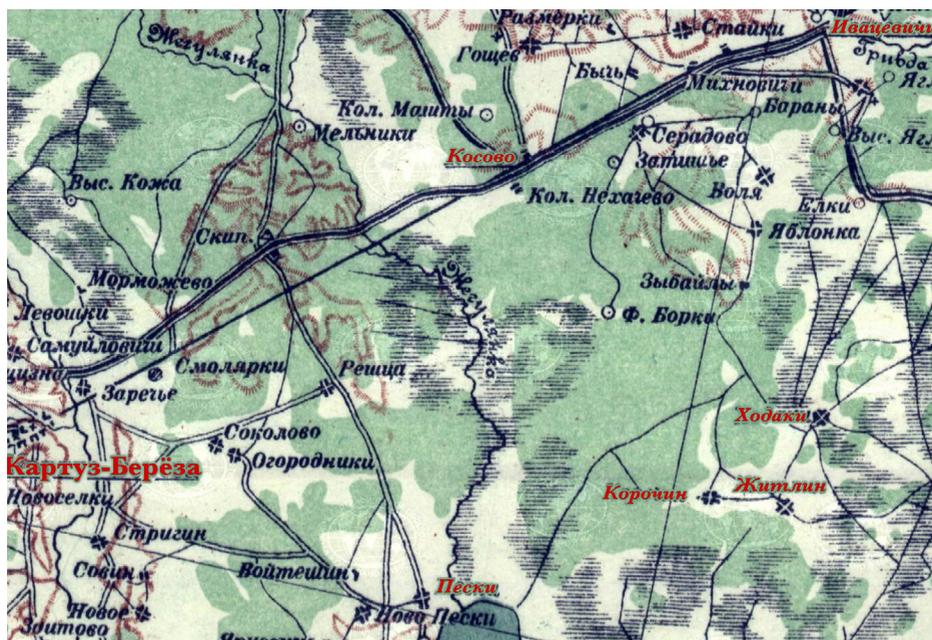
Колтун Николай Харитонович и Сивеня Михаил Сергеевич
фото конца 1940-х годов

Рождение партизанского отряда

Время шло, наступила осень. Однажды на опушку леса вышли трое. Невдалеке росла старая, обожжённая молнией сосна. Она и служила ориентиром.

Усталый вид и намокшая одежда пришедших, говорили о том, что они преодолели немалое расстояние пока добрались до места. Осмотревшись вокруг, один из них отошёл несколько от леса и подал условный сигнал. Прислушался, посмотрел на часы и повторил сигнал. Ответа не последовало. Лишь глухо шумел лес.

Тогда все трое укрылись в нём и стали наблюдать за подходами к одинокой искалеченной сосне.

— Почему нет Савчука? Ведь, судя по времени, Николай Никифорович уже должен был ожидать нас? Что могло помешать ему? — тихим голосом произнес Николай Харитонович Колтун (это был он).

— Я говорил, что это ловушка, — отозвался его однофамилец и друг Макар Колтун.

Все были встревожены сложившейся обстановкой.

Больше месяца жили они в лесу, но связи с родной деревней не теряли. Три дня назад в лес пришел Н. Н. Савчук и рассказал, что к нему уже дважды приходили четыре незнакомых человека, представившиеся военными. Они просят свести их с патриотами, скрывающимися в лесу, а о том, что их нет, и слышать не хотят.

— Пристали, как с ножом к горлу, взывают к совести учителя, советского человека.

— А что они собой представляют?

— Да ребята вроде ничего. Трое в разной одежде, видно успели переодеться, а четвёртый в полной лейтенантской форме. С оружием все.

— Может, провокация?

— Не должно. Уж больно у лейтенанта глаза хорошие. Человек с такими глазами не может быть врагом. Он очень просил помочь.

— Ну что ж, веди!

И вот они здесь, в назначенном месте, а Савчука почему-то нет.

— Нет, Харитонович, это ловушка, — вновь начинает Николай Кузьменя, — нужно уходить, пока не попались.

— Разве ходил бы окруженец в форме, когда кругом фашисты, — поддерживает его Макар, — давно уже фронта не слышно и все оставшиеся допристроились кто куда, не лезут на рожон.

— А может, их не четыре. Нагрянут сейчас, а у нас и оружия почти нет.

— Уйти легче всего, — прерывает в раздумье их Николай Харитонович, — а делать что будем втроём? Разве это сила? Видите немцы с какой быстротой, где уговорами и подачками, а где и силой устанавливают свою власть? И мы должны собирать своих людей, отряд создать. Иначе нам нельзя. Наша сила в объединении.

— У меня возник план, — продолжал Николай Харитонович, — на встрече мы будем выдавать себя за представителей командования отряда. Если это враги, то им выгоднее выловить и уничтожить весь отряд, чем трёх каких-то мужиков. А мы тем временем устроим им такую проверочку... Так поведем по болоту, что и черти к ним дорогу не найдут.

— Тихо, — дернул его за рукав Кузьменя. — смотрите!

Через можжевеловые кусты можно было заметить идущего по тропинке человека. Он спокойным шагом шёл по направлению к сосне. В руке у него был топор. Это был Савчук. Но он шёл один.

На выходе из леса он срубил две тонкие берёзки и положил их вдоль тропинки. Это был сигнал: «Всё спокойно». Тотчас раздался тихий стук по дереву. Савчук резко повернул и пошёл в сторону звука.

— Что вы так долго?

— Задержался, полицаи в деревню приехали, пришлось переждать.

— А сейчас они где? Сколько их?

— Да не беспокойтесь вы. Уехали уже на велосипедах. Всего пятеро.

— Ладно, не долго им свободно здесь разгуливать осталось, — сказал со злостью Николай Харитонович, — где те-то?

— Здесь, недалеко, километрах в двух. Ещё со вчерашнего вечера ждут. Пошли что ли?

— Нет, туда мы не пойдем, лучше мы их будем проверять, чем они нас. Веди их сюда, а мы наблюдать будем. Если нас

здесь не найдешь, значит, это ловушка. Назначай новую встречу на завтра и срочно сегодня же с семьей уходи в лес. Понял?

Прошло не менее двух часов прежде чем состоялась встреча.

— Лейтенант Чертков, — представился один из них, — Пробираемся в сторону фронта с западной границы. А это мои попутчики, бойцы Красной Армии. Фронт ушёл далеко на восток, сможем ли мы его догнать, неизвестно, а бить врага нужно сегодня. Вот, посоветовавшись, мы и решили присоединиться к народным мстителям чтобы бить врага здесь, в белорусских лесах.

Всё это выглядело правдоподобно, а в разговор вкладывалось столько искренности, что слова, как магнит, притягивали к этому человеку внимание всех окружающих.

— Да, — подумал Колтун, — пожалуй, Савчук прав. Этому можно поверить. Чистота взгляда, гордость осанки и правдивость слов говорят в его пользу. А как приятно смотреть на эту уже изрядно поношенную форму со знаками различия командира.

Но вместо похвалы, он сухо и коротко назвал себя и сказал:

— Сами мы не можем решить вопрос о приёме вас в отряд — это дело командования. Нам поручено доставить вас в отряд, который находится в нескольких километрах отсюда.

Прихватив приготовленное Савчуком продовольствие, группа в составе семи человек направилась в глубь леса.

Остановились они на небольшом островке, когда одна за другой начали гаснуть звёзды и на востоке появилась узкая алая полоса. За остаток дня и ночь было пройдено более двадцати километров по болотам и лесам, по сплошному бездорожью. Все валились с ног от усталости. Пожевав хлеба с салом и выставив часового, все повалились на еловый лапник и погрузились в глубокий сон. Отдохнув под высокими стройными елями, развели костёр, чтобы обогреться и приготовить пищу. Чай, вскипяченный в котелке, и сало, поджаренное кусочками на прутиках, казались путникам царским обедом.

Николай Харитонович решил, что теперь самый удобный момент раскрыть карты. Он сел напротив командира и, как будто тот был старым знакомым, сказал:

— Знаешь, Алексей, я думаю, что игру нужно кончать. Никакого отряда нигде нет. Он здесь в полном составе.

Говоря, Колтун внимательно следил за Чертковым, чтобы видеть реакцию на свои слова. Он ожидал, что сейчас этот молодой командир, с каждой минутой всё более нравившийся ему, поднимется и скажет: «Коль так, то нам с вами делать нечего» — и уведёт своих бойцов к линии фронта. А Чертков, как будто ничего не случилось, продолжал сидеть на корточках у костра и подкладывать в него еловые палки, которые немного дымили, затем, потрескивая, загорались ярким пламенем.

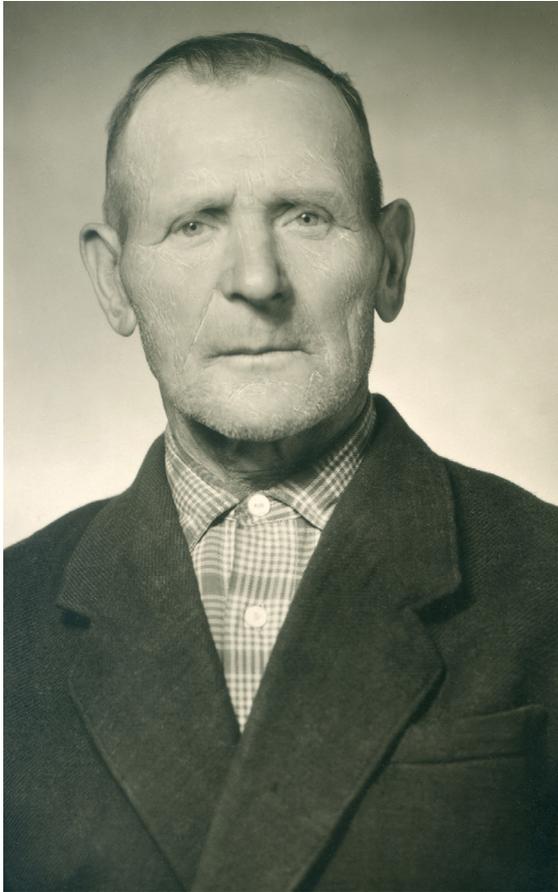
Булькала закипевшая в котелке вода. Наступила гнетущая пауза, но длилась она не дольше минуты, хотя и показалась целой вечностью.

Выпрямившись, Алексей вдруг громко рассмеялся и, подойдя вплотную к Харитоновичу, доверительно ему сообщил:

— Я знал это ещё вчера, когда вы решили устроить нам такую проверку, и, честно говоря, я был удивлён вашей смекалкой и находчивостью. Действительно, будь на нашем месте враги, они не выбрались бы из этих дебрей. Вот Вы только что сказали, что отряда нет. Лучше сказать, что его до сих пор не было. Правда, нас мало — всего семь человек, и оружия у нас почти нет, но оно есть у фашистов. Когда мы начнем действовать, когда люди поймут, что врагов можно и необходимо бить сегодня, к нам придёт пополнение: придут местные жители и оставшиеся в окружении воины.

Алексей говорил это, переводя взгляд с одного на другого, и по тому, как внимательно его слушали, Колтун понял, что он выразил мысли всех присутствующих. Шагнув вперёд, он крепко обнял Черткова. Потом у костра они все вместе долго придумывали название отряду, которое должно было говорить,

по их мнению, о силе отряда и о том, что он не один на оккупированной земле. В конце концов согласились с предложением Черткова присвоить отряду, как подразделению Красной Армии, номер. А какой? Шёл 112-й день войны. Он и стал номером отряда.

Савчук Николай Никифорович
первый связной отряда № 112, д. Житлин

Партизанская зима

Месяц спустя лесной дорогой возвращались в отряд Колтун, Чертков и Михайлов.

— Отдохнем немного, — предложил Алексей Петрович и свернул с тропинки к поваленному дереву.

— А я думал, что и конца края этой дороге не будет, — с горечью отозвался Николай Михайлов, — до крови ноги стёр, идти не могу, обсушиться бы. Посмотри, Харитонович, на мои чудо сапоги, ни одна капля воды не задерживается, сколько наливается, ровно столько и вытекает.

По солдатской привычке Чертков снял винтовку и ослабил ремень. Сев на ствол берёзы, он то ли в шутку, то ли всерьёз сказал:

— Снимай, Николай, сапоги, да суши портянки, только без костра.

Но не до шуток было Михайлову, ноги его кровоточили и страшно болели. Алексей достал из полевой сумки маленький пузырёк с йодом и принялся аккуратно смазывать ранки. Не остался в стороне и Николай Харитонович. Покопавшись в вещмешке, он вытащил запасную нижнюю рубаху, разорвал её и коротко приказал Николаю: «Обувай».

Пока Михайлов приводил свои ноги в порядок, Колтун и Чертков сидели рядом на поваленной березе и вели тихий разговор.

За время совместных действий они успели уже немало сделать. Подобрали связных почти во всех окружающих деревнях не только Ивацевичского, но и Берёзовского, Дрогинчинского, Телеханского и других районов.

Регулярно стали получать от них продовольствие, данные о положении в сёлах. И всё благодаря тому, что Николай Харитонович хорошо знал окружающую местность и людей.

Однако этого становилось недостаточно. Наступила поздняя осень. По утрам серебрится на ветвях белый иней и лужи покрываются тонким прозрачным льдом. Снега ещё нет, но нужно ожидать, что скоро он выпадет, и тогда предательские следы укажут фашистам дорогу к их стоянке. Нужно найти выход.

Обо всём этом они говорили по дороге в отряд и всё же не пришли ни к какому выводу. Обсуждали создавшееся положение в лагере вместе со всеми партизанами. Принесённого продовольствия хватало на 2-3 дня, ходить за ним регулярно в деревни в условиях зимы было рискованно. Необходимо сделать запас продуктов, но где их взять? Отбить продовольствие в каком-нибудь полицейском участке ещё не хватало сил. Население и так давало, что могло.

И тут вдруг Колтун вспомнил, что в деревне Власовцы до войны был огромный общественный бычина, которого

прибрал к рукам староста деревни. Бык несомненно весил с полтонны. Вот если бы его изъять!

Предложение всем понравилось. Долго судили да рядили как это лучше сделать, ведь в деревне есть полицейские. Кто-то вспомнил, что полицейские по ночам охрану не ведут, спокойно спят по домам а днём даже оружие с собой не носят. Кто-то напомнил, что лес подходит к самым деревенским огородам, и если дело делать без шума, то наверняка можно тихо огородами пробраться к старостиному хлеву и увести быка.

Пока что в отряде все имели равные права, ещё не было командира и решения принимались совместно. Однако с некоторых пор последнее слово стало оставаться за Алексеем Петровичем. Он хоть и не очень опытный командир, но всё же уже обстрелянный, был в боях на границе, да и в училище стратегию и тактику боя учил.

Так и на этот раз, после обсуждения все взоры обратились к Черткову — что он скажет?

— Предложение правильное, его нужно осуществить, — проговорил он, — но это не всё. Нам нужно в двух — трёх местах в глубине болот оборудовать запасные базы с землянками, пригодными для жилья, запасом продовольствия и оружия. На всякий случай, — заключил он.

Погасли последние огни в хатах, на улице ни души. Только как на зло в небе повисла и светит луна. Уже не выдержал и отпустил в её адрес несколько злых шуток Макар Колтун, а она лишь улыбается с высоты.

Дом старосты посреди деревни. Партизаны подошли к плетню, окружавшему огород. Пригибаясь за оградой, как тени, без малейшего шума проникли во двор старосты. Замерли. Прислушались. Тишина.

Чуть скрипнула дверь хлева и в образовавшуюся щель нырнули двое. В короткие вспышки фонарика один из них зацепил крючок за кольцо, вдетое в нос быка, а другой принялся

обувать его в лапти, принесенные с собой. Так было решено сделать, чтобы замести следы.

На удивление бык без сопротивления подчинился людям, поднимая по команде то одну, то другую ногу, и когда работа была окончена послушно пошел за поводырём. Так спокойно и шёл он до самого леса, а тут как взбесился: мотал головой, прыгая из стороны в сторону так, что державшие его партизаны буквально повисали на нём или валялись на землю. Много пришлось повозиться, пока пригнали его в нужное место и «успокоили».

А через день на встречу пришел связной из деревни Власовцы А. П. Вдовин, которого за звонкий, певучий, словно девичий голос в деревне никто иначе не называл, как Сашка Петушок. Он рассказал, что накануне в деревне был большой переполох. Утром староста обнаружил, что его выходная дверь заперта снаружи, растворил окно и стал звать на помощь. Прибежали соседи, полицейские. Осмотрели весь двор и обнаружили пропажу быка. Следов его при поиске нигде не нашли, крови тоже не было, а бык словно сквозь землю провалился. Пошли было по каким-то следам, что вели к лесу, но в глубь идти побоялись. По деревням разнесли слух, будто в лесу много военных. То ли выброшен десант, то ли воинская часть осталась в тылу. Говорят, что не только скот, а и другие продукты будут брать у немецких прислужников. А ещё много разговоров, что у деревни Зыбайлы был большой бой с фашистами и партизаны привели их в бегство.

Подобные были сообщения и от других связных. Такого оборота партизаны не ожидали. Решив заготовить продукты они не думали, что их действия вызовут столько разговоров и растерянности у врага. Как было этим не воспользоваться? Заготовка продуктов была продолжена.

Этим не преминуло воспользоваться и население. Фашисты запрещали крестьянам резать скот. И вот, по ночам начали

исчезать из сараев свиньи и тёлки, якобы забранные партизанами. На самом же деле хозяева тихонько прирезали их сами, придумав для этого оригинальный способ: кабану надевали на голову мешок с мукой, которую он вдыхал вместе с воздухом, задыхался и уже не производил ни звука.

Партизаны же превратились в призраков. Фашисты кидались из одной деревни в другую, откуда поступали сообщения, но по вполне понятным причинам никого не находили.

Слухи о партизанах волновали население. Связные доносили, что многие патриоты хоть сегодня готовы уйти в лес.

Шли недели и месяцы. К началу 1942 года в отряд пришли: младший политрук Ф. А. Беляев, красноармейцы С. Д. Орлов, В. В. Лопатин, В. И. Соловьев, местные патриоты В. П. Макар, Я. И. Матни и другие.

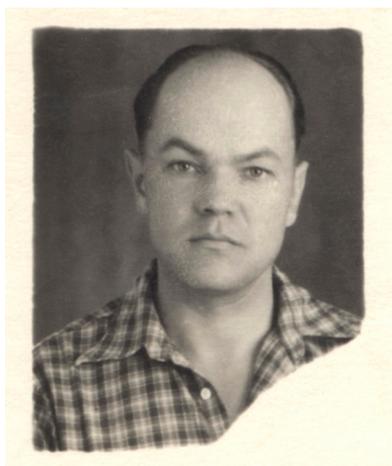
Когда пригрело весеннее солнце и снег спал, в отряде насчитывалось уже 40 бойцов.

Партизаны, 20 ноября 1943 г.

Говорит Москва!

Уже больше недели все мысли партизан были обращены к небольшому серому ящичку, появившемуся неожиданно в отряде. Над ним весь световой день, не разгибаясь, сидел Юрий

Землянский Юрий, фото 1961 г.

Землянский. Он что-то паял, пилил напильником, клеил. Бережно брал, просматривал на свет и вновь клал в коробочку с тряпками лампы — драгоценные части. Это была поврежденная рация из подбитого советского танка, снятая и переданная в отряд связным из деревни Затишье по кличке «Маркс».

Ох, как хотелось нам услышать голос Родины, узнать хоть что-нибудь о положении на фронтах! До партизан доходили слухи, что зимой немцы были биты под Москвой, но итогов боёв и что делается сейчас на фронте никто не знал. Радио не слушали почти с начала войны, а газеты были только фашистские, наполненные крикливым бахвальством о победах и скором конце войны.

Юрий перед войной посещал радиокружок и сравнительно неплохо разбирался в радиоаппаратуре. Сейчас от него ожидали чуда, ожидали, что этот парнишка оживит приёмник и они услышат позывные Москвы. А чуда всё не было.

Прошло ещё несколько дней упорного труда. Наконец, Юрий с горечью сказал:

— Всё, что зависело от меня, я сделал, но нет питания, а без него приёмник говорить не будет.

— Неужели ничего нельзя сделать для налаживания связи? — с болью в голосе спросил Чертков. — А какое питание нужно и где его можно взять?

— Могут подойти сухие анодные батареи (ЗАС), но к ним нужны ещё и накальные. А достать их можно только у фрицев.

— Попробую достать, — очень тихо, будто не был уверен в выполнении задуманного, проговорил рядом стоящий Н. Х. Колтун.

Связной Семён Мартынович Яловский из деревни Зыбайлы уже несколько раз ездил в районный центр Ивацевичи, где на окраине размещалась немецкая хозяйственная воинская часть.

С некоторыми солдатами он уже завёл торговые сделки. У одного купил сигареты, у другого выменял зажигалку, у третьего за яйца и самогон приобрёл часы со светящимся циферблатом.

Семён Мартынович всё более и более убеждался, что немцы — это коммерсанты и ради собственной выгоды многие из них готовы пойти на всё. Поэтому он смело и уверенно искал знакомства со связистами. И это ему удалось...

Однажды, как бы невзначай, он встретил пожилого, лет сорока пяти немца, у которого ранее покупал сигареты. Встретились как старые знакомые. Яловский, показав на бутылку самогона, на смеси русского и немецкого языков предложил выпить.

Гитлеровец, обрадованный предложением, повёл гостя в недалеко стоящий сарай, который оказался небольшим воинским складом. Здесь Семён увидел то, что искал. В углу лежали нужные ему батареи. Выбрав удобный момент, он показал на них и попросил продать ему несколько штук. Немец насторожился, но из дальнейшего разговора Яловский понял, что не подозрение привело его в такую удивлённую позу, а боязнь продешевить.

Долго Семён объяснял фрицу, что ещё до войны его сын смастерил от батареи «электричество», а теперь эти штуки «схудали» и света не дают. Поняв, гитлеровец долго смеялся над неудачей Семёна и, польстившись на сало и мёд, пообещал батарее. Вскоре сделка состоялась.

По дороге медленно движется телега, нагруженная навозом. Возле неё, погоняя коня, идёт Семён Яловский. Он горд тем, что с риском для жизни выполнил задание партизан. Там в лесу, возле его дальнего поля, куда он везёт навоз, его уже ждут. Батареи надёжно завернуты и спрятаны в навоз. Ни один встречный не догадается, какова настоящая ценность этого воза.

В отряд Николай Харитонович вернулся под вечер. Увидев среди бойцов Землянского, пальцем поманил его к себе.

— Помоги, Юра, снять вещмешок. В нём тебе подарок, — Развязав мешок, показал содержимое. — Смотри, такие?

— Да, такие! — радостно воскликнул Юрий и дрожащими руками начал вытаскивать их из мешка.

Лагерь облетела весть, что Николай Харитонович достал обещанные батареи. И в тот же миг к шалашу одни за другим устремились партизаны. Несколько минут спустя подошли и Чертков, Беляев, Терешенко. Все хотели чем-нибудь помочь, наперебой предлагали свои услуги.

Потребовалось всего несколько минут Н. Михайлову, чтобы закрепить антенну на самой верхушке ели, росшей у шалаша. Ещё несколько минут весёлого оживления и лагерь замер, все затаили дыхание.

Землянский поставил приёмник на пень, нагнулся, надел наушники и начал соединять проволочки, крутить клавиши настройки. Все стояли вокруг Юрия. Ожидание, надежда были написаны на их лицах.

Солнце бросало последние лучи на землю и они, раздробленные молодой зеленью листвы, золотыми зайчиками прыгали по земле, одежде людей, их лицам. Но никто не замечал красоты

заката. Всё внимание бойцов было сосредоточено на пальцах радиста. А его лицо выражало только внимание.

— Слышишь? — почти шёпотом спросил кто-то.

— Немцы, — так же тихо ответил Юра. И, вдруг, радостная улыбка заиграла на его губах.

— Москва! — выкрикнул он и, резко выпрямившись, чуть не сорвал наушники.

— Ур-р-а! — радостно загремело вокруг, но сразу же смолкло, спугнутое вскриком: Ти-ш-ш-е!

Юра что-то покрутил ещё и все услышали тихую маршевую музыку. Но вот раздались сигналы точного времени. Затем чётким голосом диктор сказал:

— От Советского информбюро...

Плотным кольцом партизаны обступили маленький серый ящик, из которого доносился голос Москвы.

Передавали сводку о ходе боёв. В ней говорилось, что наши войска ведут тяжелые оборонительные бои на Ленинградском и других фронтах. Сводка не была радостной, однако лица партизан, слушавших её, светлели, распрямлялись плечи, будто прикасались они к живительному роднику. И впрямь голос Родины был животворным.

Родина! Нет ничего на свете дороже тебя! Где найти слова, чтобы высказать тебе свою любовь! И лишь слёзы, набегающие на глаза, выдают чувства присутствующих.

Передача сводки Совинформбюро окончилась, но далёкий голос диктора начинал новую передачу о героических буднях тружеников тыла. Всем хотелось слушать бесконечно эти милые сердцу слова, но в этот момент спокойный голос Черткова вывел бойцов из охватившего их оцепенения.

— Ребята, послушайте, питание надо расходовать очень экономно. Хватит для начала.

Юра выключил рацию. Расходились молча. Каждому хотелось сделать что-то особенное.

Мало кто спал в эту ночь. Вспоминали мирное время, родные края, семью. Представляли разрывы снарядов, рёв танков, стоны раненых. Ненавистью наполнялись сердца. Каждому хотелось быть там, где солдаты грудью своею защищали Родину.

Утром, ещё не выходя из шалаша, Колтун услышал, что лагерь гудит как потревоженный улей. Всем хотелось немедленно в бой. Каждый предлагал свою операцию, доказывая, что его вариант разгрома полицейского участка или засады наилучший. Все шумели, перебивая друг друга.

Слушая их, Николай Харитонович думал, что действительно пора начинать активные действия. Весна поможет уходить от преследования, скроет следы. Понял так же, что настала пора поделиться с товарищами мыслями, уже не одну неделю томившими его: «Отряд растёт. Прибывают поодиночке и группами, даже со своими жожаками. Несколько недель назад в отряд с 15 бойцами пришел младший политрук Ф. А. Беляев. Готова присоединиться к отряду группа Василия Монакова, действующая в районе споровских болот. В отряде собралось несколько командиров Красной Армии: Чертков, Терешенков, Лопатин, Соловьёв... А общего командира нет. До сих пор вся деятельность отряда решается общей договорённостью. С каждым днём отряд становится всё более неуправляемым. Нужен командир. Им должен быть волевой, опытный, знающий военное дело, уважаемый всеми человек, не жалеющий себя ради общего дела и способный потребовать от других безукоризненного исполнения солдатского долга».

Колтун ясно понимал, что назначить командира здесь некому — его нужно избрать. С такими мыслями он подошёл к костру, возле которого собрался уже весь отряд.

На костре готовился скромный партизанский завтрак. Пользуясь непререкаемым авторитетом и всеобщим уважением Николай Харитонович с обычным спокойствием сказал собравшимся у костра:

— Друзья мои! Вчера мы все слушали сводку с фронта и мне понятно ваше стремление к активным действиям, но нужно, чтобы кто-то руководил ими. Нам нужно выбрать командный состав отряда и, в первую очередь — командира.

— А что же тут думать, — прервал его Николай Соловьёв. — Вас надо избрать командиром.

Его поддержало сразу несколько голосов. У костра нарастал весёлый шум, партизаны забыли о готовом завтраке.

Поднятая кверху рука Николая Харитоновича установила тишину.

— Я не отказываюсь быть командиром, но считаю, что каждый из нас должен быть там, где он больше нужен. Я как местный житель, хорошо знающий местность, дороги, людей. Наибольшую пользу могу принести, возглавив разведку отряда. Командиром же я предлагаю избрать А. П. Черткова. Он один из первых в отряде, все вы его хорошо знаете, как смелого, выдержанного, хладнокровного в бою и расчётливого командира. Годами он молод, но знанием военного дела, своей любовью к Родине, ненавистью к фашистам он оправдывает наше доверие.

— Чертков достоин! — поддержали предложение десятки партизан.

— Единогласно! — подытожил лейтенант И. М. Терешенков. — Итак, Алексей Петрович, бери бразды правления в свои руки и предлагай остальных руководителей отряда.

Алексей Петрович не ожидал такого оборота дела. Он встал и тихо сказал:

— Спасибо, друзья, постараюсь оправдать, — а затем добавил, — клянусь высоко держать честь советского патриота, до последней капли крови мстить врагу. В нашем отряде один политработник Красной Армии — младший политрук Ф. А. Беляев. Он коммунист. Фёдор Александрович, находясь в окружении, не пал духом, вёл себя как подобает командиру Красной Армии. Он сохранил свой партийный билет. Поэтому,

думаю, что комиссаром он достоин быть. Поскольку нет возражений, чтобы разведку возглавлял Николай Харитонович, я просил бы его быть и моим первым помощником.

Долго в этот день продолжалась организационная перестройка: создавались взводы, отделения, определялись их задачи на ближайшее время. Командирами взводов стали офицеры Орлов, Соловьёв, Терешенков.

Терешенков Иван Михайлович

Командир 112-го

Алексей Петрович Чертков, в общем-то, был малоразговорчивым человеком. Он редко делился воспоминаниями. Бойцы, воевавшие с ним вместе, жившие бок о бок с ним в одной землянке мало что знали о его прошлом. И только спустя много лет после войны удалось узнать некоторые подробности о его жизни.

Он родился в сентябре 1920 г. в небольшой курской деревеньке Жадино в семье рабочего.

Детство! Милая беззаботная пора, с её малыыми радостями, победами и огорчениями. Несмотря на тяжёлые послевоенные годы, таким оно было и у Лёни. Нет обуви — ну и что же! Можно с друзьями гонять тряпичный мяч и босиком. А сколько интересного на лугу, в лесу! Всё интересовало малыша,

езде он находил себе занятие. Голодно — ну и что же? Сколько вкусных кореньев имеют растения, а ягоды в лесу!

С ранних лет Лёня учился самостоятельности. И читать научился без чьей-либо помощи. В шесть лет пришла первая победа — учитель местной школы согласился взять мальчику в первый класс.

Родители ожидали, что малышу скоро надоест учение и он бросит школу, но не тут то было. Лёня стал очень прилежным учеником.

А. П. Чертков, фото 1939 г.

Родители А. П. Черткова

Семья к тому времени выросла — появился третий ребенок, а зарабатывали только двое: отец и старшая сестра. Все деньги уходили на продукты и всё же семья часто голодала. Всё свободное от учёбы время Лёня проводил на речке Сейм. Какой радостью горели глаза мальчика, когда рыбная ловля удавалась и он возвращался домой с уловом. Старшие уважали его за ловкость, терпеливость, называли кормильцем. Это было для него высшей похвалой. С детства постигал он истину, что трудом славен человек.

Из воспоминаний сестры А. П. Черткова — Веры Петровны: «Лёня окончил восемь классов. В школе учился на хорошо и отлично. Был жизнерадостным, находчивым, аккуратным. Активно участвовал в художественной самодеятельности. Любил помогать отстающим ученикам и опекал их до тех пор, пока они во всём основательно не разбирались.

Мама часто спрашивала его: «Лёня, ты что в школе так долго был?» А он в ответ: «Девочкам, которые отстают, помогал». Мама хвалила его за то, что помогает слабым.

Родители наши жили дружно, любили друг друга всю жизнь, были примером для окружающих. Часто можно было слышать: «Учитесь у Чертковых, берите пример с Чертковых!» Многие, у кого в семье были неувязки, просили папу помочь, поговорить с мужем-пьяницей или непутёвым сыном.

И папа шёл, говорил вежливо, урезонивал — многим шло на пользу».

Сестра А. П. Черткова Вера, фото 1946 г.

Участвуя в самодеятельности, Лёня полюбил музыку, научился играть на гитаре.

В мечтах он часто видел себя лётчиком, представлял, как парит в небесах вместе с птицами, а в жизни получил самую земную специальность — стал зоотехником.

Добросовестностью отличался он и на работе.

Родителям приятно было слышать похвалы директора совхоза о работе сына.

Росли дети, как птенцы, вылетали из родного гнезда, становились рядовыми пятилеток. А над миром уже полыхали военные грозы. Испания, Халхин-Гол, война с Финляндией...

Разве мог Алексей с его неутомимой натурой равнодушно взирать на это? Многие парни осаждали в ту пору военкоматы — примите, отправьте в бой! Среди них был и Алексей Чертков.

Но не стал он военным лётчиком, не пришлось ему обстреливать с неба врагов — военкомат направил его в Калининвичское пулемётное училище.

И письма домой: «Учусь хорошо и отлично!»

А громы всё ближе!

Война захватила уже всю Европу. Фашизм пододвинулся к Советским границам.

15 июня 1941 года командование поздравило молодых лейтенантов с успешным окончанием училища. Алексей Петрович Чертков получил назначение на западную границу под Брест.

22 июня 1941 года родные получили от него последнее письмо.

А. П. Чертков, фото 1941 г.

Первый эшелон

Шли последние дни апреля, забывалась суровая зима 1941–1942 гг. Погода стояла после прошедших кратковременных дождей на радость солнечная и тёплая. Зазеленели луга и леса, расцвели подснежники, кругом стоял неутомный щебет птиц. На полях крестьяне начали весенние работы. Всё это создавало видимость тихой и спокойной жизни.

Трудно было представить, что в Пинских болотах, на стыке Ивацевичского, Берёзовского и Дрогичинского районов, в расположении урочища «Сова» на одном из небольших островков, окружённом со стороны ближайших деревень непроходимыми болотными топиями, дислоцировался партизанский отряд № 112.

Вечер. На полянке у костра собрался почти весь партизанский отряд. Речь шла о том, как лучше отметить пролетарский праздник 1 мая.

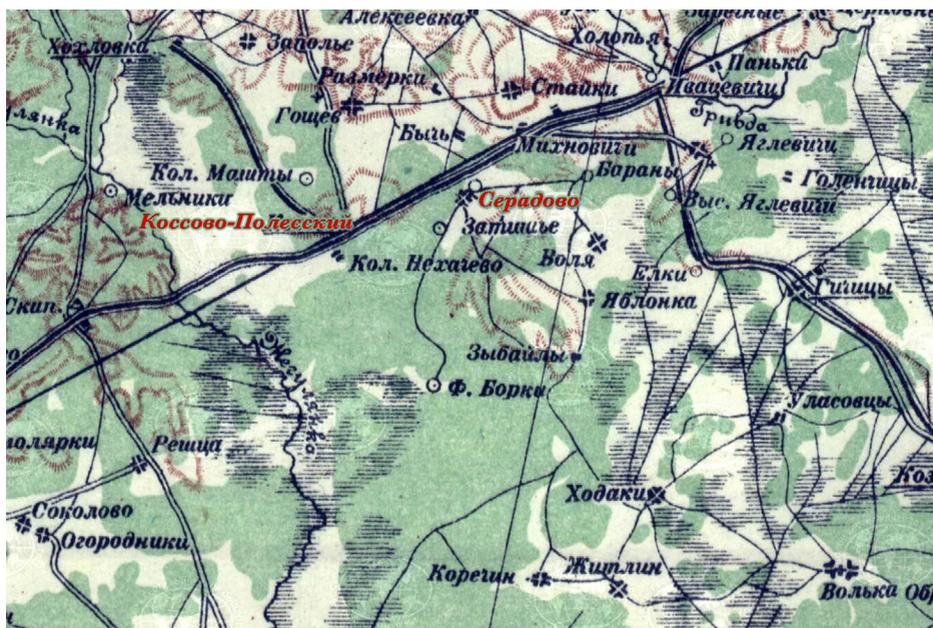
Отряд уже провёл несколько боевых операций, но в честь праздника всем хотелось нанести более ощутимый удар по врагу.

Беседу вёл Николай Харитонович Колтун, начальник разведки отряда, старый коммунист, прошедший суровую школу подпольной работы и тюрем белопанской Польши.

Предложений было несколько, но наиболее подходящим всем показалось предложение Алексея Петровича Черткова спустить под откос вражеский эшелон.

Это была заманчивая, но в то же время очень трудная задача, так как в отряде совсем не было взрывчатки. Сошлись на одном: сделать подкоп железнодорожного полотна.

Прошло два дня. С разведки вернулись Николай Лысенко и Константин Васин. Более суток они вели наблюдение за дви-

жением поездов и охраной железной дороги Брест — Москва у станции Коссово-Полесский, изучали передвижения немцев и полиции из близлежащих гарнизонов.

Побывали разведчики и в деревне Серадово у связного Григория Ивановича Шияна. Он подтвердил их выводы, что гитлеровцы, чувствуя безнаказанность, охрану железной дороги заставляют нести местных жителей из окружающих деревень и только периодически сами их проверяют.

Было также установлено, что движение здесь очень интенсивное, поезда следуют через 15–20 минут и на большой скорости. Во многих местах к железнодорожному полотну вплотную подходит лес.

На основе всех этих данных командование отряда разработало детальный план предстоящей операции.

В ночь на первое мая отряд в полном составе снялся с места. Лесными и просёлочными дорогами, минуя деревни, где стояли небольшие вражеские гарнизоны, партизаны, сделав семнадцатикилометровый переход, к часу ночи вышли на опушку леса

у деревни Серадово. Кругом стояла тишина. Нервное напряжение сказывалось на поведении идущих на задание: усталости не чувствовалось, говорить не хотелось, никто не курил. Лишь глухо шептались деревья, заглушая шаги партизан.

Когда до железной дороги оставалось около трёх километров сделали привал, ожидая подхода связных-проводников Александра Слесарчика, Григория Шияна и Николая Кота. Эти молодые сельские парни, рискуя жизнью, под носом у местной полиции сумели собрать у населения необходимое количество лопат и доставить их под покровом вечерних сумерек в установленное место в лес.

И вот всё готово к проведению операции. Осталось одно — обезопасить от расправы фашистов тех, кому выпало на долю этой ночью охранять железную дорогу, а также их семьи.

С большим мастерством выполнили эту задачу партизаны Иван Печенко и Феофан Ткаченко. Незаметно подкравшись к двум сидящим и мирно беседующим охранникам, партизаны, связав им руки и заткнув тряпкой рты, отвели их от железной дороги и привязали к дереву с тем расчётом, что после диверсии их легко обнаружат.

Отряд подошёл на 40–50 метров к полотну железной дороги. Осмотрев местность Алексей Петрович Чертков мысленно похвалил разведчиков: «Молодцы, ребята. Удачное выбрали место, есть уклон, хороший подход».

Пропустив очередной эшелон, двигавшейся в сторону фронта, сорок четыре партизана, а среди них одна единственная женщина — Мария Григорьевна Свергун — бросились к полотну и дружно заработали лопатами. Задание — каждому подкопать не менее трёх шпал. Копали все: командиры, партизаны, связные-проводники. Задание было выполнено в считанные минуты. Было подкопано около 70 метров полотна.

Со стороны станции Коссово-Полесский послышался гудок паровоза.

Время отходить — через несколько минут покажется поезд. Отряд отошёл к лесу. Было хорошо видно, как всё ближе и ближе, прорезая ночную темноту, подплывают огни состава. На уклоне его скорость заметно возросла. А затем всё происходило, как на замедленных кадрах кино: вот паровоз наклоняется в правую сторону, валится под откос, увлекая за собой вагоны. Скрежет, лязг, шипение пара, крики фашистов нарушили ночную тишину.

Ликование наполнило сердца партизан. Под откос полетели паровоз и восемь вагонов с техникой и живой силой противника. Это был первый вражеский эшелон, спущенный под откос отрядом № 112.

А гитлеровцы были настолько ошеломлены дерзостью партизан и растеряны, что даже не посмели преследовать уходящий отряд. Только утром, согнав с окружающих деревень местных жителей, начали они расчистку и ремонт железной дороги.

А наше торжество было ещё большим, когда от связных мы узнали, что весь день 1 мая на этом участке железной дороги не шли поезда в сторону фронта.

Гостиный двор Нехачево, фото 2016 г.

Один день

Лето 1942 года не принесло облегчения для нашей Родины. Фашисты стояли у стен Сталинграда, прорвались на Кавказ. Советские люди напрягали все силы, чтобы разгромить ненавистного врага. Красноармейцы, бежавшие из плена или просто окруженцы, зимой скрывавшиеся по деревням и хуторам, с наступлением тепла один за другим потянулись в лес, влились в партизанские отряды. Не сиделось дома и местной молодежи.

Выросла численно группа Беринчика, старого песковского коммуниста, вместе с семьей ушедшего в первые месяцы войны в Пинские болота. То здесь, то там появлялся молодёжный отряд Женьки Макаревича. Заговорили об отрядах имени Димитрова, имени Ворошилова, имени Щорса, имени Калинина и других. Более двух тысяч бойцов сражалось уже в партизанских отрядах Брестчины.

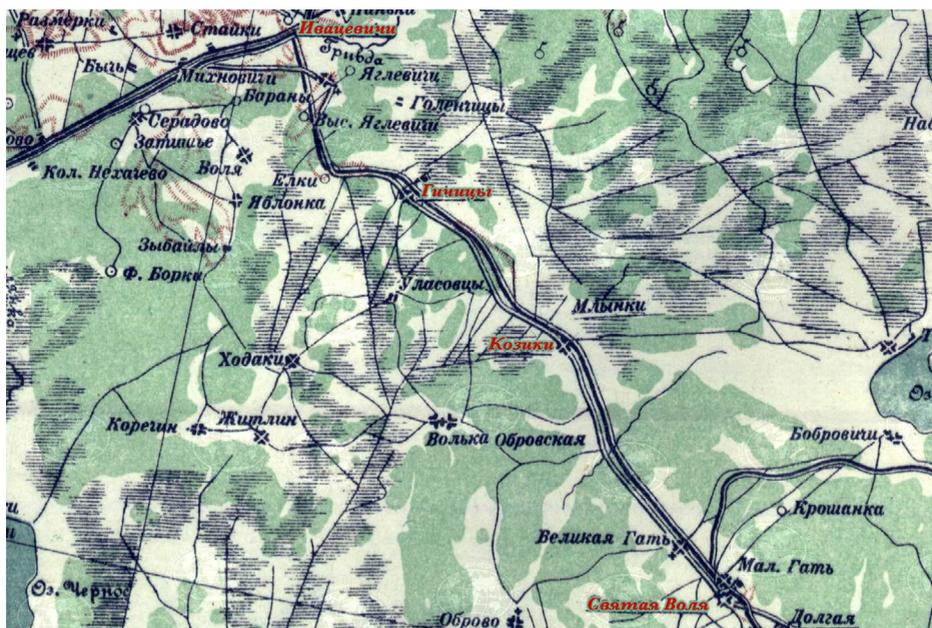
Окреп и отряд № 112. К августу в нём было уже 140 человек. Была налажена надежная связь с местным населением. Партизанские связные проникали на службу в немецкие организации, входили в доверие к гитлеровцам, по крупице собирали данные, интересующие наше командование.

Одним из таких связных был Марк Лишко из деревни Козики Ивацевичского района. Этот черноволосый коренастый человек испытал всю тяжесть бедняцкой жизни. Добродушный, общительный характер сделал его своим человеком в деревне. Без стеснения заходил он в любой дом, всегда был готов оказать посильную помощь соседям. Когда пришли фашисты, Марк заметно изменился. В короткий срок за ним закрепилась слава любителя выпить. Это помогло ему сблизиться с полицейскими,

а при случае даже поспорить с самим комендантом. Односельчане удивлялись, что всё ему сходило с рук, а с некоторых пор стали считать, что Марк и комендант — «два сапога — пара». А он, выведав у полицейских их намерения на ближайшее время, спешил в отряд с очередным донесением.

В ночь на 12 августа командир отряда Алексей Чертков получил от него сведения, что на следующий день на перегоне узкоколейной железной дороги между деревнями Гичицы и Козики в урочище «Целина» немцы поставят под погрузку заготовленных в лесу шпал поезда. Грузить их будут согнанные из окрестных деревень крестьяне. Охрана предполагается небольшая. И ещё сообщил Лишко, что в этот же день большинства полицейских в деревнях не будет, так как их вызывают в гарнизон деревни Святая Воля.

Узкоколейка тянулась на десятки километров от станции Ивацевичи в глубь Пинских болот, где базировались партизанские отряды и проходили партизанские тропы. Она связывала между собой крупные военные гарнизоны в Ивацевичах, Святой

Воле, Телеханах и Иванове, помогала фашистам оперативно действовать независимо от времени года и погоды и этим приносила народным мстителям немало неприятностей. Гитлеровцы использовали дорогу и для вывоза награбленного добра, а также заготовленного в лесу строительного материала. Поэтому сообщение связного заинтересовало командование отряда.

Появилась реальная возможность захватить поездок и с его помощью разгромить полицейский участок в деревне Козики. Изучив донесение, командование приняло решение выступить на разгром полицейского участка.

На рассвете отряд вышел к назначенному месту. Вплотную к узкоколейке подходил сосновый лес. Вершин стройных сосен уже коснулись первые лучи солнца, и они заискрились всеми цветами радуги. А внизу всё ещё стоял полумрак, смешанный с белесыми хлопьями оседающего тумана. Было тихо, еловый лес словно онемел, очарованный восходящим солнцем.

Выставив наблюдение, партизаны укрылись. К 8-ми часам к месту погрузки стали подходить крестьяне.

Со стороны Ивацевичей прибыл поезд. Его сопровождали всего два полица. Не вызвав подозрения, партизаны Прокофий Рекунов, Иван Довыборный и Павел Андрияшко смешались с толпой грузчиков. Без шума снята охрана.

По приказу командира отряд в несколько минут разместился на платформах состава. Рядом с машинистом занял место партизан Алексей Плаксин. Он ждёт сигнала командира.

А в это время разведчики Николая Харитоновича Колтуна дружно работали на телефонной линии.

С поразительной быстротой партизаны отделения Петра Гаврилова развинтили и сняли шесть железнодорожных рельсов, чем предотвратили возможность преследования со стороны Ивацевичей. Услышав гудок паровоза, дежурный по станции Козики Александр Осипик подумал: «Наверное, опять некому грузить, снова полицаи выгонят всех старых и малых, они же

ни с чем не считаются». С этими мыслями он открыл дверь дежурной комнаты, вышел за порог и замер от неожиданности — к станции бежали партизаны.

Оттолкнув оторопевшего старика, они вскочили в дежурную комнату, в которой сидел полицейский. Навстречу грянул выстрел. С головы Плаксина слетела фуражка, и в тот же миг рухнул, как подкошенный, полицейский, сражённый Николаем Пытляком.

Яростная перестрелка возникла у полицейского участка и кончилась так же внезапно, как и началась. Убито шесть полицеев, вспыхнуло как факел здание участка.

Захватив оружие, боеприпасы и обмундирование, партизаны отходили к составу. Но что это? К станции приближался другой поезд. Отряд в несколько минут развернулся в боевой порядок, чтобы достойно встретить гитлеровцев. Партизаны лежали, едва сдерживая готовую прорваться ненависть, но излить её было не на ком.

Поезд подошёл и остановился. Стало ясно, что немцев там нет.

Захватив без сопротивления второй состав, острословы шутили: «Дескать, кто-то из немцев неплохо помогает партизанам, прислав добровольно на уничтожение ещё один поезд».

В коротком бою не нашел полного выхода боевой порыв, охвативший бойцов. Победа казалась незначительной, каждому хотелось большего. А впереди был Святовольский фашистский гарнизон. Среди партизан возник клич: «Давай Святую!»

Это было настолько неожиданно, что командир не нашёл сразу ответа. Поэтому, отойдя несколько в сторону, он решал, что делать.

В Святой Воле большой хорошо вооружённый гарнизон. По данным разведки, в нём было более пятидесяти человек. Плюс, зачем-то вызванные из окружающих деревень полицейские. Подступы к гарнизону открытые. В любое время может

подойти подкрепление из города Телеханы. Наступать среди бела дня партизанам ещё не приходилось.

Всё это тревожило командира и ставило под сомнение успех операции. Но если учесть быстроту передвижения на поездах, порванную связь и внезапность нападения, то успеха можно добиться.

Через несколько минут вокруг командира собрались комиссар отряда Фёдор Александрович Беляев, начальник разведки Николай Харитонович Колтун, начальник штаба Василий Михайлович Монахов, командиры взводов Иван Михайлович Терешенков, Викторин Васильевич Лопатин, Николай Иванович Соловьёв. Единодушно было решено поддержать инициативу партизан и наступать!

В короткий срок задачи были определены, переоборудовали поезда. Имеющиеся на платформах шпалы переложили на правую сторону, чем создали видимость груженого состава и надёжно укрыли разместившихся на платформах партизан.

В это солнечное августовское утро гарнизон Святая Воля жил обыкновенной повседневной жизнью. Как и днём ранее, ровно в девять часов утра подал гудок лесозавод, на котором круглосуточно изготавливались железнодорожные шпалы, заработали мельница и смолокурный завод, открылись банк, аптека, магазины. Староста составлял списки, какому хозяйству и сколько предстоит отвезти и сдать фашистам зерна, картофеля, мяса и другой сельскохозяйственной продукции. Окончив утренние домашние работы по хозяйству, женщины с подростками, а то и целыми семьями уходили на свои земельные полоски убирать созревшую рожь.

Разными дорогами, в одиночку и группами, на повозках и велосипедах спешили в гарнизон вызванные полицейские.

Комендант гарнизона тучный, как откормленный боров, гитлеровец с диким свирепым взглядом был доволен и этим прекрасным солнечным утром, и дисциплинированностью поли-

цейских, и часовым, который сидел на вышке и вёл наблюдение за окрестностью, и главное тем, что за проведение карательных операций против партизан он представлен к награде.

«Как хорошо,» — мечтал он, — «когда ты повелеваешь, когда твоё слово заставляет приходить в ужас и дрожать сотни вот этих «полудикаких» русских, когда от тебя зависит их существование и жизни».

«А эти,» — комендант посмотрел в сторону, где разместились прибывшие полицейские, — «с этих... я выжму всё, я заставлю их без ропота и колебаний выполнять волю фюрера, наводить новый немецкий порядок».

Фашист, размечтавшись о награде, отпуске, встрече с семьёй, не мог допустить мысли, что в это время партизаны разгромили полицейский участок в деревне Козики, что расплата за совершенные им злодеяния близка, она приближается на всех парах.

В это время на первом поезде, двигавшемся на предельной скорости, командир группы Сергей Демьянович Орлов ещё раз уточнял действия каждого партизана. Им предстояло без остановки проскочить железнодорожную станцию Святая Воля на два — два с половиной километра вперёд, уничтожить телефонную связь с гарнизоном в Телеханах, разобрать рельсы, занять оборону и готовиться к бою на случай прибытия подкрепления из Телехан. Партизаны чувствовали себя уверенно. Их надёжно прикрывала стена из шпал. В оставленные щели были видны промелькнувшие разводные стрелки и станционные здания.

В комендатуре, расположенной в двухстах метрах от железнодорожной станции, с немецкой пунктуальностью начались занятия. Но вялый вид и дремота полицейских взбесили коменданта, и он приказал выгнать их во двор и заняться физподготовкой. Составленное в «козлы» оружие и аккуратно сложенное обмундирование осталось у здания комендатуры.

Дежурный по станции Святая Воля, немецкий ставленник Михаил Гобрин, выбежал на перрон встречать неожиданный поезд.

Он поднял красный флажок, требуя остановки, но машинист, словно не замечая сигнала, миновал станцию и ушёл вперед.

«Что за произвол!? Такого ещё не бывало на дороге!» — возмутился Гобрик.

Он быстро повернулся и хотел бежать на станцию к телефону, чтобы сообщить в Телаханы о безумном самоуправстве, но в это время заметил, что на всех парах к станции мчится второй поезд. Не понимая, что происходит, в полной растерянности, с поднятым флажком, он, как загипнотизированный, замер на перроне. На этот раз поезд, подходя к станции, замедлил ход. Не ожидая остановки, с него начали соскакивать какие-то вооружённые люди. Пригибаясь к земле, маскируясь у строений и заборов, они перебежками устремились к зданию комендатуры. Гобрик понял — партизаны! Он бросился к телефону, но было уже поздно. Напрасно крутил он ручку телефонного аппарата и кричал в трубку. Группа Орлова успешно выполнила задание — связь не работала.

Приближавшийся поезд хорошо было видно и с площади, где занимались полицаи. Но это было обычным явлением, ведь ежедневно на станцию приходили и уходили поезда, а на то, что этот движется не по расписанию, никто не обратил никакого внимания.

Громкое УРА! и интенсивная оружейная стрельба потрясли окрестности деревни. Атака партизан была настолько внезапной и стремительной, что в одно мгновение два взвода В. Лопатина и И. Терешенко достигли комендатуры.

Шквал огня обрушился на фашистов. Раздетые полицаи заматались по площади. Одни кинулись к оружию, но упали сражённые, другие в страхе разбежались в разные стороны. Коменданта гарнизона, убежавшего с группой фашистов в сторону Телехан, уничтожили бойцы Сергея Орлова. Стрельба то стихала, то разгоралась с новой силой: это партизаны вылавливали попрятавшихся фашистов. Их вытаскивали из подвалов, сараев

и даже старых картофельных ям. Уйти удалось немногим, возмездие настигло десятки полицаев.

Ярый прислужник фашистов по кличке Маёрчик, завоевавший славу палача, полицай из деревни Вулька Обровская, вскочил в аптеку и натянул халат, встал за стойку с аптечными товарами, но дрожащие руки и высунувшиеся из под халата голые ноги выдали. Суд был короткий и правый.

Группа партизан под командованием И. Соловьёва в это время захватила лесозавод, где скопилось большое количество лесоматериала и готовых к отправке шпал. Запылал гигантский костёр, густой чёрный дым стал медленно расползаться по окрестностям. Как бы в ответ вспыхнули смолзавод и комендатура. Зловещее зарево затмило солнце.

Разгромив гарнизоны, партизаны захватили десятки единиц боевого оружия, сотни гранат, до десяти тысяч патронов, в банке — сотни тысяч денег в рублях и немецких марках. Пополнили запасы продовольствия, одежды и так необходимых медикаментов. Трофеи грузились на платформы и по условному сигналу поезда ушли в лес.

Разгрузив поезда, и подобрав подходящее место, составы разогнали и пустили навстречу друг другу. Салютом операции прозвучали взрывы котлов столкнувшихся паровозов. Отряд с ликованием наблюдал, как исковерканные вагоны лезли один на другой, разворачивая путь и загромождая дорогу.

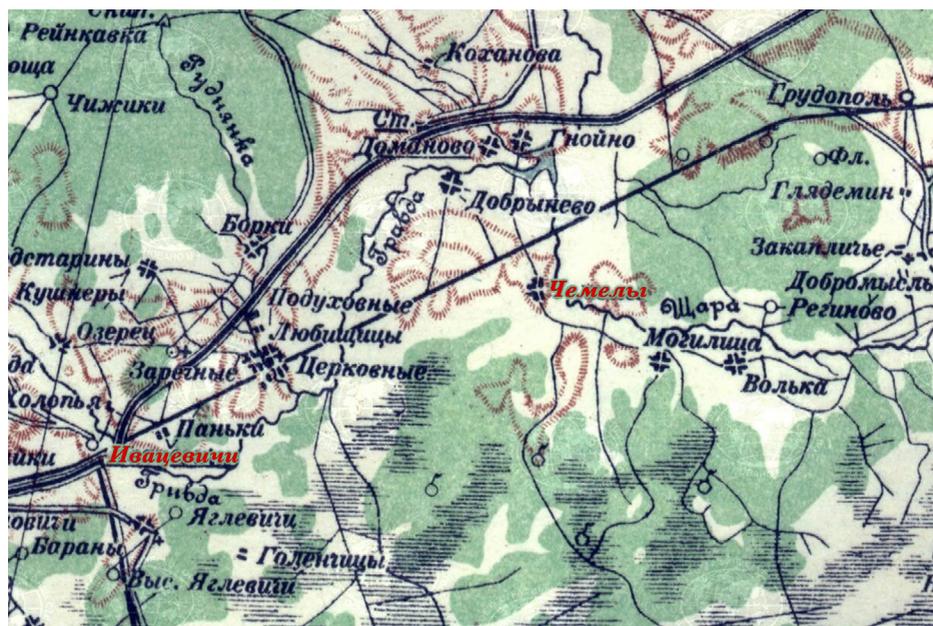
День был удачным, партизаны гордо, с большими трофеями, возвращались в лагерь.

В первую весну

112-й и другие партизанские отряды, несмотря на свою малочисленность и слабое вооружение, наносили чувствительные удары по фашистам, но с каждым днём становилось ясно, что разрозненным отрядам не под силу справиться с хорошо вооружёнными занимающими ключевые позиции немецкими гарнизонами.

Под осень 112-й и Щорсовский партизанские отряды провели первую совместную операцию.

Небольшое село Чемелы приткнулось на косогоре, ограниченном с одной стороны шоссе Брест — Минск, а с другой стороны рекой Щарой. Фашистский гарнизон этой деревни контролировал железнодорожный и шоссе́нный мосты

через р. Щару и как больной зуб торчал на пути перехода партизан из урочища «Волчьи Норы» в Пинские леса.

Договорились так: Щорсовцы берут гарнизонные помещения, прилегающие к населённому пункту, бойцы 112-го захватывают и уничтожают мост на шоссе.

Только начало темнеть, как партизаны начали штурм. Враг жестоко огрызался, но это только прибавляло злости наступающим. В окна казармы, откуда строчили пулемёты, полетели гранаты. Стрельба в деревне всполошила охрану моста. Фашисты, охраняющие мост, были в растерянности, не зная, что предпринять. Размышлять пришлось недолго, в ночных сумерках гитлеровцы увидели стремительный порыв цепи партизан, бегущих к мосту. Без боя охрана бросила мост и стала удирать в сторону Ивацевич.

На деревянный настил полетели сушняк лозы, солома, полился керосин. В считанные минуты вся подготовительная работа была окончена. Ещё передовой отряд преследовал убегающих фашистов, а мост уже окутался клубами дыма.

Дорогой ценой досталась победа народным мстителям. Пятнадцать бойцов из отряда им. Щорса пали смертью героев, но поставленная задача была выполнена. Перестал существовать чемеловский военный гарнизон, надолго был выведен из строя почти стометровый мост через Щару.

Не успела стихнуть в народе молва о разгроме фашистов в Чемелах, как вновь объединившись партизаны отрядов им. Щорса и им. Димитрова разгромили немецкий гарнизон в тогдашнем районном центре городе Коссово. Почти неделю гордо развевался красный флаг над центральной площадью города, почти неделю бессильны были фашисты сломить сопротивление народных мстителей.

Незадолго до этих событий на берегу Короченского озера встретились два деревенских парня Кулинич Иван и Кулинич Леон с А. П. Чертковым и Н. Х. Колтуном.

Вечерние сумерки создавали впечатление, что люди попали в заколдованный мир, листья на деревьях в призрачном колеблющемся свете умирающего дня казались сделанными рукой искусного мастера. Возникшее сказочное впечатление дополнял хлопьями наплывающий с озера сырой туман.

Безмолвие прервал тихий всплеск разыгравшегося караса, жирующего в спокойной воде. И эта тишина и запах луговых трав и цветов, и первые звезды, появившиеся на небосклоне, ничем не напоминали, что где-то за сотни километров отсюда бушует огненный шквал войны.

Алексей Петрович вспомнил, как в последнее предвесеннее лето, будучи в отпуске, он бродил до темноты по подмосковному лесу и его поражала вот такая же сказочная красота природы. Не мог он представить её поруганной, потоптанной.

«Нет!» — думал он, — «Природа выстоит, как выстояли советские люди. А ведь они устояли, не только устояли перед фашистской лавиной, но и отбросили врага на несколько сот километров назад на запад».

А вслух только и сказал: — Красотища-то какая, а?

Собравшиеся уже успели расположиться на небольшой песчаной бровке, и с вниманием смотрели на Черткова.

— Друзья мои! Мы пригласили вас, конечно, не природой любоваться. У нас есть очень серьёзный разговор. Нам стало известно, что в городе Коссове заместителем коменданта полиции назначен Николай Клютко, ваш односельчанин и бывший дружок. Мы с Николаем Харитоновичем рассуждали о нём, какие причины могут быть у него, чтобы мстить Советской власти? Нет таких причин. Вы знаете, что родился он в самой бедняцкой семье, где хлеба досыта никогда не ели и жизнь увидели только с приходом Советской власти. Что он нашёл в полиции? Не вам объяснять, как иногда оказываются люди в полиции. О подлецах нет и разговора. Но в полицию, или как ещё говорят в самоохову, попала часть людей и случайно — одни

по молодости — дурости, других заставили силой. Возьмем, к примеру, житлинского Прокопа Савчука. Он и винтовку-то носить стесняется, а если завтра нагрянут гитлеровцы и люди подадутся в леса, то и он уйдет вместе с ними и оружие, полученное в полиции, принесет с собой. Не мешало бы прощупать, чем дышит и Н. Клютко. Если людской кровью руки запятнать не успел, не мешало бы приобщить его к нашей борьбе, а если...?

Чертков не договорил, но всем было ясно, что предателям, обогревшим руки кровью советских людей, пощады нет и быть не может.

Минутное молчание прервал Н. Колтун: — Кому как не вам, бывшим его дружкам, лучше всего выведать, чем дышит новый заместитель коменданта. Хотелось бы вернуть его в наши ряды и использовать против гитлеровцев. Ну, а если такой возможности не представится, то неплохо собрать данные о численности и вооружении гарнизона.

С уважением слушали хлопцы старших товарищей. Когда замолчал начальник разведки, Иван Кулинич тихо спросил: — Как я понял, нам предлагается в ближайшее время пойти в г. Коссово и встретиться с Н. Клютко?

— Ты прав, Ваня! — обнял его за плечи Николай Харитонович, — мы верим вам и ожидаем от вас хороших результатов.

Несколько дней спустя два молодых деревенских парня бодро шагали лесными тропами в сторону райцентра. Пройти два десятка километров не было для них затруднением. День стал клониться к вечеру, когда они добрались до окраины Коссово. Небольшой городок с одноэтажными домами, утопающими в зелени садов, встретил их безлюдьем. Они не были в нём с начала войны и были поражены каким-то запустением. У многих домов окна были закрыты ставнями или забиты досками, а двери давно не открывались и успели зарости бурьяном. Но изредка показывался прохожий или гроыхая по булыжной мостовой проезжала повозка.

Почти у центра навстречу попались два велосипедиста. Нарукавная повязка и винтовки, закинутые за спину, выдавали стражей порядка. Полицаи ехали медленно, о чём-то переговаривались. Поравнявшись с парнями, пристально их оглядели, но ничего не сказали.

В центре у здания немецкой администрации было болеелюдно. Взад и вперед прогуливались самодовольные служаки нового порядка, у здания полиции стоял часовой, а рядом со зданием сидело около десятка гражданских лиц, в основном преклонного возраста, с безразличной усталостью на лицах.

Кулинич Иван Александрович (5-й слева), 30 сентября 1936 г.

Беспрепятственно хлопцы вошли в полицейское здание и спросили, где найти им заместителя коменданта. Услышав фамилию начальника, дежурный, сидящий за столом с отделённой перегородкой, подозвал проходившего по коридору полицаю и велел проводить их до кабинета.

Попали они в просторную комнату с массивным двухтумбовым столом, на котором лежал ворох бумаг. У стола на тум-

бочке, покрытой зелёным бархатом, стоял графин с хлебным квасом. Над столом в золотистой багетовой рамке висел портрет бесноватого фюрера.

Восторженно встретил старых дружков Клютко, предложил садиться. Но начавшейся беседе помешал звонок телефона. Разговор был краток, но по лицу хозяина было видно, что неприятен ему. Стараясь это скрыть под натянутой улыбкой, он попросил друзей немного подождать и вышел из комнаты.

Вернулся он минут через пятнадцать в приподнятом настроении: — Вот, что, друзья, сегодня я свободен и мы можем вместе «покутить» вечером, — заявил он, — Идёмте ко мне на квартиру. Здесь недалеко.

Жил он в трехкомнатном доме с верандой. Снаружи дом имел приятный ухоженный вид, но когда вошли внутрь, от приятного впечатления не осталось и следа. В комнатах не убрано, на полу грязь, окурки. Стол завален грязной посудой с остатками пищи, полупустые бутылки из-под самогона, осколки битых стаканов. Над ними словно рой пчелиный гудели мухи.

В открытую дверь спальни были видны две роскошные, расписанные узорами кровати с несвежим скомканным бельём.

— Вот... ушла и не убрала, — сквозь зубы процедил хозяин.

В чей адрес это было брошено, ребята могли только догадываться, но представить, что происходило в этом доме, было не так трудно. Стараясь рассеять неприятное ощущение, Иван в шутовском тоне сказал: — Да, сразу видна жизнь холостяка!

Эти слова ободрили Клютко и, оправдываясь занятостью работой, он принялся наводить порядок на столе. Скоро здесь стояли трёхлитровый глянк с самогоном, окорок, свежий янтарный мёд, яблоки и другая снедь. «Награбленное у крестьян,» — переглянувшись, решили ребята, знавшие, что у заместителя коменданта никакого хозяйства нет.

Выпили. Разговор сразу оживился. Неожиданно Клютко в упор спросил:

— Ну как там в деревне?

Иван несколько помедлил, посмотрел на Леона, как бы спрашивая совета о чём говорить, и ответил:

— Знаешь, если по правде, то плохо.

— В чём? — заинтересовался Клютко.

— Да во многом. С нашим умом и разобраться трудно. Днём власть ваша, а к вечеру партизанская, и так каждый день. Вот и угадай, чья возьмёт, с кем тебе по пути. Так мы и решили с Леоном прийти к тебе за советом. Ты — власть, тебе видней.

Лесть односельчан пришлась полицию по душе. Он стал ещё более щедр на угощение. Опустошая стакан за стаканом, хозяин быстро хмелел и уже не замечал, что гости, наполняя его стакан, сами поднимают одну и ту же чарку. Иван всё чаще переводил разговор на силу и вооружение партизан.

— Вот и вчера, — говорил он, — в деревню пришло человек двадцать, все с новенькими автоматами, ни одной царапинки, так и блестят, будто только с завода.

Говорил, а сам смотрел как будет реагировать Клютко. И тот не выдержал, громко презрительно рассмеялся:

— Сила... Вооружение! Подумаешь, нашли силу, несколько десятков бандитов в лесу прячутся. Где хваленая Красная Армия, где большевики? Удрали! Нет у них силы. Сила на нашей стороне, у армии фюрера. Вы посмотрите хотя бы на нас, полицию.

И пошёл хвалиться, что да где имеется у немцев и полиции.

— А совет вам один — идите в полицию, тогда вас никто не тронет.

— Нас-то, конечно, не тронут, — вступил в разговор Леон, соображая, как выкрутиться из создавшегося положения, — а что с родителями сделают? Ведь у партизан один закон — с предателями разговор краток.

— Никакой сложности здесь нет, — заплетающимся языком разъяснял Клютко непонятливым дружкам, — семьи забирайте сюда. Выкинем пару жидовских семей из домов и заживёте

лучше, чем в Корочине. А твоим партизанам, — уставился он мутными глазами на Леона, — скоро будет крышка.

— Почему моим? — обиженно проговорил Леон. — Они такие же мои, как и твои. Я за мать беспокоюсь, что с ней будет, если я останусь здесь, с вами.

Пытаясь убедить парней в силе немецкой власти и в целесообразности службы в полиции, Клютко всё больше и больше болтал лишнее. Так, доверительно, почти шёпотом и сообщил он друзьям, что два дня назад начальника вызывал шеф гестапо и велел быть готовым к активным действиям против партизан. Немецкое командование решило раз и навсегда разделаться с лесными жителями и теми, кто их поддерживает. В ближайшее время против партизан будут брошены воинские части с танками и пушками.

— Как гребенкой прочешут все леса, ни один не уйдёт.

Иван смотрел на говорившего и никак не мог узнать в нём голос того скромного деревенского парня и думал: «Кто год назад мог подумать, что в нём такое чёрствое сердце и подлая душа? Как презрительно говорит он обо всех, кто не с ним, и за людей-то не считает. Так, единицы, которых можно убить, ограбить, выгнать из дома. А какое самолюбование собой?» И уже в который раз закипала злость и появлялось желание уничтожить гада, но разум брал верх. Добытые сведения были куда ценнее, чем голова предателя.

На дворе давно была ночь. Несколько оставшихся часов отдохнули в этом доме. Утром, намекнув невыспавшемуся Клютко, что пойдут за родителями, они покинули райцентр.

А вечером на берегу озера связные докладывали командиру обо всём, что узнали. Их сведения подтверждались данными других источников.

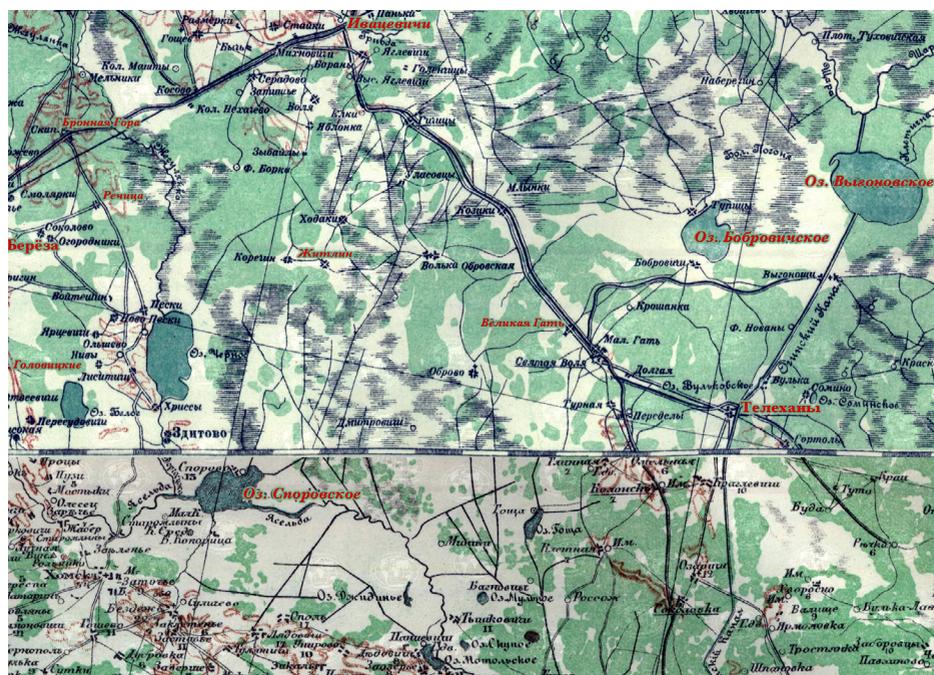
В скором будущем эти данные помогли партизанам в разгроме Коссовского гарнизона, дали возможность партизанским отрядам успешно выдержать фашистскую блокаду.

Дворец Пусловских в Коссово
фото 2016 г.

В тыл врага

В густом сосновом бору, на берегу озера стояло несколько одноэтажных деревянных домиков. В них уже около месяца жили люди, улетающие в тыл врага. Здесь они учились искусству борьбы в тылу, тщательно отработывали вопросы ведения разведки, изучали предполагаемый район приземления.

Кажется, всё готово к предстоящей операции. Скоро на аэродром. В комнате собрались трое: командир группы капитан И. Ф. Топкин, комиссар В. А. Цветков и заместитель командира старший лейтенант В. В. Алисейчик. Командир спокоен, он уверен в своих ребятах. В группу отобраны опытные,

обстрелянные солдаты, уже побывавшие в тылу фашистов. Такие не струсят, не растеряются.

Капитан развернул карту и вновь углубился в отмеченный простым карандашом треугольник, где через несколько часов придётся приземлиться.

На карте нанесены большие и малые просёлочные дороги, отдельные хутора, даже небольшие каналы, тропинки.

Треугольник — местность между Выгоновским, Бобровичским и Споровским озёрами. В окружении топких Полесских болот. Никто их там не ждёт. По сведениям разведки, в этих местах действуют партизаны, но постоянной связи с ними нет, точных сведений о противнике также нет. Значит, прыгать десантной группе придётся почти «вслепую».

И вот, сигнал сбора. Посадка на машины, и отряд в составе тридцати человек через улицы столицы направляется на аэродром.

Военная Москва, несмотря на суровость времени, была прекрасна. Проезжающие смотрели на проплывающий мимо город, ставший ещё более дорогим за эти несколько недель, что провели в нём после выхода из вражеского тыла, и мысленно прощались с ним. Они знали, что не всем выпадет счастье вернуться и увидеть мирную трудовую и праздничную столицу, но тем, что остались в живых, на всю жизнь запомнились дома с нарисованными на стенах деревьями, бегущие по улицам машины, раскрашенные причудливыми узорами бело-жёлто-зелёного цвета, пауки из белых полосок бумаги на окнах зданий, противотанковые ежи на обочинах улиц.

Вот машины обогнали шеренгу девушек в военной форме, которые несли аэростат заграждения, похожий на толстую колбасу, стремящуюся вырваться и улететь к облакам.

В скверах и парках заметны зенитные установки. Хоть фронт и отодвинулся от столицы, она продолжала жить напряжённой жизнью прифронтового города. То здесь, то там, на фоне

вечернего неба стали подниматься вверх над крышами домов аэростаты. И казалось, будто само небо закрывает утихающий город причудливым, бугристым одеялом от надвигающейся ночной темноты.

Вот и аэродром. Самолёты стоят на старте. Последняя проверка, подготовка снаряжения и обмундирования. Люди, нагруженные автоматами, гранатами, запасами продовольствия, с парашютами за спиной в сумерках казались какими-то неземными фантастическими существами.

Ожидание томило. Чтобы ускорить его майор Ищук, которого в отряде все называли Батей за седую, торчащую клином бородку, попросил Николая Пожарицкого спеть песню. Коля запел любимую всеми «В далёкий край товарищ улетает». Тихо звучала грустная мелодия и, казалось, что слова песни вырываются из слившихся воедино сердец людей, окружающих певца. Но команда: «По самолётам!» оборвала песню.

Один за другим военно-транспортные самолёты, не зажигая огней, поднялись в воздух и взяли курс на запад, в сторону фронта. Специальная разведгруппа Красной Армии под командованием капитана Топкина вылетела на выполнение специального задания в глубокий тыл врага.

В то время в месте предполагаемой высадки десантников происходили тревожные события. Партизанский отряд № 112, расположенный в этой зоне, уже более десяти дней, маневрируя на лесных и болотных дорогах, вёл ожесточённые бои с карателями. На железнодорожных станциях Лесная, Ивацевичи, Берёза-Картузская, Иваново и других разгружались воинские эшелоны.

С фронта прибывали всё новые части фашистов. Получили пополнение гарнизоны. На развилках дорог, ведущих к лесу, появились немецкие пулемётные посты. Начались массовые аресты мирного населения. Становилось ясно, что фашисты

собираются провести уже давно обещанную в листовках очистку лесов и таким образом покончить с партизанами.

С каждым днём сужалось и становилось плотнее кольцо вокруг отряда. В этой сложной обстановке командование решало, как быть дальше. Принять бой с вооруженными до зубов частями фашистов не позволяли сравнительно малые силы отряда и слабое вооружение. Уйти, оставив беззащитным население в партизанской зоне, не позволял долг.

После детального изучения разных вариантов было решено отойти в глубь болот на запасную базу и отвести туда же семьи партизан.

Прошло несколько недель. С разных направлений гитлеровцы продвигались в глубину леса, а из отряда на задание уходили группы по три — пять человек, возглавляемые опытными командирами. Малочисленные группы тайком просачивались через фашистское окружение, наносили молниеносные удары с тыла и опять скрывались в чаще родного леса.

Для партизан лес был действительно родным, там им был знаком каждый куст, каждое дерево. Немцы, привыкшие к чистым парковым лесам, в болотистом, густо заросшем кустарником белорусском лесу ориентировались очень плохо, часто сбивались с дороги, по несколько часов кружили на одном месте. Не один раз удалось малочисленной группе партизан своей внезапностью столкнуть немецкие подразделения друг с другом, самым исчезнув буквально из-под носа. И тогда долго по лесу разносилась яростная перестрелка фашистов.

Изучив тактику немцев, что возвращаются их подразделения только по ранее ими пройденной дороге, группы партизанских вожakov Сергея Орлова, Николая Колтуна и Ивана Терешенкова умело расставляли мины, на которых взлетали в воздух солдаты и техника противника.

А дни всё шли, август сменился сентябрём. С каждым днём становилось всё труднее, кончалось продовольствие, иссекали

боеприпасы. Партизаны избрали наиболее выгодный метод борьбы с карателями — засады. Заминировав дорогу и обстреляв фашистов, они быстро ускользали от возмездия.

Эти действия изматывали силы врага. Вскоре фашисты поняли бесполезность своих усилий и начали отходить из партизанской зоны.

В день высадки десантников большинство лесов было свободно от гитлеровцев. Это помогло группе Топкина незаметно приземлиться в заболоченном лесу возле деревни Великая Гать, что между Ивацевичами и Телеханами. Через два дня была сброшена оставшаяся часть десантников, запасы оружия, взрывчатки, продовольствие и одежда.

Может показаться, что операция высадки проходила очень просто. Прилетели, прыгнули, приземлились, и всё тихо, спокойно. На самом деле, всё было намного сложнее. Представьте себе необычное нервное напряжение людей, летящих в неизвестность. Внизу глубокая чёрная бездна. Кто в ней: враг, друг? Но задание выполнить надо...

Вспышка карманного фонарика. Это сигнал сбора. На зелёный огонёк с разных сторон начали подходить десантники. Короткий приказ: собрать груз, парашюты и отойти в темнеющую дубраву. Осмотревшись в темноте, поняли, что нет лейтенанта Донина.

Поиски ничего не дали. И только в последствии удалось установить, что он погиб в момент приземления.

Рассвет не заставил себя ждать. Работали быстро, слаженно. Для штаба, радистов и хранения боеприпасов в гуще леса было расставлено несколько палаток. Началась новая жизнь, новая борьба в глубоком тылу врага.

После краткого отдыха десантники приступили к действию. Две группы под командованием Ивана Губанкова и Петра Першина были отправлены к магистрали Брест — Москва с заданием

пустить под откос эшелон. На установление связи и выяснение обстановки отправились группы Александра Мирского, Михаила Кузнецова и заместитель командира Василий Алисейчик.

Время близилось к полудню, когда старший лейтенант Алисейчик, одетый в новый гражданский костюм, вышел к деревне. Укрывшись в придорожных кустах, он ещё раз тщательно рассмотрел карту.

Сомнений быть не могло — он вышел к цели — деревне Житлин. Деревня глухая, окруженная лесами. Понаблюдав, Василий понял, что немцев в деревне нет. Спокойно спрятал карту в карман.

Появление нового человека в деревне вызвало интерес у жителей. Он объяснил встречным, что приехал из района по делам работы школы, организации учёбы детей. Затем попросил провести его к старосте.

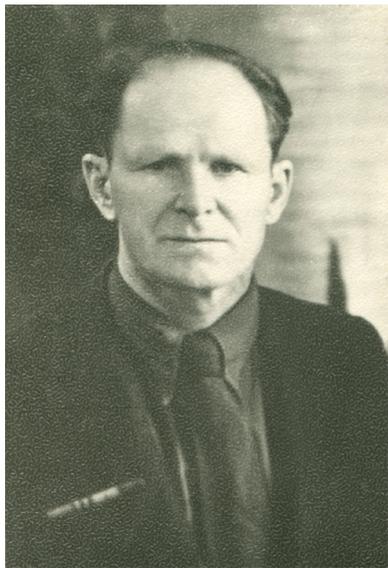
Партизанский связной, бывший до войны учителем местной школы, Николай Никифорович Савчук, живший по соседству со старостой, сразу смекнул, в чём тут дело. Какая учёба, если вокруг война, школа не работает? О заботе фашистов о наших детях не может быть и речи. Значит, кто он? Шпион? Переодетый полицейай?

Староста неспеша рассмотрел документы прибывшего. Пригласил в гости к столу «подкрепиться с дороги». Разговор шёл мирный, деловой, как будто встретились двое хороших знакомых, давно не видевшие друг друга односельчане.

Убедившись, что за ним не наблюдают, Николай Никифорович через двор метнулся в сторону соседнего лесочка. Он знал, что там находится одна из партизанских групп.

Не прошло и получаса, как в дом старосты ворвались начальник разведки 112-го отряда Николай Харитонович Колтун и партизан Николай Пытляк.

Алисейчик, не сопротивляясь, спокойно достал и предъявил документы, полностью полагаясь на их силу. Партизанам доку-

Колтун Николай Харитонович

менты показались странными, а их хозяин в новом помятом костюме вызывал явное подозрение.

Николай Харитонович потребовал: — Пошли...

Поняв, что пред ним те, кого он ищет, «инспектор по школам» представился:

— Я командир Красной Армии старший лейтенант Алисейчик. Мы прилетели с Большой земли. Ищу связь с партизанами.

Уже ползали по деревьям слухи о каких-то парашютистах. Скрываться не было смысла.

Представились и партизаны. Радость светилась на их лицах: — Наконец-то, у нас будет связь с Большой землёй.

Прошло некоторое время. Десантники из-под деревни Великая Гать перенесли свою базу в район споровских болот. В короткое время группа приступила к выполнению задания.

Группа Мирского, направленная в Берёзовский район, скоро установила связь с местным патриотом, жителем деревни Головицкие Василием Даниловичем Пунько. Он в свою очередь познакомил десантников со своим единомышленником Григорием Попко.

Тяжёлыми были детство и юность этого стригинского юноши. Рано лишившись родителей, он познал всю горечь сиротской жизни. Пас скот, батрачил у зажиточных крестьян. Установление Советской власти в Западной Белоруссии в корне изменило жизнь 17-летнего парня. Окончив курсы трактористов, Гриша приехал работать в только что организованную Здитовскую МТС (ныне Углянского сельсовета). С большим

удовольствием трудился парень. Приятно было ощущать, как уходят под колёса машины вёрсты, пласт за пластом умиротворённая ложится земля. Маленький «Универсал» казался всемогущим.

Утром 22 июня 1941 г. Гриша ещё не знал о нападении фашистов. У механизаторов был рабочий день. Спокойно трудились они на своих местах, когда появились самолёты. Они медленно выплывали из-за горизонта, затем один из них резко пошёл к земле.

— Ребята, самолёт падает, — крикнул молодой рабочий.

Все подняли головы вверх, но вместо самолёта на землю обрушились бомбы. Тугая, горячая волна ударила в спину, швырнула в стороны. Гриша в испуге бросился бежать прочь. Опомившись, когда самолёты улетели, вернулся назад, вскочил на трактор и, сколько позволяла скорость, погнал свой «Универсал» на усадьбу МТС.

Таким было первое знакомство с войной. Вскоре фашисты всю имеющуюся в районе технику собрали в Берёзу и заставили работать на новых хозяев. От угона в Германию спасло одно — мастерство. Корчевали пни в лесу, пахали землю на панских усадьбах. Снова безрадостный труд. И где-то под спудом уже зрело сознание: пора начинать борьбу.

Летом 1942 года Григорий Попко становится партизанским связным. Его квартира в Берёзе — явочная. По совету партизан Гриша устраивается на работу в немецкие мастерские, расположенные на территории бывшего концлагеря. В огромном цехе ремонтировали оружие и технику. Большинство работающих

Григорий Попко с другом,
довоенное фото

были немцы. Попко считался лучшим специалистом и поэтому ему выдали пропуск, разрешающий ходьбу по городу и вход в мастерские в любое время суток.

В этот-то период и свёл его Василий Данилович Пунько с десанниками.

Однажды в мастерскую доставили советский танк «Т-34». После ремонта его предполагали использовать в борьбе с народными мстителями. Ремонт поручили Попко. Дали короткий срок. Гриша влез в танк, сел на место водителя и погладил рычаги управления. Мысленно представил картину, как эта краснозвёздная машина мчится на врага. Где, в каком бою сложили головы члены её экипажа? Нет, не мог допустить он, чтобы этот танк нёс страх и смерть советским людям. В первый же день сообщил обо всём в отряд. Неисправностей было немного, но он всё тянул и тянул с окончанием ремонта.

Указаний из леса не было, а начальник мастерских Герек уже стал ругать, дескать надо сдавать танк, а ты всё возишься. Пришлось задабривать начальника салом, яйцами. Он любил подачки, принимал как должное. Иногда при совершении сделок долго торговался, присматривался, принимался к продуктам. Приобретенное тотчас отправлял в Германию.

Прошла неделя, другая. Не выдержав, Гриша вечером отправился на велосипеде в Головицкие к Василию Даниловичу, чтобы выяснить, что делать с танком. Оказалось, он приехал вовремя. Есть приказ взорвать танк прямо в мастерской. Утром из отряда должен прибыть партизан Борис Гусев и принести взрывчатку.

Борис принес две мины: одну пятикилограммовую в форме бочонка и другую — 400-граммовую. Мины уложили на дно заранее подготовленной корзины с продуктами.

Ранним утром с корзиной в руках шёл Григорий через проходную мастерских. Часовой, знавший пристрастия начальника Герека к подаркам, не обратил на груз никакого внимания.

В этот ранний час в цехе ещё никого не было. Вынув мину, Григорий забрался в танк. Без лишней торопливости вставил запал в «бочонок», выдернул чеку и аккуратно, как самую большую ценность, положил взрывчатку в нишу под мотором.

Жаль было расставаться с машиной. Думалось: «Вот бы сейчас завести мотор и на полном ходу по Берёзе». Но приказ есть приказ. Выпрыгнув из танка и посмотрев вокруг на пропитанные маслом и щелочью пол и стены, Попко представил, что здесь будет после взрыва.

Гриша подхватил корзину и зашагал навстречу входившему в мастерскую господину Гереку. На этот раз сделка состоялась быстро. Почти не торгуясь, за сало Григорий получил часы марки «Цыма».

Не спеша, с видом занятого человека, Попко вышел на улицу. Дома оставаться нельзя. Приказ командира был лаконичным: после диверсии уходить в отряд.

Медленно шагая, Григорий думал, что делать со второй миной. Время оставалось немного, притом мина топорщилась в кармане, её постоянно приходилось поддерживать, что могло вызвать подозрение. На глаза попался недостроенный двухэтажный дом. Его готовили для немецких прислужников.

«Вот бы туда,» — осенила мысль.

Понадобилось несколько минут, чтобы поместить мину в печь на втором этаже. А около полудня один за другим в Берёзе прогремели два мощных взрыва. Среди фашистов поднялась паника. Начались обыски и аресты подозреваемых. Но скоро стало ясно, что это дело рук Григория Попко, которого уже нет в Берёзе. Для него началась новая, лесная жизнь.

Разведгруппа Мирского была немногочисленна. Кроме Григория Григорьевича Попко и Василия Даниловича Пунько в неё входили ещё несколько надёжных человек. Они жили в городе, в деревнях, на отдельных хуторах, собирали данные

Мирсков Александр Ананьевич,
фото 1958 г.

о вооружении противника, размещении и численности его, распространяли сводки Совинформбюро, листовки и газеты, присланные с Большой земли.

Нередко при их непосредственном участии совершались диверсии против фашистов. Вот одна из них.

У перекрёстка дорог неподалёку от деревни Речица рос старый ветвистый дуб. Его дупло служило партизанам почтовым ящиком. Здесь встречался и получал задания Генрик Рыссек, поляк по национальности, житель деревни Смолярка.

Никто не знал, какие пути привели его в начале войны на берёзовщину и что его сблизило с партизанами. Знали только, что ему более сорока лет и что он из-под города Кракова. Семья у него была большая: четыре сына, дочь и жена. Он арендовал небольшую хатёнку и устроился работать на железнодорожную станцию Бронная гора рабочим. Работа была тяжёлая и неблагодарная. Поезда один за другим шли с фронта и на фронт и почти в каждый приходилось грузить уголь или исполнять обязанности обходчика.

И всем было невдомёк, что этот тихий, медлительный в движениях человек — партизанский связной. Пешком, неторопливой походкой проделывал он ежедневно по дороге домой большой круг, чтобы оставить в дупле дуба добытые на станции сведения и получить почту.

На этот раз у дуба Рыссека ожидали командир разведгруппы Александр Мирсков и Григорий Попко. От них Генрик получил магнитные мины замедленного действия. Они были небольшие,

чёрного цвета, плоские с одной и выпуклые с другой стороны. Плоской стороной мины так прочно прилипали к металлическим предметам, что их было практически не оторвать. Усвоив способ применения мин, Генрик уложил их в сумку.

Прошло три дня. Мины надёжно спрятаны в угольном складе станции, а случая применить их всё не представлялось. В этот день Рысек работал в вечернюю смену. Он узнал, что целый день через станцию шли товарные, санитарные поезда, почти не стоявшие на станции. Совсем недавно в сторону фронта ушёл эшелон с живой силой.

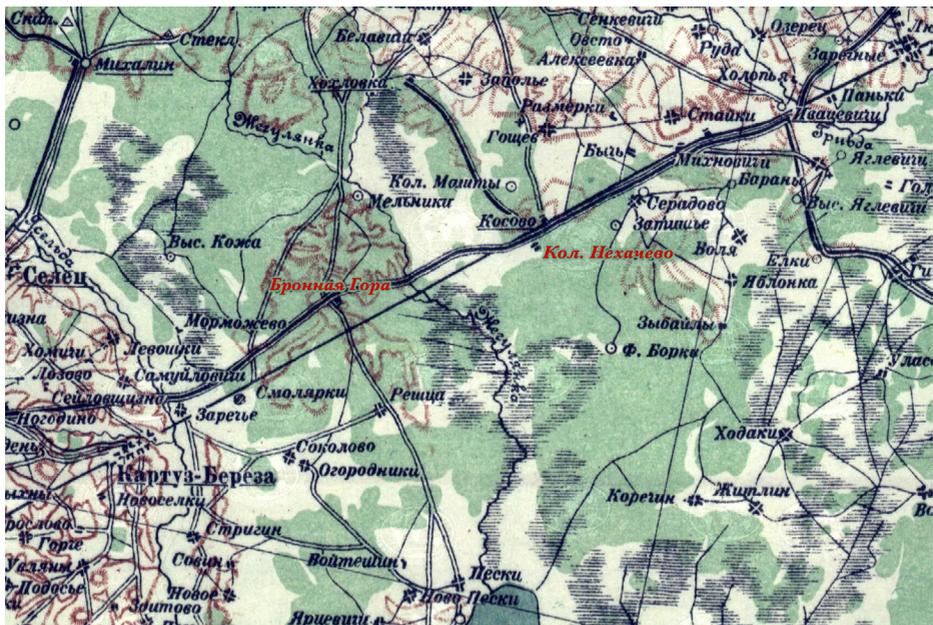
«Опоздал,» — подумал Генрик.

Но вот начало смеркаться. К станции подошел большой состав с горючим. Цистерны и платформы с бочками не сосчитать в темноте. Оценивая обстановку, Рысек медленно прошёл вдоль состава. Услышал, как дежурный по станции говорил начальнику охраны, что состав простоит не менее получаса, пропуская встречный поезд. Стало ясно, что пришло время действовать.

Положив мины в инструментальный ящик, Генрик отправился простукивать молоточком колёса состава. Одновременно ловким незаметным движением он «приклеивал» к низу цистерн мины. Поставив последнюю, пятую мину и облегченно вздохнув, Рысек возвратился к станции. Он знал, что мины сработают через час. Следовательно, взрыв должен произойти в пути, а это уменьшает опасность. Но прошли обещанные дежурным полчаса, а состав всё стоял. Холодная дрожь пробежала по телу Генрика. Из оцепенения его вывел грохот встречного порожняка, проносившегося по соседнему пути.

«Его» эшелон коротким гудком оповестил о своём отбытии. Стук буферов, скрежет колёс, и поезд стал медленно набирать скорость.

Первый взрыв произошёл где-то между станциями Бронная Гора и городом Берёзой. Огненный вихрь взметнулся к небу,

за ним второй, третий. Машинист, остановивший состав, и охрана не могли ничего предпринять из-за нестерпимого жара. В небе бушевал чудовищный фейерверк. Он взрывов и огня раскалился воздух, цистерны рвались одна за другой. Плавилась рельсы и песок. Высоко в воздух, как подброшенные щелчком, взлетали платформы, звонко рвались и горячий бензин разбрасывался во все стороны, поджигая всё на своём пути. Казалось, что горит всё: воздух, лес, земля. Будто невиданный доселе вулкан начал извержение горячей магмы.

Ночное зарево было видно далеко, далеко от места взрыва. Люди, видевшие это зловещее зрелище, долго говорили, что горело само небо.

Так польский гражданин Генрик Рысек вместе с русскими и белорусскими братьями мстил фашистам за свою поруганную Родину.

Возмездие

Уже третий месяц десантная группа капитана Топкина действовала в тылу врага.

Наступили холодные дни. Назойливый осенний дождь шёл по целым неделям. Просёлочные дороги раскисли, массивы пинских болот были залиты водой так, что превратились в сплошную водную равнину, в которой отражались синеющий вдаль лес, да серое неласковое небо. Ветер срывал и уносил вдаль последние жёлтые листья. Грусть вызывала такая погода у людей, живущих в лесу.

Однако поддаваться настроению было некогда. Бойцы партизанских отрядов знали, что зима не заставит себя ждать, и готовились к ней.

На отдельных возвышающихся над водой островках, под вечно зелёными елями и соснами строились землянки для жилья, хранения боеприпасов, продовольствия и медикаментов.

Такой лагерь в урочище «Курилец» оборудовали бойцы капитана Топкина. За этот короткий срок пребывания в Полесье десантники сумели организованно сплотить местные партизанские отряды и активизировать их борьбу.

Партизаны стали проводить операции объединёнными силами, распределили между отрядами зоны деятельности. В результате этого чаще стали летать под откос эшелоны, взрываться мосты и склады, подрываться на дорогах машины противника.

В первый период войны в каждой деревне были созданы и действовали полицейские участки. Теперь под страхом возмездия за пролитую кровь полицейские сбегали в крупные

гарнизоны, а насильно мобилизованные или попавшие случайно в лагерь врагов переходили к партизанам.

Активно действовали и разведгруппы десантников. К этому времени они имели своих людей во многих окружающих гарнизонах, немецких учреждениях. Закрепили связных почти в каждом населённом пункте и городах Барановичи, Пинск, Слоним, Брест и даже в Белостоке.

Через них маленькими ручейками стекались в отряд сведения о передвижениях фашистских частей, зверствах карателей и полицейских.

В это время стало известно, что в Барановичах из различного отребья сформирован карательный отряд, который появляется в окружающих районах, грабит население и жестоко расправляется с ним. Не одна человеческая жизнь записана на его счёт. Чёрная весть летела от деревни к деревне и вызывала ужас и страх у людей.

Напасть на след этого фашистского отряда некоторое время никак не удавалось и он действовал безнаказанно.

С наступлением осени проведение операций большими силами стало невозможно. Необходимо было менять тактику боевых действий. Учитывая накопленный опыт партизанской борьбы, командование пришло к выводу, что в данный период наиболее результативны должны быть немногочисленные, хорошо вооружённые группы, состоящие из сильных выносливых людей. Группы должны быть способны преодолевать большие расстояния, появляться внезапно там, где их меньше всего ждут, и наносить молниеносные удары по врагу.

Такую группу, состоящую из пятнадцати партизан, и возглавил старший лейтенант Н. Рубцов. Группе было приказано в кратчайший срок установить место пребывания фашистского карательного отряда и уничтожить его.

Группу Рубцова усилили десятью бойцами из 112-го партизанского отряда. В неё вошли Иван Довыборный, Коля Колтун,

Володя Трутько, Елифан Ткаченко, Леонид Черкасов, Валентин Чеснович и другие. Всем бойцам были выделены лошади.

Спустя несколько дней разведчикам Коле Колтуну и Володе Трутько удалось установить, что карательный отряд находится в Ляховичах.

Получив данные об отряде, группа Рубцова направилась в окрестности города Ляховичи. Этот город был в то время построен в основном из одноэтажных деревянных домиков с узкими песчаными улицами.

К исходу второго дня удалось выйти к намеченному месту и уяснить обстановку. Стало известно, что утром карательный отряд направится в город Барановичи, и что командует головорезами, которых более ста человек, гестаповский офицер. Двигаться отряд будет по шоссе на грузовиках.

К вечеру выбрали место для боя: удалённое от деревни Русино большое открытое поле. Через него петляла дорога, спускалась в лощину, пересекала болотце со стогами сена, и снова устремлялась на небольшой косогор, на котором некогда стоял одинокий хутор.

Сейчас от хутора осталась обгорелая печь с торчащей чёрной трубой, сарай, да колодезь с «журавлём». Вот это-то поле между болотцем и хутором и выбрал Рубцов для встречи фашистов. Он решил использовать внезапность удара и то, что немцы не ожидают его вдали от леса.

В распоряжении только ночь. Мысленно командир ясно видел то, что произойдёт с рассветом. Справа на хуторе и слева в стогу сена, стоящем на болотце — наблюдатели. В случае необходимости они же прикрывают отход основной группы.

Как только появятся машины с карателями, колодезный «журавль» гордо вскинет голову, и тогда...

Но сейчас тёмная ночь и нужно зарыться в землю так, чтобы фашисты ничего подозрительного не заметили, взяты под обстрел весь участок дороги.

Группе Е. Ткаченко поручено изготовить ложный воз сена и спрятать в нём пулемётчика и трёх автоматчиков. Их задача — преградить путь фашистским машинам, когда те выедут на линию огня.

До рассвета трудились партизаны. Группа бойцов во главе с Н. Рубцовым готовила место засады.

Утром всё замерло. На поле ни души. Только на болотце два человека в форме венгерских солдат нагружают на телегу сено. Ожидание утомительное. Время ползёт медленно, медленно. Кажется, оно остановилось совсем. От сидения скорчившись затекают руки и ноги, клонит ко сну.

Федя Савин перестал удивляться знаниям и сообразительности командира. Этот черноволосый, круглолицый, среднего роста, коренастый молодой офицер своей подтянутостью и опрятностью привлекал к себе симпатии. Федя знал, что ещё в училище Рубцов отличался инициативой, сообразительностью и изобретательностью в решении тактических задач. Старший лейтенант Рубцов отличался этими чертами и здесь, в белорусских лесах, когда он в, казалось уже совсем безвыход-

ном положении, умел создавать такую ситуацию, что выходил победителем в схватке с врагом.

Нет, не только Савин, все бойцы в данной операции были уверены в успехе этого задания. Мнение было едиными — бить фашистов не числом, а умением.

Вдруг, «журавль» клюнул и пополз вверх.

— Товарищ командир, «журавль»!

Дремоту как рукой сняло. Как можно спокойнее Николай Рубцов дал команду приготовиться, хотя и знал, что все давно готовы. Посмотрев в сторону болота, он увидел, как из лощины к шоссе двинулась повозка с сеном. Отработанный механизм начал действовать. Сейчас всё решает быстрота и слаженность в действии. На косогоре показалась первая машина. Вот она миновала хутор. Через 200–250 метров от неё показалась другая. Вдруг машины остановились. Из первой выскочил в чёрной форме гестаповец и стал в бинокль осматривать окрестности.

В чем дело? Что они заметили? Командир глянул налево и понял всю сложность обстановки. Группа Ткаченко слишком рано подъехала к шоссе. Это встревожило карателей.

Как было условлено, телега въехала на шоссе, но как на зло лошадь распряглась. Повозка остановилась.

Что предпринять? Машина от засады метрах в семистах. Открывать огонь бесполезно. А что если гестаповец пошлёт вперёд разведку? Операция будет обречена на провал. Уйти по открытому полю без потерь будет тогда невозможно, ведь до ближайшего леса около трёх километров.

А у повозки, как ни в чём не бывало, двое «венгерских» солдат с заброшенными за спину немецкими автоматами спокойно, не обращая ни на что внимания, запрягли лошадь. Наблюдавший за ними гестаповец, наконец, махнул рукой и сел в кабину. Машины тронулись, и всё пошло своим чередом.

Как только машины приблизились, повозка резко дернулась и стала поперек дороги. Шквал огня с повозки, со стороны

наблюдателей, затем всей засады обрушился на фашистов. Два пулемёта и четырнадцать автоматов работали безупречно. Сопротивление было незначительно. Оставшиеся в живых каратели, отстреливаясь, отступали. Уйти удалось немногим.

Собрав трофеи с уничтоженных фашистов, партизаны направились к лесу.

На своих местах оставались только разведчики, которые должны были прикрыть отход группы.

Когда партизаны почти достигли опушки леса, со стороны хутора раздались выстрелы. Это оставшиеся на хуторе разведчики Коля Колтун и Володя Трутень открыли огонь по двум отставшим карателям, которые, услышав звуки боя, спешили своим на помощь.

Встреченные огнём, каратели соскочили с машин, залегли и в ярости начали бешенный обстрел хутора. За горкой им не было видно, как двое партизан ложбинкой стремительно бежали к лесу. Немного правее за ними следовали партизаны из второго прикрытия.

Не слыша ответной стрельбы, гитлеровцы бросились к хутору, где в это время ярким факелом вспыхнул сарай. Ярость не на ком было выместить, кругом не было ни души. Только далеко, в недосыгаемости для пуль были видны партизаны, входящие в лес.

Фашистам осталось только одно — убрать трупы убитых и расчистить дорогу от сгоревших автомашин.

Так было выполнено задание: часть карательного отряда перестала существовать. Среди партизан потерь не было. Только Фёдор Петрович Савин был легко ранен в левую руку.

Через некоторое время лесные мстители узнали, что пять раненых фашистов, притворившихся во время боя убитыми, остались в живых. Впоследствии они рисовали фантастическую картину. Из их рассказов следовало, что партизан было несколько сотен.

Думай, командир!

Близился к концу один из погожих весенних дней 1942 года. В деревне Житлин в это время царило необычайное оживление. Сюда, соблюдая предосторожность, только что прибыл большой партизанский отряд.

Длительный переход приутомил идущих. Гимнастёрки, пиджаки, а кое у кого и рубашки были расстёгнуты, пот катился градом с лиц партизан.

Отряд разместился невдалеке от церкви, на бывшей поповской усадьбе. Партизаны стали готовиться к ночёвке. Одни мылись у колодца, другие разулись и дали отдых уставшим ногам, третьи разжигали костры, чтобы приготовить пищу. Около десятка партизан разошлось по деревне.

Народные мстители к тому времени в деревне не были редкостью. Идя на задание или возвращаясь с него, они часто заходили сюда и были желанными гостями житлинцев. Немцы и полицаи заглядывали в Житлин редко, так как деревня находилась в глубине партизанской зоны.

Вот несколько чубатых парней подошли к стайке деревенских девчат, которые собрались у колодца. Подошедшие спросили, не смогут ли девочки собрать у жителей несколько вёдер молока. Две соседки — Ольга Клютко и Аня Савчук — жизнерадостные, шустрые девчонки, одетые в голубые ситцевые платья и похожие друг на друга, словно сёстры-близнецы, первыми вызвались выполнить просьбу партизан.

Взяв по два ведра, девушки отправились по деревне. То здесь, то там открывалась в хате дверь и раздавался певучий девичий голос:

— Тётка, дайте кружку молока для партизан... Это для раненых, — добавляли уверенные в своих предположениях девушки.

Скоро все вёдра были наполнены — люди не жалели для партизан ничего.

А к расположившемуся отряду стали подходить местные жители, расспрашивать о последних событиях на фронтах, о делах

Деревенские девушки
справа Надежда - дочь Савчука
Николая Никифоровича

народных мстителей. Ответы на эти вопросы были какими-то слишком общими, невнятными. Прибывшие неохотно вступали в разговор, ссылаясь на усталость, а некоторые молча отходили в сторону.

Среди подошедших сюда житлинцев находились и связные партизанского отряда № 112. Завернула в деревню и возвращавшаяся с очередного задания группа партизан в составе трёх человек из местного партизанского отряда.

— Откуда идёте? — спросил старший из них, Алексей Плаксин, встретившихся чубатых парней.

— Будённовцы мы, из Ружанских лесов пробираемся...

Завязалась оживлённая беседа. И ничто не вызывало подозрения. Одежда и обувь разномастная, обычная для партизан. Оружие — русское и немецкое трофейное. Держатся просто.

Беседа была недолгой. Выпив по кружке молока, которым плаксинцев угостили девушки, они отправились в расположение своего отряда...

А в это самое время связной Николай Никифорович Савчук докладывал командованию 112-го отряда о прибытии в Житлин лжепартизан.

Это известие чрезвычайно встревожило командира отряда Алексея Петровича Черткова. Враг в партизанской зоне! Как он мог сюда пройти? И вот уже объявлена тревога, усилены посты и наблюдательные пункты. Приняты меры на случай эвакуации лагеря.

Однако прибывший Плаксин и его товарищи разуверили командира в предположении связного. Но не успели они окончить доклад об увиденном в деревне, как с наблюдательного пункта доложили о прибытии нового человека. Им оказался второй связной, однофамилец Николая Никифоровича, Владимир Иванович Савчук.

— Алексей Петрович, в деревне фашисты, переодетые в партизан!

Чертков не верил своим ушам. Кто же прав? Связные или Плаксин?

— Скажи, Владимир Иванович, почему ты решил, что это фашисты?

— Товарищ командир, одного я лично видел в песковом гарнизоне в полицейской форме, — загорячился связной.

— А может, ты ошибся, может, просто похож?

— Нет, ошибки быть не может. Да к тому же партизаны никогда не собирают молоко. Если они хотят есть, то сами идут в хату и просят, а эти какие-то молчаливые, вроде и языка русского не понимают...

Недоумение командира росло.

— Николай Харитонович, Фёдор Александрович! — позвал Чертков начальника разведки Колтуна и комиссара отряда Беляева, которые разговаривали невдалеке у костров с партизанами, прибывшими с задания.

— Какое у вас мнение, товарищи? — спросил Чертков после того, как вновь были выслушаны доводы обеих сторон.

— Я, Алексей Петрович, не сомневаюсь в достоверности доклада связных, — рассуждал Н. Х. Колтун.

— Да, но к чему такой маскарад? Почему они не взяли наших разведчиков? — сомневался Беляев, — Как это объяснить?

— Итак, товарищи, — подытожил Чертков, — если это враг, то он очень близко. Обстановка сложная. Вполне возможно, что если немцы прибыли через Песковский гарнизон из Берёзы, то их готовы поддержать Ивацевичский и Телеханский гарнизоны. Значит, надо принимать немедленное решение.

Все сошлись на том мнении, что фашисты, переодевшись в партизан, решили пойти на какую-то провокацию. Возможно, они хотят вызвать на встречу командиров и обезглавить отряд, или установить в деревне жителей, сочувствующих и помогающих партизанам, а потом расправиться с ними. А может быть, они хотят воспользоваться беспечностью партизан и под покровом ночи напасть на них и разгромить отряд.

Нужно было во что бы то ни стало всё выяснить и развеять сомнения. Решили вновь послать в разведку группу Плаксина.

Наступила ночь. По единственной дороге, ведущей из лагеря в деревню, двигалась подвода с разведчиками.

— Напрасно сомневается командир, — говорит Плаксин. — Сейчас увидим, если есть посты у деревни, значит, это фрицы.

Но вот уже первые дома села. Кругом тишина. Разведчики были почти уверены в своей правоте. Однако осторожность никогда не помешает. Метрах в трёхстах от околицы партизаны пустили вперёд пустую повозку, а сами, несколько отстав от неё, пошли сзади. Приблизились к первым хатам. В чуткой тишине слышен только стук колёс, подпрыгивающих на ухабах. Двести метров, сто...

Деревня спит. Её жители уверены, что здесь ночуют партизаны, и чувствуют себя спокойно. И никакой охраны. Только народные мстители могут расположиться так в партизанской зоне, не выставив постов со стороны леса.

Разведчики догнали повозку и спокойно устроились на ней. И вдруг тишину ночи прорезал гортанный, лающий окрик:

— Хальт!

Как выстрел, прозвучал он в ночи. Видимо, фашист, увидев надвигающуюся на него лошадь, забыл о своей роли, и у него невольно вырвалось немецкое слово.

В считанные минуты двое партизан скрылись в темноте, а третий — Рекунов, худощавый, невысокого роста партизан, прыгивая с поводы, зацепился за вожжи и упал.

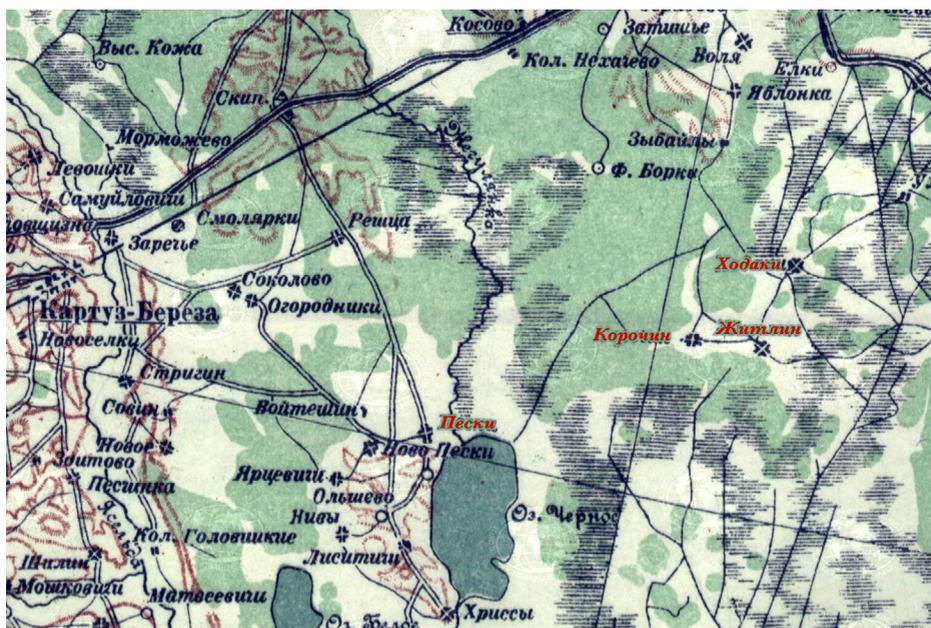
Тотчас за его винтовку, висящую на шее, ухватился фашист. Он оказался рослым и сильным. Поединок был неравным. Изловчившись, разведчик что есть силы ударил немца в живот в тот самый момент, когда он свободной рукой успел выхватить парабеллум. Скорчившись от боли, фашист выстрелил, но пуля прошла мимо. Этого мгновения хватило Рекунову, чтобы вырваться из рук фашиста и отскочить в сторону. Автоматные очереди вспороли тишину, но партизан уже поглотила темнота.

В отряде никто не спал. Были погашены костры. Обычный ритм жизни нарушило необыкновенное сообщение. Выстрелы, вспоровшие тишину, всё разъяснили — в деревне враг.

Поднятая фашистами стрельба разбудила и жителей деревни. Семьями и поодиночке, пользуясь темнотой, кинулись они к ближайшему лесу. Вставшее солнце осветило обезлюдевшие дворы.

Немцы поняли, что просчитались. Скрываться больше не имело смысла. Начались повальные грабежи: отлетали запоры кладовых и сундуков, кричали испуганные куры, визжали предсмертным криком свиньи. Пополнив запасы провизии и набив повозки крестьянским добром, колонна фашистов выехала из деревни по дороге на Пески.

А партизаны всё время наблюдали за происходящим в деревне, но навязывать здесь бой фашистам не хотели, чтобы не накликать на житлинцев большую беду. Командование отряда решило встретить немцев на заболоченном участке дороги, по которой те должны были возвращаться назад.

Позиция выбрана удачно. В этом месте дорога с обширного поля втягивалась в лесной массив и далее узкой лентой петляла по заболоченной местности почти до самых Песок. Партизаны расположились на опушке леса с обеих сторон дороги с таким расчётом, чтобы взять колонну под перекрёстный огонь.

В глубь леса направили отделение П. Гаврилова для перехвата разведки, которую было решено пропустить без боя.

Вот показались первые две подводы. Пальцы сами готовы нажать на спусковой крючок, глаза полыхают огнём. А командир спокоен, он знает — возмездие не уйдёт. Он уверенно подает команду: «Пропустить!», которая передается по цепи. И его спокойный твёрдый голос несколько охлаждает пыл партизанам.

Томительно тянется время. Прошло пять, десять минут, пока показалась основная колонна. Повозки едут вплотную друг к другу, их около пяти десятков. Значит, для вывоза награбленного взяты ещё и лошади местных жителей.

Колонна подходит всё ближе и ближе. Раздаётся долгожданная команда: «Огонь!» Поднялась яростная стрельба.

Упали первые лошади, загородив дорогу остальным. Задние заметались, попробовали свернуть с дороги, но пули настигали их везде. Началась невероятная паника. Почти без сопротивления гитлеровские вояки, побросав повозки, много оружия и награбленное добро, стали спасать свои шкуры.

Около двух десятков немцев и их прислужников было убито и ранено в том бою. Ивацевичский гарнизон выслал подкрепление, но оно только помогло унести уцелевшим ноги. Сунуться в глубь партизанского края фашисты на этот раз больше не рискнули. Хитрость им не помогла, операция бесславно провалилась.

Н. Х. Колтун (сидит) и автор (стоит)
сентябрь 1949 г.

Григорий был молод, полон сил и энергии. Всё время ему сопутствовала удача. Ещё в годы репрессий белополяков он вступил в Коммунистический союз молодёжи Западной Белоруссии. Годы подполья научили конспирации. После воссоединения западных областей в единое Белорусское государство он оставался рядовым крестьянином, не занимал никаких руководящих постов, но чем только мог помогал новой власти. За честность, степенность и сметливость уважали его односельчане.

С приходом фашистов он стал связным партизанского отряда № 112. Не раз Григорий оказывал партизанам помощь. В последнее время направил в отряд группу Беляева, помог отряду пустить под откос эшелон, а на днях передал пулемёт, полученный от старого коммуниста из деревни Размерки Степана Гойшика.

Григорий повернулся, чтобы вернуться в хату, и увидел, как из-за поворота на бешеной скорости выскочили два полицейских мотоцикла с установленными пулемётами в колясках. Промчавшись мимо него в конец деревни, они развернулись, став спиной к лесу, и нацелили пулемёты на деревню. Путь к лесу был отрезан. А в деревню уже въезжали два грузовика. Остановились они на площади у бывшей школы. Тотчас с них, как горох, посыпались фашисты и стали разбегаться в разные стороны.

«Что бы это значило?» — подумал Григорий. От предчувствия защемило сердце. Оценив обстановку, он понял, что уйти из деревни уже нет возможности. Было также ясно, что фашисты задумали что-то коварное.

«Неужели что пронюхали?» — подумал он, но тотчас отогнал тревожные мысли: «Не может быть, я был предельно осторожен».

Григорий Иванович свернул самокрутку, чтобы успокоиться закурил.

Тревога мигом лишила хутор прелести. Вроде и солнце стало каким-то зловеще красным, и птицы щебетали не как всегда, а глухо и тревожно. Стараясь подавить волнение, он шагнул через порог в дом, где жена готовила завтрак. Подойдя к кровати, он залюбовался спящей дочерью. Раскрасневшаяся во сне, она чему-то безмятежно улыбалась, причмокивая пухлыми губками. В это время и ворвались в дом четверо полицаев:

— Шиян Григорий!?! — спросил один из них хозяина и, получив утвердительный ответ, со злобой выкрикнул: — Собирайся, идём!

Прежде чем уйти, полицаи перевернули всё в доме и прилегающих строениях, но обыск ничего не дал.

Привели Григория в дом старосты. За столом, уставленным различной едой и бутылками самогона, сидел хозяин, два офицера в гестаповской чёрной форме и комендант полиции г. Косово Демша — лютый человек, завоевавший славу палача.

— Господин комендант, арестованный Григорий Шиян доставлен!

«Вот так,» — подумал Григорий, — «уже и арестованный. Что они могут знать? Как держаться?»

Поглощённый этими мыслями он даже не расслышал, что ответил комендант полицаям, которые круто повернулись и вышли за дверь. А Демша встал, неторопясь расстегнул лежащую на столе сумку, достал из неё несколько листков бумаги, как будто собирался записывать ответы допрашиваемого, и вдруг быстро повернулся к Григорию и ехидно, с ненавистью смотря прямо в глаза, спросил: — Что, не успел сбежать? — и в том же бахвальном тоне: — Нет, от Демши не уйдешь!

Но, не выдержав тона, сорвался на крик: — Признавайся, сволочь, если жизнь дорога, куда увёл «восточных»!?

Восточниками называли военных, оставшихся в тылу, а также выгнанных войной из городов и сёл жителей восточных областей страны.

Григорий понял, что полицаям известно о людях, отправленных в партизаны. Спокойно выдержав взгляд, он произнёс:

— Что вы, господин комендант, никакого понятия об этом не имею.

Не успел он договорить, как Демша с размаха ударил его зажатой в руке бумагой по лицу. Этот жест был как бы сигналом и тотчас на него обрушился град ударов. Били чем попало и по чём попало. От захлёбывающегося кровью Шияна требовали одного: — Говори!

И он говорил, но не то, чего хотели фашисты. Он продолжал уверять, что ничего не знает о людях, исчезнувших из деревни. Ничего не выпытав, его увели к машинам.

В это же время были арестованы два его боевых друга — Николай Кот и Александр Слесарчик, родной брат старосты. После Григория они так же поступили на «обработку» к Демше. Их били ногами, не затихал свист шомполов. Из рассечённого изуродованного тела струйками текла кровь. Но никакие пытки не помогли фашистам. Твёрже стали оказались сердца молодых комсомольцев. От избитых, окровавленных, едва стоящих на ногах, фашисты слышали только одно: «Нет... не я... не знаю»...

Палач понял, что и от этих он ничего не добьётся. В ярости приказал отвести их тоже к машинам и согнать туда всех жителей села.

Залив своё бессилие самогоном, Демша и гестаповцы отправились на площадь. На ней под старой цветущей липой возле машин полицейские держали связанных патриотов. Сюда же, подталкиваемые прикладами, нехотя сходились их односельчане. Около сотни вооружённых до зубов полицейав и фашистов следили, чтобы никто не убежал, готовые в любой момент открыть огонь.

Никто не догадывался о коварном замысле палача. Люди жались в кучки, перешёптывались друг с другом, спрашивали

один второго, что от них хотят, зачем против толпы установлены пулемёты. Матери прижимали к себе плачущих детей.

Выйдя на середину, Демша задрал голову кверху и начал любоваться могучим деревом. Белый, пахнувший цвет покрывал его, как шапкой. Палач медленно обвёл взглядом затихшую толпу, пленников и подозвал к себе старосту.

— Неси верёвку, да смотри, чтоб крепкая была, не то... — приказал громко, чтобы все услышали.

Нерешительно потоптавшись на месте, иуда с подлой душонкой трусливой рысцой побежал к дому и через несколько минут притащил верёвку. Он знал, что там под деревом стоит его брат родной, видел, какой ненавистью сверкают глаза односельчан, но трусость взяла верх, и он, как собачонка, юлил возле коменданта.

А палач надеялся, что страх за жизнь развяжет языки пленникам, что не выдержат их нервы и они назовут сообщников.

Подойдя к Григорию Ивановичу, Демша сказал:

— Ну что? — и, показав на липу, где полицаи привязывали верёвку, спросил: — Видишь?

Да, Григорий видел, как медленно покачивается свисающая с сука верёвка. Он знал, что жить считанные минуты, но не думал об этом. В мгновение до боли ярко он увидел цветущую липу, голубое небо и родную деревню. И такой ненавистью вспыхнуло его сердце, что он сделал шаг вперед и со всей силы кровью плюнул в лицо фашисту.

— Взять его! — заорал комендант.

В тот же миг, как стая псов, налетели на него полицаи. Схватили, поволокли, поставили на табуретку и, не успел он что-то выкрикнуть, как отлетела в сторону табуретка, и тело закачалось, вздрагивая на суку. В толпе раздался, как гул, общий крик ужаса, и в ту же минуту над нею взвился душераздирающий крик жены Григория:

— А-а-а-а! Люди-и-и!

Кто-то рядом стоящий схватил её, обезумевшую от страха и горя, прижал к себе, заглушил крик. Толпа колыхнулась вперёд, пулёмётная очередь вновь вернула её к действительности.

Демша видел, что удерживает людей только их безвыходное положение, и дальнейшую казнь совершать не решился. Н. Кота и А. Слесарчика затолкали в машину и увезли в Коссовский гарнизон. У липы оставили наряд фашистов для охраны, так как тело Григория под страхом смерти запретили снимать три дня.

Через неделю после расправы над патриотами в деревне Серадово фашисты схватили ещё одного партизанского связного в городе Ивацевичи.

Михинкевич Игнат Иванович жил в деревне Зыбайлы и уже не один месяц держал тесную связь с отрядом. Он отдал партизанам девять винтовок, автомат, десятки гранат и сотни патронов, собранных им в первые дни войны. По своей натуре это был тихий, скромный и очень аккуратный человек. В отряде знали, что Игнат Иванович не подведёт, и он оправдывал это доверие.

На этот раз командование отряда поручило ему найти своих людей среди рабочих железнодорожной ст. Ивацевичи.

Идя по улице города, Игнат Иванович скорее почувствовал, чем заметил, слежку за собой. Куда бы он ни шёл, сзади за ним всё время оказывались два дюжих полица. Город невелик, в толпе не затеряешься. Тогда Игнат Иванович повернул на дорогу, ведущую через железнодорожный переезд к дому.

Сразу за переездом его окликнули полицаи и велели следовать за ними в комендатуру. В родное село, где остались жена и две дочери, Игнат Иванович больше не вернулся.

Допрашивал Михинкевича плотный, невысокого роста гестаповец. Маленькие, близко посаженные к переносице глаза так и сверлили собеседника. Когда он злился, лицо краснело, и на больших залысинах выступал крупный пот, который

Костёл Пресвятой Троицы
и Святого Креста в Коссово,
фото 2016 г.

он вытирал не совсем чистым платком. Вопросы задавал спокойно, с улыбкой, как бы показывал собеседнику, что ответы его вовсе не интересуют, потому что он и так всё знает. Только ему интересно, как будет вести себя арестованный.

Из вопросов Игнат Иванович понял, что фашисты и впрямь знают не только даты его встреч с партизанами, но даже время и место. Интересовало же их, с кем он встречался, фамилии и адреса других связных, место расположения отряда, его численность и вооружение. За предательство обещали деньги,

землю, должность.

Но Игнат Иванович многого не знал и сам, а что знал, не имел права сказать. И он молчал или пытался доказать свою невиновность, а сам всё думал: «Кто следил за мной, кто предал?»

Спустя несколько часов гестаповцу надоело играть добрячка, и от любезного разговора фашисты перешли к своим испытанным приёмам. Четверо суток пытали они и издевались над советским патриотом, а ничего не добившись, расстреляли.

Не знал тогда Игнат Иванович, что в день его казни полицаи арестовали и увезли в Коссово его односельчанина и помощника Василия Адамовича Цакке, молодого, несколько угрюмого латыша. В Коссове Василия Адамовича содержали изолированно от других заключённых. Все попытки связаться с ним, предпринимаемые партизанами и связными, не имели успеха. Было известно, что его по несколько раз в день водят на допросы, где бьют и истязают. Бывали дни, когда Цакке

так избивали, что полуживого полицаи тащили волоком и бросали в камеру.

Мужественным человеком оказался Василий, не выдал друзей по борьбе, не смалодушничал. Истерзанного палачи повесили его на площади города Коссово. На груди его висела фанерная доска с надписью: «Казнён за связь с красными бандитами».

У подножья векового дуба стояла гнетущая тишина. Командный состав отряда внимательно слушал информацию начальника разведки.

— Вести неутешительные. За последнее время гитлеровцы напали на след наших связных из деревень, прилегающих к партизанской зоне. Пятеро арестованы, трое из них уже казнены. Это не случайно. Очевидно фашисты имеют здесь хорошо замаскированных осведомителей и гибель подпольщиков дело их рук.

Многие командиры знали арестованных лично, а некоторые даже жизнью были обязаны этим людям.

Николай Харитонович продолжал говорить:

— Несколько дней назад в деревне Зыбайлы произошёл странный случай. Сосед расстрелянного нашего связного Михинкевича, Пётр Алешкевич, зарубил свою мать и сестру, заявив фашистам, что они партизанские связные (на самом деле, они никогда не были связными). За усердие немцы выдали подлецу оружие и назначили старостой. Не здесь ли кроется разгадка? Ведь человек, способный поднять руку на родную мать, способен продать и соседа. Думаю, что этого прихвостня необходимо срочно убрать, пока он не принёс ещё больших бед людям, — закончил он.

Через несколько дней на допросе предатель рассказал, как он, по заданию полиции, следил за Михинкевичем. Он замечал, записывал и всё передавал в полицию: кто и когда приходил

к соседу, куда тот уходил, что нёс с собой. Но от него требовали подробностей, фамилии, адреса этих людей и, по возможности, их планы. К счастью, он этого не знал, а трусость не позволяла войти с нужными людьми в знакомство. Он выдал Игната Ивановича. Но ничего от него не добившись, фашисты дали понять предателю, что недовольны его работой. И тогда он выдал Цакке, рассказав, что сам лично видел, как эти двое передавали партизанам оружие. Так решалась судьба этих замечательных людей, до конца дней своих оставшихся верными слугами своей Родины. Алешкевич же, чтобы доказать фашистам свою преданность, решил уничтожить родственников.

Приговор предателю был кратким и правым — расстрел!

Стало совершенно ясно, что к провалу серадовской группы подпольщиков Алешкевич отношения не имел. Тогда кто же?

Уже несколько раз А. П. Чертков интересовался, не найден ли второй предатель. Но вести были неутешительными. Все понимали, что, совершив зло, враг сейчас притаился и выжидает. Но его молчание страшное — в любой миг он может выползти из своего укрытия и смертельно ужалить.

Однажды Николай Харитонович сообщил, что ходят слухи, будто удалось Саше Слесарчику сбежать из тюрьмы. Конечно, это могла быть очередная провокация, устроенная немцами. Они часто так делали: объявляли населению о побеге уже уничтоженного патриота, а потом уничтожали всех его близких и родственников под предлогом укрывательства.

Но побег Саши был реальностью. Через неделю, еле живой, он появился в отряде и рассказал, как всё произошло.

Вечером, на заходе солнца, его вывели из камеры на очередной допрос. С горизонта напозлали тучи, закрывая золотистую полосу от заходящего солнца. Воздух был как бы напоен влагой приближающейся грозы. На дворе никого, конвоир один. Мысль сработала мгновенно. Саша стремительно бросается на охранника, сбивает с ног и, оглушив, бросается через ограду.

Когда всполошилась охрана, он, скрываясь в огородах, уходил из города. Страшную картину нарисовал он о зверствах фашистов, о мужестве наших людей в гестаповских застенках. Он был худ, весь в синяках и кровоподтёках.

— Не падай духом, — сказал командир, — лечиться будем в борьбе. Врачи говорят, что это самое ценное лекарство. Жаль только, что до сих пор мы не знаем, кто нас предал...

— Я знаю! Сеймик! — тотчас вырвалось у Саши. — Песецкий его фамилия. Это наш односельчанин. Я однажды столкнулся с ним в коридоре комендатуры, когда вели на допрос. Увидев меня, он отскочил в тёмный угол и отвернулся, но я уверен, что это был он. Человек он завистливый и жадный, способен на любую подлость. Если он не связан с полицией, то что ему делать в комендатуре? Я уверен, что наш провал — это его работа, — с горячностью заключил связной.

Шли дни за днями, а взять Сеймика разведчикам всё не удавалось. Он знал, какая кара ожидает предателя, и был настолько осторожен, что уходил из всех расставленных сетей. Но в одну осеннюю ночь Сеймик Песецкий из деревни исчез.

Предатель стоял перед партизанским судом. Судили всем отрядом. Ничего внятного не мог он ответить в своё оправдание. Тошно было смотреть на это ничтожество, погубившее честных советских людей.

Чётко звучит в лесной глуши голос партизана, читающего приговор:

— За измену Родине, за предательство...

А изменник падает на колени, ползёт к командиру, целует его сапоги и молит о пощаде...

Тошнота подступает к горлу партизан. Им не приходилось ещё видеть человека, не имеющего ни стыда, ни чести, ни совести, ни гордости. Многие из присутствующих были молоды и хотели бы долго и счастливо жить. Но возможности

жить, дышать воздухом они не стали бы выпрашивать у врага и, если бы пришлось, то шли бы на смерть гордыми, с высоко поднятой головой.

— Кровь за кровь, смерть за смерть!

Командир приказывает группе бойцов привести приговор в исполнение. Эхо трижды повторило звуки пистолетных выстрелов.

Казалось, предатель получил по заслугам. Но, к всеобщему несчастью, он остался жить. Помогли молодость и неопытность приводивших приговор в исполнение. Умели они сражаться с врагом в открытом бою, но уничтожить предателя им приходилось впервые. Пожалели лишнюю пулю на эту падаль. Возиться никому не хотелось, тело закидали ветками и ушли.

Неизвестно, как выбрался он из леса, и как лечился, только через некоторое время он вновь объявился в Коссовском гарнизоне с партизанскими отметинами на лице. В партизанской зоне он больше не появлялся, а с отступлением фашистов удрал вместе с ними.

Опасной и трудной была работа связных. За годы оккупации немало их погибло, но без кровной связи с населением не могли жить партизанские отряды, в нём они черпали силу, волю к борьбе и победе.

Так сражался Сергей Орлов!

Через лес, извиваясь змеёй, ползла дорога. Могучие деревья едва пропускали солнечные лучи, которые золотистыми зайчиками прыгали по прелым листьям и хвое, устилавшим землю. По дороге длинной цепочкой растянулись партизаны. 112-й отряд возвращался с боевого задания. Шли повзводно, соблюдая строгий воинский порядок. В лесу было прохладно, бодрил воздух, напоённый целебным запахом хвои.

Операция прошла удачно. Однако настроение идущих было подавленным. Впереди колонны, на повозке, устланной сеном, лежал смертельно раненый в живот командир взвода, любимец отряда Сергей Демьянович Орлов. Молодой боец поддерживал под узды лошадь, старался провести её так, чтобы избежать лишней тряски на размытых дождями кореньях деревьев. Сергей был без сознания, и сидящий рядом с ним в повозке врач отряда Герлинг осторожно придерживал ему голову.

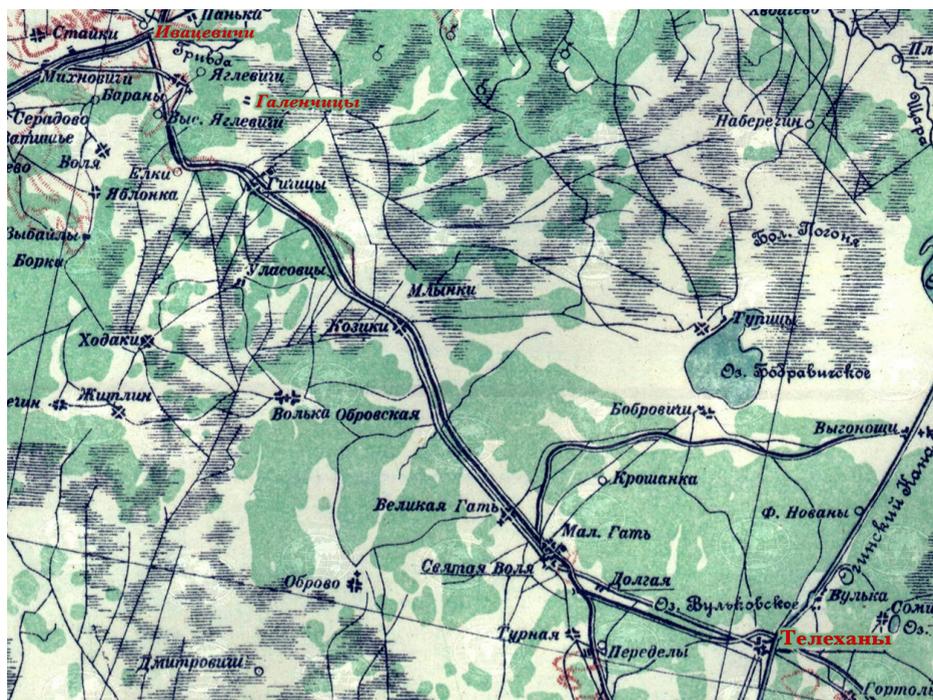
Накануне командование отряда узнало, что по узкоколейке из Ивацевич в Телеханы направляются каратели.

Все понимали, что вооружённые до зубов, под командованием гестаповцев, они могут принести жителям деревень, расположенных в глубине лесов и болот, много бед и горя.

А. П. Чертков собрал командиров, разъяснил обстановку. Сопоставили силы. Преимущество было на стороне врага, так как и вооружение партизан было слабее, и силы были неравны. И всё же решили дать бой.

Утром отряд вышел к месту засады. Бессонная ночь, переход в пятнадцать километров давали о себе знать, бойцы почти валились с ног от усталости. Расположились в 30-40 метрах

от полотна дороги в глухом кустарнике. Определили место каждому взводу, каждому бойцу. Взвод Орлова разместился в самом центре.

Из-за отсутствия мины, для подрыва поезда решили использовать связку гранат. Бойцы Сергея уложили их на стыке двух рельсов, к кольцу одной привязали шнур. Едва успели замаскировать гранаты и присыпать сухой травой и листьями шнур, как послышался шум приближающегося поезда. Он шёл медленно. Все замерли. Напряжение достигло предела.

В этот момент от Черткова передали по цепи команду: «Взрывать второй вагон».

Уже после операции Чертков объяснил свой приказ. Оказывается, поездок вёл свой человек, которого немцы заставили работать на них. Нельзя было допустить его гибели.

Поездок приближался. Были хорошо видны торчащие из окон пассажирских вагончиков дула пулемётов. Вагончиков

было четыре, один от другого они отделялись двумя — тремя платформами. Крыши вагончиков были пусты — фашисты укрылись за стенами. Взрыв.

Подорванный вагончик подскочил, рванулся вперед и, как бы споткнувшись о разорванный рельс, замер, поломав колёсами несколько шпал. Паровозик дёрнулся назад, вперёд и медленно повалился на бок, потянув за собой следовавшие за ним платформы.

Однако взрыв не застал фашистов врасплох. Шквал огня обрушился из окон вагончиков на партизан. Они отвечали тем же. Прямо под колёса вагончиков полетели гранаты Николая Пытляка и Демьяна Синякова. Беспреданно строчили пулемёты, не давая фрицам высунуться. Часть фашистов была перебита в перестрелке, другая часть отходила, ожесточённо отстреливаясь. Как ни удивительно, но в этом урагане огня уцелели все партизаны, было лишь несколько легко раненых.

Уже кончился бой, стихла перестрелка, когда Сергей Орлов вскочил в тамбур стоящего перед его взводом вагончика. Отсюда наиболее яростно отстреливались каратели. Он рванул дверь и отскочил за стенку. Дверь открылась легко, в вагоне не было признаков жизни. Шагнув вперёд, Орлов дал автоматную очередь, и она слилась со встречным выстрелом из парабеллума. Сергею всегда везло, а сегодня...

С повозки раздался стон раненого. Тотчас над ним наклонился идущий рядом командир. Он вслушивался в бессвязное бредовое бормотание боевого друга и вспоминал, как появился Сергей в отряде.

Глубокой осенью 1941 года связные из деревни Галенчицы рассказали о смелом красном командире, убежавшем на днях от полицейских, ведущих его на расстрел. Прошло несколько недель и в отряд пришёл Сергей Орлов. Очень просто поведал он, как, пробираясь к народным мстителям, он попал в лапы полицаев и сумел уйти от них. Черткову тогда очень понравив-

лось, что Сергей скромн и не речист. В дальнейшем оказалоь, что в груди этого человека бьётся гордое, горячее сердце советского патриота. Но над этой горячностью во все трудные минуты верх брала холодная расчетливость кадрового командира. Совместная борьба сдружила их.

Так и не пришедшего в сознание Сергея осторожно перенесли в землянку. Однако никакая сила уже не могла ему помочь. На немой вопрос Черткова врач удрученно покачал головой и сказал, что при таком ранении медицина бессильна.

— Пить... пить... пить... — просил раненый.

Огонь жёг его внутренности, лицо пылало, губы сохли. Мария Григорьевна Свергун со слезами на глазах время от времени смачивала ему мокрой тряпочкой губы, но это не освежало, и Сергей ещё требовательнее просил воды. Вдруг, какое-то движение прошло по его лицу, стихли стоны, дрогнули веки. Раненый открыл глаза, обвёл ими землянку и остановил взгляд на Марии Григорьевне.

— Серёжа, ты меня слышишь? — прошептала партизанка.

Орлов провёл сухим языком по потрескавшимся губам и еле слышно спросил: — Не прошли?

— Нет, нет, Серёженька, не прошли гады.

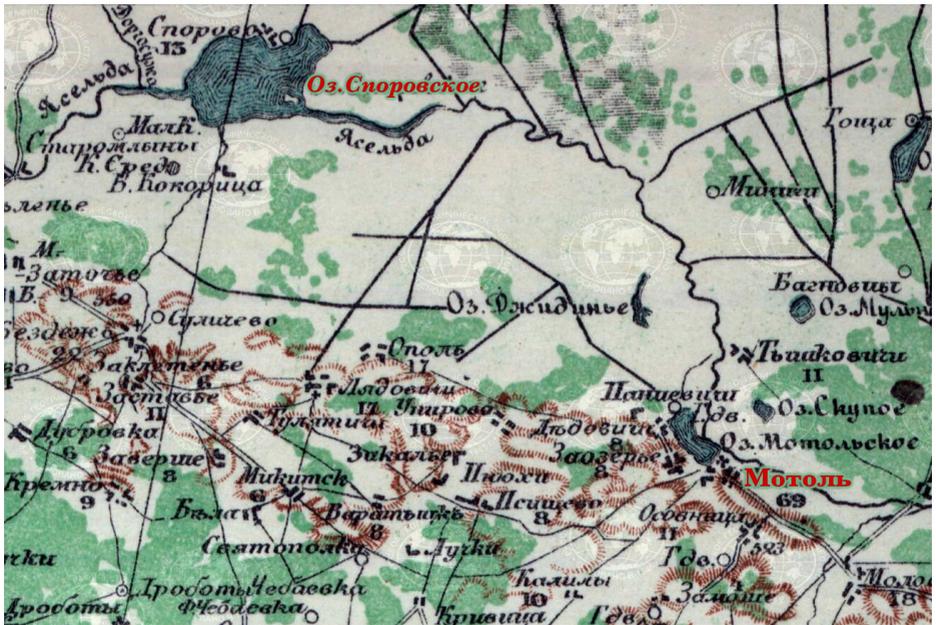
Едва заметная улыбка промелькнула по его лицу.

— А я буду жить! — как бы утверждая, прошептал раненый, снова теряя сознание.

Трое суток боролся молодой организм со смертью. Трое суток не отходили от умирающего друзья. Сергей умер рано утром при первых проблесках утренней зари. И тогда как-то по особенному поняли, насколько этот человек был близок и дорог всем в отряде. Бойцы вспоминали эпизоды, когда только хладнокровие Орлова спасало положение, учило партизан выдержке.

Так было, например, весной под Мотолем, в одном из первых боёв.

То был тяжёлый день. Солнце стояло ещё в зените, когда обогнув с юго-восточной стороны Споровское озеро, несколько десятков лодок, медленно покачиваясь на волнах, спустились вниз по течению реки Ясельда. Почти весь 112-й отряд направился на разгром немецкого гарнизона, размещённого в местечке Мотоль. Было известно, что в Мотольском гарнизоне около сотни хорошо вооружённых фашистов. Но, располагая данными об их беспечном поведении, командование отряда решило предпринять эту операцию. Фашисты вели себя нагло, постоянно грабили население окружающих деревень, устраивали пьяные оргии. Пора было напомнить фашистам, кто настоящий хозяин на советской земле, хоть и оккупированной.

Лодки двигались медленно, придерживаясь правого, заросшего мелколесьем берега реки, скрывавшего их от постоянного взгляда. У всех было приподнятое настроение, чувствовалась уверенность в предстоящем успехе. Вот и последний лесок перед гарнизоном. С опушки хорошо просматривается край

деревни и прилегающие к нему возделанные крестьянские поля. Волны солнечного тепла обильно поливают там-сям работающих крестьян. До заката оставалось ещё несколько часов и переждать их было решено именно здесь. От врага партизан укрывал густой кустарник, росший на опушке. С другой стороны подходы защищало раскинувшееся на десятки километров топкое некошеное болото, перемежающееся с кустарником и заросшими лесом грудками.

Летний зной разморил партизан. Сняв сапоги и снаряжение, некоторые сидели, другие лежали в тени деревьев. А Михаил Сорокин, пристроившись у кустика, достал чистую ветошь и начал возиться со своим ручным пулемётом. Он разбирал его, тщательно протирал и раскладывал на подостланном пиджаке детали. Казалось, ничто не предвещало беды.

И вдруг, совсем рядом, раздался треск автоматно-пулемётной стрельбы. Это было так неожиданно, что растерявшиеся от внезапного огня партизаны бросились в бегство. На месте стоянки остались сапоги, вещмешки, ремни, разобранный Сорокиным пулемёт и другое снаряжение. Никто не отстреливался.

Когда фашисты выскочили к лодкам, партизаны уже укрылись в кустарнике на болоте. Немцы поняли, что просчитались, рано открыв огонь. Партизаны ускользнули. Не мешкая, гитлеровцы начали их преследование, но в это время им в спину, чуть ли не в упор, ударили тугие струи пулемётных очередей.

Оказывается, всё это время Сергей Орлов спешно собирал брошенный Сорокиным пулемёт. Его руки действовали ловко и умело — будучи курсантом он выполнял эту работы с закрытыми глазами. Сергей будто не замечал, что творилось вокруг. И он успел...

Ошеломлённые внезапным пулемётным огнём, оставляя убитых, с криками ужаса фашисты начали неорганизованно отступать в сторону гарнизона.

Стрельба, открытая Орловым, быстро отрезвила партизан. Положение изменилось в пользу отряда, но о выполнении поставленной задачи не могло быть и речи.

Последним вернулся мокрый с ног до головы Орлов. Болотная грязь и тина облепили его сапоги, пот лил ручьём. Прислонив к сосне РПД и диски с пулемётными лентами, сняв автомат, он расстегнул ремень, снял сапоги и от усталости повалился на траву.

Позже, при обсуждении операции, он требовал самого строгого наказания Сорокину и другим бросившим оружие партизанам. А. П. Чертков понимал его суровость, но из опыта знал, что молодого, необстрелянного бойца нужно учить смелостью побеждать страх.

В последствии это оправдалось: не очень показавшие себя в этом бою партизаны стали отличными бойцами.

Был из операции сделан вывод, что передвижение днём скрытно провести очень трудно. Мало для победы одной уверенности в ней. Ослабление бдительности, малейшее проявление беспечности может привести к катастрофе. Вместе с тем, пример поведения Орлова показал, что выдержка и хладнокровие способствуют победе.

Сергей не сердился, когда слышал, что ему приписывают героизм, говорил, что это солдатский долг, что так в бою должен вести себя каждый. Именно так он и поступал.

Смелось и инициатива решали исход любого дела, порученного Сергею. На него равнялись, ему подражали.

В шести километрах от села Житлин, в глубине Полесских болот раскинулось урочище «Курилец». Это большая поляна, окружённая вековыми деревьями, с обилием лесных цветов и разнотравья. В центре её когда-то стояла дача, где отдыхала панская знать.

Сейчас о доме напоминали сиротливо стоящие кусты сирени, черёмухи, да битые куски кирпича. Это следы войны.

На «Курилец» вела одна единственная дорога, но пробраться по ней уже было нелегко, так как сделанную в былые годы насыпь через болото размыли весенние паводки. Вот здесь командование отряда и решило похоронить Сергея Демьяновича Орлова.

По приказу командира похороны были проведены со всеми воинскими почестями, возможными в условиях партизанской жизни. День клонился к вечеру, когда на поляне для прощания с боевым другом выстроились бойцы 112-го отряда.

Митинг открыл комиссар отряда Ф. А. Беляев.

Он рассказал о жизни того славного сына Родины, прошедшего короткий, но честный и светлый путь.

— Воспитанник детского дома, Ленинского комсомола, Сергей до конца своей жизни был предан Матери-Родине. Он будет ярким примером того, как каждый партизан должен исполнять свой служебный долг, — закончил свою речь комиссар.

Торжественную клятву боевому другу давали бойцы и командиры отряда.

Гроб с телом С. Д. Орлова опускается в могилу. Лесную тишину всколыхнул трёхкратный прощальный оружейный залп.

Молча, с низко опущенными головами проходили партизаны у могилы Сергея Орлова, и губы их шептали:

— Прощай, наш боевой друг, мы за тебя отомстим!

Это была первая могила на будущем братском Курилецком партизанском кладбище.

Трагедия деревни Зыбайлы

В мемориальном комплексе «Хатынь» на кладбище деревень под одной из могильных плит покоится прах жителей деревни Зыбайлы Ивацевичского района. Трагедия произошла ранней весной 1943 года.

Кладбище деревень

Небольшая, домов в шестьдесят пять деревушка Зыбайлы, раскинулась двумя порядками вдоль дороги, ведущей из Ивацевичей к Житлину. То было обыкновенное село, каких имелось в те времена в Белоруссии сотни. Маленькие подслеповатые хатки, крытые замшелой соломой, укрывали жителей от зноя и непогоды. Зажиточных семей в деревне не было.

Крестьяне еле сводили концы с концами, а тут ещё «новый порядок» со своими бесконечными поборами. Редко у кого в клунах была живность: немцы не брезговали ничем.

С обеих сторон деревни путников встречали новые, на совесть сделанные дубовые кресты, вкопанные в землю. Прошёл слух, что немцы уважают верующих людей, ведь не напрасно у них на поясных пряжках написано «с нами Бог». И жители поспешили показать свою приверженность к Богу — установили кресты.

Как осиное гнездо к дереву прилепилась деревня к лесу, который укрывал от бурь и кормил в летнюю пору. С северо-запада от Ивацевичского гарнизона она пряталась за небольшую, поросшую редким можжевельником песчаную горку.

С этой деревни начиналась партизанская зона, границу которой редко переступал фашистский сапог. Эта зона контролировалась 112-м партизанским отрядом.

В сумерках по подтаявшей под мартовским солнцем дороге в деревню вошли командир отряда А. П. Чертков и начальник разведки Н. Х. Колтун. Радостно светившее с утра солнце после полудня спряталось в тучи, которые нависли над самыми верхушками деревьев. Кое-где в хатах уже светились бледные огоньки, то крестьяне кончали свой трудовой день.

— Вам, Николай Харитонович, придется рассказать людям о полученных сведениях, — сказал в раздумье Чертков, когда они подошли к дому Семёна Яловского, — Вас они знают и Вам они верят.

Хозяин дома встретил их у калитки. Поздоровавшись, доложил:

— Почти все односельчане, как Вы просили, товарищ командир, уже собрались, ждут.

В доме было несколько десятков человек. Одни сидели на длинных деревянных скамьях, стоящих у стен, другие примостились на табуретках и принесённых со двора чурках.

на сухие грудки. Целесообразно будет, если вы разобьётесь на небольшие группы.

В комнате загудели. Опоздавшие и сейчас стоящие в тёмных сенях не всё из сказанного расслышали, дёргали за рукава впереди стоящих, чтобы те повторили, о чём разговор. Словно град посыпались вопросы:

- Как же быть с малыми детьми, ведь на дворе ещё зима?
- Скот-то куда денешь?
- А как защищаться от фашистов? Оружие дадите?

Партизаны слушали очень внимательно и затем, когда все выговорились и снова установилась тишина, заговорил Алексей Петрович:

— Сегодня 11 марта и с каждым днём будет всё теплее и теплее. Скот скоро пойдёт на пастбище, его нужно брать с собой. Конечно, жизнь в лесу намного тяжелее и землянки копать придётся, хоть земля и мёрзлая, и продукты растить нужно будет, и много других трудностей партизанской жизни.

Он разъяснил, что оружие выдавать нет необходимости, так как в глубине леса жители будут под защитой боевых отрядов, а кто способен воевать с оружием в руках, тех примут в отряд.

Обсудили кажется уже все вопросы и жители деревни склонны были выполнить данный им совет, как из угла поднялся небольшой мужичонка и хрипловатым голосом проговорил:

— Нельзя нам уходить, товарищ командир. Если мы уйдём, то немцы уж наверняка спалят наши дома. А ведь они были уже не раз в деревне и ничего, Бог миловал. Может, и на этот раз пограбят и уедут, нужно только припрятать всё наиболее ценное из продуктов и вещей. Ну а коль возьмут несколько коров да кабанов, так ведь это лучше, чем сожгут деревню, или скитаться с малыми детьми в такую пору в лесу.

— Речь идёт не о грабеже населения, — прервал его Чертков, — а о том, что фашисты готовят кровавую расправу, такую как в Затишье, то есть уничтожат и деревню и население.

Партизаны понимали, что здесь не прикажешь, здесь нужно только одно — убеждение и только убеждение. И тогда Алексей Петрович после небольшой паузы сказал:

— Мы вас не заставляем, решайте сами, товарищи. В нашем распоряжении ночь. Если решите остаться, мы отведём партизанские группы прикрытия и не сделаем по фашистам ни одного выстрела, чтобы не дать повода для расправы, но в случае беды, прийти к вам на помощь мы тогда вряд ли сможем.

...На рассвете 12 марта первые семьи покинули деревню, а к середине дня она опустела.

Неприветливо встретил беглецов лес. Пронизывающий холодный ветер глухо шумел в чёрных обнажённых ветвях деревьев и порывами нагонял мелкий дождь вперемешку со снегом. С дороги не свернёшь, кругом полно налившегося водой снега. По небу носятся низкие лохматые тучи, похожие на куски грязной ваты. Двигаться было очень трудно, спотыкались кони, подпрыгивали на ухабах повозки, мычали и не хотели уходить от дома коровы. Дети вели себя по-разному. Постарше бегали вокруг обоза, с нетерпением ожидая перемен, приставали к старшим с вопросами. Младшие жалась к сидящим на повозках матерям в надежде спрятаться от непогоды и страха, многие тихонько хныкали.

В этот день уходили в лес не только жители деревни Зыбайлы. По совету партизан оставили тёплый кров жители десятка других деревень, расположенных в партизанской зоне.

На восемь небольших групп разделились зыбайловцы. Братья Семён, Антон и Андрей Яловские, семьи Михинкевичей и Мироновских ушли в глухие лесные места больше как за десять километров от деревни и, не откладывая, принялись строить шалаши и землянки для жилья и продуктов, ограду для скота.

Другие как бы всё ещё выжидали. Немного отъехали от деревни и остановились большим табором, не готовя жилья, не разгружая подвод. Как нахохленные воробьи сидели

они на подводах и вокруг костров, спорили, незлобливо переругивались.

И тут, под настроение, вновь, как надоедливый сверчок, застрекотал хриловатым голосом Петруковец:

— Не то мы сделали, — убеждал он односельчан, — теперь мы действительно погибнем. Немцы и деревню сожгут и нас как куропаток пощёлкают. А кого и не убьют, так с голоду подохнет в этом болоте. Ну за что немцы должны нас убивать? — продолжал рассуждать он, — что мы им сделали плохого? В активистах мы не ходили, оружия не поднимали. Всё, что они требовали, мы выполняли, как могли старались! Нет, они нас не тронут!

— Подумайте, люди, убегают виновные. Всех, кто с деревни ушёл, уж наверняка немцы не пощадят. Одно спасение — пока их нет, вернуться в село. Немцы так и поймут, что виноватые ушли, а мы тут ни причём. Сами знаете, немцы народ верующий.

— А может, и правду говорит человек, — поддержал его Николай Баран, — может, и впрямь вернуться пока не поздно? За что им нас уничтожать?

Трудными были эти сутки. Сомнения мучили людей. Холод и непогода усугубляли положение, и некоторые не выдержали. Одна за другой потянулись поводы, только уже в обратном направлении — к деревне.

...Тишина стояла в Зыбайлах в этот день. Все жались к своим хатам, выходили только по крайней нужде: за водой, покормить скотину. Угнетало предчувствие беды. Когда легли спать, не знали, что их судьба уже предreshена.

Поздно ночью А. П. Черткову доложили, что зыбайловцы вернулись в деревню.

— Удержать мы их не в силах, — вздохнул Алексей Петрович. — Командовать этими людьми мы не можем. Надо утром будет встретиться с ними и попытаться убедить, чтобы ушли в лес.

Но увидеться им уже не довелось.

Ранним утром 14 марта, когда люди ещё спали крепким сном, в деревню нагрянули каратели. Загудели машины, из конца в конец передавались команды. В окна, двери застучали кулаками, прикладами.

— Вставать! Выходить на улицу! Шнель! Шнель! — подгоняли фашисты ошеломлённых внезапностью людей.

Многие спросонья не могли никак найти одежду и выскакивали из домов полураздетыми. Всюду на задворках стояла цепь фашистов с автоматами наперевес. Выйти из деревни было невозможно. Скрипели ворота, хлопали двери. Фашисты выгоняли коров, тащили свиней, кур и всё, что попадало под руку.

Сначала забирали мужчин и под сильной охраной сгоняли во двор Андрея Яловского, где стояли две самые большие в деревне клуны. В одну из них, где летом хранили снопы золотистой ржи, а зимой сено и загнали мужчин. Прямо в открытые настежь ворота смотрели дула фашистских пулемётов.

Вот, во дворе появился Петруковец, подгоняемый дюжим фрицем. Было слышно, как умолял он, чтобы его отпустили, ведь он только добра хочет Великой Германии. Но гитлеровец, не обращая внимания на его лепетание, огрел прикладом автомата по спине и втолкнул в сарай к односельчанам.

Закрылись двери, заскрипели запоры. В жуткой тишине было слышно, как вскрикнул ребёнок и заголосили женщины — это фашисты сгоняли оставшееся население в другую клуню. Где-то раздались крики, застрочил автомат, потом выстрелы раздались в другом конце деревни: гитлеровцы расправлялись с теми, кто не мог передвигаться или не хотел выходить из дому.

Битком набитое второе гумно не вместило всех. Вновь заскрипели ворота. К мужчинам втолкнули группу женщин, детей, стариков.

Подводы с награбленным скарбом тронулись в сторону Ивацевичского гарнизона, а вокруг гумен забегали, засуетились фашисты. По приказу человека в чёрной гестаповской форме

каратели принялись обливаться бензином строения с запертыми в них людьми. Крики ужаса раздались внутри. Заколыхались под ударами двери, и тогда по ним застрочили пулемёты. Огненный столб взвился над гумнами, а фашисты с факелами в руках бегали от дома к дому и зажигали соломенные крыши. Горело село, горели люди.

Дым и сполохи пожара увидели передовые посты партизан. Они бросились к деревне, открыли огонь, но помогать было уже некому. Бушующий шквал огня сделал своё коварное дело. Дикая картина предстала глазам партизан. На месте деревни остались обугленные дымовые трубы и груды обгоревших человеческих тел, да два закоптелых, недавно вкопанных на выходах из села, дубовых креста. Никто не ушёл, никто не уцелел.

215 зыбайловцев — мужчин, женщин и детей — заплатили своей жизнью за непростительную доверчивость к фашистам, за свои колебания. Уцелели лишь те, кто остался в лесу.

...На месте деревни Зыбайлы стоит памятник жертвам фашизма. Он напоминает людям о происшедшей в годы войны трагедии, он призывает их внимательно прислушаться к колокольному звону Хатыни, чью участь разделили Зыбайлы и сотни других белорусских деревень.

Памятник на месте д. Зыбайлы

На новом подъеме

1. Посланцы Большой земли

Поздней осенью случилось несчастье — командир группы десантников капитан Топкин был тяжело ранен. Всё возможное в лесных партизанских условиях предпринимали врачи, но зрение вернуть не удавалось. Прошло несколько месяцев, а состояние раненого не улучшалось.

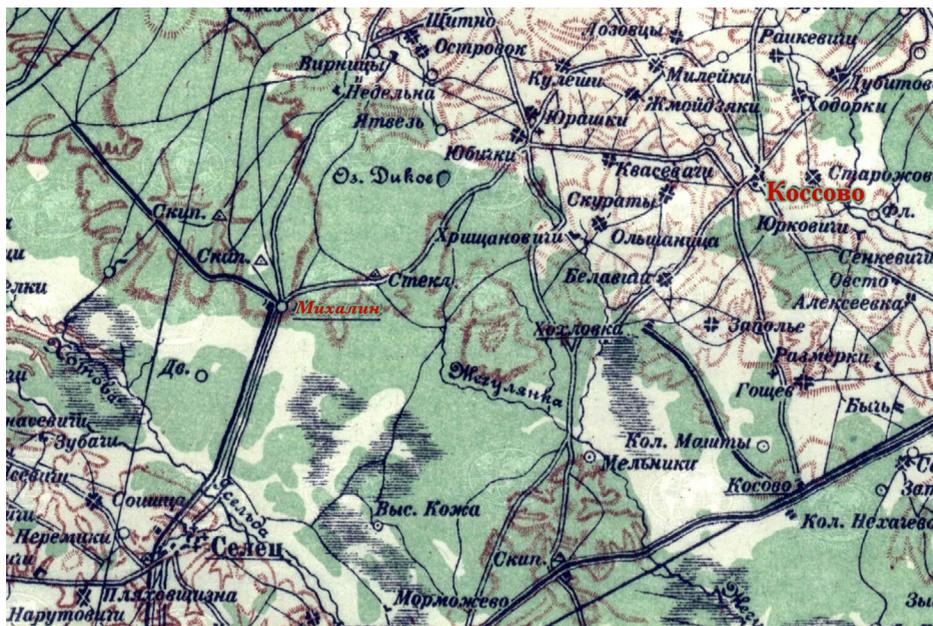
В Москву полетела срочная радиограмма-запрос: «Как быть?» Ответ был краток: «Раненого командира доставить на Большую землю».

Ближайший партизанский аэродром в то время находился на расстоянии двухсот километров, в районе Буневских болот на Червоном озере. Доставка туда капитана была поручена одному из опытейших партизанских вожаков Юлию Беринчику.

Дни складывались в месяцы. В партизанских отрядах к весне было много тяжело раненых. Некоторым требовалось длительное стационарное лечение и квалифицированная медицинская помощь. Всего этого партизанские лазареты обеспечить не могли. Нужно было любыми средствами переправить часть раненых на Большую землю. Связь с нею осуществлялась через десантную группу, которой командовал теперь старший лейтенант В. В. Алисейчик. На совместном совещании командиров партизанских отрядов было решено срочно подобрать и под-

И. Ф. Топкин

готовить площадку для приёма самолёта. Принятое решение было ответом на предложение Центра.

Подходящее место нашли в Гута-Михалинском лесу. Это была просекообразная, вытянутая на два километра и шириной до 350 метров поляна, окружённая с трёх сторон лесом. Грунт, как и требовалось, был твёрдый, песчаный.

Несколько недель готовили партизаны посадочную площадку: убрали мелкий кустарник, заравнивали ямы, срезали бугры и кочки, корчевали пни, самодельными катками трамбовали взрыхленные места. Работали, не жалея сил, но работа продвигалась медленно. Мешала весенняя непогода, да фашистский самолёт-разведчик «рама», который целыми днями висел над лесом, высматривая партизанские базы. С наступлением апреля пришлось увеличить число работающих. Отряды им. Димитрова, Щорса также прислали на стройку бойцов, помогли и находящиеся в партизанской зоне крестьяне. Они прислали несколько десятков подвод. К десятому апреля работа была завершена, площадка готова.

11 апреля солнечным утром из Центра штабом десантной группы была получена радиограмма, что самолётом, вылетающим за ранеными, прибудет на место выбывшего Топкина полковник Льдов, известный партизанам по боевым действиям в восточных областях республики Батя.

Когда через два дня старший лейтенант В. В. Алисейчик с группой десантников Борисом Гусевым, Александром Мирсковым, Михаилом Калугиным, Иваном Моценко и другими прибыли на аэродром для встречи самолёта — там уже было всё готово. Кучи сухого хвороста образовали букву Т, за каждый костёр отвечал сигнальщик. На дорогах, ведущих в гарнизоны городов Коссово, Берёза, Ружаны, выставлены усиленные засады. Восемнадцать раненых, лёжа под деревьями на повозках, ожидали отправки.

Командовал операцией командир партизанского отряда «Советская Белоруссия» капитан Н. В. Бобков. Военный лётчик Н. В. Бобков в одном из боёв был сбит и оказался на оккупированной врагом территории. Выдержка и неукротимая энергия помогли ему организовать и возглавить в начале 1942 года небольшую группу патриотов, выросшую в крупный, в несколько сотен бойцов партизанский отряд.

За последними приготовлениями не заметили, как за макушки деревьев ушло солнце, поиграло на прощание с тучками, разрисовав их разноцветными красками, и спряталось совсем. Небо из золотисто-голубого стало серым, потом потемнело, слилось с горизонтом и зажглось искристыми огоньками — звёздочками.

Партизаны лежали молча. Кто знает, о чём думали они в эти минуты ожидания. Может, о доме, о семье, или о том, что уже вылетел самолёт, который привезёт не только оружие и медикаменты, но и письма от родных и близких. А может, вспомнилось, как год назад они сами такой же ночью прыгали в неизвестность.

Уже дважды Бобков и Алисейчик обошли посадочную площадку, ещё и ещё раз проверяя готовность. Партизаны находились на своих местах. На опушке отдыхала группа бойцов, выделенная для разгрузки и погрузки самолёта.

Алисейчик достал карманные часы.

— Что-то долго нет, — вздохнул он, увидев на светящемся циферблате, что уже четверть второго.

Бобков не успел ничего ответить. С востока послышался тонкий звук самолёта.

— Летит! — вскрикнул кто-то из бойцов.

— Наш! — не выдержал второй.

Алисейчик взглянул на Бобкова. Но тот медлил и не давал сигнала зажигать костры. Он не хотел повторить ошибку, которая ещё была свежа в памяти. В тот раз вот так же ожидали самолёт. Приняв вражеский самолёт за свой, зажгли костры. Вместо грузмешков, качающихся под белыми куполами парашютов, на головы партизан обрушились бомбы и пулемётные очереди.

Самолёт тем временем подошёл к заданному району и, не видя условных сигналов, начал разворот. Вот в этот момент и прозвучала команда: «Дать сигнал!»

Одним за другим вспыхнули пять костров и от центра в сторону запада взмыла вверх зелёная ракета. Все замерли, ожидая ответа.

Самолёт сделал разворот и под его крылом зажглась красная лампочка. Трижды по три вспышки — девять красных точек, разделённых короткими паузами, были ответом на пароль. В костры полетел весь припасённый сушняк, партизаны хотели получше осветить посадочную площадку.

Лётчики повели самолёт на снижение. Вынырнув из-за верхушек деревьев, самолёт включил два мощных прожектора, коснулся земли, подпрыгнул, побежал, замедляя ход, кренясь то на одно, то на другое крыло, и остановился почти у самого центрального костра.

Все кинулись к нему. А из открытой двери по спущенному трапу уже спускался невысокого роста плотный широкоплечий человек. Под лунным светом поблескивала тёмная кожаная куртка, плотно облегающая плечи, у колена болталась большая деревянная кобура с маузером. Вслед за ним на землю спрыгнул рослый чубарый парень. Навстречу партизанам шли два разительно непохожих друг на друга человека: один — как крепкий дуб, выдержавший немало испытаний, знающий себе и своим поступкам цену, уверенно шагающий валкой матросской походкой; другой — как молодой стройный клён, вырвавшийся из стайки сверстников, с гордо поднятой головой и задором идущий навстречу грозе и буре. И никто в эту ночь не знал ещё, что это адъютант командира Саша Шлыков, что больше года он сражался в партизанском отряде на Витебщине, что в его теле тринадцать ран и что в последнем бою он потерял глаз.

— Старший лейтенант Алисейчик!

— Капитан Бобков! — докладывали командиры.

— Полковник Льдов! — представлялся старший, обмениваясь рукопожатием со встречающими.

С поразительной быстротой бойцы разгружали самолёт. Мешки с оружием, ящики с боеприпасами, медикаментами, газеты сразу относились на подводы, с которых снимали раненых. И было удивительно, как в этой спешке бойцы находили время, чтобы рассмотреть впервые увиденный «Дуглас», расспросить лётчиков о Москве, подарить им партизанские сувениры и выкурить полученную взамен, давно забытую по военному времени папиросу.

Г. М. Льдов (Линьков)
фото 1945 г.

Радость от того, что до них, находящихся на самом западе страны, протянулась рука Большой земли, помогла в кратчайший срок подготовить самолёт к обратному рейсу. Загружены припасы для раненых. И вот, последние слова прощания.

Взревели моторы, самолёт вздрогнул, разбежался и оторвался от земли. Но или не рассчитали лётчики, впервые совершив посадку на таком приспособленном аэродроме, или перегруженный самолёт не смог набрать нужную высоту, он зацепил за верхушку дерево в конце поляны и рухнул на землю.

Кто как мог, раненые и лётчики, помогая друг другу, выбрались из загоревшегося самолёта. Партизаны увидели столб огня, слышали взрыв, и к тому времени, когда они подбежали к месту катастрофы, было почти всё кончено. Догорали останки самолёта, недалеко под берёзой стояли и лежали спасшиеся.

Жертв не было. Только ошеломлённый и подавленный случившимся командир корабля сидел на земле, устремив взгляд на обломки, и со стоном повторял одну и ту же фразу из песни: «Перебиты, поломаны крылья...»

Через неделю прилетел новый самолёт. С ним были отправлены раненые и экипаж разбившегося самолёта. А партизанская жизнь шла своим чередом. Полковник Льдов, пополнив десантную группу бойцами из местных партизанских отрядов, приступил к исполнению своих обязанностей.

Прошло несколько дней после этих событий. В район Споровских болот прибыл с группой руководящих партийных работников секретарь Брестского подпольного обкома партии Сергей Иванович Сикорский. Разрозненные партизанские отряды под его участием были объединены в Брестское партизанское соединение. Это способствовало новому подъёму борьбы народных мстителей.

2. Горский бой

В штабе Брестского партизанского соединения закончилось совещание командиров. С. А. Яроцкий, командир 345-го партизанского отряда, политрук 1-й роты С. Н. Бельский и сопровождающие их разведчики возвращались в урочище «Буды» на свою базу. Отдохнувшие кони мелкой трусцой бежали по петлявшей вдоль небольшого канала тропинке. Только поскрипывание венгерских сёдел — трофеев недавних боёв — да лёгкое всхрапывание лошадей нарушали безмолвие заболоченного леса.

Всадники молчали, обдумывая новости, полученные в штабе. Задумавшись, командир не заметил, как оторвался от остальных спутников. Его мысли были всецело поглощены только что состоявшимся разговором с командиром соединения. В памяти всплывала душевная теплота и забота, с которой Сергей Иванович говорил о непомерно тяжёлых условиях жизни партизан. Несколько раз в разговоре он подчеркнул, что жизнью каждого бойца нужно дорожить, как собственной, в любом бою избегать ненужных человеческих жертв. Эти слова Сикорского и предстоящее задание волновали и тревожили одновременно.

Неожиданно споткнувшийся Буланный вывел Яроцкого из задумчивости. Обернувшись он увидел, что спутники отстали, и громко позвал: — Сергей Назарович, давай-ка поближе!

Политрука роты Бельского, кадрового командира Красной Армии, Яроцкий знал уже не один месяц. Познакомились они ещё в первую военную зиму в Берёзинском районе, что на Минщине, когда Семён Адамович создавал партизанский отряд. С. Н. Бельский привёл к нему свою группу, состоящую из 25 человек. Много невзгод и трудностей было на их пути. Более чем 700-километровый переход по вражеским тылам проделал отряд, пока не достиг Брестчины.

Занятые тихой деловой беседой всадники не заметили, как достигли расположения лагеря. Во время беседы с Бельским у Яроцкого сложилось твёрдое мнение, что предстоящую операцию нужно поручить первой роте. Ею командовал опытный партизан старший лейтенант Высоцкий. Отдав коня адъютанту, Семён Адамович направился в свою землянку.

Лёгкий ветерок принёс приятный запах приготовляемой на кухне пицци, и Яроцкий вспомнил, что сегодня он ещё ничего не ел.

— Сергей Назарович, скажи, пусть принесут поесть, да пусть зайдут ко мне начальник штаба и начальник разведки.

...Во второй половине дня рота Высоцкого вышла к шоссе-сейной дороге на отрезок Горск — Лука.

День выдался пасмурный. Серый липкий туман, утром затянувший залитые водой «польские» болота, простирившиеся вдоль шоссе на десятки километров, сейчас начал оседать. Налетающий ветерок сносил его в сторону леса, однако видимость всё ещё была неважной. Движения на шоссе не было.

Партизаны знали, что в ближайших деревнях Горск и Лука расположены крупные фашистские гарнизоны. Гитлеровцы несли охрану нескольких небольших мостов и телефонно-телеграфной связи, протянутой вдоль единственной пересекающей болото дороги — Брест-московского шоссе.

Разведчики установили, что повреждения телефонной линии фашисты исправляют очень быстро. Проходит час — полтора, уничтоженный пролёт восстанавливается и связь продолжает работать. Восстановительные работы связистов охраняет бронетранспортёр с фашистами.

Поэтому задача, поставленная перед ротой Высоцкого, была сложной: уничтожить несколько километров связи, восстановительную команду связистов и их охрану.

Операция была продумана до мелочей. Группа бойцов с четырьмя поперечными пилами и шестью топорами валила телефонные столбы и рубила провода. Другая группа топила столбы и проволоку в болоте. Одновременно отделение подрывников во главе с Павлом Герасимовичем Цыганковым устанавливало мину на шоссе со стороны деревни Лука. 1-й взвод Степана Хижко выдвинулся к деревне Горск и занял оборону правее работающих. На опушке леса, клином разрезавшего болото и почти подходившего к дороге, расположились основные силы роты.

Партизаны настолько были увлечены делом, что не заметили полного исчезновения тумана. Стало светлее и видимость значительно улучшилась.

Гитлеровцы и в этот раз не заставили себя ждать. Как только были уничтожены первые пролёты связи, в Луке взвилась красная ракета. Неизвестно, что она обозначала. То ли это был сигнал тревоги, то ли фашисты сообщали горскому гарнизону, что выезжают на линию.

Минут через 25–30 на шоссейной дороге показались машины. Впереди шёл бронетранспортёр, а за ним, как за при-

крытием, через 30–40 метров друг от друга медленно двигались три грузовые автомашины. На первых двух рядами, тесно прижавшись друг к другу, сидели немцы, на третьей было всего несколько человек, да какое-то имущество. По всей вероятности, телефонные провода, кабель, да шанцевый инструмент для работы.

Метрах в пятистах от опушки леса, увидев разбросанные в болоте столбы, фашисты остановили машины. Несколько человек сошли на обочину шоссе и о чём-то заговорили. Один показывал рукой то на лес, то на дорогу, а другой что-то доказывал, показывая в сторону болота.

— Сергей Назарович, неужели, дальше не пойдут? — высказал вслух сомнение Высоцкий, словно ища у политрука поддержки.

Бельский не успел ответить командиру, так как фашисты направились к бронетранспортёру, и он двинулся дальше. Стало быть, они решили определить весь объём диверсии.

— Вот так-то лучше, — вздохнул Высоцкий и скомандовал: — Приготовиться к бою!

Из уст в уста по цепи передавался приказ командира.

В это время командир подрывников Павел Цыганков, укрывшись за стволом дерева, держал в руках шнур от установленной мины. Он был весь — внимание. Ничто, кроме приближающихся машин, не интересовало его. Не видел он и командира, подползшего в этот момент.

Столб дыма и огня образовался на том месте, где только что находился бронетранспортёр. Грохот взрыва слился со свистом железа, разлетающегося в разные стороны. Со всего имеющегося оружия партизаны открыли огонь по машинам. Всего несколько фашистов успело соскочить и укрыться в небольшом кювете с противоположной стороны дороги. Партизанский огонь был настолько силен, что немцы вначале не оказали никакого сопротивления. Только минут через десять уцелевшие гитле-

ровцы, удирая по кювету в сторону своего гарнизона, открыли бесприцельную стрельбу.

Казалось операция закончилась успешно, осталось подобрать трофеи, как вдруг справа вспыхнула яростная перестрелка. Это спешившие на помощь из Горска фашисты наткнулись на заслон Степана Хижко. Звук боя с каждой минутой нарастал и вскоре, усиленный лесным эхо, расползся по всему массиву. Было трудно отличить, кто и с какой стороны стреляет. Прибывший связной от Хижко доложил, что немцев раза в три больше, чем бойцов взвода, есть убитые и раненые. Фашисты прут на высоту, где укрылись партизаны, прикрываясь шквальным огнём, боеприпасов не жалеют.

— Серёжа, — так всегда в трудную минуту Высоцкий называл политрука, — остаёшься здесь за командира. Скоро появятся гады из Кобриня, а я со взводом поддержу Хижко. Смотри, не дай возможности отрезать наш отход.

Говоря это, он подошёл к Бельскому, одной рукой обнял его и как-то смущённо прошептал: «Это я так, на всякий случай, прощай».

Высоцкий вскочил, держа свой неразлучный ППШ, крикнул: «Второй взвод, за мной!» и, пригибаясь, бросился вдоль дороги. Нужно было преодолеть всего каких-то шестьсот метров расстояния.

Бельский проводил взглядом убежавших за командиром бойцов, ощутив, как беспричинно сжалось его сердце. Усилием воли он подавил возникшее чувство, убедив себя, что всё будет хорошо.

...Подбежав к высоте, обороняемой первым взводом, Высоцкий наткнулся на смертельно раненого Хижко. Узнав склонившегося человека, он ещё успел сказать: «Я сделал всё, что смог, командир...». Фашисты, поливая сплошным огнём оставшуюся горстку партизан, подошли к занимаемой позиции

почти вплотную. Одного взгляда было достаточно Высоцкому, чтобы оценить обстановку.

— Приготовить гранаты, — понеслось по цепочке. Командир роты решил применить испытанный партизанами метод — ошеломить фашистов.

На какой-то миг прекратился огонь партизан. Гитлеровцы поняли, что партизаны начали отходить в глубь леса, и решили их преследовать. Сначала робко, а затем настолько осмелели, что поднялись в полный рост и бросились на небольшую песчаную высоту.

С каждой минутой расстояние сокращалось, и когда оно равнялось 30–40 метрам, на них полетели одновременно десятки гранат, сопровождаемых оружейным огнём. Такого оборота фашисты не ожидали и, оставив несколько трупов, начали отползать назад. Высоцкий приказал уточнить потери роты.

А бой продолжался. Правда, фашисты больше не лезли напролом, видимо, ожидали подкрепления. И оно прибыло. Со стороны Кобрина показалось четыре машины с немцами. Недоехав несколько сот метров до лесу, машины остановились. Гитлеровцы соскочили и цепью, прикрываясь автоматным огнём, пошли в наступление. Завязался неравный бой. Бельский помнил слова командира: «Не пропусти, не дай возможности отрезать фашистам наш отход в глубь леса».

Партизанские пули заставили гитлеровцев залечь в болото.

Слева от Бельского вело непрерывный огонь отделение Николая Губича. Рядом с командиром лежала, посылая пулю за пулей, его спутница жизни — Татьяна. Ещё весной 1942 года оставили они свой родной дом в деревне Журовка на Минщине и пошли трудными дорогами войны. Оглянувшись в их сторону, Сергей Назарович остолбенел: женщина, невзирая на свистящие пули, сидела, прижав к груди окровавленную голову мужа. На окрик она подняла глаза и прошептала: «Убит». Затем, будто очнувшись, бережно положила мужа на землю, подняла

его окровавленный автомат и, став на колено, прислонившись к стволу дерева, посылала одну за другой очереди по фашистам.

Словно из-под земли появился Мамедов — ординарец командира роты. Он задышался:

— Товарищ комиссар! Сергей Назарович! Командир убит!

— Что! — только и вырвалось у Бельского, — где тело командира?

— Медсестра с ранеными унесла его в глубь леса.

— Мамедов, слушай приказ. Передай командиру второго взвода Михаилу Филиппову оставить прикрытие, а всех остальных бойцов отводить в лес на условленное место. Ясно?

— Ясно, товарищ комиссар!

И Мамедов исчез, словно растаял в воздухе.

Бельский понимал тяжёлое положение, в котором находилась сейчас рота, он знал, что жизнь бойцов на его совести. Выход был только один — отходить.

Отходить с боем, без паники.

— Якшин, — обратился Бельский к одному из опытейших партизан роты, которого знал и уважал за отвагу и мужество, человеческую скромность и честность, — возьми двух бойцов с пулемётом из отделения Губича и прикрой наш отход.

— Есть прикрыть отход! — только и ответил Якшин Иван Прокофьевич.

— Тело Губича унесите в тыл, — приказал Бельский одному из рядом стоящих партизан.

— Не дам! — метнулась к мужу Татьяна. — Сама!

И, взвалив ставшее непомерно тяжёлым тело мужа, шатаясь, пошла в глубь леса.

Мысли Сергея Назаровича работали с лихорадочной быстротой. За годы войны он научился слушать и понимать звуки боя, как композитор музыку. Вот стрельба начала затихать, редкие короткие очереди говорили о том, что приказ об отходе действует, стрельбу ведёт только оставленное прикрытие.

Условленное место сбора было в километре от шоссе. Сюда, на небольшую высотку и сходились партизаны. Убитых и раненых в сопровождении бойцов понесли в глубь леса, в направлении деревни Кошелёво. И здесь выяснилось, с какой храбростью и бесстрашием выносила из-под огня раненых медсестра Соня Свостионок (ныне по мужу Жиркова). Шестерых партизан вытаскивала эта небольшая худенькая девушка. Казалось, её ловкие ласковые руки умели облегчить невыносимую человеческую боль.

— Занять боевую позицию и ждать бойцов из прикрытия, — приказал Бельский.

Все затихли, расположившись кто за ягодной кочкой, кто за деревом. Стрельба прекратилась.

Спустя немного времени на поляне один за другим появились бойцы группы Яшкина, оставленные Бельским. Не было только второго дозора. Подождали немного. Сергей Назарович уже собирался послать разведку, когда все увидели странную процессию. Израненные, еле передвигающиеся бойцы несли безжизненное тело Мамедова.

Гитлеровцы не рискнули в лесу преследовать партизан, да и не до этого им было. По данным разведки, только из гарнизона, расположенного в деревне Лука, было убито в этом бою 45 и ранено 18 фрицев. Уничтожены бронемашина и три грузовика. Потери горского и кобринского гарнизонов остались неизвестными.

Дорого обошлась эта операция и партизанам. Пали смертью героев командир роты Иван Семёнович Высоцкий, командир первого взвода Степан Степанович Хижко, командир отделения Николай Александрович Губич, бойцы Иван Евдокимович Бурый и Михаил Мамедов. Тринадцать партизан получили серьёзные ранения.

...В лесу, у дороги бойцы выкопали братскую могилу. Постояли молча, крепко сжимая оружие и смахивая застилав-

шие глаза слёзы. Троекратный залп, да горсть земли — вот всё, что могли отдать они погибшим.

Как после невыносимо тяжёлой работы уходили партизаны на стоянку. А у могилы остались две одиноко стоящие женщины. Глубокая тоска и боль была на их лицах, залитых слезами.

— Пойдём, Таня, — притронувшись к руке подруги позвала Соня.

Губич опустила на колени, на мгновенье прижалась к холодному холму, взяла горсть земли, завернула её в платок. Встала, выпрямилась, закинула за спину автомат убитого мужа и, не оглядываясь, медленно пошла вслед за уходящей ротой.

Бывшие партизаны на могиле И. П. Урбановича
1970-е годы

3. Минное поле

— Алексей Петрович, смотрите, кто к нам приехал, — окликнул командира Иван Залесов, показывая на двух всадников, подъехавших к землянке комендантского взвода.

Обернувшись, Чертков сразу узнал Николая Харитоновича Колтуна, бывшего командира разведки отряда, и его адъютанта Николая Пытляка.

Несколько месяцев назад они были переведены в десантную разведывательную группу, которой сейчас командовал Герой Советского Союза полковник Льдов.

Обрадованный встрече Чертков поспешил к прибывшим.

— Я, Харитонович, думал уже, что ты совсем позабыл свой отряд, — пожимая руки, говорил он, — редко бываешь у нас.

Колтун не оправдывался. Он с отцовской теплотой смотрел в радостно светящиеся глаза друга и чувствовал, как привык

У партизанской землянки возле д. Корочин, 1970-е гг.

он к этим людям, с которыми столько времени делил радости и невзгоды.

Радостно бьющееся сердце подсказало, чего не хватало ему все эти дни — общения с прежними товарищами.

— Я к тебе, Алексей Петрович, по делу, с поручением от Бати.

Улыбка сошла с лица Черткова, оно стало серьёзным и даже чуть-чуть суровым.

— По делу, так по делу, я готов!

— Дело вот в чём, Алексей Петрович. Вчера из Яглевичей приходил наш связной. Да ты его, конечно, знаешь. Это Николай Клютко (Дубок по кличке), секретарь подпольной комсомольской организации. Он рассказал, что два дня назад на станции Ивацевичи разгрузилась венгерская войсковая часть. Часть солдат разместились возле станции, а несколько сотен расквартировались в д. Яглевичи. Сколько их всего — неизвестно, но ясно, что командир в звании полковника. Видимо, не менее полка.

Клютко Николай Степанович

— Что-то я не уловлю сути, Харитонович.

— Подожди, не спеши, сейчас будет и суть, — успокоил его Колтун, — Дело в том, что этой части приказано пройти в Пинск через Телеханы, Иваново, а это значит, всю нашу партизанскую зону. А полковник грозитя разгромить любые партизанские силы и не оставить на своём пути ничего живого.

— Да просто наполеоновский размах! — присвистнул Чертков.

— Вот по этому делу, Петрович, и прибыл я к тебе. Нужно обсудить совместные действия.

— А что предлагает по этому поводу полковник Льдов?

— Раньше, когда действовала узкоколейка, они несомненно воспользовались бы ею, а сейчас у них путь единственный — просёлочные разбитые дороги. Это, по-видимому, и бесит фашистского командира, так как он знает, что трудно по ним пробираться, и чем всё это может кончиться.

— Льдов, — продолжал Колтун, поглядывая на сосредоточенное лицо Черткова, — предлагает провести довольно оригинальный эксперимент. Вот здесь, между деревнями Гичицы и Козики, — он достал из планшета свою потёртую километровку, как её любовно называли партизаны, и расстелил на обтёсанном из брёвен столе, — на расстоянии пятнадцати километров дорога тянется среди топких болот, местами покрытых кустарником и редколесьем. На одном из открытых участков дороги минёры Бати берутся устроить минное поле. Тол, детонаторы, шнур и 10–15 автоматчиков — всё их. Нужны бойцы в засаду. Человек 60–70. Найдёшь, Алексей Петрович? Ведь это такая идея! Этакого ещё в нашей практике не бывало.

Чертков медленно обошёл стол, а затем, смотря в упор, спросил:

— А какого мнения обо всём этом командир соединения? С ним кто-нибудь говорил?

— Не беспокойся, Алексей Петрович. Сикорский поддерживает эти совместные действия и рекомендовал привлечь к этой операции именно твой отряд.

Всю короткую летнюю ночь шёл усиленный за счёт других подразделений взвод Викторина Лопатина к месту предстоящего боя. Подрывники, нагруженные взрывчаткой, немедля ушли на дорогу. Остальные, растянувшись цепочкой вдоль дороги, стали выбирать и готовить себе укрытия. Лопатин, твёрдо зная, что любое воинское подразделение всегда вперёд высылает разведку, приказал отделению Ивана Кулинича выдвинуться метров на пятьсот вперёд в сторону города Телеханы. Викторин

Васильевич обстоятельно объяснил партизанам, что успех всей операции зависит от дисциплины и организованности, что огонь открывать можно только после взрыва минного поля. Предосторожность командира сейчас относилась главным образом к партизанам, которые не только пополнили силы взвода, а превысили его численность.

Пройдя вдоль цепочки залёгших бойцов и посоветовав одним получше замаскироваться, другим поправить укрытие, он ещё раз предупредил партизан, что любой преждевременный выстрел может сорвать задуманное. Когда Лопатин подошёл к минёрам, Алексей Никитин и Епифан Ткаченко закладывали толовые шашки в вырытые в шахматном порядке ямки. Приданные им бойцы тщательно маскировали взрывчатку и тянувшийся извилистой змейкой от мины к мине детонирующий шнур.

— Заканчиваем, товарищ командир, — доложил Ткаченко.

— Чистая работа, — похвалил Лопатин, — маскировка отличная. Знаю, что заминировано, а где установлен заряд, не найду. Что ещё осталось сделать?

— Установить главный взрыватель и замаскировать шнур.

— Видите, он протянут к той копне сена, — Никитин показал рукой в сторону, где метрах в двухстах в небольшом кустарнике стояла прошлогодняя копна сена, — за ней, командир, мы с Ткаченко и укроемся.

Подождав, пока подрывники закончат работу, Лопатин ещё раз хотел убедиться, как ими усвоена задача. Он подошёл к Никитину и тихо спросил: — Лёня, как будем действовать?

— Пропустим, Викторин Васильевич, разведку и голову колонны метров на пятьдесят за минное поле, и рванём.

— Правильно, — сказал командир и, оценивая как это будет в действительности, представил, что колонна фашистов, выпущенная с минного поля, окажется на стволах партизан, лежащих в засаде. Но вслух сказал: — После взрыва вы с Ткаченко будете

отходить в глубь болот километра на два, и только после этого свернёте в лес на соединение с нами.

Лопатин предполагал, что уцелевшие после взрыва фашисты будут спасать свои души как раз в той стороне, где оставались у шнура два друга — минёра. Викторин Васильевич знал, что присланные в его распоряжение минёры за последние трое суток урывками спали всего по несколько часов, а день обещал быть солнечным, тёплым, и он напрямик спросил расположившихся у стога бойцов:

— Не заснёте? Ждать, по-видимому, придётся не один час.

— Не беспокойся, командир, не подведём, не впервые, — с твёрдой уверенностью ответил Епифан Ткаченко, человек крепкого телосложения, не обладавший красноречием.

— Ну, до встречи, — крепко пожал Викторин Васильевич руки подрывникам, поверив больше уверенному тону ответа, чем самим словам, и быстрым шагом направился к взводу, уже готовому к бою.

Всё замерло. Тихо шелестела листва осин и ольхи над головами притаившихся людей, да выводили свою песню телефонные провода.

В напряжённом ожидании время тянется особенно медленно. Всё чаще бойцы посматривали вверх на высокую сосну, в зелёных ветвях которой укрылся наблюдатель.

Прошло полчаса, час... Наконец, по цепочке передали донесение разведчиков:

— Фашисты вышли из деревни Яглевичи в восемь утра. Идёт колонна до трёхсот человек, не менее сотни подвод, на которых пулемёты, лёгкие миномёты. Из деревни взяли нескольких мужиков проводниками.

— Делая по бездорожью километров по пять в час, фашистам до засады нужно идти 2,5–3 часа. Значит, враг недалеко, — сделал вывод Лопатин.

И в этот момент с сосны донеслось:

— Товарищ командир, километрах в двух вижу людей, но не пойму, что такое, впереди гражданские люди.

— Сколько? — одним выдохом спросил Викторин Васильевич.

— Около двадцати.

Командир, как белка, вскочил на ближайшую ель, поднял бинокль к глазам и всё понял...

Соскочив на землю, громко, чтобы слышали бойцы, скомандовал:

— Передать по цепи. Всем нам следует соблюдать маскировку и не стрелять. Фашисты перед колонной гонят гражданское население. Его нужно спасти.

Прошло несколько минут и партизаны увидели страшную картину. Держась руками за палку, плотно прижатые друг к другу, двумя рядами шли крестьяне. Каждый ряд охватывал всю ширину дороги. Метрах в двадцати с автоматами на перевес шло пять гитлеровцев. Фашисты, боясь партизанских мин, гнали впереди себя смертников.

Несколько отстав от этой колонны, гуськом по 2-3 человека шло до пятидесяти солдат. И только за ними, метрах в трёхстах, двигалась основная колонна. Такая предосторожность взволновала партизан. Все взоры прятавшихся приковала дорога.

Фашисты, будто чувствуя эти взгляды, сжались, подтягивались друг к другу. Вот уже первый немецкий дозор миновал минное поле и начал втягиваться в лес.

— Да, — размышлял Лопатин, — многовато их достанется отделению Кулинича.

А в это время главные силы вступили на минное поле. Успокоенные тишиной гитлеровцы расселись на подводы, перебрасывались кнутами. Где-то слышалась игра на губной гармошке.

Одна, другая, ... двадцатая подвода миновала заминированный участок дороги, и Лопатин подумал: «Пора!» И будто

прочитали подрывники его мысли. Вздогнула и взметнулась ввысь земля, обломки телег, враги. Сразу же отозвались пулемёты и автоматы мстителей. И пошла смерть косить своей страшной косой фашистов.

При первых же выстрелах крестьяне, шедшие в голове колонны, бросились врассыпную. Их охрана, поравнявшаяся с отделением И. Кулиничча, была уничтожена, не успев сделать ни одного выстрела. Второе охранение, отстреливаясь, метнулось в сторону и скрылось в лесу с левой стороны от дороги. Оставшиеся в живых на минном поле в панике отходили к Ивацевичам.

Странная картина была на дороге. Изуродованные повозки, бьющиеся в предсмертных судорогах покалеченные лошади, куски немецких мундиров — всё валялось вокруг.

Бой был выигран. На этот раз без жертв среди партизан. Несколько пленных, да десятки единиц оружия были партизанскими трофеями.

Получив должный урок, фашисты больше не пытались испытывать партизанские силы, они изменили свой маршрут: в Пинск они продвигались по центральным магистралям.

4. Бой возглавил комсомольский вожак

В полукилометре от расположения отряда имени Будённого, в трёх просторных землянках, спрятанных под мохнатыми елями, лежало около десятка раненых партизан. Среди них и командир отряда.

Каждое утро приходил к раненым комиссар отряда Павел Константинович Коломийцев. Этот стройный, темноволосый ростовчанин, войной заброшенный в Белоруссию, умел находить тёплые слова ободрения. Он интересовался самочувствием бойцов, рассказывал о последних событиях в отряде, сводках Совинформбюро, выяснял наличие медикаментов, которых постоянно не хватало.

Коломийцев Павел,
фото 1970-х гг.

Не изменил этому правилу он и в этот день.

Посидел у постели командира отделения Николая Ванярхина, чудом уцелевшего в недавнем бою, побеседовал с бойцом, пуля кото-

рому пробила куртку, попав в карман гимнастёрки, в котором лежала вчетверо сложенная ученическая тетрадь, и застряла у самого сердца. Поговорил с остальными ранеными. Настроение у всех было бодрое.

Возвращаясь тропинкой в лагерь в задумчивости, он чуть не наступил на маленького пушистого зверька. Белка пила воду из лужицы. Когда же Коломийцев протянул к ней руку и попытался поймать, она озорно блеснула чёрными бусинками-глазами, распушила хвост и молнией взлетела на самую макушку дерева. Сила, ловкость чувствовалась в каждом её движении.

Вдоволь налюбовался маленькой пушистой шалуньей Павел Константинович. И всё же одна мысль не давала ему покоя, тревожила вот уже несколько дней.

«Справляюсь ли?» — думал он, вспоминая о недавно возложенной на него обязанности.

А дело было в том, что его, одного из самых молодых комиссаров соединения, назначили первым секретарём Берёзовского подпольного райкома комсомола.

Павел Константинович понимал, что теперь он в ответе не только за действия своего партизанского отряда, но и за создание подпольных комсомольских организаций в оккупированных деревнях Берёзовщины, за активизацию их борьбы с гитлеровцами.

С этими мыслями он подошёл к землянкам отряда. Партизаны только окончили завтрак. Сидя большим кругом, они чадили самосад, оживлённо переговаривались. Кое-кто выбрасывал шутку, которая сопровождалась общим хохотом. В стороне бойцы чистили оружие, ремонтировали одежду.

«Хорошее настроение у ребят,» — подумал комиссар, подходя к группе бойцов.

— В порядок приводим оружие, товарищ комиссар, — не отрываясь от работы, произнёс Михаил Сивоконь. — Смазать бы их — показывая на потускневшие части, продолжал он, — да, жаль, оружейного масла нет...

— Ничего, Миша, — перебил его Пётр Котков, — фашисты так получили, что теперь не скоро сунутся в партизанскую зону, будет некоторый отдых твоему ППШ, вычистишь до блеска. Правильно я рассуждаю, Павел Константинович? — повернулся он к комиссару.

Коломийцев хотел вступить в этот радующий душу разговор, но увидел из последних сил бегущего к лагерю связного с наблюдательного пункта.

— Товарищ комиссар, немцы! — выпалил боец.

Партизаны вскочили, наступила секундная тишина.

— Где? Сколько!?

— Спокойно, товарищи! Рассказывай по-порядку, — обратился Коломийцев к связному так, как будто речь шла не о приближающемся враге, а о самых обыденных вещах. Его спокойный тон остудил пыл прибежавшего связного.

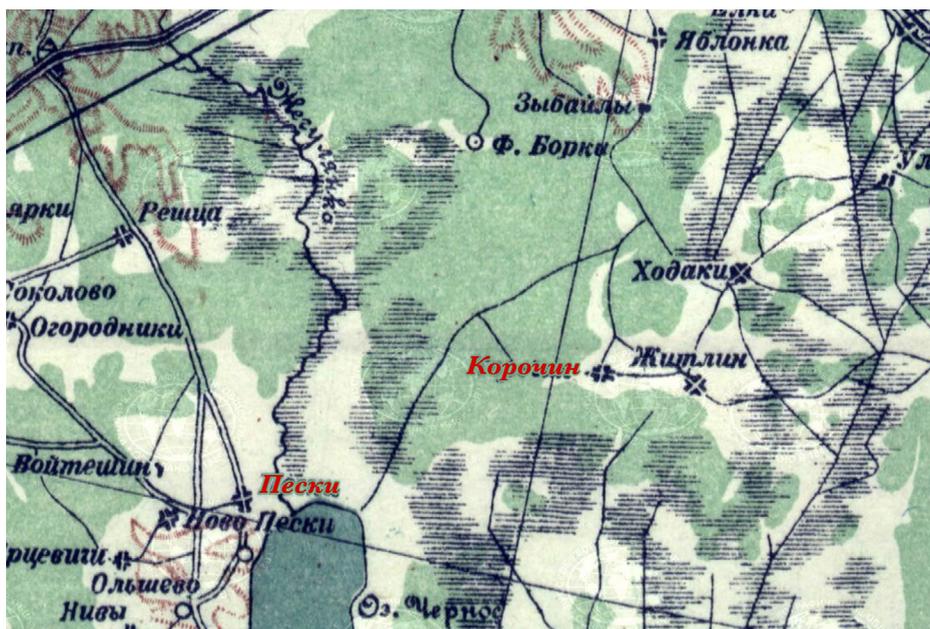
— Сейчас они в трёх километрах отсюда, — сказал боец. — Их 70–80 человек. Идут гуськом, в сторону деревни Корочин, маскируются. Заставу 345-го отряда обошли с северо-западной стороны старой лесной заросшей тропой.

— Колонна одна?

— Замечена одна...

— Отряд, тревога! — громко скомандовал Коломийцев и, повернувшись к связному, приказал: — Давай назад! Да смотри в оба, не покажется ли фашистам подкрепление.

Как в растревоженном муравейнике, в партизанском лагере началось движение. Бойцы рассыпались по землянкам и тотчас оттуда выбегали с оружием в руках.

Прибежали к штабу командиры рот Валентин Богданов и Григорий Ермоленко. Застёгивая на ходу ремни, выскочили из штабной землянки начальник штаба Г. Шацков и начальник разведки Б. Абрамов. Адъютант принёс Коломыйцеву изрядно потёртую полевую сумку и автомат.

Павел Константинович обратился к собравшимся:

— Товарищи! До сотни немцев зашло к нам в тыл. Они сейчас в двух — трёх километрах от расположения отряда. Думают напасть на нас неожиданно. Наша задача их опередить, встретить у старой линии обороны. Приказываю: роте Богданова занять левую сторону участка, роте Ермоленко — правую от дороги.

— Георгий, — обратился он к начальнику штаба, — будешь с Богдановым, а я останусь на правом фланге.

Получив приказ, обе роты устремились навстречу гитлеровцам. В лагере остались только разведчики, да часть хозяйственного взвода.

— Абрамов, пошлите два верховых в 112-й к Черткову и в 345-й к Яроцкому. Нужно предупредить их, что в тыл пробрались фашисты. Остальных всех использовать на охрану раненых. Пусть будут готовы эвакуировать их в глубь леса. С ними останется врач Орлинская, — продолжал командовать комиссар. — Закончите, вместе с медсестрой Лидией Хотько придёте ко мне в роту Ермоленко.

— Есть! — коротко бросил Абрамов, и слышавшие разговор разведчики кинулись исполнять поставленную им задачу.

Линия обороны, о которой шла речь, была метрах в восьмистах от лагеря. Несколько месяцев назад партизаны оборудовали здесь огневые точки, пулемётные гнёзда, неглубокие траншеи. Время хорошо замаскировало их. Оборону готовили во время прошедшей блокады, на случай прорыва фашистов со стороны деревни Корочин. Теперь она пригодилась.

Когда Павел Константинович пришёл в роту, партизаны уже приготовились к бою. Фашисты ещё не подошли, и, коротая

время, лежащие в засаде бойцы тихонько обсуждали вопрос: как могли немцы пройти более десяти километров по партизанской зоне незамеченными.

— Павел Константинович, чем это можно объяснить? — спросил Ермоленко.

— В Песковском гарнизоне служат в полиции несколько местных предателей. Они хорошо знают здесь каждую тропинку. Я думаю, что они служат проводниками. А заставу 345-го, по-видимому, они обошли ночью, в темноте. Да и сейчас по времени они должны бы уже быть здесь, а их не видно. Почему?

И, отвечая на свой вопрос, комиссар продолжил:

— По всей видимости, они убеждены в том, что их никто не заметил. И чего-то выжидают. Может, выбирают момент для нападения. Может, так будут ожидать до вечера, чтобы уничтожить спящий отряд. А может, у них совсем другая задача — быть в резерве, пока в бой не вступит 345-й или 112-й отряд, и нанести удар в спину! Много вариантов можно предположить, Гриша.

Прошло полчаса, час... Время приближалось к полудню. И вдруг.

— Товарищ комиссар, идут!

Пятьсот, триста метров разделяют две группы людей. Фашисты хорошо видны невооружённым глазом. Медленно двигаясь гуськом с интервалом в три — пять метров, они почти сливались с зелёным подлеском. Пройдя ещё метров пятьдесят, они остановились и, словно по команде, повернулись направо и образовали цепь по всему фронту.

«Вот вам и движение «гуськом», — подумал комиссар, заметив, что за первой цепью идет прикрытие. Коломыйцев прислушался. Нет, стрельбы не было ни у Черткова, ни у дяди Сени (так любовно партизаны называли С. А. Яроцкого). Стало ясно, что немцы решили нанести удар по его отряду во время обеда. Не выйдет!

Каждая минута сокращает расстояние, и когда оно достигло 30–35 метров, партизаны открыли огонь. Но гитлеровцы не бросились удирать. Они залегли и начали ожесточённо отстреливаться. Невообразимая трескотня, усиленная эхом, прокатилась по лесу. Партизан спасала траншея. Немцы, оказавшиеся на открытом месте, несколько отползли назад, но стрельбу не прекратили. Особенно сильной была перестрелка на стыке двух рот, где фашистов укрывала небольшая ложбинка.

Бой шёл уже второй час, а результатов должных всё не было. Не имели преимущества и немцы. Партизаны занимали более выгодные позиции, гитлеровцы располагали в избытке боеприпасами.

«Что же делать?» — думал Павел Константинович. — «Во-первых, необходимо доложить обстановку в штаб соединения и попросить подкрепления боеприпасами (он несколько слов быстро набросал на бумаге и передал начальнику разведки). Во-вторых, нужно попробовать создать фашистам обстановку окружения. Скрытно выдвинуть по взводу на фланги и ударить одновременно. У немцев будет единственный выход — отходить по болоту. Вот тогда и начать преследование».

— Зубовский, — позвал он секретаря комсомольской организации отряда, — пойдёшь в роту Богданова, передашь начальнику штаба этот приказ. — Комиссар протянул сложенный вдвое листок записной книжки. — Назад не возвращайся, будешь со взводом на левом фланге.

Расчет был правильным, нервы гитлеровцев не выдержали. Увидев, что по ним ведётся интенсивный огонь с трёх сторон, и боясь полного окружения, фрицы начали отходить в сторону болота, покрытого редким мелким кустарником.

Здесь-то на открытом месте и попали они под перекрёстный партизанский огонь. За два часа боя фашисты потеряли 19 человек убитыми, 8 было ранено, 2 взято в плен. На пути бегства небольшие группы гитлеровцев попадали в засады

Эшелоны не прошли

Первая военная зима была на редкость холодной и вьюжной. Тяжело приходилось тогда первым лесным жителям — участникам зарождавшегося партизанского движения. Почти не было тёплой одежды, с огромными трудностями добывали продовольствие.

Однажды командиру группы Василию Монахову стало известно, что братья Быки Павел и Василий и некоторые другие жители деревни Огородники в первые дни войны понатащали из оставленного нашими отступающими частями обоза много обмундирования. Было решено часть его изъять.

На лесной опушке недалеко от деревни Огородники приткнулся хутор, состоящий из нескольких домишек. Сюда после проведенной ночной операции по изъятию военного имущества зашли партизаны. Они знали, что здесь живут преданные Советской власти люди — семья Трутко.

Из пришедших Володя Трутко знал только двоих — Монахова и Губарёва, остальных он видел впервые.

Хорошенько занавешены окна. На столе появилась нехитрая крестьянская еда. Рады люди горячей пище, теплу домашнего очага. Тихо течёт беседа. Деду Володи всё хочется знать, что нового в соседнем районе, нет ли вестей с фронта. А брат Володи — Александр — в это время, откинув щеколду, вышел во двор. В доме услышали слабый вскрик и звуки какой-то возни. Мгновение — и погашен свет. Все прильнули к замерзшим окнам. На фоне снега они увидели перебегающие тёмные фигуры.

— Облава, — вслух подумал Володя. — Что делать?

А дед сразу, как будто с давно уже принятым решением, сказал: — Уходите, братцы, все уходите. Я стар, я уже пожил своё. Останусь с малыми. Будь, что будет!

Бросив в полуоткрытую дверь гранату и крикнув: «За мной!», Монахов первым выскочил во двор и дал автоматную очередь. Кто-то вскрикнул и свалился за забором.

Группа партизан, выскользнувших из дома, укрылась за погребом, стоявшим ещё ближе к лесу.

Началась беспорядочная перестрелка, однако пули никого из партизан не задели. Они короткими перебежками устремились в лес. Сзади всё ещё раздавались автоматные очереди, а вскоре в стороне хутора показалось зарево.

«Всё, побили гады родных!» — с горечью подумал Володя, шагая вместе с партизанами...

Так, морозной февральской ночью началась его новая, партизанская жизнь.

Трутько Владимир Степанович, г. Тула, 22 ноября 1946 г.

Чувство жгучей ненависти к фашистам не покидало Володю. Перед его мысленным взором одна за другой возникали картины виденных страшных расправ с людьми. На его глазах осенью немцы расстреляли двенадцать деревенских активистов. Среди них были милиционеры Николай Павлович Медведь и Пётр Борисович Ковалевич, депутат сельского Совета Антон Трофимович Данилкович и другие.

Вспоминалось, как в то же примерно время к их дому подъехала машина с фашистами. Они выгнали всю семью из дома, поставили лицом к стенке с поднятыми вверх руками. В доме всё перерыли, разбросали вещи и книги, сорвали полы. Фашисты искали отца Володи — Степана Алексеевича Тругько, бывшего КПЗБ, работавшего накануне войны заместителем председателя Берёзовского райисполкома. Ничего не найдя, фашисты уехали, пощадив на этот раз всю семью. А что там теперь...

Позднее стало известно, что немцы сожгли хату и расстреляли тётку Володи. Деда же и малолетних двоюродных братьев и сестёр не тронули. Навели же на хутор полицаев из Соколова крестьяне, у которых было изъято военное имущество.

Потекли партизанские будни. В то время в группе Монахова было около двадцати человек. Силы небольшие, да и вооружение слабое: винтовки, пистолеты. Автомат был только один, а пулемётов не было вовсе. Оружие добывали в бою. И хоть трудно было выполнять боевые операции, но не проходило недели, чтобы партизаны не давали о себе знать. То обстреляют идущую колонну автомашин, то уничтожат линию телефонных проводов между гарнизонами и полицейскими участками.

Но когда народные мстители выследили и поймали прибывшего вместе с немцами в деревню Нивы бывшего хозяина имения, фашисты организовали их преследование. Погоня длилась несколько дней, а следы зимой — вот они, на снегу, всё видно: сколько людей шло и в какую сторону.

Пришлось оставить обжитую стоянку и уйти в глубину леса. А фашистам большего и не надо. Тотчас в газетах они подняли крик, что покончили с «лесными бандитами», а для придания этому большей правдоподобности фотографии сожжённой и разорённой стоянки поместили.

Но не тут-то было. Партизаны появлялись почти ежедневно то в одной, то в другой деревне. А вскоре растаял снег, потеплело. Распустившиеся деревья и кусты надёжно укрыли народных мстителей. Группа Монахова влилась в партизанский отряд № 112.

После встречи с посланцами «Большой земли» — десантниками, стала реальной возможность наносить врагу чувствительные удары на железных дорогах. Для этой цели были созданы диверсионные группы. В одну из них, которой командовал Григорий Стецов, и вошёл Володя Трутько.

За шестнадцать месяцев партизанской жизни он побывал уже не на одном боевом задании: участвовал в разгроме Мотольского полицейского участка, сопровождал обоз с раненым командиром десантников капитаном Топкиным на партизанский аэродром, ходил на железную дорогу.

Пожалуй, последнее было самым трудным. Чтобы пустить под откос эшелон, нужно было детально изучить подходы к железной дороге и систему её охраны. Часто на эту работу затрачивалось немало времени. Фашисты делали железнодорожное полотно всё более неприступным. Если в начале войны можно было подкопать рельсы, развести их, то теперь не помогали даже мины нажимного действия. Немцы нашли от них спасение: впереди паровоза они цепляли две платформы, наполненные песком. При небольших скоростях это практически спасало поезда от повреждений. По обеим сторонам железнодорожного полотна двухсотметровую полосу фашисты совершенно очистили от леса и кустарника, на следующих двухстах метрах провели прореживание. Вдоль полотна железной дороги был

сделан забор из колючей проволоки, на ней были подвешены куски жести, пустые консервные банки, которые при прикосании к проволоке издавали невероятный шум. На наиболее опасных участках были установлены мины, оборудованы огневые точки с круговым сектором обстрела.

И всё-таки летели под откос эшелоны. Партизаны использовали наиболее надёжный способ взрыва при помощи электродетонатора и выдергивания чеки с помощью шнура. Но оба эти способа были и наиболее опасными, так как после установки мин нужно было ожидать прихода эшелона.

В диверсионной группе Стецова было одиннадцать бойцов. Кроме Володи Трутько в неё входили и другие жители Берёзовского района — Василий Волк и Степан Мшар.

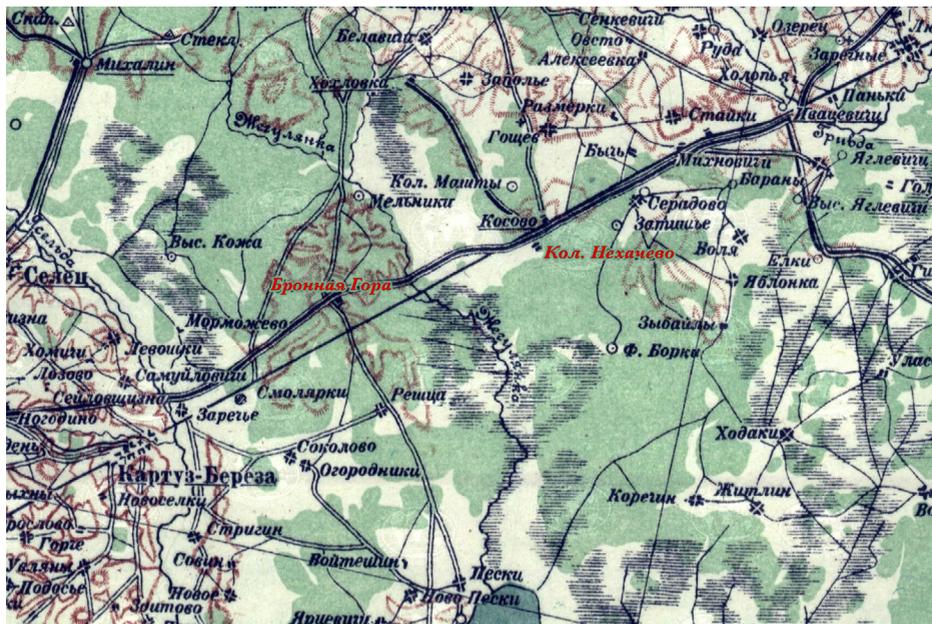
Сотни километров прошли диверсанты за военные годы. Были под Барановичами, Оранчицами, Пинском и Брестом. Подрывное дело изучили так, что в любую минуту могли заменить не только минёра Василия Волка, но и любого члена группы.

Как-то летом группе Стецова не повезло. Дважды ходили они на дорогу на обширном участке от Оранчиц до Нехачёва, но в первую ночь их заметила и обстреляла охрана, в другую напоролась на фашистскую засаду.

Отойдя в глубину леса на одну из запасных баз, огорчённые неудачей, обсуждали они, что предпринять, как выполнить задание. Одно за другим предложения отвергались. Обратились к Володе Трутько — ведь он здешний и знает в районе Бронной Горы все ходы и выходы.

— Лучшего места, чем у реки Жигулянки, думаю нам не найти. Между шоссейной и железной дорогами здесь получается как бы мешок. Залезать в него опасно, но фашисты в этом месте удара не ждут, охрана здесь ослабела. Правда, нам могут отрезать путь к отступлению, но без риска удачи не бывает...

Река Жигулянка шириной до 10–15 метров спокойно течёт в своих низких берегах, пересекает под прямым углом

шоссейную и железные дороги. В мирное время её живописные берега привлекают рыбаков. Русло речки как бы отделяет большой лесной массив от широкой болотистой поймы, которая в паводок становится большим озером.

Решили попытать счастье именно в этом месте.

После отдыха, на заходе солнца, партизаны цепочкой вышли к шоссе Брест — Минск напротив Бронной Горы. Движение на дороге было оживлённым. Одна за другой шли машины. Пришлось долго ждать удобного случая, чтобы по одному перебежать через шоссе. А вот и подходящее для диверсии место. Впереди железная дорога, справа река Жигулянка. Только бы не выдать себя.

Василий Волк и Василий Степушкин ушли вперёд, ближе к железной дороге и стали вести за ней наблюдение.

Прошёл час. Внезапно налетел ветер и заглушил шум машин,двигающихся по шоссе. Немного спустя упали первые крупные капли дождя, грянул гром. Усталость и напряжение сняло как рукой. «Неужели, повезло?» — подумал командир. По

его сигналу партизаны осторожно стали продвигаться к железной дороге. Возле полотна не было ни души. Видимо, гроза загнала охрану в бункер. В промежутках между молниями так темно, что хоть глаза выколи. А потом опять ослепительный свет и такой грохот, будто попал под артиллерийский обстрел.

Мешкать нельзя. Летняя гроза мимолётна. Волк и Степушкин, плотно прижимаясь к земле, поползли к насыпи. Остальные партизаны разбились на группы и заняли свои места справа, слева и позади минёров.

Григорий Стецов держит конец разматываемого шнура. Вот он дёрнулся и замер. Мучительная, гнетущая неизвестность. Что случилось? В любую минуту все готовы прийти на помощь товарищам. Но шнур дёрнулся и вновь пополз. Значит, всё нормально.

В проблеске молний сквозь пелену дождя командир старается рассмотреть возвращающихся минёров, но это ему не удаётся. Темнота укрывает их. И вот, над ухом Стецова раздаётся шёпот:

— Всё в порядке, товарищ командир, мина стоит на пути, ведущем в сторону фронта, шнур замаскировали.

Через несколько минут все собрались в лесу у конца шнура. Остаётся только ждать.

— Володя, твоя идея, тебе и шнур дёргать, — говорит Стецов Трутько.

Коротка июльская ночь. Гроза ушла, отгремела, дождь перестал, начинает брезжить рассвет, а поезда идут всё от фронта по соседнему пути. Что это, случайность? Или другая группа западнее нарушила движение?

Медленно на дрезине проехал патруль, но на счастье ничего не заметил. Видно, дождь не вымыл шнур, знать, добротню сработали ребята.

«Но что же делать? Мину переставлять уже поздно, неужели и на этот раз всё было впустую?» — думает Стецов.

Стало совсем светло, из-за горизонта на голубое безоблачное небо выплыло умытое солнце. И в это время слева послышался нарастающий шум идущего поезда. Над миной проносятся страшные платформы с песком, затем паровоз, первый вагон... Пора!

Володя дёргает шнур. Взметнулась ввысь ослепительная вспышка, а за ней раздался могучий раскат взрыва. Паровоз, вагоны, резко оборвав стремительный бег, полезли друг на друга и полетели под откос, всё ломая, круша на своём пути. Сразу, как бешенные, заработали пулемёты и автоматы, но фашисты стреляли в противоположную от партизан сторону. Они не могли даже подумать, что подрывники ушли в направлении шоссейной дороги, откуда беспрерывно доносился гул машин.

К вечеру группа вернулась в расположение отряда. Измученные, но окрылённые успехом, докладывали они о выполнении боевого задания. Эшелон с боевой техникой не прошёл к фронту. Это был один из одиннадцати эшелонов, пущенных под откос группой Стецова, в которой самое активное участие принимал Володя Трутко.

«Невеста»

Командир специального десантного отряда полковник Льдов в задумчивости склонился над картой. Стоящий в землянке полумрак скрадывал его коренастую фигуру. Тусклый свет единственного маленького окошка освещал лишь сделанный из тёсаных брёвен стол с лежащими на нём картой и полевой сумкой.

Командиру не давала покоя полученная из Центра радиogramма. В ней указывалось, что разведданные о передвижении войск и техники противника в сторону фронта доходят по назначению с большим опозданием, и поэтому не могут быть эффективно использованы. От него требовалось исправить положение.

Что предпринять? Полковник перебрал десятки вариантов, но выхода не находил. Его огорчало, что кропотливая работа разведчиков, сопряжённая с большим риском, сводится к нулю.

С этими мыслями Григорий Матвеевич вышел из землянки и направился по единственной протоптанной здесь сухой тропинке вдоль полноводного канала, протекающего среди обширных Пинских болот.

Прогулка освежила. Приказав дежурному по штабу позвать к нему Н. Х. Колтуна, он вернулся к прерванному занятию и так углубился в размышления, что не слышал, как тот вошёл. Тихий стук о печку «буржуйку» неосторожно поставленного автомата оторвал Григория Матвеевича от размышлений, он поднял голову:

— Извините, Николай Харитонович! Присаживайтесь. Задумался.

И когда начальник разведки сел, всё тем же спокойным голосом полковник продолжил:

— С радиограммой Центра Вы знакомы. Но я хотел бы и просил бы Вас, чтобы завтра в 10:05 Вы изложили свои соображения.

«10 часов 05 минут... Время установлено точное,» — подумал Колтун. Такая уж была привычка у командира — не округлять цифры, если это относилось даже ко времени. Он иногда говорил, что человеческая память устроена таким образом, что эти 05 или 07 минут врежутся в неё прочно и останутся надолго. Быть точным.

— Хорошо, — ответил Николай Харитонович, — буду думать. Выйдя из землянки командира, он подозвал разведчика Николая Пытляка и сказал:

— Седлай коней, Николай!

Вернулись они глубокой ночью, а утром, ровно в назначенное время, Николай Харитонович излагал свой план.

— Умно придумано, — только и сказал полковник. — Я думаю, у комиссара возражений не будет, — повернулся он в сторону старшего политрука Василия Цветкова, молча слушавшего доклад.

В. А. Цветков

— Согласен, — коротко проговорил Цветков. — Пожалуй, лучшего варианта нам не придумать.

Полковник медленно поднялся и как о решенном вопросе сказал:

— Хорошо, о нашем едином решении я сегодня же доложу Центру.

Из землянки, где размещалась радиорубка, расправляя на ходу гимнастёрку, вылезшую из-под ремня, вышел капитан Илларионов, кото-

рый возглавлял радиосвязь в штабе отряда. Поздоровавшись с Марией Григорьевной Свиргун, старшим поваром штаба, капитан, на ходу шутя, спросил насчёт «морального духа» и чем сегодня она обрадует бойцов. И, услышав в ответ: «всё тем же», что означало суп без картошки, он быстро прошёл в землянку командира.

— Товарищ полковник, радиограмма!

Командир взял протянутый листок и прочитал:

— Сегодня ночью в установленном квадрате встречайте ценный груз. Опознавательные сигналы остаются прежние.

— Вот и хорошо, по-видимому, Центр присылает её, — промолвил командир и попросил срочно к нему пригласить Калугина и Колтуна.

Начинались сумерки, когда начальник штаба капитан Калугин покинул расположение штаба и с группой в 16 человек ушёл встречать самолёт с Большой земли.

Тени деревьев создавали в лесу темноту, казалось, что ночь уже вступила в свои права. Но стоило выйти на открытое болото, как сразу менялась картина. Чётко вырисовывались островки кустарников, отодвигалась вдаль стена чёрного леса, а в извилистой речушке, вдоль которой они шли, отражался бледный месяц и ещё редкие звёзды.

Михаил не замечал всей этой красоты. Он был поглощён мыслями о данном ему задании. Почему командир сказал, что за «ценный груз» он отвечает головой и просил, чтобы меньше людей видели посланца с Большой земли? Видимо, готовится что-то очень важное.

Калугин, кажется, всё предусмотрел, всё предпринял. Заранее в условленный квадрат посланы сигнальщики, которые подготовят легковоспламеняющийся материал для костров. Высланы партизаны в оцепление.

Но что-то всё же не давало ему покоя.

Ночь постепенно сгущалась. Было уже за полночь, когда послышался далёкий, постепенно нарастающий гул самолёта.

— По местам! — прозвучала команда, и все мгновенно пришли в движение.

Через несколько минут в ночной темноте вспыхнули пять костров. Самолёт сделал круг, и оттуда из небесных глубин стали появляться светлые купола парашютов. Небольшой ветерок относил их в сторону от горящих костров. За каждым из них тотчас устремилась поисковая группа.

Самолёт делал последний круг, когда Калугин заметил, что последний парашют понесло дальше других в сторону леса. «Лёгкий, вероятно, человек», — подумал Михаил.

Через полчаса тринадцать грузмешков, сброшенных с самолёта, были найдены и принесены на сборный пункт. Но Калугин считал парашюты и знал, что их должно быть четырнадцать. Значит, не найден тот, последний.

Увеличенная поисковая группа направилась в сторону тёмного леса.

Прошло ещё полчаса. Партизаны подавали условные сигналы, звали, кричали, но им отвечало только лесное эхо.

Капитан начал волноваться. Ведь в четырнадцати километрах отсюда в деревне Пески вражеский гарнизон. А что, если?... Но нет, не может быть... Самый главный груз, о котором предупреждал полковник, должен быть недалеко, где-то на опушке леса. Так в чём же дело, почему его не нашли?

Оставив охрану у собранного груза, Калугин тоже отправился на поиск. Подходя к опушке, он услышал, что Алексей Попеня с кем-то громко разговаривает. Он, резко повернув, побежал к нему.

А Алексей Попеня, возвращаясь из леса, решил полюбоваться звёздным небом, поднял вверх голову, вздрогнул от неожиданности и присвистнул. Запутавшись стропами в ветвях высокой стройной ели, метрах в трёх от земли висел

парашютист. Ветви и парашют не позволяли ему дотянуться до ствола.

— Так вот ты где!?! — вырвалось у Калугина.

Фигура, висевшая до сих пор неподвижно, вдруг конвульсивно задёргалась и к ногам Попени упал пистолет.

— Стой, ты чего! Сейчас поможем, снимем! — закричал он. Но человек продолжал дёргаться и боец понял, что тот обрезает стропы. — Стой, дурень! Свои! — вновь закричал Попеня, но уже отлетела последняя стропа и человек камнем полетел вниз.

В это время и подбежал Калугин.

В штабе царило всеобщее оживление. Распаковывали груз-мешки, вынимали из них дар Родины: тол, патроны, автоматы, обмундирование, медикаменты. С удивлением рассматривали новую офицерскую форму, погоны. Всё это относили в большую землянку, названную центральным складом. Полученное

А. Н. Халаджиев и М. А. Калугин, фото 1940-х гг.

Лаврентий Бриль брал на строгий учёт и аккуратно раскладывал на полках.

А в землянке командира Льдов, Колтун и Шлыков с нетерпением ожидали заключение врача, осматривавшего прилетевшую девушку. Не хотелось думать, что такой нелепый случай сорвёт хорошо подготовленную операцию.

Открылась дверь, и в землянку вошёл майор медицинской службы А. Халаджиев.

— Закрытый перелом правой ноги, товарищ командир! Месяца два придётся лечить.

Сомнений не оставалось — девушка выполнить специальное задание не сможет. Что же делать? Как быть? Ведь всё готово. К операции привлечено около десяти человек. Отменить её? Нет, нельзя, под удар будут поставлены свои люди, работающие у немцев.

— Разрешите, — попросил Николай Харитонович. — Выход я вижу только один — вместо присланной девушки послать одну из радисток штаба. На мой взгляд, Лиду Шелухину.

Полковник задумался, а потом резко приказал Шлыкову:

— Зови её, Саша!

Перешагнув порог землянки, Лида застыла от неожиданности. Таким полковника она никогда не видела — в военной форме, с золотыми погонами (это подарок Большой земли). Как же преобразился он, ещё вчера ходивший в штатском костюме!

Видя смущение девушки, Льдов по-отцовски, ласково обнял Лиду за плечи и усадил рядом с собой. Пробежав по ней пронизательным взглядом, он вспомнил, что где-то в Москве его ждет родная дочь, такая же юная, как эта сидящая перед ним девушка. Смог он бы её вот так, как эту, отправить на такое задание? Он задумался. «Да, смог бы, это долг перед Родиной».

А Лиде сказал: — Посоветовавшись с Николаем Харитоновичем, мы решили, Лида, поручить Вам одно из самых

ответственных специальных заданий. Вам придётся работать в стане врага. Это очень трудно, но от нас этого требует долг перед Родиной. Так сможете ли Вы?

Лида молчала. А Льдов же продолжал: — Мы сделаем всё, чтобы Вы были на легальном положении, с подлинными документами.

Не задавая лишних вопросов, она лишь спросила:

— Когда?

— В ближайшие дни. Детали позже...

Бычков, Шелухина, Мирсков
фото 1942 г.

Три дня Лида занималась подготовкой: то изучала по карте названия деревень и рек, про которые раньше не слыхивала, то зубрила новую свою биографию. Иногда ей казалось, что она не сможет выполнить требуемое, и на глаза сами собой набегали слёзы страха и жалости к себе.

Но через некоторое время вновь приходила уверенность в свои силы.

Приготовление окончилось, и жарким июньским днём 1943 года радистка партизанского отряда Лида в составе диверсионной группы ушла на задание.

... По дороге в районный центр Ивацевичи неспеша идут две деревенские девушки. У одной корзинка с небольшим куском сала и десятком яиц, у другой — связанный в узелок головной платок с какими-то вещичками. Девушки весело переговариваются, смеются. Лида знает, что её попутчице велено отвести её в семью советских патриотов — к Анне Ефимовне Русак в деревню Михновичи, что возле Ивацевич. На окраине города

они встретили первых фашистов. Дрожь пробежала по коже, но, видя, как уверенно держится спутница, Лида успокоилась.

Анна Ефимовна встретила Лиду так, как и положено встречать близких родственников — обняла, поцеловала.

И началось у Лиды, городской девушки, приспособление к новой обстановке. Нужно было привыкнуть к нехитрой деревенской работе. Вместе с Анной Ефимовной она доила корову и готовила корм свиньям, варила пищу, стирала и мыла полы. Под присмотром «тёти» училась накрывать прилично на стол и ухаживать за огородом. А заодно училась по-белорусски разговаривать, учила новые для неё названия предметов. Рядом с хлопотливой тётушкой не оставалось времени для грусти. Дни летели незаметно.

Алексея Ивановича Белого Колтун знал уже не один год. Этот статный и крепкий, словно дуб в лесу, немногословный мужчина как-то по особому выделялся среди односельчан. Уважали Алексея за доброту и отзывчивость. Вот почему с приходом фашистов односельчане упросили назначить его заместителем бургомистра (а бургомистром тоже был советский патриот). Они знали, что на плохое Алексей не способен. От неожиданной чести Алексей более двух недель «болел», а при встрече с Николаем Харитоновичем стал проситься в отряд.

— Погоди, Алёша, — уговаривал его Колтун. — Ты здесь нужнее. Это хорошо, что тебе верят люди и доверяют фрицы. Ведь главное не кем быть, а на кого работать. В отряд для тебя всегда дорога открыта, а пользы для Родины ты можешь принести гораздо больше, если будешь здесь. Смотри, не подведи, не дай повода к подозрению.

Деревня Михновичи оседлала на западных подступах к Ивацевичам сразу две дороги — шоссейную и железную. Дом Алексея Ивановича стоял между ними. Из его окон открывался вид и на одну дорогу, и на другую. Не один раз передавал

Придумайте, где и как можно спрятать рацию. Это, Алексей Иванович, сильнее взрыва комендатуры и вокзала вместе взятых.

И с лукавой улыбкой добавил: — А о «невесте» не беспокойся, она молода и красива.

По дороге домой Алексей Иванович всё думал про необычное задание. «Фиктивный брак... фиктивный брак...» — как молотом стучало в голове.

Постепенно всё уладилось. Состоялось знакомство с «невестой», соблюдены все деревенские обычаи, положенные в данной ситуации. Назначен день свадьбы, молодые отправились регистрироваться.

Лида получила новую фамилию — Белая. Свадьбу справили с размахом. На торжестве присутствовали и высшие чины гестапо, жандармерии и полиции. Ведь не так часто женятся заместители бургомистра.

Как и положено, через несколько дней привезли приданое невесты, а вместе с ним и хорошо замаскированную небольшую радиостанцию «Северок».

Начались обычные рабочие дни. Лида вращалась в жизнь домохозяйки. Алексей Иванович оборудовал в подвале тайник. В стене была сделана и замаскирована ниша, которая в случае необходимости легко открывалась, но могла быть обнаружена только при очень тщательном осмотре. Внимание от неё отвлекали кадучки и полки со всякими съестными запасами: соленьями, копчениями.

Прошло более месяца, и Лида подала в эфир первую весточку. Она была очень короткой: «Всё нормально, приступаю к выполнению задания». И побежали в эфир немногочисленные точки и тире. Ежедневно, в разное время суток — днём и ночью передавались сведения о передвижении фашистских войск и техники. Не раз Центр благодарил Лиду за своевременность и достоверность данных. Многие фашистские эшелоны не дошли

до фронта, уничтоженные по заданию командования народными мстителями и отважными советскими лётчиками. И так изо дня в день продолжался кропотливый труд разведчиков.

Немцам стало ясно, что эшелоны летят под откос неслучайно, что противник располагает точными данными о передвижении войск на этом участке. Начались поиски советского разведчика.

На дорогах появились автомашины с поднятыми вверх и вращающимися дугами пеленгаторов. День и ночь прощупывали радисты эфир.

Однажды Алексей Иванович увидел пеленгаторную машину и в Михновичах. Это взволновало его. Тот же час через связных в штаб полетело об этом донесение. Штаб ответил: «На радиосвязь не выходить три дня!»

А в это время радисту штаба Константину Мурохину было приказано в районе Барановичи — Лесная устроить кочующие радиопередачи на той же волне. Фашисты засекали радиопередатчик, но поиски его были безрезультатны.

Через три дня, но уже на другой волне вновь заработала Лидина рация.

Гитлеровцы не прекращали поиска радиста, и теперь частенько наведывались в Михновичи. Наблюдая за их работой, Алексей заметил, что с точной немецкой пунктуальностью в обеденный перерыв работа на пеленгаторах прекращалась. Фашисты выключив аппараты, уходили обедать. Этим не преминула воспользоваться Лида.

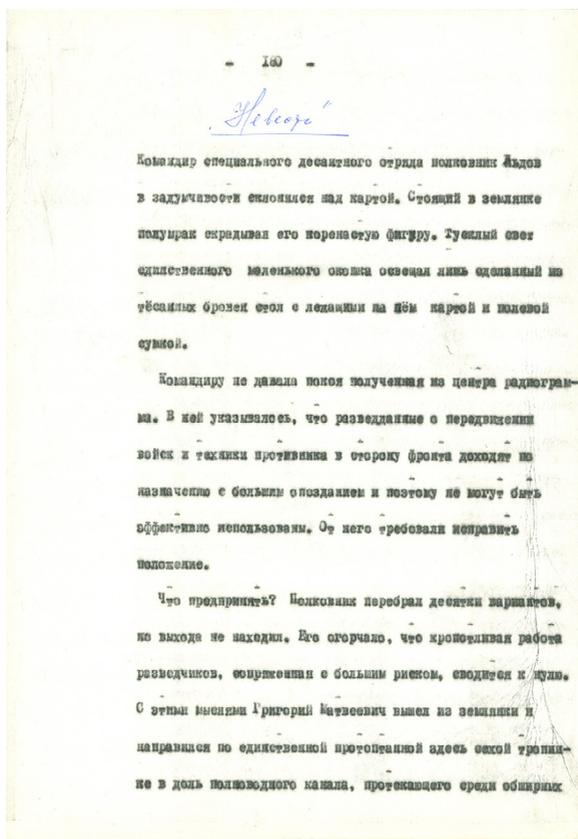
Фронт с каждым днём приближался, работа усложнялась. Всё больше прибывало фашистских чинов в Ивацевичи, располагались и в близлежащих деревнях. Алексей Иванович не упускал случая. Частенько он приглашал «начальство» погостить. Устраивал обильные обеды с выпивкой.

И тогда Лида не теряла времени даром. Когда фашисты изрядно выпивали, она исчезала на несколько минут. Послав

очередную радиogramму, она брала ранее приготовленные тарелки с колбасой, салом и возвращалась из погреба к гостям. Всё выглядело очень правдоподобным и подозрений не вызывало.

Больше года юная комсомолка из города Иваново Лидия Шелухина вместе с белорусскими партизанами вела смертельно опасную работу в стане врага.

Перед самым приходом советских войск по приказу штаба Алексей Иванович и Лида оставили фашистский гарнизон и ушли в отряд.

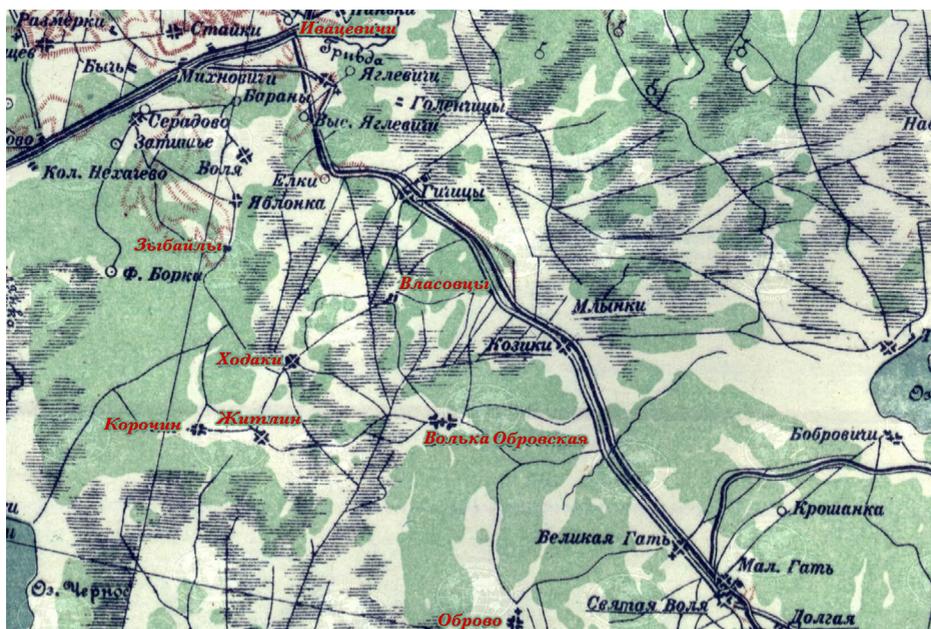

Фрагмент рукописи

Борьба за хлеб, борьба за жизнь

В первые месяцы 1943 года фашисты предприняли ряд карательных операций против мирного населения. Уничтожались деревни, расположенные в глубине лесов и болот, или к ним примыкающие, неподалёку от которых базировались отряды народных мстителей.

К марту гитлеровцы учинили зверскую расправу над населением деревень Затишье, Зыбайлы, Вядо. Сожгли эти сёла вместе с их жителями.

Спасаясь от расправы фашистов, население более десятка деревень: Обрево, Вулька-Обревская, Власовцы, Ходаки, Житлин, Корочин и других, оставив тёплый кров, ушли в глубину

леса, под защиту партизан. А на местах хоть и маленьких, но тёплых и уютных хат остались обгоревшие печные трубы, да одиноко стоящие журавли у колодцев.

В лесных массивах и на отдельных грудках разместились семейные лагеря. Покидая родные хаты, крестьяне увозили с собой всё, что можно было только взять: одежду, зерно, картофель, скот. В течение месяца образовалось несколько десятков таких лагерей. Чтобы придать им организованность, дисциплину, командование отряда назначило начальников лагерей, определило распорядок жизни в них.

Весна пришла дружная и ранняя. Стало немного легче. Престарелые и малолетние в тёплые дни выходили из землянок, грелись на солнышке. У командования же партизанского отряда создались дополнительные трудности. Нужно было не только охранять этих людей, но и каким-то образом снабжать их продуктами. Уничтожив близлежащие к лесу деревни, фашисты думали, что партизаны и население, укрывшиеся в лесу, будут обречены на голод.

Но понимали серьёзность обстановки и партизаны. Продукты стало возможным доставать только с боя в гарнизонах или прилегающих к ним деревнях. Поэтому в отряде было создано несколько боевых, хорошо вооружённых продовольственных групп. Не один раз возвращались они пустыми, неся на руках погибших товарищей. Погибли Алексей Куцко, Николай Кулинин, Александр Кузьмена.

В апреле тёплые солнечные лучи растопили последние наледи. Берёзы повесили серёжки, лес покрылся еле заметной зелёной паутинкой. Зеленела первая трава, выкинулись голубые лепестки подснежников. От земли, пригреваемой солнцем, тянуло испариной, томило душу крестьянина.

В землянке трудно было усидеть, поэтому и собрался командный состав отряда для разбора очередной операции на поляне у могучих дубов. Говорили о новом задании, о том,

что взвод И. М. Терешенкова устроил засаду в районе местечка Хомск. Итог — две машины и около десятка полицейских. Воспользовавшись замешательством врага, партизаны так же быстро скрылись, как и появились. Под конец снова разговор перекинулся на продовольственную тему.

— Что будем делать, Харитонович? — спросил Чертков. — Ведь с каждым днём к нам прибывают всё новые люди. Отряд растёт, растут и семейные лагеря. Чем кормить будем?

— Знаешь, Алексей Петрович, — в некотором раздумье отвечал Колтун, — нет худа без добра, говорит народная мудрость. Учинив такую расправу над людьми, фашисты рассчитывали этим запугать население, лишить нас поддержки, а выходит, что они показали населению нашу силу. Ведь под защитой партизан тысячи людей. И фашисты бессильны что-либо сделать. Это очень хорошо, Алексей Петрович, когда люди в нас верят, идут к нам. Как прокормить? — Колтун обвёл взглядом присутствующих командиров, и продолжал: — Крестьяне без земли жить не могут. Во всех семейных лагерях есть лошади, инвентарь, у большинства имеются семена яровых культур, картофеля. Поэтому все земельные участки в лесу и поблизости к лесу нужно засеять. Это и будет выход из положения. Земля пустовать не должна.

— Правильно говорит Харитонович, — поддержал комиссар отряда М. Ф. Паршин, — сейчас главное не упустить время. Ведь весна на дворе.

С этим мнением согласились все, а начальник штаба В. М. Монахов предложил на период полевых работ усилить передовые посты, выдвинутые к Песковскому, Нехачевскому и Ивацевичскому военным немецким гарнизонам.

Пахали, а где не хватало лошадей или на маленьких участках копали лопатами. Весь световой день работали люди в поле. Работали все. Одни готовили семена, другие их подносили, третьи — сеяли. Всё, что можно было засеять — засевали, на питание

оставлялось только самое необходимое. Люди рассчитывали на дар природы. В лесу появился дикий щавель, первые грибы. Готовили настой из разбухших хвойных почек. Жизнь в лесу шла ритмично, работа спорилась. Вскоре значительная часть полей была засеяна. Несколько участков обработали и засеяли коллективно. Большинство же крестьян старалось засеять свою полосу, которая испокон веков передавалась по наследству от деда к отцу, от отца к сыну.

Когда секретарю подпольного обкома партии Сергею Ивановичу Сикорскому доложили об инициативе чертковцев, он всецело её одобрил и настойчиво рекомендовал командирам других отрядов организовать самообеспечение семейных лагерей продовольствием.

Тёплые весенние дни благоприятствовали. Появились дружные всходы яровых, зеленела озимь. Глядя на них, радовались лесные жители — это была надежда, спасение от голода.

Шли дни... Несмотря на войну, зазвенело жаворонками лето. Созревал урожай. В семейных лагерях к этому времени остались женщины, старики, да дети. Все, кто мог сражаться с оружием в руках, влились в боевые подразделения отряда. Гитлеровцы не знали покоя ни днём, ни ночью: горели полицейские участки, летели под откос поезда, подрывались на дорогах машины.

В бешенстве всю злобу фашисты изливали на мирных жителях. По малейшему доносу или подозрению они арестовывали людей. Сотни молодых юношей и девчат силой отправили на работу в Германию. Ежедневно казнили патриотов...

Погибли от рук палачей секретарь комсомольской организации колхоза «Коминтерн» В. Ключко и партизанский связной Тимошевич.

Схватили и после трёхмесячных издевательств расстреляли жену Колтуна — Агрипину Ефстафьевну. Две маленькие дочки начальника разведки, арестованные вместе с матерью,

оставались заложницами у фашистов. Разведчики, разделяя горе своего командира, пошли на риск и выкрали девочек из дома полицейского, охранявшего их.

Напряжение партизанской борьбы нарастало. А лето цвело травами, шелестело поспевающей рожью. Всюду обсуждался один и тот же вопрос: как убрать урожай?

На встрече партизанский связной Гордей Иванович Пшенай, работавший в Ивацевичской городской управе, где пользовался доверием и покровительством бургомистра управы Кулиничча, рассказал о разговоре, состоявшемся в управе.

Перед обедом в городскую управу прибыл гестаповец из гекиткомиссариата. Его, учтиво кланяясь, встретил бургомистр и проводил в свой кабинет. Через несколько минут туда же проследовали коменданты Коссовской и Ивацевичской полиций Демша и Негорбецкий. Уединившись, главари больше часа что-то обсуждали. А что? Гордей Иванович придумывал предлог, чтобы зайти в кабинет и хоть что-то услышать, так как не было сомнения, что разговор важный. Причины так и не находилось. И вдруг распахнулась дверь и твёрдый бас бургомистра позвал: «Зайди!» От неожиданности Гордей Иванович даже вздрогнул.

Войдя в кабинет и поклонившись гестаповцу, он выжидающе перевёл взгляд на хозяина кабинета, ожидая приказаний.

— Подготовь распоряжение старостам деревень Яглевици, Воля, Яблонка и Серадово, чтобы в трёхдневный срок назначили людей на уборку ржи с зыбайловских полей, да чтобы не менее двухсот подвод было для свозки снопов. Не забудь

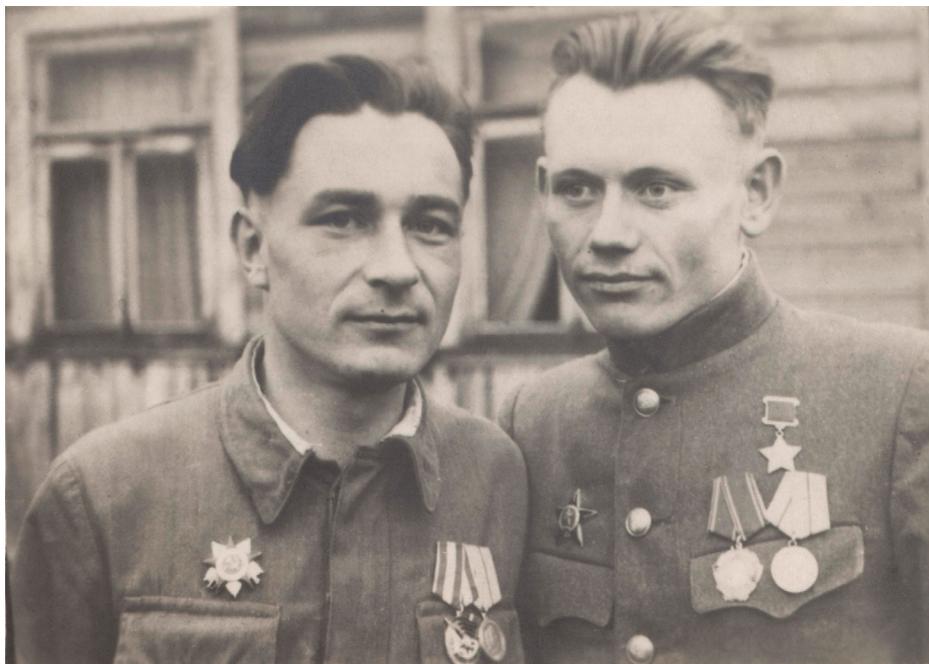
Могилы жены и дочери
Н. Х. Колтуна на месте хутора
в д. Ходаки, фото 2016 г.

небольшое — всего около десяти километров. Деревни да поля, ни кустика, ни лесочка вдоль дороги.

«Где устроить засаду на пути к полям?» — думали партизаны. И, вспомнив про кладбище, решили: там. Не сбрасывалось со счета и направление через лес, но там было проще.

В день уборки ржи взять под контроль оба направления и обеспечить охрану людей поручили командиру взвода В. В. Лопатину. Короткой июльской ночью партизаны обошли стороной зыбайловские пепелища и поднялись на небольшую, покрытую мелким можжевельником песчаную горку.

Изредка налетающий ветерок приносил с собой то запах горькой полыни, выросшей не месте сожжённой деревни, то шелест и запах спелой ржи. Невдалеке от холма еле заметной в темноте серой светящейся змейкой убегала в сторону Ивацевичского гарнизона основная дорога, которую и предстояло оборонять партизанам.

Н. Т. Сушанов и В. В. Лопатин, фото 1940-х гг.

— Командиров отделений ко мне! — тихим голосом приказал Лопатин и, отойдя немного в сторону, присел на старый полусгнивший пенёк.

— Ванюша, займёшь со своими бойцами высоту, — обратился он к Ивану Кулиничу. В голосе его слышались тёплые отеческие нотки. По душе командиру был этот высокий бело-русский юноша, недавно назначенный командиром отделения и уже успевший завоевать доверие бойцов.

— Откуда бы фашисты не шли, им не обойти этой горки, здесь должен решаться исход боя, поэтому подкрепим твоё отделение одним противотанковым ружьём и пулемётным расчётом А. Плаксина. Перекрыть дорогу со стороны Нехачева послано отделение Гаврилова, но его могут немцы обойти через Серадово. Отделение Щукина перекрывает серадовскую дорогу метрах в трёхстах от опушки леса. Поскольку дорога в лесу просматривается плохо, Щукин выставит впереди секрет из двух человек, — Лопатин показал на карте, освещенной зелёным огоньком фонарика, где Кулинич и Щукин должны разместить своих людей, устроить засады и оборудовать огневые точки.

Один за другим скрывались бойцы в темноте. На высоте оставалось шестнадцать хорошо вооружённых бойцов. Остальных командир увёл в сторону кладбища, которое чёрной зубчатой стеной вырисовывалось невдалеке на фоне светлеющего неба.

Командира, невысокого черноволосого человека, смахивающего внешне на цыгана, но с ласковыми глазами, очень уважали бойцы. За то, что он был справедлив и прям, за то, что в бою не прятался за других, часто забывая об опасности.

Здесь на кладбище и обосновались основные силы взвода. Место для засады удачное. Появятся фашисты — сразу попадут под перекрёстный огонь партизан.

Забрезжил рассвет. Солнце ещё не взошло, а к зыбайловским полям стали подходить и подъезжать всё новые и новые люди. Сотни стариков, женщин и подростков без лишней суеты

и разговоров занимали выделенные им участки. В утренней тишине то тут, то там слышался мелодичный перезвон кос, да шелест золотистых колосьев ржи, срезанных серпами. Скошенную рожь связывали в снопы, грузили на повозки и сразу увозили в лес, в глубину партизанской зоны. Работали слаженно и дружно. Люди понимали друг друга с полуслова. Каждый знал, что хлеб — это жизнь, что каждую минуту могут появиться фашисты, отобрать и хлеб и жизнь.

День выдался солнечный, жаркий. После полудня обливающиеся потом люди стали заметно сдавать. Особенно устали старики и подростки, но никто не требовал отдыха, никто не покидал поля. С разрешения командира некоторые партизаны из охраны вышли помогать крестьянам. Там же был и Лопатин. Многие повозки уже сделали по второму рейсу. Поле заметно пустело. И уже под вечер, когда солнце склонилось к горизонту, а люди меньше всего ожидали фашистов, в лесу прозвучал выстрел, второй. Ему ответили автоматы, и всё снова смолкло. На мгновение все замерли, прислушивались, но было тихо.

Едва бойцы успели занять свои места, как на ивацевичской дороге в клубах пыли появились три автомашины с гитлеровцами. Они явно опоздали, кончался напряженный трудовой день, уборка подходила к концу, люди были на краю поля возле самого леса.

Оценивая обстановку, Лопатин понял, что немцы решили выйти к зыбайловским полям одновременно с двух сторон.

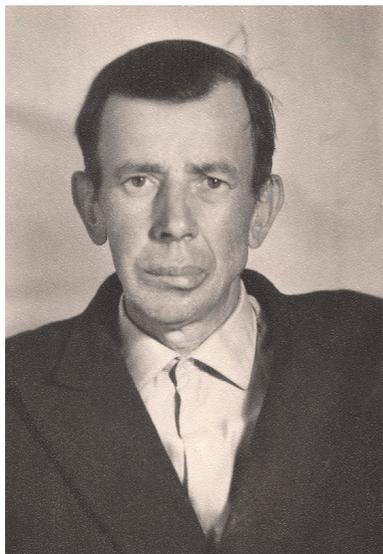
Машины остановились на выгоне, метрах в пятистах от партизанской засады. Фашисты, развернувшись в цепь, устремились в сторону полей. В лесу вновь заработали автоматы и пулемёты. Только на этот раз значительно ближе. Это вступило в бой отделение Щукина. Услышав стрельбу, люди спешно покидали поле. Разъярённые гитлеровцы открыли бешенный огонь, но он не достигал цели. В этот момент во фланг им ударили партизаны, засевшие на кладбище.

От растерянности и в надежде укрыться гитлеровцы устремились на высотку.

Не выдержал натиска Щукин и отошёл в глубь леса, открыв путь к высотке с другой стороны.

— Огонь! — крикнул Кулинич, а сам подумал: «Да, неравные силы».

Ожил, заговорил автоматически-пулемётным языком можжевельник. Огонь прижал фашистов к земле, но им на помощь

Кулинич Иван Александрович
фото 1950-х гг.

подоспел миномёт. Несколько мин разорвалось на скошенном и уже пустом поле. Фрицы вновь полезли вперёд.

— А ну, артиллерийцы (так любовно партизаны называли изтээровцев), — крикнул Иван Александрович, — покажите, на что вы способны!..

После первых же выстрелов замолчал миномёт. Но фашисты были рядом, и в ход пошло всё оружие. Из последних сил бились партизаны. На исходе патроны, кончились гранаты. Но не выдержал и враг, гитлеровцы в спешке

отступали к машинам. Преследовать по открытому полю их не решились.

Когда смолк шум уехавших машин, партизаны отошли на лесную опушку. Собрались все. Не было только Клютко и Болденко — бойцов, посланных Щукиным в передовой дозор. Уйти, не выяснив, что с ними, не позволял партизанский долг. И Лопатин послал разведку с заданием выяснить, куда подевался дозор. Партизаны вернулись поздно, неся на руках изрешечённое тело Антона Клютко. Его нашли в стороне

от дороги в небольшой лощинке под зелёной ёлочкой. Лежал боец с прижатой к груди винтовой, словно боялся расстаться с ней после смерти. Видно, из последних сил, с перебитыми ногами и простреленным животом, пытался он уйти от преследователей, но поняв, что это не удастся, последнюю пулю приберёг для себя.

Второй партизан, как позднее стало известно, был схвачен фашистами и увезен в гарнизон.

Партизаны вернулись на базу. Бой за хлеб был выигран. В лесных дубравах выросли хлебные скирды. Умелые крестьянские руки бережно укладывали каждый привезённый сноп. Особенно ладилась эта работа у убелённых сединой Василия Зыбайло, Аксентия Аклиничка и Саввы Сивени. Их стога, как нарядные куклы, стояли меж стройных зелёных деревьев. Скирдовали рожь вблизи семейных лагерей в местах, где можно было проводить дальнейшую обработку.

Сообща и в одиночку, в самый короткий срок убирался урожай и с других полей. С утра и до позднего вечера трудились люди у скирд. Самыми примитивными способами молотили. Одни просто вытирали в руках колосья, другие выбивали зерно о длинную жердь, укреплённую на некоторой высоте от земли, а третьи, смастерив небольшой настил из тёсаных брёвен, молотили снопы цепами.

Продовольственные запасы пополнялись. Тонны золотистого зерна отправляли в глубину болот и прятали на продовольственных базах. Некоторая часть продукции перерабатывалась на месте. У лесных жителей имелось восемь «мельниц» (так в шутку называли партизаны жернова), на которых в порядке очерёдности круглосуточно мололи рожь. Единственный уцелевший в деревне Житлин дом Даниила Кузьмени превратился в партизанскую хлебопекарню.

Однако, хлеба едва хватало детям, больным, раненым, да уходящим на задание бойцам. Остальные довольствовались

лепёшкой, испечённой на костре, и, зачастую, без соли. Во многих семейных лагерях не было и этого, так как не на чем было смолоть зерно.

Очень остро недоедание переносили дети. Ни ягоды, ни бесхитростная похлёбка, сваренная матерями, не могли утолить их вечного спутника — голода. В таких случаях приходилось прибегать к заготовке продуктов у населения окружающих деревень. Достали ещё несколько жерновов, но и они положения не изменили. И вновь встал вопрос: как быть? Неумолимо приближалась зима, когда вся надежда только на запасы.

Однажды к Черткову подошёл разведчик отряда Синяков.

— Алексей Петрович, — с лукавой усмешкой произнёс он, — а что, если все жернова нам заменить мельницей?

Чертков с удивлением посмотрел на разведчика и в тон ему спросил:

— Хотелось бы знать, какую это ты собираешься соорудить мельницу, уж не с паровым ли двигателем?

— Вот именно, с паровым, — подхватил Демьян Ефимович.

Присев у костра, Синяков рассказал командиру следующее. Несколько дней назад разведчики, возвращаясь с задания, встретили Якова Марзана, обровского мельника, у которого не раз брали муку. Сейчас этот замечательный человек был без дела. Фашисты сожгли его старенький ветряк — единственный источник существования — и оставили семью без куска хлеба. А семья немалая — шесть душ.

Так вот, он выражал такую злобу к гитлеровцам, которой нет предела, и просил поручить ему любое задание, лишь бы отомстить гадам.

— Что-то не могу уловить твою мысль, Демьян, — прервал рассказ Чертков, — какая связь между паровым двигателем и мельником без ветряка?

— Алексей Петрович, — не спеша продолжал Синяков, — я не договорил. Марзан сказал, что в Телеханах около года уже

работает небольшой локомотив марки «Будапешт-636», привезенный из помещицкой усадьбы деревни Клетни. Производительность его около полтонны в час. Мука в основном расходуется в Телехановском гарнизоне.

— Ну и что, мало ли мелькомбинатов в Бресте, Пинске, нам что с этого проку, — вновь усмехаясь прервал его командир. — Или ты предлагаешь в Телеханы зерно на мельницу возить?

— Да нет, есть у нас думка — выкрасть его у фашистов.

— А топить чем будешь? Где топливо возьмёшь?

— Так локомотив, Алексей Петрович, дровами топится, вот такая штука.

Синяков продолжал объяснять, что, по словам Марзана, фашисты думают поставить двигатель на ремонт. На днях его приглашали в комендатуру, как мастеру велели осмотреть машину и сказать, какой ремонт необходим. Он решил затянуть время, сказал, что на разборку и сборку необходимо около двух недель, и предлагает нам подорвать машину. А мы думаем, что демонтированную машину можно вывезти по частям.

— Постой, постой, — тихо проговорил Алексей Петрович, — это интересно.

По сделавшемуся серьёзным лицу было видно, что идея, поданная разведчиком, уже целиком захватила его. Он уже мысленно взвешивает все стороны этой операции.

Синяков умолк. Они сидели у костра и молча смотрели на огонь. Вдруг, Чертков, как бы очнувшись, попросил:

Марзан Яков Евстафьевич
фото 1960-х гг.

— Зови-ка ко мне Журавлёва!

Всесторонне обсудив предложение Синякова с командиром взвода разведки, Чертков предложил ему ещё раз всё хорошенько продумать, изучить обстановку, и, если будут изменения, немедленно доложить.

Задуманная партизанами операция осуществилась. Гитлеровцы не сразу обнаружили исчезновение мельницы, а когда спохватились — было уже поздно. Небольшой паровик со всеми приводами и жерновами на шести повозках был доставлен разведчиками в партизанскую зону в урочище «Курилец».

Восемь суток, почти без отдыха, колдовали над ним Марзан и Белоблодский. Постоянно возле них толпились любопытные мальчишки, да и взрослые напрашивались в помощники. Они подносили и помогали устанавливать детали, заготавливать дрова, строили навес.

Под кронами зелёных деревьев, на небольшом грудке, с трёх сторон окружённом болотом, начала свою жизнь партизанская мельница. Всю войну верой и правдой служила она лесным жителям.

Красное знамя — святыня отряда

Наступил апрель 1943 года.

Жизнь в лагере шла ритмично. Одни группы уходили на задания, другие возвращались. Повара готовили пищу, в мастерских ремонтировали оружие, изготавливали мины и боевое снаряжение. Молодых партизан сразу на задания не посылали: вначале они изучали оружие, подрывное дело, методы ведения разведки, а затем уж уходили в бой. Через десантные группы устанавливалась связь с Большой землёй. Партизаны знали, чем жила вся огромная страна из сообщений по радио и из газет, присылаемых из Москвы...

Приближался Первомай.

Однажды Алексей Петрович Чертков проснулся от яркого солнечного луча, проникшего в землянку. И сразу нахлынули воспоминания. Всего два года прошло с того памятного майского утра 1941 года, когда Алексей проснулся вот с таким радостным ощущением. Ему, как одному из лучших курсантов училища, в этот день предстояло быть на параде знаменосцем. Знамя части! Святыня, гордость! Большая честь нести его впереди колонны.

С предельной чёткостью вспоминал Чертков тот день и, как бы со стороны, видел себя — молоденького взволнованного курсанта. И вот прошло всего два года, а кажется уже прожита целая жизнь. Алексей очнулся от нахлынувших воспоминаний, и мысли его тотчас возвратились к неотложным делам сегодняшнего дня. Выйдя из землянки, он отдал несколько приказаний. Но весенний солнечный день, пьянящий запах первых цветов, молодой пробивающейся травки и едва рас-

пускающихся листьев, вновь растревожили его воображение. Ему представилось: вот он сейчас входит в штабную землянку, а там у стены стоит знакомое знамя.

«А правда, почему бы нам не заиметь знамя? Молодые бойцы принимали бы около него присягу, его выносили бы на праздники перед построением. Да и вообще, мы воюем не хуже другой регулярной части, имеющей своё знамя. Так-то оно так, но где его взять?»

Немного постояв, любуясь чудесной лесной красотой, Чертков медленно пошёл, помахивая берёзовой веточкой, по узкой тропинке в санчасть, разместившуюся на небольшом сухом грудке. Тропинка петляла между старыми мохнатыми елями и стройными молодыми берёзками, окутанными нежной зеленоватой дымкой. Замечтавшись, он не заметил, как вышедший из-за поворота комиссар отряда остановился, с удивлением посматривая в его сторону.

— Ты что, Алёша, блаженный такой? — спросил Паршин.

— Да так, вспомнилась весна довоенная. А с тобой, Михаил Фёдорович, как раз совет держать собирался, — ответил Чертков, пожимая комиссару руку. — Пройдём немного.

Через несколько минут они вошли в небольшую дубовую рощу. Поддался настроению друга и комиссар.

— Люблю глядеть на этих стройных великанов, так гордо и величаво стоящих наперекор любой стихии, — заговорил он, оглядываясь вокруг. — При любой буре, урагане не сгибаются. Так и наш советский народ. В страшную огненную бурю войны он попал, а не склонил голову и стоит, словно могучий гигант. Нет, никакая стихия не в силах погубить жизнь. Вот, взгляни: когда-то покалечила молния дуб, но он залечил свои раны и продолжает жить. А рядом, на смену ему, тянутся к небу молодые дубки. Так и в народе. Как бы ни были тяжелы испытания, всё перетерпится, зарубцуются раны, и новое, молодое, растущее сделает эту жизнь ещё краше...

— Да, — подхватил его мысль Чертков, — это заметно и на нашем отряде. Год назад он был ещё слаб, а теперь — мы крепкая боевая единица великой армии советского народа, сражающегося с фашистами. Отличаемся мы от регулярной воинской части разве только формой одежды, разномастным оружием, да тем, что нет у нас своего боевого Красного знамени. Об этом как раз я и хотел с тобой посоветоваться. Я считаю, Михаил Фёдорович, что отряду нужно знамя.

— Согласен, что нужно, — ответил Паршин, — но где его взять? Тут хорошенько надо подумать, Алексей Петрович.

Долго длилась беседа. Но решения так и не нашли. Договорились посоветоваться с партизанами.

Спустя несколько дней к штабной землянке стали собираться коммунисты и командиры подразделений отряда. Когда все разместились, поднялся Михаил Фёдорович Паршин. Ожидая тишины, он распрямил плечи, поправил ремень, на котором висели пистолет, две гранаты и диски к автомату ППШ.

По свойственной ему привычке, комиссар начал говорить медленно, словно отрезая каждое слово. Его тихий, немного сиплый от простуды голос проникал в души этих людей, уводил их в то далёкое прошлое, когда отцы и деды ради будущей счастливой жизни боролись на баррикадах Красной Пресни, сражались в гражданскую войну против иностранных интервентов, шли на смерть под революционными Красными знамёнами. Они смотрели на этого человека, всегда спокойного, уравновешенного, с круглым обветренным лицом и посеребрённой сединой головы. Но видели они не его, а алые знамёна, плывущие над праздничными колоннами довоенных демонстраций.

— И сегодня, — зазвучал голос Михаила Фёдоровича, — на фронте миллионы советских людей совершают подвиги за то, чтобы гордо реяло знамя нашей Советской Родины. Так вот, товарищи, мы считаем, что наш партизанский отряд, как и любая воинская часть, должен иметь своё боевое Красное

знамя. Здесь, в тылу врага, оно будет напоминать нам, что мы частица великой непобедимой страны, и от того силы наши удвоятся. А с вами мы решили посоветоваться, где знамя взять.

Комиссар замолчал, и на поляне установилась тишина. Видно, каждый в этот момент думал о чём-то самом дорогом, заветном.

— Что скажете, товарищи? — прервал затянувшееся молчание Чертков.

— Дельно говорил комиссар, — подал голос командир взвода Викторин Лопатин.

— Хорошо бы на знамени написать, что оно 112-го отряда, да кто это сделает, ведь война, мастерских нет.

— Вышить знамя надо, — прервал рядом сидящий Иван Михайлович Терешенков. — Посмотрите, какие у наших девушек вышитые рушники и кофточки. Если достать материал да нитки, можно попросить хотя бы Надю Савчук. Ту, что на кухне работает. У этой девушки прямо золотые руки.

Долго обсуждали, где достать нужный материал и нитки, что вышить на знамени. Одни говорили, что нужен портрет Ильича, другие, что без Герба СССР и знамя – не знамя, третьи предлагали кремлёвскую башню с рубиновой красной звездой.

Не раз взоры присутствующих обращались к комиссару, но он молчал и внимательно слушал. Когда пыл говоривших немного поостыл, стали обсуждать все предложения с практической точки зрения. Первое отпало сразу, так как в отряде профессионалов-художников не оказалось, а все присутствующие не могли допустить даже мысли, что рисовать портрет всем дорогого Ильича можно доверить кому-либо из самоучек. Для вышивки Кремля потребовалось бы много разноцветных ниток. И это предложение также отвергли. И тогда свои мысли высказал комиссар.

— Я разделяю мнение товарищей, которые считают, что на знамени надо вышить Герб нашей Родины. Он будет симво-

лизировать дружбу и единство бойцов разных национальностей отряда. Ведь здесь, в лесах Белоруссии, единой семьёй, рука об руку сражаются сыны солнечного Узбекистана, далёкой Сибири, литовцы и армяне, украинцы и казахи, люди многих национальностей, объединенных нашей матерью Родиной — Союзом Советских Социалистических Республик. А внизу, под гербом, надо написать: «Партизанский отряд № 112».

— Ну что ж, на том и порешили, — подытожил сказанное Чертков. — Нитки и материал поручим достать разведчикам. Всё, товарищи, вы свободны.

Проходили дни, партизанские группы уходили на задания, но красного материала достать никому не удавалось. Лишь в конце мая командир взвода разведчиков Александр Журавлёв передал Алексею Петровичу драгоценный свёрток. Только разведчикам Демьяну Синякову, Ивану Тараканову, да Михаилу Григорьевичу Колтуну, старому коммунисту, было известно, с какими трудностями достала его в Ивацевичском немецком военном гарнизоне партизанская связная Екатерина Михальчук, или, как её называли, тётя Катя.

А несколько моточков золотистых шёлковых ниток добыл через других связных начальник штаба В. М. Монахов.

В тот же день, когда появился красный материал, партизан Иван Залесов нарисовал на нём Герб СССР и надпись. Теперь каждую свободную минуту юная партизанка Надя Савчук вышивала знамя. Работа спорилась. У этой худенькой, голубоглазой и стройной, как берёзка, крестьянской девушки и впрямь оказались незаурядные способности.

Через две недели у Нади кончились нитки. Что делать? Выход подсказала она сама. Однажды, раздавая ужин, Надя подошла к Алексею Петровичу.

— А что, если самим попробовать изготовить нужные нам нитки? Пусть ребята достанут жёлтой краски и принесут парашютные стропы, а я покрашу их.

Так были получены нитки, которые оказались не хуже фабричных. К августу знамя было готово. Посмотреть его в землянку к Наде зашли Чертков, Паршин и Монахов.

— Надюша, да ты кудесница! — воскликнул Алексей Петрович. — Ну просто молодчина!

— Алексей Петрович, — обратилась девушка к командиру, — вот бойцы подсказывают, что на знамени нашем не хватает призыва и говорят, что нужно вышить слова «Смерть фашистам!»

Чертков взглянул на Паршина — что же скажет комиссар? А в мыслях молниеносно проносились зверства фашистов, учиненные над советскими людьми: массовые расстрелы, груды заживо сожжённых человеческих тел.

— Правильно, Надя, предлагают бойцы, — ответил на немой вопрос командира Михаил Фёдорович. — Чтобы спасти человечество от проклятого фашизма, его нужно уничтожить. Только лучше написать слова из приказа Верховного Главнокомандующего: «Смерть немецким захватчикам!» Скажи Залесову, пусть напишет.

...На опушке у могучих зелёных дубов замер партизанский строй. Лишь солнечный отблеск от вороненных оружейных стволов отражается на суровых лицах бойцов. В центре перед строем лёгкий летний ветерок колышет алое красное полотнище. Бойцы и командиры отряда дают торжественную клятву беречь Красное знамя, как зеницу ока, не щадить своих крови и жизни в борьбе с немецкими захватчиками, сохранить отрядную святыню до полной победы над врагом.

И в летний зной, и в зимнюю стужу Красное знамя воодушевляло народных мстителей на беспримерные подвиги во имя победы. У знамени принимали присягу вновь прибывшие в отряд бойцы, молодежь давала клятву, вступая в комсомол. Гордо реяло оно на торжествах, отмечаемых отрядом, и низко склонялось, когда партизаны провожали в последний путь своих боевых друзей, павших в боях за Родину.

Гойшик Мария и Савчук Надежда Николаевна
фото 1940-х гг.

Клянусь жизнью!

Деревня Житлин. Три пересекающиеся дороги образовали небольшую площадь. Недалеко от того места в далёкие предвоенные годы стоял деревянный домик под замшелой соломенной крышей. В нём прошли детство и юность Васи Сивени. Здесь впервые взял он в руки карандаш, отсюда ушёл в первый класс сельской польской школы.

Мальчик тянулся к знаниям, старательно учил всё, что задавал учитель. Быстро летели годы. Мечтал парень о дальнейшем образовании, но это было не по карману бедняцкой крестьянской семье.

Любая работа спорилась в Васиных руках, и очень часто просиживал он возле заезжего портного, снимавшего у них квартиру. Родители, видя его пристрастие, решили выучить сына портняжному делу. Пришлось экономить буквально на всём, чтобы заплатить мастеру за обучение. Не сразу смог он выполнить первые заказы односельчан. Но от вещи к вещи росло его мастерство. Всю душу вкладывал парень в полюбившееся дело. Прирождённый талант художника помогал выискивать в человеке черты, которые, усиленные цветом одежды или её покроем, совершенно преображали заказчика, делали красивее, стройнее. И люди были благодарны молодому портному за добротню сшитую одежду.

Так и состарился бы он возле швейной машинки, если бы в сентябре 1939 года в Западной Белоруссии не установилась Советская власть.

Ликованию народа не было предела. Радовался с односельчанами и Василий. С присущей ему энергией помогает он

строить возле деревни арку почёта, через которую должны были въехать в деревню красные кавалеристы. С каким усердием обвивали арку парни и девчата зеленью и цветами, стараясь придать ей праздничный нарядный вид.

С группой сверстников, украсивших рубахи красными бантами, у соседней деревни встречал Вася дорогих гостей, посланцев Страны Советов.

И поселилась с тех пор в душе его надежда продолжить учёбу. О праве советских людей на образование, закреплённом Конституцией СССР, о возможности осуществления этого права на практике часто рассказывали приезжавшие в село агитаторы, коммунисты.

А время шло, раздавался в плечах, наливался силой парень. Не одна девушка с завистью поглядывала на рослого, с ласковым лицом и буйными кудрями юношу. Он же усиленно готовился поступить в седьмой класс. А ко всему этому у парня добавились общественные нагрузки. На первых свободных выборах односельчане избрали Василия своим депутатом в Житлинский сельский Совет.

Но радостным мечтам не суждено было сбыться. Чёрной тучей напоздало фашистское вороньё. Вместе с односельчанами оказался Василий на оккупированной врагами территории. Нашлись в деревне люди, готовые пойти на услужение фашистам. Они становились старостами, полицейскими. Не одному молодому парню в ту пору пришлось отведать плетей, со рвением всыпанных новыми блюстителем порядка только за то, что в памятном 1939 году носили они революционные красные банты и радовались приходу Советов. Не минул этой участи и Василий. От расправы полицаев спасла специальность, да уважение односельчан.

Видел Василий и другое. Советские патриоты не сидели сложа руки. Продолжая своё портняжное дело, он стал потихоньку помогать им. Шьёт немецким заказчикам костюмы или

шинели, смотришь, и выкроит часть материала для одежды лесным жителями, а то и подсказет, когда будет ехать заказчик с обновкой. Вместе с другом детства Гришей Кулиничем больше года они обшивали и часто снабжали продуктами партизан.

Пришла весна 1943 г. Житлин стал центром лесного партизанского края. Решив расправиться с жителями непокорившихся деревень, фашисты направили против них регулярные войсковые части. Пришлось житлинцам от мала до велика уйти в леса. Вместе со всеми ушёл и Вася. Рвался он в отряд, думал в бою отвести горевшую ненавистью душу. Но командование решило иначе. Портной в отряде нужен позарез. Вещевые мешки, парашютный шёлк — всё находило применение при изготовлении обмундирования, белья. Много хлопот портному доставлял ремонт одежды.

И снова Василий целые дни за швейной машинкой. Только теперь уже чаще под открытым небом. И лишь изредка удавалось вырваться и вместе с молодыми бойцами поучиться обращению с оружием, пострелять по цели.

Иссиня-чёрная туча, перерезанная сполохами молний, надвинулась откуда-то со стороны, закрыла всё небо. В зловещей тишине, прерываемой лишь грохотом грома, застыли деревья. И, словно из ведра, хлынул дождь. Партизаны укрылись кто в землянках, кто под елью, а некоторые под навесом с кострами, где готовился партизанский обед. Но дождь был так обилён, что скоро нигде не стало сухого места. Навес промокал, костры гасли, дрова тлели и дымились так, что у спрятавшихся под навесом бойцов начало щипать глаза.

— Всевышний-то как разбушевался, — смеясь сказал Чертков комиссару, — смотри, Михаил Фёдорович, и собрание сорвёт.

— Собрание-то не сорвёт, а вот жаль, что нет у нас синоптиков.

— А зачем они тебе?

— Да ведь быть бы сейчас где-нибудь у железной дороги, так лучшего случая для диверсии не надо. Фашисты страх, как боятся грозы, как крысы забиваются в щели, бункера, оставляя дорогу без наблюдения. И взрыв сошёл бы за грозовой разряд, и отходить легко. Нет, жаль всё же, что нет у нас синоптиков.

Летняя гроза быстротечна. Казалось, только что над тобой всё трещало и грохотало, но вот уже первые солнечные лучи прорвались между лохматыми тучами. И заискрилось, засверкало всё вокруг: словно кристаллы драгоценных камней, всеми цветами радуги отливают повисшие на листьях капли дождя. Дотронься рукой до ветки — и с ног до головы окатит тебя тёплой живительной влагой.

Непередаваемым ароматом наполнился лес. Буйство природы передалось молодым партизанам, собравшимся на поляне.

Пересмеивались, толкались, рассаживались как попало. Кто на принесённое с собой полено, кто на плащ-палатку, а кто и прямо на сырую землю, говоря, что мокрый от воды не замокнет. Из штабной землянки вынесли сделанный из тонких тёсаных брёвен небольшой стол, поставили в центре под кудрявым клёном. Юная партизанка Надя Савчук накрыла его самотканной узорчатой скатертью. Сегодня в отряде было необычное, праздничное собрание. Сегодня принимали в Ленинский комсомол. Собрались все комсомольцы и командиры, коммунисты и виновники торжества.

Под доносившиеся далёкие раскаты грома секретарь комсомольской организации отряда Василий Пытляк открыл

Сивеня Василий Федорович
фото 1940-х гг.

собрание. Объявив повестку дня, неторопливо расстегнул полевую сумку, достал аккуратно сложенные тетрадные листки. Развернув один из них, он торжественным, взволнованным голосом начал читать:

— Прошу комсомольскую организацию 112-го партизанского отряда принять меня в ряды Ленинского комсомола. Клянусь дорожить честью и званием комсомольца, не щадить сил, крови и жизни в борьбе с фашистскими захватчиками, биться с врагом до полного освобождения нашей Родины, до полной победы над фашистской Германией...

Один за другим поднимались юные мстители, имена которых называл комсомольский вожак...

...Николай Гойшик, Андрей Яловский, Алексей Куцко, Антон Ключко... Сельские парни дали в этот час торжественную клятву на верность комсомолу, партии, Родине.

Не одна боевая операция была на счету вступающих бойцов, не единожды показывали они смелость и отвагу. Лишь один Василий сидел молча. Ему нечем было похвалиться. На счету его нет взорванных эшелонов, ещё ни разу он не был на боевом задании, не встретился с врагом в открытом бою. В растерянности думал он о том, что скажет товарищам. Мучили сомнения: вдруг, откажут?

Назвали его имя. Нервная дрожь пробежала по телу. Василий встал, молча подошёл к столу, молча выслушал, как читали его заявление. Собравшиеся понимали моральное состояние молодого, крепкого духом и телосложением человека. И не упрекали его за выполнение очень нужной всем, но не связанной с риском работы. Поэтому вопросов к нему было очень мало.

Услышав слово председательствующего «Единогласно!», Вася облегченно вздохнул и тихо сказал: «Спасибо за доверие».

После приёма, перед бойцами выступил комиссар отряда Михаил Фёдорович Паршин. Он говорил о последних событиях

на фронте, о патриотической работе советских людей в тылу, о всём том, что писалось в недавно полученных с Большой земли газетах. Такая информация партизанам была необходима, как воздух, как оружие. Ведь очень редко удавалось услышать по радио голос Родины, прочитать советские газеты. А население правду о положении на фронте узнавало только через них, да подпольные партийные комсомольские организации с большими трудностями созданные Антифашистским комитетом. Поэтому бойцы слушали очень внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

Рассказывал Михаил Фёдорович и о героях комсомольцах, имена которых стали известны всей стране. Он говорил о подвигах Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, других молодых воинов и партизан, которые во имя свободы Родины не пожалели самого дорогого — жизни.

Комиссар призвал комсомольцев отряда равняться на этих героев, учиться у них стойкости, мужеству и беззаветной любви к своей стране.

Несколько дней спустя Василий уговорил командира послать его на боевую операцию.

Группа партизан в количестве тридцати пяти человек под командованием лейтенанта Зорина отправилась на шоссе-ную дорогу Брест—Москва. Между станцией Нехачево и деревней Серадово ей предстояло устроить засаду и уничтожить колонну автомашин,двигающихся к фронту.

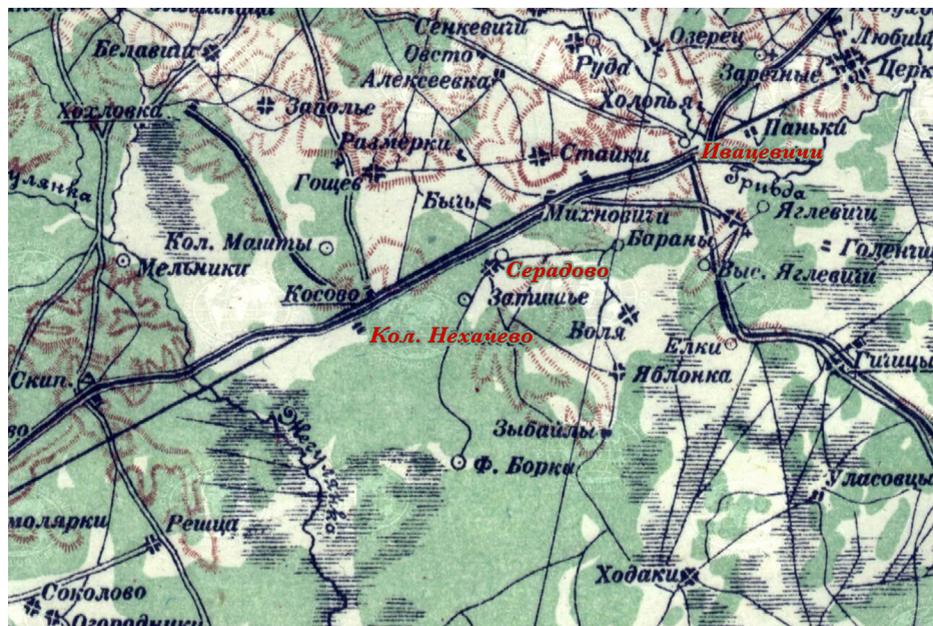
С автоматом за плечами шагал в составе головной группы Василий Сивеня на своё первое боевое задание. Рядом с ним шла медсестра Ольга Гончарук. Из-за духоты и зноя разгоравшегося дня идти с каждым часом становилось всё тяжелее. Лишь на опушке соснового бора несколько легче от слабого ветерка.

Вырубка, несколько перелесков и полей отделяли партизан от намеченного места встречи с гитлеровцами. И вот здесь, на открытой местности, партизанская группа нарвалась на заса-

ду, устроенную фашистами. Ливень огня обрушился на них из молодого сосняка...

Вася не почувствовал острой боли в колене, он только услышал отчаянный стон санитарки Ольги.

— Вытаскивайте Олю из-под огня, и отходите к лесу! — прокричал он лежащим невдалеке партизанам. — Я прикрою.

И, укрывшись за пнём, открыл огонь по выскочившим из сосняка фашистам. Прошло несколько минут сплошного гула оружейной стрельбы.

Василий попытался отползть к опушке, но это стало невозможно. Весь огонь фашисты сосредоточили на нём. Вторую ногу пробил пуля, но Васин автомат прижимает гитлеровцев к земле, не даёт возможности преследовать уходящих в глубь леса партизан. Он вёл прицельный огонь короткими очередями, но враги подползали всё ближе и ближе. И вот, одна за другой разрываются рядом почти одновременно две фашистские гранаты. Ударило горячей волной, опажнуло гарью, и Вася потерял сознание. А когда пришёл в себя и отрыл глаза, то на фоне

высокого голубого неба увидел злобные рожи гитлеровцев и почувствовал невыносимую боль в груди.

Теперь он знал, что начинается самое страшное испытание, которое может выпасть на долю человека. От этих палачей пощады не будет. Василий понял, что надо готовиться к последнему шагу в своей короткой жизни. Как молния, промелькнул в сознании рассказ комиссара о героях комсомольцах, его призыв быть стойким до конца.

И начались невероятные истязания, неподдающиеся никакому описанию. На вопросы палачей мужественный комсомолец отвечал гордым молчанием. Он не выдал своих товарищей, остался верен комсомольской клятве.

Не было предела лютой жестокости фашистов. Изуродованный труп Василия с отрезанными ушами и носом, с вырванным языком и выколотыми глазами, весь изрезанный ножами и изрешечённый пулями фашисты привязали верёвкой к лошади и тянули несколько километров до станции Нехачево. Здесь обезображенное тело молодого комсомольца было брошено для устрашения населения на небольшой площади с запретом хоронить.

Храбро сражались с фашистами и другие комсомольцы 112-го. Не раз проявляли они отвагу и мужество и с полным сознанием шли на самопожертвование. Не вернулись с железной дороги Николай Гойшик, Иван Довыборный, Андрей Яловский, в неравной схватке с врагом предпочёл смерть плену Антон Клютко. Юные партизаны любили жизнь, но умирая верили в нашу Победу над коварным врагом.

Имя его в наших сердцах

Пришла осень 1943 года. Она не радовала партизан. Погода менялась по несколько раз в сутки. Утром на небо напоздали низкие серые тучи, из которых сыпался нудный мелкий дождь — казалось, что весь воздух пропитался влагой, одежду и обувь невозможно было высушить. С полудня поднимался ветер, разгоняя тучи. К вечеру небо прояснялось, загорались звёзды, лёгкий морозец покрывал раскисшее болото тонкой коркой льда. Ходить по такому бездорожью было сущим мучением. Размокшую за день обувь ломающийся ледок прорезал, как бритвой.

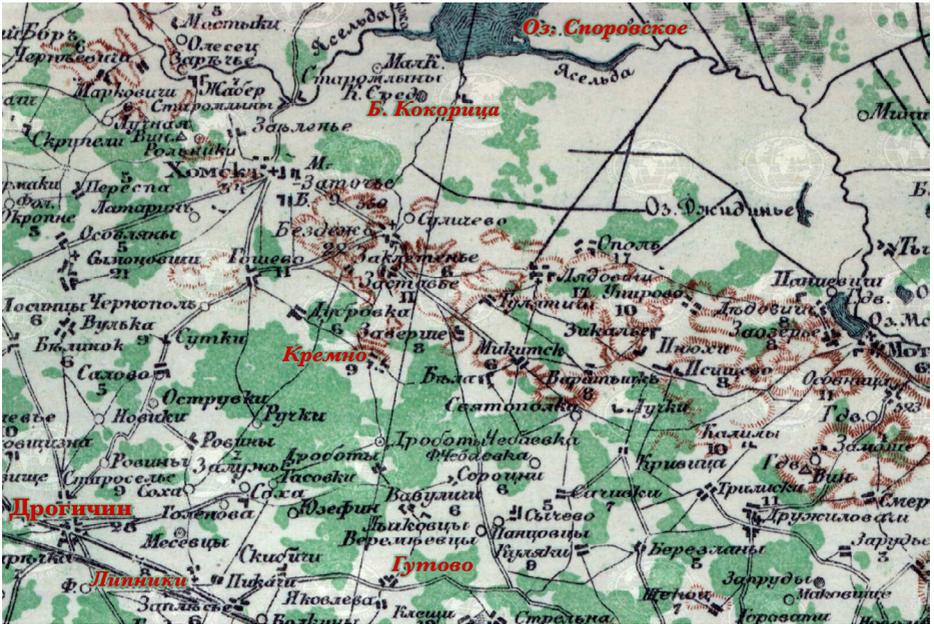
9 октября А. П. Чертков собрал в свою землянку командный состав отряда, чтобы обсудить предстоящую боевую операцию. По данным связных 11 октября по железной дороге Брест—Пинск пройдёт поезд, гружёный оружием и боеприпасами. Время прохождения точно установить не удалось, но связные, работающие на железной дороге, твёрдо обещали сообщить об этом партизанам.

Отряду предстояло проделать путь по бездорожью в несколько десятков километров и разгромить эшелон. Как только стало известно об операции, подавленное настроение партизан, вызванное плохой погодой, сменилось радостным возбуждением: не так часто на задание выходили такими большими силами — четыре взвода во главе с самим Алексеем Петровичем Чертковым.

Закипела работа: подгонялось обмундирование, пополнялись боеприпасы, готовилось продовольствие. Наконец, всё было готово. Отряд двинулся в путь.

Шли лесными и болотными тропами в обход Споровского озера. Перебрались через несколько мелководных каналов, реку Ясельду. Мокрые и измученные, преодолев почти двадцать километров, вошли в деревню Кокорица.

Небольшой отдых и снова в путь, снова по бездорожью, в обход населённых пунктов, чтобы избежать нежелательных встреч, не вызвать преждевременной тревоги. Предполагалась ещё одна остановка в деревне Кремно, а оттуда до цели оставалось километров пятнадцать.

На операцию нужно было выйти правее деревни Липники, там, где вплотную к железнодорожному полотну клином при-мыкал лес.

До ближайших гарнизонов в Дрогичине и Иванове от места засады будет десять — пятнадцать километров. При успешном выполнении задания партизаны могли отойти раньше, чем подспеет фашистское зверье, а пока хлюпающая в обуви вода, да прерывистое дыхание сопровождало цепь идущих. Люди устали, было не до разговоров.

Вот, наконец, и Кремно. Обычная полесская деревня дворов на двести. Пески и леса окружали её со всех сторон. Немецкий гарнизон далеко. С партизанами у жителей крепкие связи. Многие односельчане находятся в их рядах. Все жители чем могли помогали народным мстителям. Гитлеровцы знали об этом и не раз грозились смести Кремно с лица земли. Но пока всё обходилось.

И на этот раз партизаны нашли здесь радушный приём. Накормить и обсушить прибывших каждый считал за честь, партизан наперебой приглашали в избы. Из самых потайных мест доставали продукты, одежду. И погода, как бы смягчённая тёплым приёмом жителей, улыбнулась, прекратился дождь и в разрывы туч блеснуло солнце.

...В доме, где остановился командир отряда, уточнялся окончательный вариант предстоящей операции. Командиры были настолько увлечены работой, что не заметили, как открылась дверь, и на пороге появился встревоженный командир взвода разведки Александр Журавлёв.

— Алексей Петрович, — выпалил он, — в деревне Гутово немцы!

Все разом повернулись к Александру.

— Ну что ж, — продолжая думать о предстоящей операции, спокойно сказал Чертков. — В Гутово, так в Гутово, их везде немало. Думаю, операцию отменять не будем, не так часто выпадает такая возможность, чтобы...

Но он не закончил свою мысль, и вдруг, как бы спохватившись, спросил:

— Немцы? Какими силами? Откуда и чьи данные?

— Товарищ командир! В Гутово прибыл карательный отряд в несколько сот человек. Об этом сообщили связные, выскользнувшие из деревни. Они говорят, что каратели собираются учинить расправу над жителями Кремно и других соседних деревень...

Чертков приказал усилить караулы и задумался. Тишина повисла в хате.

Страшная весть с быстротой молнии облетела всё село. Весёлое оживление разом прекратилось. Многие семьи начали складывать вещи в повозки с тем, чтобы уйти в лес, как это делали уже не раз. Но в сердцах теплилась надежда, что партизаны не отдадут их на расправу фашистам, ведь в деревне крупный отряд. После совета несколько жителей отправились к Черткову. А там, в хорошо протопленной комнате, обсуждали, что предпринять в сложившейся обстановке.

Предлагалось несколько вариантов, вплоть до того, чтобы разделить отряд на две группы: одной разгромить карателей, а другой — подорвать эшелон.

— А что ж молчит комиссар? — спросил Чертков Михаила Фёдоровича Паршина.

— Слушаю других, — каким-то приятным бархатным голосом ответил Паршин, — а по-моему, делить отряд нельзя. Карателей несколько сот человек и вступить с ними в бой малыми силами, это заведомо погубить людей.

— Правильно, комиссар. Очень жаль, что сорвётся так хорошо продуманная и подготовленная операция, но её придётся отменить. Здесь люди. Как бросишь на произвол судьбы вот этих, так мило принимающих нас крестьян? Нет, совесть советского человека не позволяет это сделать. Я поддерживаю мнение — принять бой с карателями.

И комсостав отряда решил: принять бой, защитить деревню!

Наступила ночь. Отряд готовился к бою. Наиболее опытных разведчиков М. Г. Колтуна и Д. Е. Синякова Чертков отправил на разведку в сторону Гутово. На редкость тёмная ночь позволила разведчикам проникнуть в расположение врага. Установили, что выступают каратели утром.

С рассветом партизаны покинули деревню. Засаду устроили на опушке небольшого молодого сосняка, росшего вдоль

дороги. Два взвода — Сергея Зорина и Геннадия Кочерина — заняли фланги, в центре остались бойцы Викторина Лопатина и Ивана Терешенко. Командный состав отряда распределили по взводам: Паршин — комиссар отряда — ушёл к Зорину, начальник штаба Монахов — к Кочерину, Чертков остался в центре во взводе Терешенкова.

Казалось, позиция выбрана настолько удачно, что каратели при подходе попадут в огненный мешок и гибель их неминуема.

Утро. Тихо, ясно, лёгкий морозец. Местность просматривается хорошо. В километре от засады лес и дорога упираются в небольшую безымянную речку, а правее взвода Лопатина протянулась узкая полоска неизвестно почему незапаханного люпина. Дорога рядом — до неё метров шестьдесят.

Время шло, а фашисты всё не появлялись. Обношенная летняя одежда плохо согревала партизан. Многие лёжа постукивали ногами, пытаясь согреться, а некоторые отходили в гущу леса и несколько разминались. Тяжело ждать, но чувство долга, ответственность за предстоящий бой, заставляли партизан переносить все тяготы и лишения.

Около 10 часов утра наблюдатели дали условный сигнал: «На дороге фашисты!»

Все взоры обратились на дорогу, на там было пусто. Партизаны замерли, притаились. Мороз как рукой сняло. Показались каратели и Чертков ровным спокойным голосом приказал: «Отряд к бою!»

Немцы приближались медленно. Вереди шли три дюжих фашиста. Один из них вёл на поводке огромную овчарку, всё время рвущуюся вперёд. Позади них, метрах в 100–120, двигалась основная колонна, которая замыкалась боевым артиллерийским расчётом. И вновь по цепи передаётся приказ: «Разведку пропустить, без команды не стрелять».

Фашисты шли как на занимательную прогулку, не строем, а группами по несколько человек. Самоуверенные, наглые

физиономии готовых на всё людей. Шум громкого разговора, пьяного гогота сопровождал колонну.

«Да, настоящие головорезы! У этих не заговорит совесть, они не остановятся ни перед чем. У них не дрогнет рука, бросающая ребёнка в огонь, вонзающая штык в незащитного старика или женщину,» — думал Алексей Петрович, переводя взгляд с одного лица на другое. — «Многовато. Силы, конечно, неравные», — прикинул он. — «Но нет, не пройдёте!».

Черткова всколыхнула ярость и он скомандовал:
— Огонь!

В один миг заработали пулемёты, винтовки, автоматы. С предельной точностью партизан Иван Новченко открыл огонь по карателям из миномёта. Треск стрельбы смешался с дикими криками раненых и убегаящих гитлеровцев. Но замешательство не было долгим. Открыв ответный огонь, фашисты, не обращая внимания на огонь, перепрыгивая через трупы, устремились вперёд по дороге.

Что же это? Ведь у партизан было явное преимущество, так как их укрывал сосновый лесок, а каратели были на открытом месте. Оказывается, там, метрах в сорока, был небольшой придорожный кювет, незамеченный в сумерках засадой. В нём фашисты и увидели своё спасение. Достигшие кювета оказались мало уязвимыми для огня.

Бой усилился. Враг боеприпасов не жалел и прижал партизан к земле. Справа разворачивал орудие фашистский артиллерийский расчёт. Он находился вне зоны обстрела. Положение обострялось.

Оценивая сложившуюся обстановку, Чертков понял, что выход только один — атака. Нужно срочно выбить врага из кювета, не дав ему закрепиться, и обезвредить орудие. Гул боя перекрыл голос командира:

— Приготовиться к атаке!

И тотчас: — За Родину! У-пра!!!

Партизаны устремились вперёд за командиром. Но ливень огня вновь прижал их к земле. Упал смертельно раненый Чертков. Но в тот же миг справа с автоматом в руках во весь рост поднялся комиссар Паршин:

— В атаку, за мной!

И вновь бойцы устремились вперёд. Всего несколько десятков шагов успел пробежать Комиссар и тоже упал, сражённый фашистской пулей. А артиллеристы вот-вот уже дадут залп. Лопатин, Чубарков и Кулинич, прячась в люпине, ползут к орудию. Кажется их заметили.

Презирая смерть, встаёт во весь рост Иван Кулинич и в упор открывает огонь по артиллеристам. Он падает с раздробленной челюстью, весь обливаясь кровью, но выигрывает схватку. Товарищи добивают орудийную прислугу.

Бывшие артиллеристы Лопатин и Чубарков знают что делать с захваченным оружием. Ствол его медленно поворачивается вдоль дороги в сторону карателей. А в это время Монахов с группой бойцов, как смерч влетел в кювет. Завязалась жестокая схватка. Воодушевлённые растерянностью врага, поднялись в атаку все как один партизаны. Залп орудия слился с победным кличем. «У-р-а!» — гремело со всех сторон.

Враг был разгромлён. Надолго запомнили оставшиеся в живых фашисты этот бой. Жизнь сотен людей была спасена. Но очень дорогой ценой досталась эта победа. Нет больше любимого командира, не поднимется с земли комиссар. Ещё ни в одном бою не было таких непоправимых потерь. Печальная процессия потянулась в деревню, а затем в партизанский лагерь.

Хоронить погибших решили в урочище «Курилец» на партизанском кладбище. Вырыты могилы. Весь отряд собрался, чтобы проводить в последний путь своих славных товарищей. Склонилось отрядное боевое Красное знамя к их изголовью. Плачут женщины, кое у кого из выдавших виды мужчин катятся непрошенные слёзы.

«Мсть, мсть, мсть» — слышится во всех выступлениях партизан. Нет, не простят они врагу смерть друзей, слёзы матерей. Отомстят ненавистному врагу за поруганную Родину.

Троекратный залп салюта вспарывает тишину. Бойцы стреляли из трофейного оружия.

Время шло. Отряд с каждым днём пополнялся новыми людьми. И 3 декабря 1943 года приказом командира Брестского партизанского соединения С. И. Сикорского за № 0052, он был преобразован в бригаду им. Дзержинского, в которую дополнительно влились отряды им. Калинина и Сильницкого.

Теперь бригада насчитывала 623 человека. В их числе воевало 75 женщин. Бригада имела на вооружении: одну 37 мм. пушку (захваченную в бою у деревни Кремно), один ротный миномёт, 2 ПТР, 26 пулемётов, 43 автомата. Остальные партизаны были вооружены винтовками различных типов.

В память бывшего командира одному из отрядов было присвоено имя А. П. Черткова.

Поминки по А. П. Черткову с участием его семьи

Эпилог

Прошло три десятилетия. Жители деревень Житлин, Корочин, Ходаки и Власовцы, сродненные общими военными бедами и радостями, объединились в колхоз. Теперь это крупное, многоотраслевое хозяйство. Осушены болота, служившие надёжным укрытием народным мстителям. На месте урочища «Курилец» шумит хлебоборобная нива. Зажили партизанские раны, зарубцевались раны земли. Многие бойцы чертковцы — Иван Кулинич, Николай Ключко, Александр Зыбайло, Григорий Кулинич, Михаил Колтун, Яков Марзан трудятся в родном колхозе, носящем имя А. П. Черткова.

В разные стороны, через лесные массивы и поля разбежались линии электропередач мощнейшей в Белоруссии Берёзовской ГРЭС, построенной в центре полесских болот.

К рокоту тракторных и автомобильных моторов здесь привыкли также, как и к яркому электрическому свету, кино, холодильникам и стиральным машинам.

Красивые дома под шиферными крышами построены в сожжённых деревнях. И только памятники напоминают о прошлом.

Останки погибших партизан перенесены в центр д. Житлин. Над их братской могилой возвышается покрытая бронзой фигура солдата. Стоит воин, бессменный часовой, прижимая к груди автомат, охраняя вечный покой павших героев Родины.

Зыбайло Александр

Их имена золотыми буквами написаны на мраморных плитах, утопающих в цветах.

Но до сих пор седые матери ждут своих сыновей. Так и Марии Николаевне, матери Васи Сивени, кажется порой, что сойдет с пьедестала солдат и скажет ласковым голосом: «Мама, я живой!» И в ожидании чуда часто стоит она у памятника, читает имена друзей её сына, молодых людей, комсомольцев, прямо из юности шагнувших в жестокое пламя войны, достойных сыновей орлиного советского племени.

Со многих областей страны съезжаются ежегодно в Житлин бывшие партизаны и десантники: И. Ф. Топкин — инвалид первой группы, проживающий в г. Одессе; А. А. Мирсков, М. П. Кузнецов, М. А. Глаговский, В. И. Савельев, работающие в разных московских организациях; А. И. Белый из г. Барановичи, пенсионер, получивший за доблестный послевоенный труд на железнодорожном транспорте орден Трудового Красного знамени; И. А. Маценко редактор кременчугской городской газеты; Лида Шелухина из города текстильщиков — Иваново и многие другие.

Бывшие партизаны на месте боев, 1949 г.

С окрестных сёл и районов приходят трудящиеся, школьники, чтобы почтить память павших, доложить им о своих трудовых успехах.

Приезжали и пионеры из подмосковной школы г. Луховцы (родина А. П. Черткова). Они завязали тесную дружбу с учащимися местной средней школы. Пионерские дружины этих школ носят имена героев 112-го партизанского отряда: подмосковная — белорусского юноши Коли Гойшика, а ходаковская — москвича Алексея Черткова.

И в этот солнечный майский день собрались работники колхоза им. А. П. Черткова на свой традиционный праздник — встречу с участниками партизанского движения, самыми

А. Н. Халаджиев, фото 1944 г.

уважаемыми гостями местного населения. Раздаются радостные возгласы, приветствия.

Среди приехавших — черноволосый, слегка седеющий человек. Видимо, он впервые приехал, так как осматривается по сторонам, всем интересуется, обо всём спрашивает у своих товарищей.

— Кто это? — спрашивают друг у друга бывшие партизаны.

— Не узнаете? Да ведь, это же «Борода»! — ответил один из боевых друзей.

И сразу же десятки людей окружили стройного незнакомца. Это Саша Халаджиев. Врач, армянин по национальности. В годы войны он носил пышную чёрную бороду, ставшую причиной его партизанской клички. После войны он сбрил бороду и стал неузнаваем. И только в моменты встреч с друзьями, когда снова называли его «Борода», он вспоминал, как его шестилетняя дочка просила: «Папа, не брей бороду, оставайся молодым!»

Объятия, поцелуи, воспоминания... Однажды в одной из деревень он встретил возвращающуюся с задания группу. Бойцы несли партизана Фёдора Петровича Савина. Нога его была перетянута выше колена тонкими ремнями, а ниже торчала обломанная кость, вся в крови и грязи. Партизаны рассказали, что Фёдор подорвался на немецкой противопехотной мине и, в горячах, пытался бежать на одной кости.

Что делать? Инструментов почти никаких нет, наркотиков тоже, а операцию делать нужно немедленно, иначе конец этому добродушному парню.

Саша стоял и думал, что предпринять, а молящие глаза Феди как бы просили: «Спаси, доктор, чего же ты стоишь?»

— Ребята, нужно найти ножовку, — тихо сказал Халаджиев и начал расстёгивать свою постоянную спутницу — медицинскую сумку.

И вот кипятится инструмент. Из самых подспудных запасов извлечена бутылка самогона — первача, которую врач хранил, как «заменитель» спирта, так необходимого в медицинской практике. Находящемуся в полубессознательном состоянии Савину дают выпить стакан, а затем другой самогона. Четверо партизан держат его за руки и ногу. Сжимая зубы, Саша сначала финским ножом, отточенным до остроты лезвия бритвы, обрезает от кости мясо, а затем ножовкой пилит кость. От боли Савин очнулся, кричит, пытается вырваться, но его крепко держат. Хирург напрягается, пот застилает глаза. Он не слышит крика, просьб и угроз. В его сердце нет места для жалости, она плохой помощник в таких делах. Дрогнет сердце, дрогнет рука, и одно неверное движение приведет к катастрофе.

Операция прошла удачно, но ещё много было волнений пока самолёт не увёз раненого на Большую землю.

Саша вспомнил многих партизан, прошедших через его руки. Когда первые впечатления от встречи схлынули, к Халаджиеву подошёл молодой парень.

— Спасибо Вам за меня, за мою маму! Можно я буду считать Вас вторым отцом?

Саша недоумённо смотрел на парня и никак не мог понять, за что он его благодарит. Всматриваясь в его черты, он не узнавал парня. Слишком молод тот был, с ним Халаджиев явно не встречался.

А парень между тем продолжал объяснять, что зовут его Степаном, что работает он зоотехником в родном колхозе, и что доктор в войну спас жизнь не только ему, но и его матери.

— Кулинич, — называет парень фамилию и заглядывает в глаза растерявшегося Халаджиева. — Вы помните?

У того усиленно работает память. И всплывает перед глазами 1943 год. К нему обратились за помощью из семейного лагеря. Женщина находилась в бессознательном и очень тяжёлом состоянии. Много сил приложил доктор, чтобы спасти мать и только что родившегося мальчика. А потом были болезни и вновь приходил на помощь доктор.

Так вот он какой вырос! Крепкий, статный, очень приветливый, улыбающийся. Горячность юноши нравилась Халаджиеву. А Степан всё теребил его за рукав, звал домой к ним в гости, уверял, что вся семья будет очень рада такому гостю.

Сердце приятно щемило от чувства благодарности этим простым, скромным людям, которые в годы лихой години делились с народными мстителями последним куском хлеба и о делах которых помнили всю жизнь. И не только помнили, но и детям наказывали беречь эту светлую дружбу, скреплённую огнём и кровью.

Александр Никитич посмотрел вокруг радостно светившимися глазами и увидел невдалеке Николая Харитоновича Колтуна. Он, как и в былые годы, остался непоседливым. Он желанный гость среди учащихся и молодых воинов. Тема военно-патриотического воспитания молодёжи стала главной в общественной жизни старого ветерана.

Навещают бывшие партизаны и Брестскую Крепость — Герой. Здесь в музее на вечном хранении в одном из залов находится ныне святыня 112-го партизанского отряда. Знамя напоминает посетителям музея о суровых военных годах, о мужественной борьбе народных мстителей на опалённой военным огнём и обильно политой кровью лучших сыновей и дочерей нашей Родины священной белорусской земле.

У памятника Коле Гойшику, г. Ивацевичи, 1975 г.

Братская могила, д. Житлин
фото 2016 г.

М. С. Сивеня

Данилковичи

Берёза, Брестская область

1973

Вероятно, данный рассказ должен был входить в состав повести про 112-й партизанский отряд, но по какой-то причине автор его из состава повести исключил.

Данилковичи

Семья Михаила Тарасовича Данилковича в селе была не из бедных. Жилось в достатке. Хутор его, несколько вынесенный за околицу, утопал в цветущей зелени сада. Земля добротная, чернозём, а рядом луг, засеянный культурными травами. Скота, как говорили односельчане, у Данилковичей полный двор. Всё это добыто, отстроено благодаря упорному труду этой трудолюбивой крестьянской семьи.

Михаил Тарасович был мастером на все руки: он и плотник, и столяр, и кузнец, и повар, мог сшить сапоги и сложить любой формы русскую печь в крестьянском доме.

К труду приучал и детей, а их было трое. Старший сын Василий, равняясь на отца, уже самостоятельно ходил за плугом, свозил, скирдовал солому, мастерил в хлеве перегородки, помогал отцу обмолотить зерновые. Младшие дочери Евгения с Ниной были самые активные помощницы матери Ольги Сидоровны. Не однажды с гордостью говорила она, что не столько уж пользы от их работы, сколько радости видеть их душевную теплоту, стремление принести хотя бы маленькую долю пользы в дом, облегчить труд матери. Учились прилежно все трое, были отличниками, за что впервые в жизни получили похвальные грамоты.

По своему характеру Данилковичи были люди общительные, обожаемые односельчанами.

Но у Михаила Тарасовича было ещё одно особое пристрастие — пчеловодство. Всё свободное время он коротал на пасеке. Она для него была местом вдохновения и отдыха. Ульи мастерил сам и, непременно, в разговоре с достоинством замечал,

что у него сорок две пчелиные семьи переведены из системы Левицких в новые более практичные Даниловские домики.

Сад радовал Данилковичей, как и сотни других крестьянских семей села, на редкость хорошим урожаем. А это значит, что затраченный труд окупался сторицей.

Но радости и счастье, принесённые Красной Армией крестьянству Западной Белоруссии, были омрачены.

Ранним воскресным утром 22 июня 1941 г. началась война. Фашистская Германия внезапно напала на нашу Родину. Начались новые испытания, началась жестокая борьба.

На пятый день войны последние советские солдаты оставили село Любыщицы. Со скрежетом гусениц и рёвом машин чёрная фашистская лавина вломилась в глубь страны. И вот, настала первая тревожная ночь в фашистской оккупации. Ещё были слышны перестрелки, невдалеке горел районный центр Ивацевичи.

В эту ночь в доме Михаила Тарасовича никто не сомкнул глаз. Обуял какой-то страх неизвестности. Ольга Спиридоновна, прижимая к себе детей, всё время повторяла один и тот же вопрос: – А что ж это будет? Что будет?

Михаил Тарасович сидел молча, но и ему стало невмоготу от этих причитаний. Он подошёл к супруге, положил руку ей на плечо и тихо сказал:

– Иди, мать, уложи ребятшек, да и сама поспи. Скоро рассвет. Войну без сна не прожить.

После этого он повернулся и пошёл к выходу во двор.

Открыв дверь, Михаил Тарасович от неожиданности отпрянул даже. На ступеньках крыльца полусогнувшись сидел человек. На появление хозяина он совершенно не реагировал, оставался словно манекен в той же позе.

«Подняться выше, видимо, не хватило сил», — подумал Михаил Тарасович, внимательно рассматривая незнакомца. И только через какое-то мгновение в дребезжащем рассвете

он увидел, что перед ним сидит солдат в окровавленной военной форме.

Данилкович склонился над ним, приподнял голову и взял за руку. Пульс прослушивался слабо. И в этой жуткой предутренней тишине он еле уловил, что солдат, не открывая глаз, едва шевелил потрескавшимися засохшими губами и просил пить. «Что делать? Куда его деть?» — некоторое время в раздумье стоял Михаил Тарасович, а затем он решительно поднял на плечо искалеченного солдата и понёс его к столярной мастерской, где обычно мастерил ульи.

Там удобно, считал Михаил Тарасович, есть отдельная перегородка, заваленная материалом, топчан и печка «голландка», но, главное, что эта пристройка не привлекала к себе никакого внимания и кроме хозяина ею никто не пользовался.

Всё раннее утро супруги Данилковичи хлопотали у раненого солдата. Обмыли и перевязали рану, переодели в новое. Окровавленную солдатскую форму пришлось сжечь.

Выпив кружку парного молока, которую принесла Ольга Сидоровна, солдат снова впал в забытё. А Михаил Тарасович надёжно припрятал найденную в палисаднике солдатскую десятизарядку СВТ, которую обессилевший солдат дальше нести не мог.

Это был первый день фашистской оккупации. Это был первый экзамен на прочность советского патриота.

Прошло более недели, как раненый боец лежал на хуторе в своём «убежище». Выздоровление шло медленно. Рана, хотя и относилась к категории лёгких, всё время кровоточила, опухоль не спадала. А хуже всего — это постоянная слабость и головокружение. Всё это свидетельствовало о потере большого количества крови.

За эти дни одиночества многое передумал солдат. Он вспоминал далёкую Сибирь, ширь и красоту зелёной тайги,

охотничий промысел, проводы в армию и службу на границе... Он мысленно возвращался к последнему бою на небольшой белорусской речушке Грывда, где им двоим пришлось прикрывать отход товарищей. «Кажется, Костей звали пулемётчика, который погиб, а я добрался вот...» Мысли прервались.

Скрипнула половица и в дверях коморки возник Михаил Тарасович.

— Поднимайся, укреплять здоровье будем, — ставя на табурет крынку с молоком, да жареную картошку, с улыбкой произнёс хозяин хутора.

То ли от переживаний, то ли из-за своей слабости, кушал солдат, словно его заставляли силой. Сейчас ему так хотелось поговорить, излить всё, что накипело в душе, но он не знал, с чего начать. После некоторого молчания как-то неожиданно для себя боец произнёс:

— Дядя Миша, меня зовут Алексей Еремеев, а как Вас величать?

Михаил Тарасович усмехнулся и как бы продолжая разговор сказал:

— Зови Тарасовичем, а то, что ты Алексей, нам ведомо. В красноармейской книжке записано всё. Кто ты родом, откуда ты...

— Так моя книжка цела? — с каким-то юношеским задором и солдатской гордостью спросил Михаил.

— Цела, а куда ж ей деться, коли ты не терял.

— Эх, только бы встать на ноги, ползком, ужом проползу, но к своим доберусь. Я ещё сведу с врагом счёты...

— Да, — протяжно произнёс дядя Миша, — а знаешь, голубчик, сколько придётся ползти? Это не один десяток километров. Вот уже который день даже артиллерии не слышно. А они, сволочи, всё прут, да прут.

В разговоре наступила неприятная минутная пауза, после чего Алексей спокойным, но твёрдым голосом, сказал:

— Охотники в тайге измеряют расстояния тоже не десятками, а сотнями километров. В тайге опасность велика как и здесь, в тылу фашистов. Ведь хищник агрессору родной брат. А то, что прут, то я Вам должен сказать, что это не Польша или Франция. Это Матушка Русь. История знает временные неудачи в сражениях за свободу отчизны, но никогда ещё Россия ни перед кем не была поставлена на колени. Нет, Михаил Тарасович, только бы встать на ноги.

Он произнёс эти слова с такой убеждённостью, что дядя Миша невольно подумал и в мыслях произнёс: «Такого не останавливать. Этот с дороги не свернёт, дойдёт, а если нет, то и смерти в глаза будет смотреть прямо».

— Давай, крепись дорогой. Всё ещё впереди, — с этими словами Михаил Тарасович оставил Алексея и вернулся во двор на пасеку — к своему любимому занятию.

Михаил Тарасович так увлёкся работой, что не заметил, как к дому подкатил на велосипеде деревенский паренёк Санька. Неизвестно, с чьей лёгкой руки, но к имени Санька прилипла кличка Непутёвый.

— С чем добрым, Санька? — убирая рамку с мёдом, спросил Данилкович.

— Собирайся, дядя Миша, тебя требуют немецкие офицеры. Велели, чтобы явился немедленно. Они сидят около дома, где была Советская власть, — всё это одним залпом выпалили Непутёвый с какой-то торжественной гордостью, то ли польщённый поручением фашистов, то ли своим «красноречием».

Не сказав больше ни слова, он развернул велосипед и укатил обратно.

Михаил Тарасович несколько минут сидел в полной растерянности. Он не знал, что делать. Что нужно предпринять? В его мыслях и перед глазами проплывали строки приказов немецкого командования, которые он вчера видел расклеенными на заборах, телефонных столбах и хатах. В каждом

из них, что ни строка, то угроза смертью. Смерть за оказание сопротивления новому порядку, смерть за хранение оружия, смерть за укрытие коммунистов, комсомольцев, красноармейцев и комиссаров.

«Неужели, что-либо пронюхали?» — размышлял он. — «А если да, то для назидания другим свою угрозу могут привести в исполнение публично и немедленно. О расправах фашистов ходят упорные слухи. За расстрел советских людей гитлеровцы никакой и не перед кем ответственности не несут».

— Папа, чего это к нам Непутёвый приезжал? — спросила младшая дочь Нина.

Эти слова вернули Михаила Тарасовича к действительности, и он, как бы подражая решительности раненого Алексея, мысленно сказал: «Прочь гнилое настроение! Если вызывают, то только не из-за раненого красноармейца. О нём никто не может знать. Всё сделано чисто и очень аккуратно».

А вслух, прижавши дочь к себе, произнёс:

— Что-то немцы вызывают.

Когда Данилкович подошёл к бывшему зданию Сельсовета, там уже было около десятка молодых деревенских парней. Ждать ему не пришлось. Позвали сразу. За столом в бывшем председательском кабинете восседал офицер в чёрной гестаповской форме. По всей его манере, развязности, он чувствовал здесь себя властелином. На отвешенный поклон фашист ответил иронической улыбкой и лёгким кивком головы.

Не предложив сесть, гестаповец что-то быстро начал говорить на немецком языке, не сводя взгляда с сутуловатой фигуры дяди Миши, стоящей в замешательстве у порога.

Сидящий рядом переводчик на чистом русском языке, обращаясь к Данилковичу, перевёл, что господин немецкий офицер любезно оказывает большую честь господину Данилковичу и предлагает ему почётный пост старосты (бургомистра) деревни Любыщицы.

Михаил Тарасович видел, что всё время разговора гестаповец не сводит с него глаз. Кажется, просвечивает насквозь, словно рентгеновским аппаратом.

Но прошла минутная слабость от первой неожиданности и он тихим голосом ответил:

— Что Вы, господин офицер, какой из меня простого белорусского неграмотного мужика бургомистр? Это не по моим силам. Командовать — это не поле пахать, не умею я командовать. Спасибо за великую честь, век Вас не забуду, господин офицер, за такую ласку.

Пока переводчик переводил, Михаил Тарасович понял, что этот гестаповец знает русский язык не хуже переводчика.

Но гитлеровец не думал сдавать свои позиции. Офицер продолжал, что новая немецкая власть располагает данными о безупречности его кандидатуры. Ведь он не голодранец, не большевик, а крепкий, богатый (он долго подбирал слово) хозяин. На помощь таких людей и рассчитывает немецкое командование.

Много обещаний сулил гестаповец в перспективе: обогащение, положение в обществе и авторитет, личную охрану полицаев.

— Вот они, будущие стражи нового порядка, — показывая на сидящих около здания деревенских парней, говорил он.

Десятки резонных доводов приводил Михаил Тарасович неприглядности его в должности бургомистра. И закончил своё оправдание поговоркой, что лучше быть хорошим хозяином, чем плохим бургомистром.

Примирился гитлеровец только тогда, как Михаил Тарасович дал твёрдое обещание помогать новой власти всем, чем только он будет в силах, и в знак благодарности за такое внимание к нему, просил быть его гостем.

С облегчением в сердце возвращался Михаил Тарасович домой, даже сам удивлялся своим «дипломатическим» способ-

ностям. «Всё же, как ни трудно было выкрутиться, не стыдно будет перед людьми», — говорил он вслух сам себе.

Через некоторое время он свернул с дороги и пошёл по направлению к реке Гривда. Нужно засветло найти место в реке, куда Алексей опустил пулемёт Дегтярёва с двумя заряженными дисками, место пометить, и сегодня же ночью забрать его и перепрятать. Он был уверен, оружие пригодится.

Вскоре по деревне поползли слухи, что Данилкович наотрез отказался быть старостой. Многие односельчане поговаривали: «А жаль...»

Приближалась первая военная зима. Жизнь становилась всё тяжелее и опаснее. Фашисты обнаглели до предела: занимались мародёрством, грабежами. Им способствовали местные подонки, нацепив нарукавные повязки полицаев. Многие сельские и городские площади украсились висельницами. Казалось, что чёрному дню не будет конца.

Но это только казалось. В лесах появились первые партизанские отряды, в деревнях партийные и комсомольские подпольные группы. Борьба нарастала.

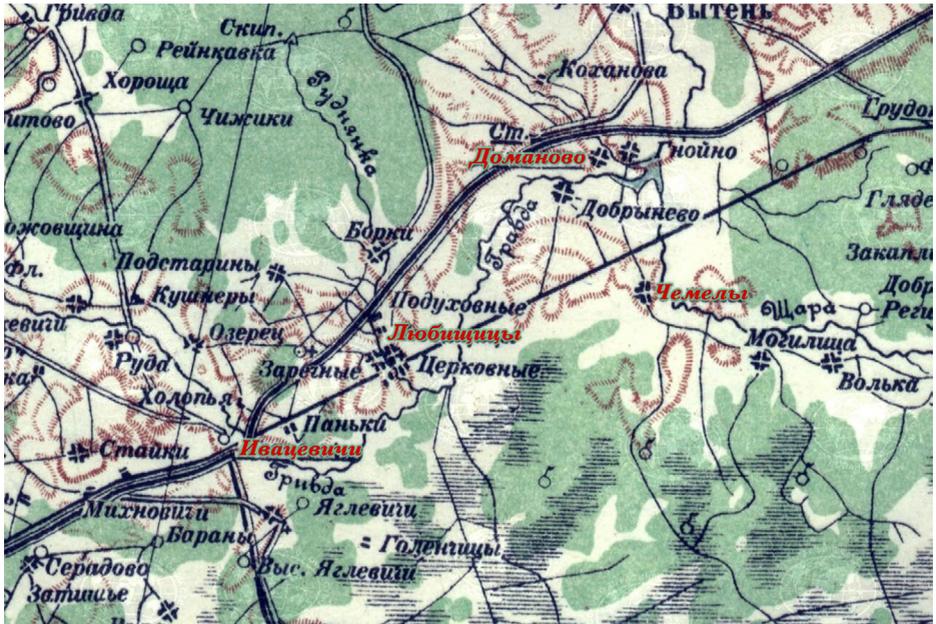
Не осталась не у дел и семья Михаила Тарасовича. После 43 дней окрепший Алексей Еремеев, простившись с семьёй Данилковичей, ушёл за линию фронта, оставив им письмо и искромётную признательность за спасение советского солдата.

Не тратил впустую время Михаил Тарасович. Он с помощью сына по крупице пополнял свой арсенал оружия и боеприпасов и сейчас в тайниках хранились пулемёт, автомат ППД, пять винтовок и около шести тысяч патронов. Сблизился он с бывшими активистами села Василием Макаром, Иваном Мазурой и Андреем Носовцом.

Сообща работать стало сподручней, но вся сложность и заключалась в том, что пеклись в собственном котле. Работа никем не поправлялась, никто ею не руководил.

И вот, в канун нового года собрались на хуторе. Михаил Тарасович поведал, что в деревне Огородники на Берёзовщине живёт его родственник Степан Трутко, старый большевик. Не может быть, чтобы он не имел связи или не посоветовал что-нибудь мудрое. Идею поддержали все.

В Рождественские праздники Данилковичи гостили у Степана Трутко. Любищенские подпольщики были на верном пути. Вскоре при помощи младшего сына Трутко Володи они установили связь с партизанским отрядом № 112.

Любищицы — большое село, — скажет любой его житель. Оно вширь и вглубь раскинулось на несколько километров.

В селе более пятисот дворов. Две центральные — шоссе-ная и железнодорожная — магистрали, проходящие с запада на восток, как бы разделяют его на две части.

В пяти километрах с запада земли крестьян соединяются с извилистой рекой Гривда, а в девяти километрах с востока протекает полноводная красавица — река Щара.

Две реки, четыре крупных моста, да между ними ещё четыре, пересекающие небольшие каналы, вырытые при проведении когда-то мелиоративных работ.

Фашисты этому участку придавали особое значение. В Любичах и в соседней деревне Чемелы, раскинутой у берегов Щары, создали многочисленные полицейские участки, оснастив их в избытке автоматическим стрелковым оружием и боеприпасами. В любой момент их могли поддержать с крупного Ивацевичского военного гарнизона, расположенного в восьми километрах от Любичиц.

В этих условиях ещё молодому в организационной стадии подполью было работать трудно. Михаил Тарасович уже дважды встречался с партизанским разведчиком и получал определенные задания. В большей степени это был сбор разведанных. На этот раз ему назначили место встречи и предупредили, что с ним будет говорить начальник разведки отряда, попросив, чтобы он изложил свои взгляды на дальнейший период работы.

Встреча состоялась через три дня в глубоком глухом Чеменовском лесу. Всё дышало тёплой солнечной весной, начинали зеленеть деревья. Приближался Первомай. Всё это поднимало боевой дух, настроение и мужество к борьбе.

В партизанском отряде понимали всю сложность работы, и на этот раз Николай Харитонович Колтун — начальник разведки — посоветовал быть очень осторожным. Пока на большую работу не выходить, ограничиться сбором данных и при возможности добывать оружие, боеприпасы и медикаменты.

С наступлением весны отряд ежедневно пополнялся новыми людьми. Нужно было оружие. Здесь и условились, каким путём Михаил Тарасович переправит свой военный арсенал в партизанский отряд.

Николай Харитонович очень хотел в этом фашистском логове сохранить конспиративную квартиру, иметь своего человека, который пользуется доверием фашистов и не вызывает

никаких подозрений. Он ещё раз предупредил придерживаться его советов.

Последние недели Михаил Тарасович отсиживался дома, управляя хозяйственными делами. Иногда принимал «гостей» из числа офицеров. Тогда день пировали, а вечером кое-что с собой прихватывали и уезжали. Расставались, как и полагаются, «друзьями».

Связь между собой подпольщики держали через детей Михаила Тарасовича. У каждого из них были свои друзья и они после уроков в школе, прежде чем идти домой, колесили в разных концах деревни, находя разные причины, то занять учебник, то посмотреть, какую блузку подружке сшила мама. Причины всегда находились.

Особенно это хорошо получалось у младшей. Голубоглазая худенькая Нина была очень общительной, умела своей добротой приобщить к себе и в то же время была хорошей подружкой другим.

И вот сегодня, когда Нина возвращалась домой, она ещё издалека заметила идущего навстречу дядю Васю Макара. Не доходя несколько шагов, она быстро нагнулась и начала словно поправлять расшнуровавшийся ботинок. Поравнявшись, Вася, не останавливаясь, а только замедлив шаг, быстро произнёс: – Передай папе, за нами установилось наблюдение. Пусть не ищет с нами встречи. Будьте осторожны.

А через несколько дней стало известно, что Василий Макар и Иван Мазур исчезли из деревни неизвестно куда. Семья Данилковичей оставалась вне подозрения.

Однажды, придя со школы, Нина подошла к отцу и рассказала, как в Ивацевичах один немец обманул Люськиного папу, продав за кусок сала и две бутылки самогону ящик мыла, но такого плохого, что оно совсем не мылится.

— Вот, посмотри, — и она достала из портфеля 400 граммовую шашку тола и протянула отцу.

Михаил Тарасович и сам никогда не видел взрывчатки, но всем чувством души был уверен, что это она.

— Так говоришь, обманул? Вот паршивец! — проговорил отец, а сам подумал, уж не провокация ли?

— Нина, — обращаясь к дочери, спросил он, — кто дал тебе его?

— Люська. У них в сарае целый ящик. Она давала ещё, но я не взяла. А этот, чтобы тебе показать.

Нет, это была не провокация. Всё в действительности было так, как рассказала ещё не совсем смышлёная девочка.

В последствии подпольщики опыт обмена тола на сало и другие продукты успешно использовали. Не пропал даром и тол Люськиного папы. Ему нашли применение в партизанском отряде.

Не затихала народная борьба с фашистами не на один час. Ежедневно напоминали оккупантам то взрывом эшелона, то моста на шоссе или железной дороге, то поджогом склада, то уничтожением телефонной связи. Всё это делалось как бы методично, с нарастающей активностью. Что только не предпринималось фашистами, но покончить с борьбой народных мстителей в своём тылу за тысячу километров от линии фронта гитлеровцы были бессильны. Никакие карательные и устрашительные меры успеха не приносили.

В качестве взрывателя для раздобытой взрывчатки было решено использовать немецкую гранату с очень удобной для броска длинной деревянной ручкой. Сопроводить подрывников напросился младший Данилкович. Василий не хуже отца знал местность, безошибочно ориентировался в любую погоду и время суток.

Участок был выбран между станциями Ивацевичи и Доманово в чистом поле километрах в трёх от ближайшего леса. Вся надежда на темноту и скрытностью подхода. Но им

везло. С вечера начал накрапывать дождь, а к полуночи это был просто ливень с громом и пронизывающим ветром. В такую погоду было мало надежды встретиться с охраной. Партизаны умоляли всех чертей и святых не кончать небесного разгула.

И вот, восемь килограммов тола с укреплённой внутри гранатой и туго перетянутые шпагатом, уложены под мостик через небольшой ручеёк. Последняя операция: шнур внутри ручки гранаты и шнур, вырезанный из сыромятной кожи, оточенным десятку раз движением связаны. Осталось только дёрнуть. Небо всё ещё грохотало.

Промокшие до нитки и озябшие партизаны лежали и ждали эшелона. Мина была поставлена на путь, идущий в сторону фронта. И как было лежащим обидно, когда прогромыхал поезд в обратном направлении.

— А что, если... — услышал Василий голос Алексея Плаксина.

Но резкий тон командира: — никаких но. Лежать и ждать! — оборвал партизана на полуслове.

Но ждать долго не пришлось. В сторону фронта с включёнными прожекторами фар двигался эшелон.

— Всем отходить, — приказал Рекунов, — я догоню.

— И я с Вами, — то ли просил, то ли ещё по молодости не зная силы приказа, Василий прильнул рядом с командиром.

Минута раздумья, и Рекунов, протягивая шнур Василию, сказал:

— Держи. Как скажу, дёрнешь.

Яркая вспышка и эхо взрыва слилось с раскатами грома. С лязгом и скрежетом эшелон летел под откос. Задание выполнено успешно. Юный партизан принял своё боевое крещение.

1-й возм. Данилкович Михаил Тарасович
2-й Линьков Григорий Матвеевич (Льдов, Батя)
3-я Данилкович Нина Михайловна
4-й Колтун Николай Харитонович
на охоте в 1946 г.

М. С. Сивеня

**Из жизни юного партизана-разведчика
Миши Сергеева**

Берёза, Брестская область
1984

Михаил Сивеня, фото времён войны

Пролог

Мой отчим Николай Харитонович Колтун удивительной судьбы человек. Раньше я не задумывался, откуда у этого человека такая внутренняя сила. И телосложение у него не богатырское, и жизнь его не баловала, а вот поди ж ты, всё перенёс, всё выдюжил.

Теперь я понимаю, что эту силу дает ему вера в правоту своего дела, которому он посвятил всю свою жизнь — революционной борьбе и служению народу. Сейчас у него нет, как и раньше, ни одной свободной минутки. Но иногда, в часы наших редких встреч, он начинает вспоминать свою жизнь, и лицо его то темнеет, то озаряется каким-то необыкновенным светом. Я знаю, что в это время он вспоминает былые невзгоды, боевых товарищей.

В первую империалистическую войну вместе с родителями он побывал в «беженцах». Там подросток впервые познакомился с новыми для него словами: революция, большевик, марксизм. Там, в центральных областях России, на всю жизнь связал себя с большевиками, вступив в комсомол. Вернувшись в 1920 году в родные края, он всё же, несмотря на преследования польской дефензивы, не свернул с раз и навсегда избранного пути.

Он рассказывает о годах, проведенных в белопольских тюрьмах, одиночных камерах, карцерах и голодовках, и с гордостью вспоминает друзей, которые помогли выстоять и перенести все тяготы и издевательства тюремной охраны, надзирателей и остаться верным народному делу.

Однажды мы разговорились с ним о 1939 годе. Вспоминая об освобождении Западной Белоруссии советскими войсками,

он как-то подтянулся и словно помолодел. Это был самый счастливый период его жизни. Выйдя из тюрьмы, бывшие узники с необыкновенной беззаветностью, не считаясь со временем, часто рискуя жизнью, устанавливали новую жизнь на Родине. Советскую власть население принимало с ликованием. Митинги, собрания, организация первых колхозов и множество других дел захватывали. Казалось, так будет всегда... И, вдруг, война.

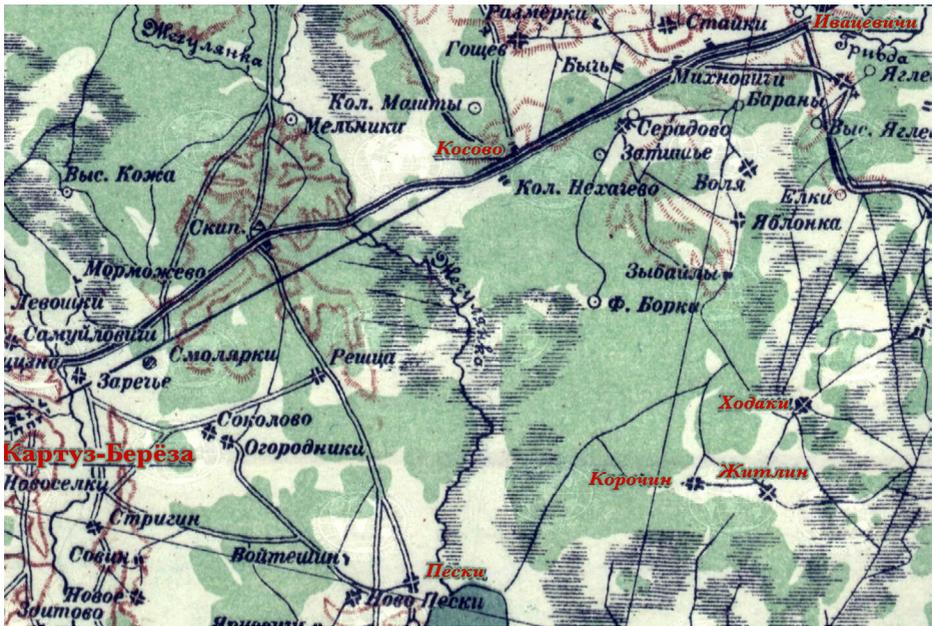
Сначала он пытался уйти на фронт, но вскоре решил помогать Советской армии на оккупированной врагом территории, ушёл в лес и стал партизаном.

У меня же о первых годах войны свои воспоминания. Мне тогда всего одиннадцать лет было...

Моя родная деревня Житлин и соседняя с ней Ходаки удалены от центральной магистрали и районного центра Ивацевичи на 20 км. Со стороны Ивацевич к ней ведет одна единственная дорога, петляющая среди лесов, полей и болот. По ней проехать можно было только зимой или жарким летом, а в остальное время года она местами сливалась с окружающими её болотами и становилась не проезжей. После дождей, весной или поздней осенью пешеходам приходилось пробираться окружными тропинками, а местами через проложенные настилы-кладки. Деревни окружали бесконечные топкие болота. Они тянулись на сотни километров, перемежаясь небольшими островками суши с высокими дубравами.

Наша семья обитала в этих краях испокон веков. Ещё во времена Речи Посполитой в деревнях Ходаки и Житлин жили Сивени. Деревня Ходаки известна с XVI в., а Житлин упоминалась в XVIII в. Многие беды пережила моя семья. В годы первой мировой войны мы, как и отчим, были в беженцах, в центральной России. Вернулись в Житлин только в 1920-е.

Хутор отчима в Ходаках стоял возле дороги и был выдвинут к лесу, как передовой форпост. Чтобы проехать в деревни со стороны Ивацевичей необходимо было проехать мимо хутора.

В первый день войны я босиком бежал по лугу и пас кобылу на огороде. Смотрел на самолёты, которые шли на восток. И непонятно было, зачем столько много самолетов летает, учения что ли идут? К вечеру в сельхозсовете сообщили, что началась война. Охватило оцепенение.

Надо отметить, что в 1939 году перед приходом советской власти поляки (полиция, комендатура) приказали покрасить известью или мелом дома.

На второй день войны в деревню приехал освобожденный РК и военкомата Яким Павлович Савчук (член партии с 1920 года). Был проведен митинг по мобилизации всего призывного возраста. В тот же день, все мобилизованные люди были отправлены в райцентр г. Коссово, а жители, боясь, что белые дома видны с воздуха, думали, не стоит ли их помыть.

На третий день был сбит наш самолёт. Одного раненого лётчика отправили с проходящим лазаретом. Стали проходить в направлении Телеханы — Пинск — Гомель отдельные подразделения.

Сивеня Даниил Семёнович

На четвёртый день войны немцы появились в Ивацевичах. Актив ушел вместе с войсками. Ушел Николай (20 лет) — доехал до Свердловска.

Мой дед Даниил Семёнович Сивеня, старый солдат, полный кавалер георгиевских крестов тогда сказал: — Мы этих басурманов били и бить будем, где моя старая трёхлинейка, спрятанная с гражданской войны?

В гражданскую войну он прошёл все фронты. Вернулся домой при поляках. Жил невенчаный со вдовой своего брата — моей бабушкой. Их общих детей — Колю с Ганной — не хотели регистрировать на отца.

За Великую отечественную войну награжден медалью партизана и за победу над Германией. При его похоронах в 1947 г. отделение солдат производило салют.

Ростом он был с меня — худенький с седыми усами под Будённого. Поляки ему не доверяли, били за неповиновение. Хранил при поляках трехлинейку среди ухватов у печки.

С 1943 года был в семейном лагере, а до его ухода в лес я жил с ним и бегал к матери на хутор.

Партизаны жили в шалашах. Я с ними поддерживал связь — носил продукты, вещи. Под видом, что пошел к матери на хутор, сворачивал на санные и в лес.

Тихим летним утром в деревне появились фашисты. И пришли они с противоположной стороны, чем их ожидали — со стороны деревни Пески. Выставив на дорогах часовых, они закрыли все выходы из деревни. Зная, что на хуторе может быть Николай Харитонович, я бросился в прилегающий лесок

и по узенькой, словно змейка вьющейся между стройных молодых березок тропинке стремглав помчался домой. Успею ли? Было страшно и за себя и за очень близких и дорогих мне людей. Этот страх подгонял: бежать, бежать сколько есть сил, только бы успеть. И я успел. Все активисты, собравшиеся в сарае, немедленно покинули хутор и ушли в лес.

Очевидцы рассказывали, что в это время гитлеровцы сгоняли на выгон всё население деревни от мала до велика. Сгнав жителей, немцы вначале назначили власть: старосту и полицию. Услужливые люди подсказали, что при панской Польше старостой в деревне был Кулинич. Его и назначили вновь на эту должность. Немного времени потребовалось для образования полиции. Правда, добровольцев оказалось всего два — Мироновский Игнат и Савчук Илья. Остальных назначили силой. Им раздали оружие и повязки с надписью «Полицай».

Замерев, люди со страхом ждали, что же будет дальше? Когда функции нового начальства были определены, по толпе пронёсся возглас: «Карпея ведут!». Карпеем в деревне звали Кондрата Сивеню.

То был обыкновенный, несколько жуликоватый крестьянин-бедняк. В деревне его недолюбливали за всякого рода проделки и стремление свести концы с концами часто за счёт соседа. В 1939 году он с радостью принял Советскую власть, помогал активу задерживать прятавшихся в лесах польских прислужников.

Фашисты искали в деревне коммунистов и комсомольцев, но те ушли с фронтом на восток или находились в лесах. Гитлеровцы схватили первого, на кого указали. Его провели через расступившуюся толпу со связанными руками и поставили перед старшим офицером. Внимательно осмотрев приведённого мужика, офицер приказал дать ему 20 плетей. Откуда-то принесли скамейку, гитлеровцы сорвали одежду и бросили

Кондрата на лавку. Кровавые рубцы перепоясали тело. После каждого удара фашист требовал назвать имена активистов, но он молчал. Не стонал, не просил пощады. Гитлеровец в бешенстве кричал: — Кто? Кто? Кто?

Тогда избиваемый начал повторять: — Один!

Рассвирепевший фашист в истерике требовал бить, бить, бить по чём попало. В стоящей толпе всхлипнула женщина, ахнула и опустилась на землю другая, плакали дети.

А удары сыпались на теряющего сознание, ни в чём не повинного человека, и кровь каплями стекала на землю из рассечённого тела. Уже не раз на потерявшего сознание «Карпея» фашисты выливали холодную воду, чтобы привести его в чувства. И как только он открывал глаза и поворачивал голову, от него вновь требовали: — Назови соучастников!

Обещали жизнь. Но говорить он уже не мог и только вытягивал в сторону руку с одним выправленным пальцем, как бы продолжая говорить: — Один.

Никто из односельчан не ожидал от него такого мужества. Все понимали, что назови он любого из них, и с ним расправятся немедленно, вот так же, без всякого суда и следствия.

Ничего не добившись и превратив Кондрата в окровавленный кусок мяса, фашисты бросили его в кузов машины и увезли с собой. Он больше не вернулся. Ценою своей жизни он спас жизни многих односельчан, не назвав их имён палачам для расправы.

18 февраля 1942 г. случилась беда — немцы ночью нагрянули в д. Ходаки. Партизан Лёшка Илакеин был в это время в деревне и пришлось уходить с боем.

В конце концов, немцам стало известно, что Николай Харитонович Колтун прячется в лесу.

Мать Агрипину с дочерьми Алёной и Маней арестовали в 1942 году, а расстреляли её в январе 1943 года. Сестёр удалось спасти, но маленькая Алёна умерла через несколько месяцев.

В марте – апреле 1943 года в лесу начали строить семейные лагеря. Помню, как население ушло в лес. Увозили с собой всё живое, и продукты, и вещи... Ночь была ветреная, мороз. Мне впервые дали сапоги. В лесу теплее. Всё ждали, что будет облава — блокированы ходы и выходы из леса.

Во время войны нашу деревню сожгли. Многих односельчан расстреляли. Это было уже после того, как сожгли с людьми деревни Зыбайлы и Затишье.

С тех пор я остался в лесу. Несмотря на весьма юный возраст, я был принят в разведку и активно участвовал в партизанской жизни и военных операциях под именем Миша Сергеев.

Автор с семьёй на могиле матери
д. Ходаки, ок. 1953 г.

Поход на ковельскую дорогу

Клонился к вечеру тёплый июньский день 1943 года. Диверсионная группа в составе тринадцати человек покинула лагерь и ушла на боевое задание. В задачу входила разведка путей отхода на Запад и диверсионная работа.

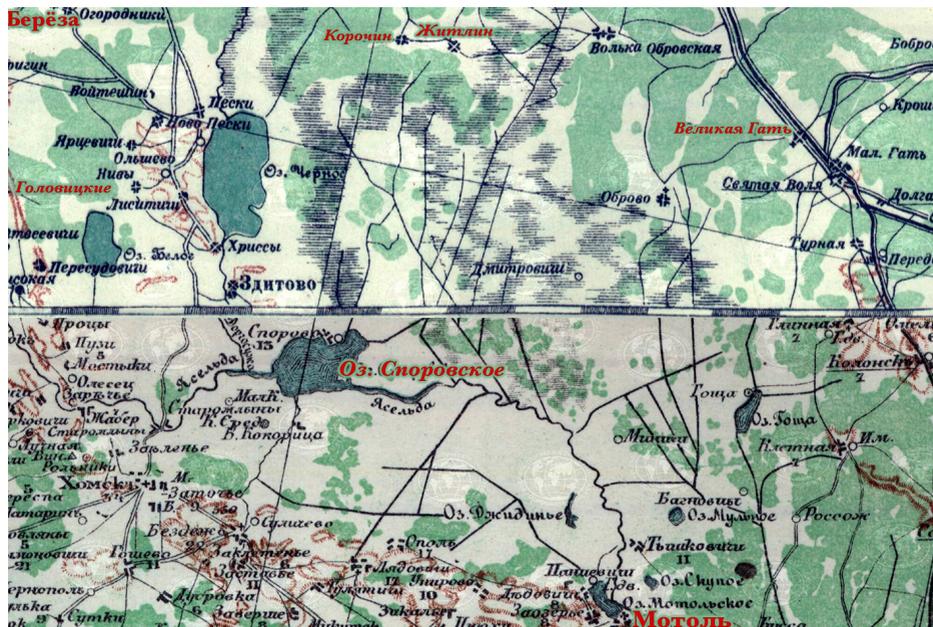
На этот раз группу возглавлял не Прокофий Рекунов, а адъютант командира спецотряда Александр Шлыков. Рекунов же остался в лесном лазарете с простреленной ногой.

Случилось это две недели назад. Удачно был спущен под откос вражеский эшелон с живой силой. Группа, удовлетворённая своей работой, возвращалась назад и нарвалась на засаду. В завязавшейся перестрелке и был ранен командир. Кость не задело, но рана заживала медленно. Бойцы, уважающие своего командира, подарили ему красивую тросточку, и Прокофий решил проводить боевых друзей, зашедших к нему перед дальней дорогой.

Медленно ковыляя, он дошёл с группой до болота, пожелал бойцам удачи. Ещё долго сиротливо стоял он на краю болота и смотрел вслед уходящим друзьям. С каждым не один раз он был в бою, знал всё главное из их биографий, и в каждом был уверен как в себе.

А вот Шлыков впервые шёл на задание с этими, такими разными внешне людьми. Вот в середине цепочки идёт совсем маленький и худенький паренёк — Миша Сергеев. Ему всего 13 лет. А серьёзен он не по годам. Александр не впервые сталкивается с ним. Этого смышлёного, с хорошей памятью мальчика часто использует командир отряда Льдов для разведки. Но выдержит ли он предстоящий переход?

Короченские леса, заболоченные, с запахом прели, остались позади. Вдоль небольшой речушки Жигулянка, петлявшей стальной ленточкой по зелёной кочковатой равнине, бойцы достигли Споровского озера и пошли вдоль его юго-восточного берега. Однако берегом, в обычном понимании этого слова, эту дорогу можно было назвать только условно. Окружавшее озеро на большом пространстве болото колебалось и вздувалось под ногами идущих. За день торфяной пласт нагрелся и весь воздух был насыщен тяжёлыми парами. По лицам партизан струился пот, взмокли рубашки. По такому бездорожью и пустому-то человеку трудно идти, а ведь бойцы несли оружие и взрывчатку.

Вот, наконец, и неширокая с красивым названием речка — Ясельда. Дальше дорога улучшалась. Болото кончилось. Здесь возле небольшой в несколько десятков дворов деревни Кокорица Шлыков разрешил трёхчасовой отдых, так как уже порядочно стемнело и силы были на исходе.

— Привал, — передал по цепочке командир и эта команда вызвала радость у мокрых, валившихся с ног людей.

Здесь на привале Шлыков решил проверить бойцов, утвердиться в них. Придирчиво осмотрев оружие и подгонку

Шлыков Александр и автор,
фото 1943 г.

снаряжения, он убедился, насколько идеально было всё подготовлено к походу, и остался доволен осмотром.

Партизаны в такой проверке не усмотрели ничего особенного, так как знали Шлыкова как смелого и хладнокровного человека, расчётливого и строгого командира. В отряде все уважали адъютанта полковника Льдова. Знали, что он дважды с парашютом прыгал в тыл врага, был несколько раз ранен, потерял в бою глаз и, несмотря на всё это, оставался весёлым, жизнерадостным человеком.

Подойдя к самому юному участнику похода, Шлыков заботливо спросил:

— Миша, устал? Может, немного облегчить вещмешок с боеприпасами? Ребята помогут.

Юноша покраснел до корней волос.

— Нет, всем тяжело! Выдержу и я.

Это было сказано настолько серьёзно, что лица партизан озарились тёплой улыбкой.

— Вот и хорошо, молодец! — только и сказал командир.

Несколько отдохнув, ночной порой партизаны обошли крупные фашистские гарнизоны в деревнях Хомск и Мотоль и подошли к деревне Кленки, расположенной вдоль шоссе и железной дорог Брест—Пинск. Под шум проходящего товарного

поезда перебежали эти дороги и к рассвету вышли на Днепро-Бужский канал. Никаких средств для переправы не было, да и уставшим до предела людям необходим был хороший отдых. Решили передневать в небольшом лесу у деревни Журавок.

На вторые сутки, переправившись через Днепро-Бугский канал, партизаны повернули на запад к Волячскому и Белому озёрам.

Снова бездорожье. Болота, многочисленные каналы и притоки реки Припять заставляли их кружить и петлять. Ночь сменилась днём, а цепочка изнемогающих от усталости людей всё шла и шла вперёд, лишь изредка делая привалы.

Нещадно палило солнце. В стороне временами как-то испуганно вскрикивала птица. И снова безмолвие до звона в ушах.

«Вот так же и прошлым летом было», — спотыкаясь о кочки и проваливаясь по колени в болото, думал Алексей Попеня. — «Нет, во много раз труднее».

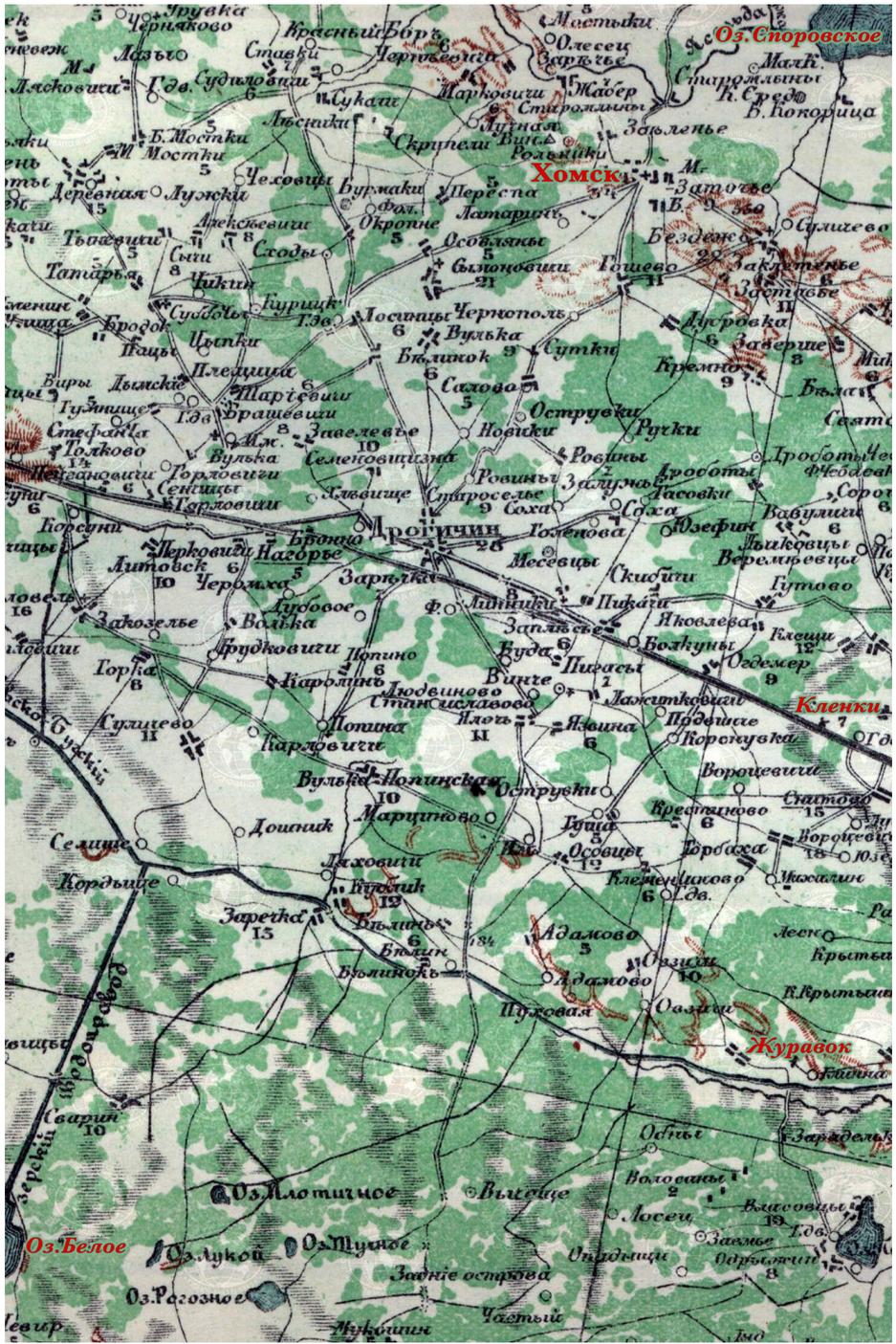
Фашисты тогда со всех сторон обложили партизанскую зону. Многодневные бои вконец измотали силы бойцов, а тут ещё вдруг зовёт его командир:

— Алексей, ты местный и знаешь в болотах все тропинки. Возьми группу бойцов и выведи из зоны блокады семейные лагеря.

Что оставалось делать? Приказ есть приказ, его нужно выполнять, хотя и легче быть в боевой цепи с друзьями.

И они пошли, неся на себе, сколько можно было взять, продовольствие, оружие и детей. Самое дорогое, что у них было — маленьких детей. Он нёс двух девочек с испуганными глазёнками, крепко ухвативших его за шею и при каждом звуке взрыва вздрагивающих и ещё теснее прижимавшихся к нему. Старшие дети шли сами вместе с матерями и стариками.

Даже мысленно тяжело представлять, как вынесли тогда они всё это. Стрельба сзади подхлестывала. Идти быстрее

Оз. Споровское

Хомскы

Кленкы

Журавон

Оз. Белое

Оз. Лукой

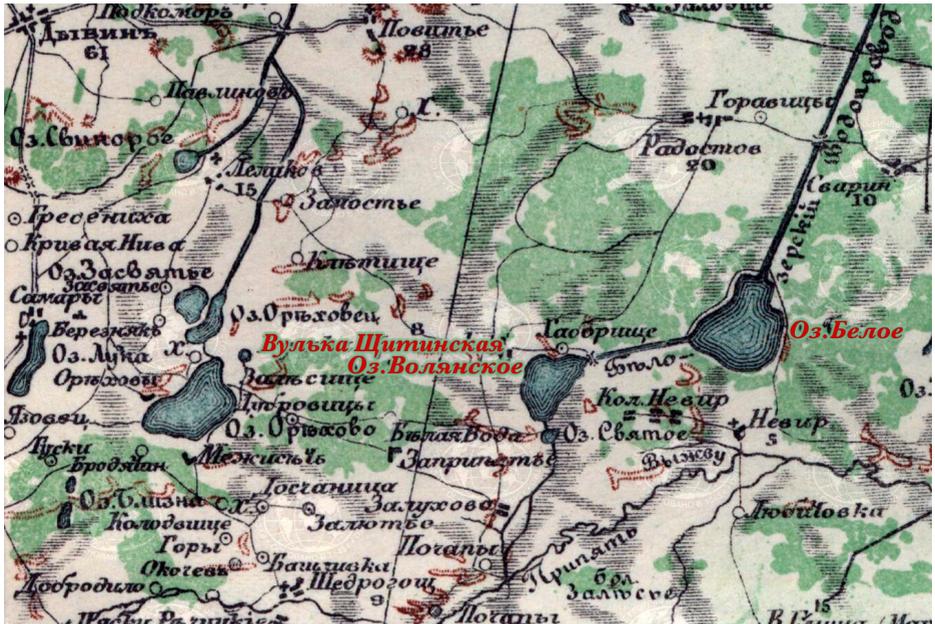
Оз. Мучное

Оз. Разное

Задние острова

не было никаких сил и всё же они бежали. Молча, дыша с хрипом и надрывом, по пояс вымокшие в болотной жиже.

И вроде сил прибавилось у него от этих воспоминаний, легче показалась ноша.

Сгущались сумерки, когда партизаны подошли к грунтовому тракту Дивин—Невеж. По знаку командира все замерли в ожидании. Прислушались. Дорога была недалеко, но из-за поднимавшегося тумана не просматривалась. Кругом стояла такая тишина, как будто вокруг нет ничего живого. Сверились по карте. Где-то неподалёку должна быть деревня Вулька Щетинская.

— Проскочим, командир? — тихонько спросил Тугов.

— Самое золотое время, поднимается туман.

Ещё несколько минут молчания и Шлык тихо произнёс:

— За мной! Соблюдать дистанцию в 3–5 метров!

Пригибаясь к земле, гуськом партизаны устремились вперёд. Однако перед самой дорогой туман внезапно разорвался

и бойцы прямо перед собой увидели полицейских, идущих по дороге. Мгновенно залегли. Те так же не растерялись и соскочили в придорожную канаву. С обеих сторон застрочили автоматы. Пули шли наугад, так как полицаев защищала дорога, а партизан прикрывал туман.

— Назад!

Тугов со всего маха бросает гранату и где ползком, где пробежкой устремляется за всеми прочь от дороги. Граната спугнула фашистов. Преследовать партизан они побоялись. Жертв в группе не было, но переход через дорогу в эту ночь не состоялся.

Уже больше недели шли партизаны от леса к лесу, от деревни к деревне. Шли на запад, отмеряя километр за километром. В другом месте удачно проскочили Дывинскую дорогу. И всё это время Шлыков наблюдал за Мишей. Он видел, что мальчик с каждым днём всё больше слабел. И хотя крепился перед взрослыми, не отставал, но долго выдержать уже не мог.

Однажды на привале он безапелляционно скомандовал:

— Тугов, Васин, разгрузите Сергеева!

Голубые газа мальчика сверкнули на мгновение радостью от того, что командир понял его состояние, но в следующую минуту он опустил голову, покраснев от таких мыслей.

— Не печалься, Мишка, ты и так молодец! — шлёпнул подбадривающе боец по его плечу.

Осталась у паренька самая малость: несколько кассет с патронами, автомат, пара гранат, да килограмма два сухарей и сухого говяжьего мяса.

Задача, поставленная перед разведгруппой командованием, была уже почти выполнена. Установлены связи с местными патриотами, определены места для работы разведгрупп, изучен маршрут на случай перебазирования штаба на запад в глубь вражеского тыла.

Не был израсходован ещё запас тола, а его могло хватить на два эшелона. Бойцы склонились над картой командира. Где выбрать место наиболее удобное для диверсии?

Впереди, километрах в двадцати, железная дорога на Ковель. Вдоль неё, знали партизаны, на триста метров уничтожена всякая растительность: лес, кусты. Но на одном из участков на большом расстоянии вдоль дороги тянулся смешанный лесной массив шириной в несколько километров. Если добраться туда и спуститься в лощинку, пересекающую лес и железную дорогу, то, пожалуй, лучшего места для диверсии и не найти. Там мостик через ручей. Подходы более скрытные.

Остановились на этом варианте и стали обсуждать пути подхода. Дело осложнялось тем, что придорожный лес от них отделяла равнинная низина с двумя небольшими деревушками, рядом хуторов с засеянными полями и небольшими участками топких болот. Пройти этот участок в световой день незаметно было невозможно. Июньская же ночь коротка и обернуться за неё туда и обратно — немыслимо.

Решили с наступлением темноты незаметно обойти деревни и к рассвету занять в лесу исходную позицию для наблюдения за железной дорогой, замаскироваться и передневать.

Намеченный план осуществили. Когда первые солнечные лучи осветили землю, партизаны были у места взрыва. Осмотрели местность. Действительно, над небольшим ручейком был построен метра на четыре мостик. Ручеёк сейчас пересох, а намытый половодьем песочек давал возможность бесшумно подойти к железнодорожному полотну.

Оставив здесь для разведки Сорокина и Тугова, партизаны углубились в лес и залегли под густыми разлапистыми елями. Оставалось ждать темноты. Время тянулось медленно. Лесная испарина нагоняла на уставших людей сонливость и, чтобы преодолеть её, бойцы полужёпотом вспоминали такие далёкие теперь мирные дни, дни счастливой жизни.

Временами слышался перестук колёс проходящих поездов, визг пилы, стуканье молотков и другие звуки. Где-то шли строительные работы. «Тук-тук, тук-тук», — стучали на стыках колёса и мрачнели лица партизан от невозможности вот сейчас совершить возмездие.

А в это время Михаил Сорокин и Алексей Тугов вели тщательное наблюдение за дорогой. Оба они мастера своего дела, отличные разведчики, опытные минёры. А Алексей к тому же и лучший снайпер в отряде. С начала войны бьют они фашистов в белорусских лесах. И сейчас все их помыслы о том, чтобы не сплоскать, не подвести товарищей.

Михаил подвижный, как вьюн, уже успел сползнуть в сторону раздающихся строительных звуков. Выяснил, что в километре от мосточка мужики под присмотром солдат в венгерской форме строят дзоты.

Алексей в это время вёл счёт проходящим эшелонам. Выходило, что интервал между поездами 30–40 минут и скорость где-то около 35 км в час. Пройдёт 4–5 поездов, появляется дрезина с ручным приводом. Один солдат приводит её в движение, а два других осматривают железнодорожное полотно. Дорога работала как хорошо отлаженный механизм.

В конце дня всё установленное Сорокин доложил командиру.

— Хорошо, что ведут себя спокойно, — сказал в задумчивости Шлыков. — За беспечность расплата втридорога им обойдётся.

И, обращаясь к Сорокину, приказал:

— Готовьтесь к взрыву. У шнура останется Васин. Помните, сбор в лощине у старого разрушенного колодца.

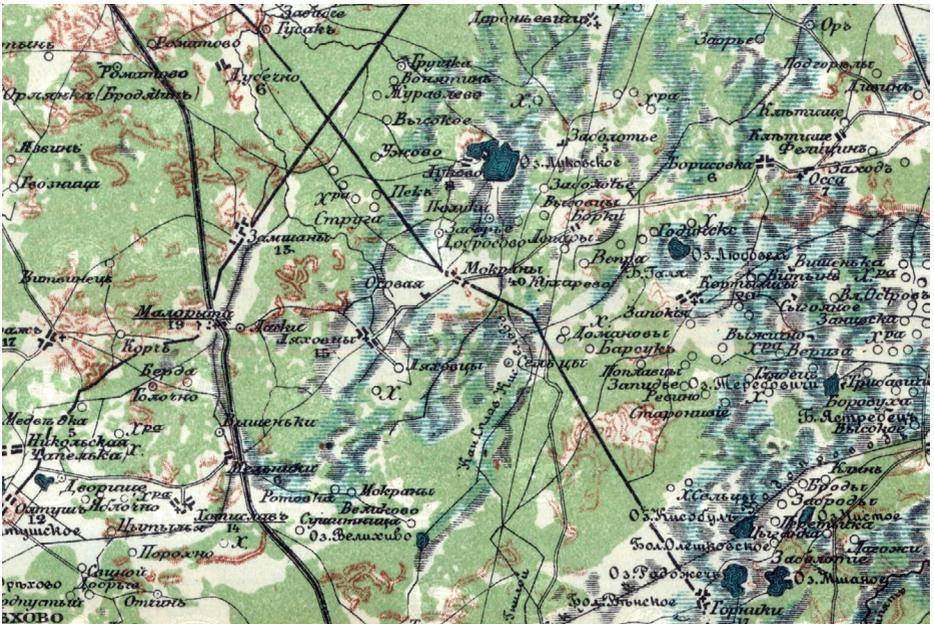
Затем, осмотрев оставшихся, разделил их на две группы прикрытия.

На горку за мостик, где были довольно высокие пни, отправился во главе группы Чебурков, остальные залегли справа от подрывников в вырытой бомбой воронке.

Долго пришлось ждать нужного эшелона. Только на расвете оглушительный взрыв потряс окрестности.

После значительной пробежки партизаны остановились на опушке леса. Преследования не было. Все облегчённо вздохнули, огляделись.

Первые лучи солнца позолотили верхушки деревьев, рассыпались по листве, и тотчас птицы начали утреннюю переключку. А над лощиной и болотами всё ещё стелился белесый туман. До большого леса было не меньше десяти километров открытой местности.

— Не пройти, — тихо сказал Попеня, — перехватят.
 — Что делать будем, командир?
 — Может, переднюем на одном из хуторов?
 — Придётся. Ещё по дороге сюда я заприметил один подходящий хутор. Он далеко от деревень и железной дороги. И от дороги, ведущей к переезду, не близко. Кругом посевы и постройки, есть где укрыться, в случае чего. Если хозяева

добрые, проведём день возле хутора, с наступлением темноты израсходуем последний заряд и в путь, на базу.

К хутору подошли ложбинкой, кустарником. Осмотрелись. На луку между отгороженной жердями уже колосающейся рожью и лощиной пасся скот, видимо, принадлежавший хозяину хутора: две красно-пёстрые коровы, годовалый телёнок и лошадь. Рожь была густая, высокая. Сизоватая стена плавно катила свои волны под изредка набегавшим ветерком и чуть слышно шелестела. Во дворе дома и возле скота никого не было.

С час, не менее, наблюдали партизаны за далёкой дорогой, хутором и, не обнаружив ничего подозрительного, решили действовать.

Алексею Тугову, Епифану Ткаченко и Мише Сергееву Шлыков приказал осмотреть дом и уяснить обстановку. Остальные бойцы остались в лощине, уже очистившейся от остатков тумана. В изобилии сверкала роса, предвещающая жаркий день.

Как только трое партизан выступили во двор, словно из-под земли, выскочил огромный, ростом с доброго телёнка, кобель. Громыхая проволокой, тянувшейся от дома к хлеву, он с оскаленной пастью так злобно рычал и кидался на пришельцев, что стало совершенно ясно — этот в дом не пропустит. Однако из дома никто не выходил и Тугов, державший наготове винтовку с бесшумным устройством, разрядил её в разъярённого пса.

Только после того, как пёс затих, в доме стукнула дверь и на пороге появился выше среднего роста, с опухшим от сна лицом, седовласый, но ещё крепкий мужчина.

Увидев растянувшегося пса, он бросился к нему с проклятьями, но, увидев направленные на него автоматы, мгновенно остолбенел. Растерянность длилась не более секунды. Он как бы встряхнулся, забыл о происшедшем и пошёл навстречу партизанам, приговаривая:

— Дорогие товарищи, спасители вы наши, что же вы стоите, заходите в дом, желанными гостями будете.

Всё это он говорил быстро, словно заученной и отрепетированной скороговоркой.

— Немцы есть? — строго оборвал его Тугов.

— Нет, нет, не беспокойтесь. Они редко заглядывают на наши хутора. Боятся изверги... — с тем же пылом снова затараторил хозяин.

— Кто в доме? — вновь спросил Алексей.

— Не сомневайтесь, в доме жена-старуха, сноха, да двое ребятишек. Один ещё в люльке.

— Ладно, стойте здесь, — и Тугов показал на угол сарая, где лежали аккуратно сложенные, рубленные, ещё прошлогодние дрова. В мозгу мелькнуло: «Запасливый дядя, не на один год заготовил».

Не вдаваясь в размышления, он повернулся к Ткаченко и бросил: — Проверь дом...

В доме на кухне топились русская печь, возле которой неторопливо хлопотали две женщины, приготавливая пищу и корм для скота. На вошедшего низенькая старушка, орудовавшая кочергой в печи, даже не взглянула, видимо решив, что это хозяин. Другая — высокая, стройная, ещё молодая женщина с длинными, чёрными, ещё не заплетёнными с ночи в косу волосами — увидев незнакомого вооружённого человека, словно окаменела. Бледность, разлившаяся по лицу, сделала её особенно привлекательной и Елифан, натолкнувшись на неё взглядом, никак не мог отвести глаз в изумлении.

Страхнув оцепенение, он шагнул в дверь, осмотрел переднюю комнату, две спальни. Его удивил идеальный порядок в передней. Круглый стол посередине, застланный шёлковой цветастой скатертью с дорожкой, шитой гладью, да с цветком «Грушка» в глиняном, обмотанном тонкой проволочкой горшке, придавал особый уют комнате. Как во всех деревенских домах на стенах висели рамки с многочисленными фотографиями родственников под стеклом. Передний угол занимала большая

икона, украшенная вышитыми рушниками. Фикус, венские стулья вдоль стен дополняли комфорт.

В спальнях было не прибрано. Широкие деревянные кровати, покрытые светло-коричневым лаком. В глазах сверкало от непривычной белизны простыней и пододеяльников, целой кучи подушек в расшитых наволочках, лежащих на кроватях и большом окованном сундуке.

В одной комнате действительно спали ребяташки: лет четырёх — пяти на кровати и ещё совсем малыш в коляске из ивовых прутьев.

Всё это в один миг напомнило Епифану далёкий Мурманск, посёлок Мурмаши, жену, детей. «Как они там? Живы ли?» — вздохнул он, возвращаясь в кухню.

Здесь он застал прежнюю картину. Молодوخа лишь стала менее бледной, да капли пота, как слёзы, катились с висков. У старухи же, всё ещё державшей кочергу, мелко дрожали руки.

— Не волнуйтесь, — тихо сказал Ткаченко. — Мы свои — партизаны! Нам бы немного поесть чего.

— По-пожалуйста, за-заходите в хату, или вы-вынести? — заикаясь пролепетала старая.

Ткаченко, не ответив, выглянул в дверь и крикнул:

— Правду сказал хозяин, в доме женщины и дети. Завтрак готовят. Давайте ребята, а я на чердак — покараулю.

Хозяин вновь было начал лебезить, но Тугов, обернувшись к Мише, сказал:

— Всё слышал? Да? Тогда айда к ребятам, доложи им обстановку.

А в это время в лощине партизаны вели неторопливый разговор. Вспоминали боевые эпизоды, подшучивали друг над другом. Уловив момент общей паузы, Михаил Сорокин неожиданно для всех попросил Шлыкова:

— Командир, рассказал бы, как Вы с Батей в Москву летали ордена получать. Какая она сейчас? Я вот никак не могу

представить её другую, не такую как в кино, на картинках, не торжественную, не нарядную. Хотя в душе понимаю, что она сейчас не такая.

Все повернулись к Шлыкову. А он, задумавшись, молчал. Может, мысленно перенёсся вновь в тот строгий и торжественный зал Кремля, где командир спецотряда полковник Льдов получал Золотую звезду Героя, а он орден «Отечественной войны» I степени, а, может, вспоминал свою поездку на родину — в Ярославль, встречу с любимой девушкой.

Затем, поудобнее устроившись возле мохнатой ёлочки, потёр виски и сказал:

— Ну что ж, друзья, Михаил прав. Столица сейчас суровая. Дома, мостовые, машины — всё раскрашено так, чтобы с воздуха было не понять где парк, а где площадь. Ещё соблюдается затемнение, в ночное небо поднимаются аэростаты заграждения. Кругом, даже в метро, посты ПВО. Въезд в Москву и выезд из неё только по пропускам. Чувствуется дисциплина и порядок. И я бы сказал вам, что это не просто военный город, а город-воин.

Да и не только в Москве, но и в Ярославле, дома, меня поразили люди, их настроение, их уверенность в победе.

Мне пришлось сопровождать Батю на заводы, где он по поручению партийных органов выступал перед рабочими. И вы не поверите, что это были за рабочие! Женщины, старики, да мальчишки и девчонки, которые такие махонькие, что не могут дотянуться до станков. Им делают специальные подставки. А мужчин единицы — все ушли на фронт. Работают как черти по 10–12 часов, если срочный заказ, и ещё перевыполняют нормы. А жизнь трудная — продукты по карточкам. Батя в знак благодарности низко кланялся этим рабочим, говорил, что каждый патрон, гранату, изготовленные их руками, партизаны постараются выпустить в цель и помогут приблизить Победу.

Жизнь в Москве нелёгкая, но это уже не 41-й год. По Москве всегда измерялась жизнь страны, так и сейчас. Посмотрите

на своё оружие: автоматы и бесшумка, тол, гранаты. Это плоды крепнущего с каждым днём тыла. Так что дело остаётся за нами: покрепче бить гадов!

А бить их можно оружием и смекалкой, то есть уничтожать физически и морально.

Мне вспоминается, какой переполох наделали мы фашистам в прошлом году на Первое мая в Лепельском районе на Витебщине. Правда, материальный урон нанесли небольшой, но напомнили им, что и здесь мы умеем отмечать советские праздники.

— Давай, командир, рассказывай, — скручивая «козью ножку», подбодрил Попеня, — слушая умное дело, легче переносишь усталость, быстрее бежит время, да и есть не так уж хочется.

Ребята знали этого балагура, его способность выбросить иногда задорную и едкую шутку, и тихонько засмеялись.

Шлыкков же воспринял его слова иначе, всерьёз, как упрёк в свой адрес, «что мол, мы народ бывалый, давно обстрелянный, а сидим вот в этой лощине усталые и голодные, а ты, командир, нас рассказами кормишь».

Однако догадки своей не выдал и в том же тоне отпарировал:

— Знаешь, Алёша, за подобный подарок гитлеровцам я и сегодня готов добровольно испытать сутки строгого поста.

— До вечера времени предостаточно, командир, и Попеня успеет ещё рассказать нам, как потерял повариху штаба «Манюню», доставляя её с первой точки от Феди Шапакина, — съязвил Сорокин.

Все рассмеялись, а Алексей принялся в шутку оправдываться:

— Что мне оставалось делать? Болото-то её не выдерживало, а донести семипудовую «Манюню» не в моих силах, братцы. Пробовал, ничего не вышло.

— Не вышло, не вышло, — передразнил Сорокин, — ты, Лёшка, всегда сухой из воды выйдешь...

— Сухой или не сухой, но в болотную тину не засосало — чист, как вода из крыницы! Не веришь? Вот те крест святой великого грешника на земле Алексея Попени.

И он, под общий смех, поднял на уровень груди автомат, изображая священника с поднятым вверх крестом.

Насмеявшись вдоволь вместе со всеми, Шлыков продолжил свой рассказ:

— Так вот, ребята. Возле одной деревни, ещё в довоенное время на горке был построен тригонометрический пункт — вышка метров пятидесяти высотой. В деревне в 42-м году стоял немецкий гарнизон, состоявший в основном из местных полицаев. Местность кругом открытая, и партизаны старались обходить её стороной. А тут решило командование отряда вывесить ночью в канун Первого мая на этой вышке красный флаг. Поручили это дело группе Лаврентия Брыля.

— Не нашему ли начальнику ремонтной мастерской?

— Ему. Ночь была тёмная, беззвёздная. Партизаны для страховки залегли возле деревни — прикрыть на случай отхода, а Брыль с ребятами привязал красное полотнище к железному пруту, поднялся на вершину пункта, и закрепил его там. Флаг, тропинку к вышке, крепления основных упоров лестничной клетки — заминировали.

А утром, в день 1-го мая в лучах проглянувшего солнца развернулся и заполоскал Красный флаг. Первым увидели его полицаи, несшие патрульную службу.

Чтобы доказать свою преданность фашистам и заслужить похвалу один из них бросился по тропинке к вышке с целью сорвать флаг. Раздался взрыв и ревностный служака упал у тропинки без ног в лужу крови.

Взрыв поднял на ноги не только полицаев, но и жителей села. С затаённой гордостью смотрели они на фашистов, в бесильной злобе пытавшихся уничтожить флаг — символ веры в скорое освобождение, светлое будущее.

Второй «охотник» был более осторожен. Осматривая каждый свой шаг, он всё же добрался до вышки, подпрыгнул, чтобы ухватиться за перекладину лестницы, и в тот же миг прозвучал новый взрыв. «Охотник» упал с окровавленным лицом и руками. Желаящих отличиться больше не было. Комендант полиции в бешенстве изливал всю злость на своих подчинённых, кричал. Но полицаи находили сотни отговорок, лишь бы не разделить судьбу предыдущих.

А флаг под лёгким ветерком спокойно колебался в недотягаемой вышине. Тогда комендант приказал сбить флаг из оружия. Поднялась такая стрельба, будто шёл бой с многочисленным противником, или целая рота салатовала празднику.

Однако перебить металлическое древко не удавалось, только изрешетили пулями красное полотнище.

Поняв бесполезность затеи, огонь прекратили и удалились в село, оставив у вышки охрану. Так и стояли полицаи весь день у знамени, «будто в почётном карауле». А комендант, видимо, советовался со своим начальством...

Утром второго мая, вооружившись пилой, вновь появились у вышки, и... принялись пилить опоры. Одна, другая, но когда взялись за третью, снова прогремел взрыв, покалечивший ещё двух полицаев.

Только к обеду вышка упала. Прозвучал последний взрыв — это взорвался флаг, как солдат, нежелающий покориться врагу.

Молва об этих событиях распространилась среди населения с невероятной быстротой. Она обросла домыслами и легендами...

В это время Васин, наблюдавший за окрестностью, сообщил:
— Миша Сергеев бежит...

Разговор умолк. Через несколько минут запыхавшийся паренёк докладывал командиру обстановку.

Оставшись на хуторе, Тугов не терял времени даром. Оставив Ткаченко на чердаке дома наблюдать за окрестностями,

сам попросил у хозяина мыла, воды и пару полотенец, а хозяек приготовить что-нибудь поесть.

Вскоре во двор вошли партизаны.

— Стойте, братцы, — пробасил Гришка Стецов, потянув носом, — какой запах! Аж слюнки текут!

Шлыков прямо направился к Тугову:

— Как наблюдение?

— Всё в порядке. Ткаченко на чердаке, обзор отличный.

Бойцы наскоро приводили себя в порядок. А хозяин тем временем всё вертелся тут же:

— А милые, дорогие наши защитники, спасители вы наши, заходите, всем, что есть в доме, поделимся.

В его словах было столько приветливости, радушия и доброты, не чувствовалось никакой фальши, что у партизан не возникло никаких сомнений в порядочности этого человека.

Мечтавшие вволю поесть хотя бы хлеба с молоком партизаны увидели на столе обилие всякой еды. В миске лежало розовое, нарезанное кусками толщиной в ладонь, сало и куски солёного полусухого окорока. Солёные огурцы источали аппетитный запах. Две крынки были полны сметаной и коровьим маслом. У печки старуха насыпала в миску из чугуна исходящий паром разваренный картофель.

Несмотря на завидный аппетит, ели ребята спокойно, с достоинством.

Подобрав удобный момент, переминаясь с ноги на ногу, хозяин подошёл к Тугову:

— Командир, может того... выпьете с устатку... есть у меня малость...

И, не ожидая согласия, поставил на стол литровую бутылку мутноватой жидкости, приговаривая:

— Ребятки, не беспокойтесь, не обижайте старика... Чистенькая, хлебная, сам делал.

Тугов посмотрел на Шлыкова. Остальные также.

— Может, не повредит по маленькой, Саша?

Шлыков колебался, но перед просящими взглядами не устоял:

— Ладно, но только эту...

Ещё более трёх часов партизаны, находясь на хуторе, вели непринуждённый разговор. Одни в доме с хозяйками, другие во дворе под поветью с хозяином.

Старик был многословен. Рассказывал о бесчинствах фашистов в округе. Не забыл упомянуть, что за малейшее подозрение на связь в партизанами или оказание им помощи, расстреливают всю семью.

— А Вам не страшно, дедушка, что Вы нам помогли? — спросил Миша Сергеев.

— Да нет, сынок. Мы уже старые, все страхи уже пережили. Сына нашего эти сволочи убили, осталась одна невестка с малышами. Мой стариковский долг хоть чем-нибудь отомстить этим гадам.

Как бы смахивая слезу, вытер старик глаза.

Дневная жара, прошедшая напряжённая ночь, обильная пища вызывали сонливость. Некоторые бойцы, прислонившись к нагретой стенке сарая, уже вздремнули. И тогда старик предложил Шлыкову:

— Командир, негоже так. И люди не отдохнут и, неровен час, забредёт кто из хуторских, а вы во дворе. Вон рядышком гумно, там в правой стороне свежее сено. Там безопаснее для всех нас, и сил больше наберёте.

«Резонно говорит старик, дело», — подумал Александр. — «Если нагрянут фашисты, то мы уйдём, а семье гибель. Нет, нельзя платить чёрной неблагодарностью таким людям».

— Чубарков, — позвал Шлыков, — пойдём, посмотрим.

Гумно действительно оказалось чудесным. Большое 6х15, поставленное на фундамент из бетонных пустяков, срубленное из круглой окорованной сосны, оно изумляло основательностью

постройки. Гумно было новое, срубленное плотно, все брёвна одно в одно отливали на солнце желтизной, а капельки вытопившейся смолы играли золотыми зайчиками. На вошедших пахло запахом свежего сена и соснового леса. Глиняный битый ток разделял помещение на две части. Одна предназначалась для складывания снопов, другая — для сена. Каждая сторона от тока отделялась метровой перегородкой.

В гумно вели единственные, в полную высоту стены, двухстворчатые двери. Прямо против них у стены стояла молотилка с ручным приводом, новенькая, ещё не опробованная.

Прохлада и полумрак располагали к отдыху. Лишь вверху над молотилкой поблёскивал маленький просвет.

Осматривая постройку, Шлыков похвалил:

— Хорош материал, да и работа добротная, сделана на совесть. Сноса ему не будет.

Хозяин не умолчал:

— Что же, пока послужит вам. Сколько осталось старикам копить небо, а там надо же что-то и внукам оставить.

— Чубарков, зови ребят! Отдохнём пару часиков.

Спустя несколько минут, ловко орудуя ножами, проделали между брёвнами отверстия для наблюдения за двором и дорогой. С чердака дома часового сняли, решив, что достаточно одного наблюдательного пункта.

Получив возможность хорошего отдыха, ребята блаженно растянулись на сеновале: сняли вещмешки, расслабили ремни, кое-кто снял сапоги и повесил сушиться портянки.

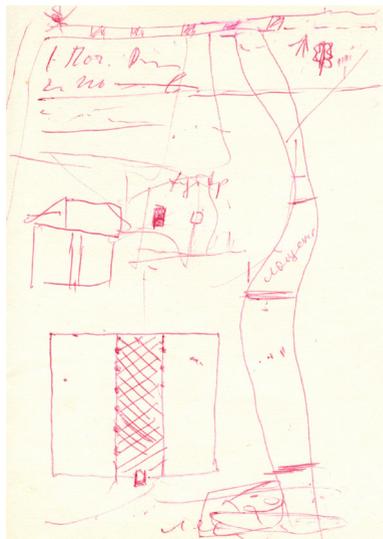
А старик тут как тут:

— Вы, сыночки, не беспокойтесь, отдыхайте. Я буду во дворе, если что... сообщу мигом.

Время шло, партизаны сменяли на наблюдательном пункте друг друга. Старик бродил по двору, рубил дрова, носил скоту воду, дважды подходил к гумну. Ничего тревожного не замечалось.

— Васин, ложись отдохни, я подежурю — поднялся с сена Шлыков.

Устроился, стал смотреть на дорогу. Почудился гул машины. Далёкий, словно шмелиное жужжание. Он поднёс к глазам бинокль и увидел облако пыли. По просёлочной дороге в направлении хутора шли два грузовика с солдатами.

Зарисовка автора

— Немцы!

Зловещий шёпот, как набат колокола, мигом поднял спящих. Сна, как не бывало. Похватав оружие, все бросились к дверям, но они не открывались. Когда и кто успел подпереть их снаружи?

— Вот это попались! — тихо проговорил Стецов. — Ни окон, ни дверей, зато полна горница людей.

— Хватит! — отрезал Шлыков.

— Васин, наблюдай и докладывай всё, что видишь. Остальным приготовиться к бою! Дверь на крюк!

— Машины остановились. До хутора метров 250. Выгружаются, — докладывал Васин.

В это время Шлыков, внешне спокойный, расставлял партизан. По шесть человек справа и слева от дверей вдоль каждой стенки. Сам стал первым справа. Замыкали шеренги Тугов и Васин.

— Большинство — полицаи с белыми повязками на руках. Разделились на четыре группы, человек по 10. Идут, прячась во ржи, в нашем направлении.

— Ребята, — тихо обратился Александр к бойцам, — считая, единственный выход такой: фашисты знают, что мы спим, и будут стремиться взять нас живыми. Поэтому попробуем

им подыграть. Соблюдайте мёртвую тишину. Первым тройкам и замыкающим приготовить гранаты.

— Сволочи, верёвки несут, — почти простонал Васин, — автоматы за спиной, в руках верёвки. Это нас вязать, слышите... метров 30 осталось.

— Хорошо, слазь осторожно, не шуми.

И всем:

— Как только они скопятся возле двери и начнут открывать, мы им поможем их распахнуть. Бросаем гранаты и будем прорываться в лощину.

Он взвёл автомат, отстегнул пуговицы от чехла запасного диска. Неторопливо, заученными движениями достал гранату, отогнул усики чеки...

Бойцы следовали примеру командира.

Тихо обойдя всех, Шлыков заметил, как дрогнул автомат в руках Сергеева, и обронил:

— Спокойнее, Миша, и уверенней!

Махнул головой в знак одобрения Тугову, ставшему за Мишей, и, возвращаясь к двери, возбуждённо проговорил:

— Друзья, партизаны никогда не сдавались живыми, разведчики тем более. Покажем гадам на что мы способны и в таком положении!

Бойцы смотрели друг на друга, мысленно прощаясь. Думалось: «Неужели, это конец, неужели всё? Шансов вырваться из этой западни почти никаких. Два — три пулемёта на двери, и не то, что человек, мышь живая не проскочит. Жизнь... а жизни-то ещё по сути и не было...»

Перед глазами проносились картины родных мест, воспоминания детства, лица родных, любимых...

В тишине за дверью послышался шумок, будто много людей, крадучись, подходили к гумну. Легонько, без скрипа качнулась дверь — это отняли подпиравшее её бревно и попробовали открыть.

— Заперто изнутри, — прошептал хриловатый голос.

В промежуток между дверными створками просунулся плоский немецкий штык и начал тихонько поднимать вверх внутренний крюк. Напряглись до предела. Пальцы на спусковых крючках автоматов. Кольца с чекой зажаты в зубах.

Дверь медленно начала открываться. Доли секунды. Рывок. И гранаты одна за другой разорвали гнетущую тишину.

В дыму и поднявшейся пыли, строча из автоматов, перепрыгивая через трупы, партизаны, что есть мочи, понеслись в рожь к спасительной ложбине.

Застрочил пулемёт, срезая колосья ржи, но поздно. Тугов, выскочивший последним, удачно метнул в его сторону гранату. Это был такой стремительный бег, что ему могли бы позавидовать опытнейшие спортсмены.

Всё дальше и дальше оставался злополучный хутор, где продолжала греметь яростная стрельба. Бесперывно строчили пулемёты, автоматы. Полицаи хотели хотя бы в стрельбе излить свою злобу на провал столь блестяще организованной операции.

Звуки боя передвинулись влево, затем повернули вдоль по ложбине. До заката было ещё далеко. Нужно было уносить ноги как можно дальше от опасного места.

Стрельба внезапно смолкла, видимо, фашисты потеряли след партизан.

В изнеможении партизаны попадали на землю, оглядывая друг друга.

— Все живые? Целы? — спросил Шлыков.

— Кроме тебя, командир.

И только сейчас он заметил расползающееся кровавое пятно на левой ноге.

— А, пустяки, царапина.

— Перевязать всё же надо. У кого индивидуальный пакет есть?

И тут оказалось, что часть вещей осталась в гумне. Трое партизан были без обуви. Нужно было выяснить наличие патронов. Шлыков начал переключку.

— Тугов, сколько в бесшумке?

— 76.

— Чубарков?

— 30, два диска пустых.

— Сергеев?

— 4 кассеты, 3 пустых...

Слушая ответы Шлыков думал, что воевать больше нечем, нужно скорее уходить и запутывать следы. Стрелять можно только, нарвавшись на засаду. И то, вся надежда на снайперские способности Тугова.

Бойцы пересчитывали патроны, а Шлыков внимательно смотрел на Попеню, его босые израненные ноги, и зло думал: «Этот балагур ещё и сапоги кинул...»: — Попеня, сколько?

— Два полных, один пустой и 500 штук в вещмешке.

Ответ не сразу дошёл до сознания командира, но когда сидящие бойцы переглянулись, смысл сказанного прояснился и, забыв про боль в ноге, Саша вскочил и радостно обнял Попеню.

— Лёнька, милый ты человек, вот удружил, вот выручил!

— Саша, — дёрнул его за рукав Миша Сергеев, — у меня парашютный шёлк есть, пусть Лёнька обмотает ноги.

— Ни в коем случае! Шёлк беречь как перевязочный материал, а на ноги разорвать нижнее бельё.

— Саша, в каком направлении пойдём, — спросил Тугов, догадывающийся, что ещё на бегу Шлыков уже принял решение и ведёт их не вслепую.

— Пойдём, ребята, туда, где нас меньше всего ждут. К железной дороге пойдём, где вчера взрывали эшелон. Они нам будут стремиться отрезать путь к большому лесу, а мы переждём это время у них под носом. Собак у них, видимо, нет и здесь, в лесной полосе, до темноты мы сможем их поводить.

Распределив поровну патроны, перевязав командира, обмотав босые ноги тряпками, партизаны ушли к лесной железнодорожной полосе.

— Передохнём, понаблюдаем, — предложил некоторое время спустя Шлыков, — нам от лощины далеко отрываться нельзя, на открытую местность, в случае чего, не выскочишь.

Отправив Стецова и Сорокина на опушку следить за железной дорогой, выставив посты охранения, Шлыков устало опустил на полусгнивший пенёк. Все молчали. Ныла пораненная нога. В голову лезли нехорошие мысли: «Немцы нас так не оставят. Будет беда, если соберут силы и начнут прочёсывать лес. Что сделать, чтобы запутать преследователей?»

— Ребята, кто из вас верит в счастливую звезду? — нарушив гнетущую тишину, спросил всегда молчаливый Ткаченко. — Вот говорят: родился под счастливой звездой. Правда это?

Все смотрели на Елифана в недоумении, к чему это он?

— А я могу теперь уверенно утверждать, что есть счастливая звезда, и, что все мы, тринадцать, родились именно под ней. Иначе чем можно объяснить наше спасение?

— Вот это пророк, — не утерпел Попеня, — а мы и не знали! Ты сначала домой вернись, а потом считай счастливые звёзды.

— Нет, ребята, нас спасла не счастливая звезда, — вступил в разговор Тугов, — нам помогло несколько причин: полное доверие фашистов предателю, его словам, что мол все спят, идите и берите как сонных котят, точный расчёт Саши и наша сплочённость.

— Товарищ командир, дрезина! — появился из-за кустов Стецов, — Справа, метров 500.

— Тугов, Васин, бегом за мной! Остальные на месте!

Как только бойцы достигли опушки, тотчас увидели дрезину. Трое солдат, осматривая железнодорожное полотно, ритмично двигали рычагами дрезины.

— Алексей, снимешь?

— Думаю, что да!

— Давай!

Щёлкнул курок и впереди сидящий солдат повис на рычаге. Дрезина остановилась. Не понимая, в чём дело, сидящие сзади вскочили и, в ту же минуту, один из них взмахнул руками и медленно сполз к колёсам дрезины.

— Хватит, не надо! — Шлыков положил руку Алексею на плечо.

А солдат, словно понимая, чего от него хотят, соскочил с дрезины и, петляя, пустился бежать вдоль железнодорожного полотна.

— Это нам и нужно. Ребята, к дрезине, обыскать трупы, взять оружие и побольше следов вдоль рельс и через дорогу. Собьём немцев с толку. На всё пять — семь минут.

Шлыков с опушки наблюдал и восхищался сноровке и мастерству разведчиков.

Автомат, две винтовки, бинокль, 5 гранат, да 2 пары сапог — составили трофеи.

— Кому-нибудь подойдут, а им без пользы, — оправдывался Тугов.

Через несколько минут все были в сборе.

— Ребята, — объяснял Шлыков, — наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы к утру добраться в большие леса. Наша работа на дороге на некоторое время запутает фашистов и заставит их идти по ложному следу. Видимо, пока они прекратили преследование, а может, и командовать там на хуторе было некому. Но с этим поражением они не смирятся и отрежут нам все пути отхода к большому лесу, если уже не сделали этого. Скоро здесь начнут прочёсывать каждый кустик. Быстро, соблюдая осторожность, сейчас пойдём назад к хутору, где, думаю, нас не ожидают. Сделаем небольшой круг, пересечём болотце и дальше в сумерках к лесу.

Попытка захватить спящих партизан провалилась. Раненые и убитые фашисты лежали во дворе хутора. Остальные изливали ярость в бешеной стрельбе. Прочесали рожь, часть лощины, но партизаны словно испарились. Нигде никаких следов.

Прекратив бесполезную стрельбу, вернулись во двор, погрузили убитых и раненых на машины и уехали в гарнизон. Хутор опустел и тогда в доме поднялся дикий вой. Это женщины оплакивали сына и мужа, получившего партизанскую пулю в отцовском дворе. Окровавленный труп его увезли вместе со всеми убитыми в гарнизон.

Старик вёл себя как-то странно. Уцелел он чисто случайно, оказавшись в момент стремительного броска партизан за распахнутой дверью гумна. Внешне он был безразличен ко всему происшедшему. Не плакал по убитому сыну. Молча, уставившись в одну точку, не хмелея он пил самогон стакан за стаканом, изредка окрикивая женщин:

— Хватит выть!

Партизаны, сделав крюк, вновь подошли к хутору.

— Командир, за такой горячий приём, любезное угощение, надо бы рассчитаться. Может, это и не первый такой случай. Нельзя допустить, чтобы подобное испытали и другие, — при всеобщем одобрении предложил Попеня.

— Да, Алексей, согласен с тобой. Мы не должны в долгу остаться. Тугов, Ткаченко, Сотников, предельно осторожно разведайте, нет ли там засады. Времени до темноты ещё немножко есть. Не решайте поспешно. Постарайтесь притащить его живым, ну а если... то без шума.

— Саша, а может всех под корень? Ведь яблоко от яблони далеко не падает.

— Нет! Женщины и дети не виноваты, они сами у этого старого подлеца, что невольники. А мы не фашисты. Только одного, если не сбежал.

Разведчики почти вплотную подползли к ограде хутора и залегли в ожидании. Вокруг всё было спокойно.

Старик, всё ещё не выходя из-за стола, перевёл налитый кровью взгляд на причитающих женщин и так хватил кулаком по столу, что с него полетела посуда. Женщины в страхе замолкли.

А его, как прорвало. Пьяно качая головой, еле выговаривая, слал проклятья партизанам:

— Быдло, сволочи, у-убили... я, вам... собаку бы на вас... ни один не ушёл бы... у-у... такую собаку убили...

Так, бормоча проклятия и скрежеща зубами, он вышел из хаты, пошатываясь пошёл на выгон к сбившемуся в кучу скоту.

Как из под земли выросли перед ним партизаны. Не, больше он не играл ласкового и доброго старичка, а принял угрожающую позу. Мощный удар кулака обрушил Тугов на его голову. Старик обмяк. И в ту же минуту, подхваченный Сотниковым и Ткаченко, исчез в лощине.

И вот сейчас, со связанными сзади руками, он сидел окружённый партизанами.

Куда делся тот гостеприимный, услужливый дед? Перед ними был разъярённый неудачей, с налитыми кровью, зло сверкающими глазами зверь.

— За сколько, Иуда, нас продал? — резким тоном спросил Шлыков.

— Ну, я жду, — повторил он вопрос, не дождавшись ответа.

— Ненавижу... ох, как я вас ненавижу... Сволочи, голодранцы бездомные, всех ненавижу. Были бы вы на моём месте...

— Казнил бы? — спросил Стецов.

— Всеми способами, на сколько б ума хватило... кожу бы драл... на куски резал...

— Вот это да! — только и смог выговорить Шлыков, а сам подумал: «Почему так нагло он себя ведёт, на что надеется?»

— Лёня Попеня, смотри-ка, а не твои ли сапоги он напялил, — в изумлении позвал Ткаченко.

— А и верно, мои! Снимай шкура!

— С мёртвого снимешь, к живому подойдёшь, череп сне-
су, — угрожающе прохрипел старик, подгибая под себя ноги
и напружиниваясь всем своим ещё сильным телом.

— Казню себя, жадность подвела... Яду пожалел... Живы-
ми хотелось взять.

— Хватит, — строго приказал Шлыков, — время — золото.
Тугов, Попеня, кончайте!

Старик заёрзал, заюлил, начал молить:

— Дайте умереть по-человечески... развяжите руки...
сапоги сниму.

Все с отвращением смотрели на эту комедию. И тут, словно
о чём-то догадавшись, Шлыков спросил Тугова:

— Обыскивали? — и, получив отрицательный ответ, — давай!

Гранату лимонку, да парабеллум извлекли из карманов
старика.

— Вот это да! Вот на что нужны были ему свободные руки.

Закончив дело, в сгущающихся сумерках партизаны гусь-
ком, зорко всматриваясь в окрестности, пошли одним им извест-
ными тропами.

На одном из грудков Шлыков подозвал всех к себе:

— Ребята, давай поближе, поплотнее, посоветоваться
нужно. Отсюда к лесу можно идти двумя путями, — и, осветив
карту зелёным светом карманного фонарика, стал показы-
вать: — Первый — ближе. Километров так десять. В основном
просёлочные полевые дороги, но немцы не дураки и, боюсь,
что они перекрыты. Второй — по болоту и грудкам. Более труд-
ный и длиннее раза в два. Здесь протекает канал и небольшая
речушка. Придётся переплываться. Решайте, каким путём
пойдём.

— Волков бояться... — начал было Сорокин, но Стецов
безапелляционно отрезал:

— Помолчал бы. Здесь чёрта рогатого вместе с фюрером бесноватым никто не боится, но снова лезть на рожон — глупо. Саша, высказывай своё мнение, митинговать не будем. Лучше обсудить одно мнение, чем тринадцать.

— Нет, Гриша, мнением других пренебрегать не годится. Тем более, что все вымотались и голодные. Но если хотите знать моё, то я за второй вариант. Напороться нам сейчас на засаду равносильно гибели. В болоте же ночью фашисты сидеть не станут. Путь длинный, но за ночь, думаю, до леса дотянем.

— А если речка глубокая, что делать будем? Я первый по-топориному сразу на дно, а за мной Сергеев и Сотников — они тоже плавать не умеют, — ввязался в разговор Попеня.

— Впервой что ли? Набъём плащ-палатку сеном и перетянем! Здесь глушь, опасности меньше...

Партизаны понимали, что Шлыкову будет труднее всех идти на такое расстояние по бездорожью. Рана хоть и небольшая, но при постоянном раздражении кровоточить не перестаёт.

Первыми прокладывали путь Стёпушкин и Ткаченко. Замыкали, как всегда, Сергеев с Туговым.

Не знал тогда Миша, что во всех сложных моментах опекать его было поручено Алексею. Обладая богатырским телосложением и силой, завидной выносливостью, он в любой миг, как коршун цыплёнка, мог подхватить его и унести.

Неожиданно передние повалились на землю, остальные тоже залегли.

— Саш, а Саш! — шёпотом позвал Ткаченко.

Тот лёг рядом:

— Ну?

— Человек, видишь!

Прямо на них, опираясь на палку, медленно шёл человек.

— Стой! — преградил ему путь партизан.

Старый, сгорбленный человек вздрогнул от неожиданности:

— Стою.

— Откуда? Где был?

— Я здешний, ребятки, местный. На краю болота мой хутор, — уже в окружении бойцов рассказывал дед, — а ходил на грудки. Коровёнку держу, так вот накопил немного сена, да припозднился, худо стало.

— Везёт, командир, нам сегодня на старичков, — неудержался Сотников.

— Дед, полицаи на хуторах есть? — вмешался Шлыков.

Старик внимательно оглядел подслеповатыми, слезящимися глазами окруживших его людей.

— Есть, сыночки, есть. Раньше редко заглядывали, а сегодня к вечеру понаехало и в деревню, и на хутора. Сказывают, утром будут партизан ловить, которые с хутора спаслись. Уж не вас ли? И какой нечистый завёл вас к этому кровопийцу...

Он опустил на траву, оправдываясь:

— Я присяду... Ноги-то старые, плохо держат... — и стал рассказывать про обитателей злополучного хутора. — Хозяин-то кат из катов, зверюга настоящий. Все окружающие сёла и хутора обобрал. И сыновья ему под стать. Оба в полиции служат. Один где-то в госпитале лежит, а другого, говорят, вы хлопнули. Как глумились они над людьми! Скольких женщин и девчат обесчестили! Сколько добра себе всякого понатаскали, думали по две жизни проживут, а оно вишь как вышло... Да вот беда, старого подлеца-то вы упустили, сбежал говорят... Будет нам... Изольёт гад злобу на нас, мужиках.

— Не беспокойся, дедушка, — сказал Шлыков, — больше он не придёт, отходил своё. Ты нам лучше посоветуй, как быстрее до большого леса добраться.

— Значит, нет его, ката? Вот дело, вот хорошо... А как пройти сейчас расскажу. Нет, лучше немного вас провожу. До речушки. Всё равно опоздал. У меня там лодка затоплена.

Тяжело опираясь рукой о землю, старик поднялся, шагнул в сторону.

— Какая речушка? — недоумённо переспросил Шлыков, — на карте здесь никакой речки нет!

— Не знаю, сынок, как на карте, а на болоте она есть. Небольшая, но больно илистое дно — засасывает. До речушки ещё можно нарваться на этих гадов, а дальше — вряд ли.

И он, согнувшись, мелко засеменял в темноту.

Когда перебрались на другой берег и вправду коварной речки и стали прощаться со стариком, он как-то неловко дотронулся до руки Шлыкова:

— Ты прости меня старого, сынок, скажи правду. Много ли ваших поубивали вчера на хуторе? Говорят, и амуницию позабрали?

— Врут, дедушка. Вот меня одного немного задело и всё. Все живые, а амуниции пришлось часть бросить — это правда.

— А кого ж на машинах увезли? Неужто полицаев побитых? Вот, вот... так им и надо... — качал головой старый крестьянин.

Он подробно объяснил как партизанам дальше идти, где брод через канал и стёжка через болото. Ребята пошли, а старик всё ещё стоял и смотрел им вслед.

— А как зовут-то, папаша?

— Даниилом, Даниилом Семёновичем. Заходите, коли придётся, да живы будем.

К рассвету партизаны едва-едва дотянулись до леса. Совсем выбились из сил Сорокин, Сергеев и сам командир. А нужно было отойти ещё в глубь хотя бы километров на пять. Поддерживая друг друга, еле передвигая ноги, ещё больше часа уходили они прочь от опасного места.

Была на исходе третья неделя, когда разведгруппа вошла в зону расположения спецотряда. До штаба оставалось полтора километра.

Мелкий, нудный дождик, так ожидаемый в жару, лил уже около десяти часов, промочил всех насквозь, сделал кладки,

перекинутые через болото, скользкими. Настроение у всех было подавленное.

Шлыков всё думал: «Как доложить Бате о случившемся?»

Он старался успокоить себя тем, что основное задание было выполнено, разведка проведена, но чувство вины за допущенные просчёты не давало успокоиться. «Умолчать о них?» Он около двух лет воюет бок о бок с полковником и знает, что тот справедлив, строг и принципиален как к себе, так и к подчинённым. Обойти стороной, простить, не сделав должных выводов из такого происшествия, не в его правилах. И всё же.

«Нет, надо докладывать».

И будто его мысли передались другим. О чём-то тихо переговорив с бойцами, Тугов нагнал командира:

— Знаешь, Саша, может, не надо обо всём говорить Бате? Зачем его расстраивать? Да и нам «прославиться» неохота. Ведь обошлось всё благополучно, маршрут подготовили, эшелон есть, потерь нет и этот «змеиный рассадник» обезврежен?

Шлыков резко обернулся и посмотрел в упор на ребят.

— Все так думают? Да, Алексей, от кого угодно, но не от тебя ожидал я услышать такие слова. И как это ты только мог так подумать, не то, что сказать? Нет. Как бы нам не было горько и обидно, но скрывать, как командир, свои промахи я не имею права. Пусть наш «геройский» случай станет уроком для всех других. Любое решение, принятое Батей, будет во сто крат легче, чем носить обман на своей совести. Так что, ребята, буду докладывать всё, ничего не утаивая.

— Я думал сделать как лучше... — опустил глаза Алексей.

Так в молчании и дошли они до штабной землянки.

— Располагайтесь, отдыхайте, пока не расходитесь. Я пошёл.

В землянке кроме полковника Льдова никого не было. Эта землянка была знакома Шлыкову до мелочей. Посредине стояли стол, сбитый из отёсанных молодых берёзок, и лавки.

В углу пень-табурет, обрубленные корни которого напоминали щупальца спрута.

— Товарищ полковник, партизанская разведгруппа с задания прибыла. Задание в основном выполнено. Потерь нет, — вскинув руку к козырьку фуражки, докладывал Шлыков.

Полковник подошёл, пожал руку: — Остальные где?

— Здесь, рядом, ждут указаний.

— Пойдём.

Партизаны при виде командира вскочили. Пожав каждому руку, полковник поздравил их с возвращением, спросил:

— Устали? Отдыхайте, приводите себя в порядок, — повернулся к Шлыкову. — Людей накормить. Через два часа жду с подробным докладом.

Партизаны стали расходиться. И только сейчас он обратил внимание на то, что Саша, к которому Льдов питал отцовскую привязанность, хромает. Однако смолчал, ничем не выдал своего волнения, решив подождать до доклада. Остановившись он подумал: «Что-то случилось. Почему Саша умолчал, что ранен, почему задание выполнено «в основном»? Почему подавленное настроение у хлопцев?»

К указанному сроку в землянке собрались кроме командира, начальник штаба — кадровый офицер капитан Михаил Андреевич Калугин и начальник разведки Николай Харитонович Колтун. Шлыков не заставил себя ждать.

Он докладывал конкретно, все вопросы освящал до малейших подробностей. Рассказал, какими дорогами и с какими трудностями группе удалось добраться в район Ковеля. Как ежедневно проходили по 20—30 километров вдоль железной дороги, уточняя обстановку, и наметили возможный маршрут будущего перехода. Как однажды встретились с разведгруппой десантников старшего лейтенанта Гусева, с какой осторожностью устанавливали связи с нашими патриотами по паролям, полученным из Центра.

Полковник слушал, и не находил причины для беспокорства. Мысленно даже выругал себя за подозрительность и подумал, что устал. Но тут Шлыков замолчал, попросил разрешения выпить, и сомнения вновь овладели Батей. Вскоре всё разъяснилось.

Саша рассказал, как группа, выполнив задание по разведке, взорвала эшелон, как попала в западню, каким образом им удалось вырваться из окружённого гумна и добраться в отряд.

По ходу рассказа полковник заметно мрачнел, что-то помечал на листке. На его наголо обритой голове выступили капельки пота, что было признаком чрезвычайного волнения.

«Так вот оно что! Значит, интуиция меня не подвела... Неужели, там был Александр, всегда собранный, всегда находчивый. Неужели, это его ротозейство? Молодость, молодость...»

Будучи адъютантом у Льдова, Саша научился понимать его с полуслова, и сейчас видел, как менялось к худшему его настроение. В душе он давно уже казнил себя за допущенный промах.

— Всё?

— Да, всё.

— Как сам оцениваешь свои действия?

— За эти дни я десяток раз сам и с ребятами анализировал каждый наш шаг...

— И какой сделали вывод?

— Потеря бдительности, — тихо, но твёрдо произнёс Саша. Калугин и Колтун удивлённо переглянулись:

— Да, многовато ошибок, Григорий Матвеевич, непростительных для Шлыкова.

— Не только для Шлыкова. Тугов, Стецов, Сотников — десантники, прошедшие специальную подготовку, да и остальные не новички. У всех боевой опыт больше года.

— Вот-вот, Харитонович, с этого и начнём, — вмешался Батя. — Давайте разбираться с целым рядом почему. Почему

командир группы уставшим, не спавшим ночь, голодным бойцам разрешил пить самогон? Из каких соображений он собрал группу в этот злосчастный сарай, не зная толком окружающей обстановки? Почему не выставил надёжную охрану, а доверил её неизвестному старику? Почему из состава семьи никого не взяли с собой в качестве заложников, чтобы избежать предательства и доноса? А эти непреложные истины знал из них каждый. Почему заранее не был намечен путь отхода, а бежали как зайцы, куда попало? И, наконец, кто дал право командиру так бесшабашно рисковать жизнью вверенных ему людей?... Ответа на все эти вопросы нет... Идите к бойцам, мы здесь посоветуемся.

Полковник говорил зло, чётко выговаривая каждое слово.

Саша знал, что сейчас Батя примет решение, от которого будет зависеть дальнейшая судьба, его судьба, но не корил себя за сказанное. Честь для него многое значила.

Молчание затягивалось...

— Комиссара чего же нет? Где Цветков? — спросил Колтун.

— В районе Пинска. С нашим решением, полагаю, он согласится. Так твоё мнение, Калугин?

— В смелости, сообразительности и решительности Шлыкову не откажешь. Огромный опыт подрывника, разведчика. Что случилось с ним, уму не постижимо. Затмение какое-то. На зазнайство не похоже. Против этого говорит его подробный, принципиальный доклад и выводы. Так могут винить себя только честные, сильные духом люди.

— Согласен с Калугиным, Григорий Матвеевич. Какое бы наказание мы ему не дали, оно ничто в сравнении с тем, как он сам себя наказал. Огласка его ошибок больно бьёт по его самолюбию. Нужно учесть и другое, что не каждый в создавшейся обстановке сумеет найти такое рискованное, но смелое решение. — Поддержал Колтун. — Шлыков вырвался

без потерь, я не сказал бы случайно. Здесь был трезвый расчёт, он всё учёл: психику, внезапность, дерзость и мужество бойцов. Да и решению всё время находиться под носом врага — тоже можно позавидовать.

— Я за то, что всё хорошее, сделанное группой, должно быть отмечено. Ну а ошибки... взыскать со всех поровну, с командира немного больше, — предложил Калутин. — При первой возможности этот случай нужно обсудить со всеми командирами диверсионных и разведгрупп.

Льдов не перебивал, но когда все высказались, произнёс с внутренней болью:

— За такие дела под суд отдавать надо. Посмотрим, какого мнения будут другие командиры. Давай, Калутин, продумай когда и как лучше собрать людей. Пойдём, Харитонович, подышим свежим воздухом, да заодно обсудим несколько назревших вопросов.

Верхний ряд: 4 слева Михаил Кузнецов
Средний ряд: 3 слева Михаил Глаговский

История с коровами

Неудачный поход к Ковельской дороге обсуждался во всех отрядах. Шлыков, всеобщий любимец, отделался на сей раз без трибунала, хоть речь об этом и была. Никто из бойцов не получил положенную премиальную чарку за эшелон.

А Мише Сергееву полковник дал задание пасти трёх коров, присланных недавно из Оброва.

В обиде за то, что его, опытного уже партизана, заставили пасти коров Миша так зарылся в свои мысли, что этих коров упустил. Понимая, что ничем хорошим это не закончится, он, весь в слезах, помчался за ними. По дороге он чуть не сбил с ног Александра Мирского.

Десантная группа, в которую входил Александр Мирский, уже несколько месяцев действовала в лесах Брестчины.

О многих из них среди партизан местных отрядов и населения деревень ходила добрая молва. С большим уважением говорили о Борисе Гусеве, Михаиле Глаговском, Александре Халаджиеве, Михаиле Кузнецове, Иване Губоклове. Но особенно среди других выделялся Мирский.

Взрыв ремонтной мастерской в Берёзовском гарнизоне, где фашисты ремонтировали танки, бронемашины и другую военную технику, уничтожение в Ивацевичах склада с зерном и сеном, уничтожение эшелона в районе Бронная Гора, где было ликвидировано около двадцати цистерн с горючим, были осуществлены при его руководстве.

Мише пришлось встретиться впервые с Александром Ананьевичем весной 1943 года. Это было в штабе полковника Льдова. Подойдя к костру, мальчик увидел невысокого и очень

Мирсковы Александра Ивановна и Александр Ананьевич (стоят),
Глаговские Мария и Михаил Андреевич (сидят),
послевоенное фото

подвижного кудрявого парня, который рассказывал окружающим его партизанам что-то очень интересное. Улыбки и взрывы смеха сопровождали его рассказ. Он как-то сразу завладел вниманием, а подойдя поближе, Миша узнал, что это и есть Александр Мирсков.

Он был удивлён. Понаслышке паренёк представлял Мирскова сильным и могучим богатырём, уже имевшим две медали «За отвагу». А на деле он был самым обыкновенным простым парнем. Но дальнейшее знакомство с Мирсковым, уважение к нему в отряде, убедили Сергеева, что этот человек могуч не физически, а силой духа.

Когда Миша прислушался к разговору, кто-то из ребят спросил:

— Сашка, расскажи, как это вам вчетвером удалось среди бела дня разоружить одиннадцать человек полицаев в деревне Вулька-Обровская и ликвидировать полицейский участок?

Мирсков как-то несвойственно улыбнулся и сказал:

— Просто разоружили и всё.

На самом деле, всё произошло не так-то просто. Здесь действовал опыт разведчиков и психологический фактор. Переодевшись в фашистскую форму, ранним утром четверо партизан на двух подводах въехали в деревню и направились к дому коменданта полиции. В доме кроме хозяина находился его сын лет десяти. Прибывших полицейай принял за своих, а Мирсков приказал послать ребёнка за остальными полицаями, так как есть очень важное для них сообщение. Когда мальчик побежал за другими, хозяин был разоружён и связан. Полицай один за другим прибывали по вызову, их спокойно встречали и разоружали. То есть, повторяли с молниеносной быстротой отработанную операцию. Только двенадцатый был настороже и оказал вооружённое сопротивление.

Захватив с собой коменданта, оружие, уточнив у жителей, что оставшихся полицаев фашисты заставили служить

силой, оставили их в живых, и выехали в партизанский лагерь. Некоторые из этих полицаев впоследствии, спасаясь от фашистского возмездия, ушли в отряды народных мстителей.

Разведчики, как принято считать, в работе покоя не знают. Они всегда в дозоре, всегда в пути. Так было и в другой раз.

Разведгруппа Мирскова возвращалась в штаб отряда. Пройдены десятки километров, когда вышли на лесную дорогу, ведущую из деревни Пески к старой лесной лесничёвке.

— Товарищ командир, смотрите, свежий след машины, — обратился к Мирскову Григорий Попко.

— Да, след свежий, и только в одном направлении в глубину леса.

Но их размышления прервала внезапно вспыхнувшая перестрелка.

— Что будем делать? — бойцы взглядом спрашивали Мирскова.

Но он внимательно прислушивался к стрельбе, а затем коротко ответил:

— Сначала свернём с дороги. Справа наши, перед нами немцы. Обратите внимание, какие короткие очереди и редкие выстрелы и, наоборот, другая сторона не жалеет патронов — фашисты.

Партизаны знали, что сейчас их командир решает, что предпринять. Решительности к действиям ему не занимать, но принятое решение всегда было обдуманым, трезвым.

— По-видимому, преследуют какую-то небольшую партизанскую группу, — сказал Мирсков и добавил. — Нас сзади они не ждут, вот этим и воспользуемся. Ведь пять автоматчиков, это кое-что значит.

Бой приближался всё ближе и ближе. Разведчики рассчитывали на успех, сумев ошеломить фашистов внезапностью.

Метрах в ста на дороге стояла грузовая машина, около неё два полица. Тем временем бой разгорался с новой силой

и два выстрела погасли неуслышанными в общем потоке боя. Шесть гранат, автомат и винтовка пополнили огневую мощь группы. На то, чтобы привести в негодное состояние машину, потребовались секунды.

Партизаны подкрались к фашистам буквально на 25–30 м. Шквал свинцового огня был настолько кинжально интенсивным, что одни выскакивали на дорогу и попадали под пули лежащих по ту сторону партизан, другие стремглав откатывались к горящей машине. Двенадцать фашистов остались на поле боя, а через некоторое время комиссар отряда имени Калинина Ф. Беляев благодарил разведчиков Мирскова за такую неоценимую помощь.

Слушая сбивчивые всхлипывания паренька Мирсков мгновенно оценил обстановку.

— Гриша, во чтобы то ни стало их нужно вернуть, — посмотрел он на сопровождающего бойца. — А ты — ко мне в седло, — подхватил он Мишу.

Вскоре беглянки были найдены. Уставшие коровы ещё брели и Миша со злобою и досадой, перебежал от одной к другой и хлеща их хворостиною приговаривал:

— Натё, получайте!

Однако увидев, что коровы больше уже не помышляют о бегстве, паренёк успокоился, и сразу навалилось усталость. Ноги стали словно стопудовые и никак не хотели вылезать из чавкающей вязкой болотной почвы.

Он прямо расчувствовался, когда Мирсков вновь позвал его к себе в седло. От прилива благодарности боевому другу за проявленное внимание, Миша решил рассказать ему о своей обиде на такое несправедливое решение командира.

— Скажи, Саша (Сергееву по молодости прощалось такое фамильярное обращение со старшими), за что мне такое наказание? Разве я заслужил, чтобы меня отправили пасти коров? Я знаю... Это Батя из жалости. А на кой чёрт она мне нужна, его

жалость? Кому нужны эти коровы? В отряде нет малолетних детей, а взрослые и без молока обойдутся.

Мирсков, до этого всё молчавший, вдруг спросил:

— Кого ты сменил?

— Корнеева. Но какая разница, — продолжал Сергеев. — Ты же знаешь, Саша, что я поклялся отомстить фашистам за мать и сестру. Сегодня наша группа вновь ушла на задание. А я?

Он на секунду смолк и вдруг доверительно шёпотом проговорил: — Убегу я к Черткову¹. Будь, что будет!

Мирсков так резко обернулся, что Миша чуть не свалился с лошади, и проговорил твёрдым голосом:

— Полковник вернёт! Скажи, Миша, кому виднее, тебе или полковнику, где и кого у нас лучше использовать? Кому пасти коров, а кому взрывать эшелоны?

В запальчивости, торопясь и захлёбываясь, Миша приводил всё новые и новые доводы правильности своего решения.

А Мирсков как будто и не слышал всего сказанного Мишей вздора. Кони шли медленно и он ласково и отрешенно гладил своего гнедого по шее.

Вскоре остановились возле брода. Истомлённые летним зноем коровы с жадностью припали к воде.

Видя, что ни Мирсков, ни пастушок не обращают на это внимания, Попко не выдержал:

— Саша, слышь, обопьются коровы, гнать их нужно.

Голос Григория как будто вывел Мирского из глубокой задумчивости.

— Гони в лагерь.

Попытавшегося спрыгнуть с коня паренька придержал: — Сиди!

И совсем незнакомым взволнованным голосом продолжил:

— Миша, я знаю тебя не первый год. Уважал тебя за мужество. Но сейчас я не верю своим ушам. Откуда это у тебя?

1. Чертков Алексей Петрович — командир 112-го партизанского отряда

Ну и наговорил! Обижен! Убегу! Неужели ты усомнился в правильности действий командира? Неужели таишь в душе обиду на него? Вот тебе поручили пасти коров, дали ответственной задание, ведь это не просто молоко — это жизнь! Ты в лазарете был? Нет? Вот то-то же. Там сейчас лежат раненые в лицо и горло, которых нельзя даже доставить на партизанский аэродром. В наших условиях для них единственная пища — это молоко. За их жизнь беспокоится не только полковник — все партизаны. Ребята ходили в Оброво, отбили у полицаев этих коров. А ты! Упустил! Обрёк на голодную смерть своих боевых друзей. Да за такие дела...

Он как-то обиженно ссутулился, затряс головой, словно желая избавиться от надоевшей мысли:

— Стыдно мне за тебя...

Мирсков настоял, чтобы паренька отвели к раненым в землянки. Там, увидев мучения своих братьев по оружию, Сергеев понял истину и ещё две недели добросовестно пас коров. Параллельно он готовился к новому заданию. Мише привезли кучу польских книжек и перевели в разведку.

Теперь время пролетало значительно быстрее. День Сергеева был поглощён то чтением, то переводом.

Однако с переводом было несколько сложнее. Заложённая страница в техническом учебнике по электрооборудованию для ВУЗов переводу почти не поддавалась. Многих слов и технических названий Миша не знал, поэтому в тексте перевода было много пустых мест.

Но после внимательного прочтения книги в памяти многое восстановилось. Сергеев, хорошо понимал польскую речь и свободно мог объясняться в разговоре на польском языке.

И вот однажды, во второй половине дня, когда Миша меньше всего ожидал чьего-либо прихода, на грудке появился Алексей Попеня, который был оставлен для особых поручений при штабе. Миша обрадовался встрече со старым другом,

он решил, что просто Алексей воспользовался свободной минутой и забежал его проведать.

Но Попеня, после взаимного приветствия сказал:

— Подменить пришёл, забирай своё хозяйство, да какие-то у тебя должны быть книги, и отправляйся в штаб. Тебя там ждёт Батя.

Нет, сейчас у него не было той прежней радости. Он не летел стремглав. Расспросив у Алексея последние новости, он спокойно ушёл, не зная, в какую сторону обернётся этот очередной вызов штаба.

На этот раз Сергеева командир принял сразу, поинтересовался, как одолел книги, попросил показать перевод.

Мишу всю дорогу и сейчас в разговоре мучили воспоминания о том неприятном разговоре с Мирсковым и последовавшим за ним разговоре с Батей. Он с каждой минутой ожидал, что командир о нём вспомнит, но полковник виду не подал, словно такого неприятного момента и не было.

Разговор сегодня был необычным. Он сопровождался простотой, душевностью. Командир вспомнил и рассказал о своей семье, которая жила в Москве, о дочери-подростке, которая немного старше Сергеева, но уже работает на заводе. Обсуждали всё, что сейчас происходило.

Со всего этого разговора Миша никак не мог сообразить, что от него требуется, что от него хотят. В конце беседы командир похвалил Сергеева за старание, причём добавил, что скоро его будет ждать новое задание.

Тётя Рая

Сергеев проснулся около шести утра. Вскочив с постели, он застыл в изумлении. Койка начальника штаба, который исчез неизвестно когда, была аккуратно заправлена. С Мишей такого ещё не бывало. Он считал, что спит как заяц, все шорохи во сне слышит. А здесь? Вот те на, проспал!

Постояв с минуту, он вышел из землянки. Было тёплое солнечное утро. Чистый лесной ароматный воздух наполнял грудь. Только и любоваться этой красотой природы, размышлял юноша. Жаль, что рисовать не умею, а запечатлеть такую картину было бы просто прелестно.

В таком раздумье Миша не спеша пошёл к кухне, где стоял умывальник.

— С добрым утром! — услышал он голос Мурохина, который сидел метрах в пяти от тропинки.

— Да, Костя, утро действительно не просто доброе, а замечательное! Очень красивое, — ещё не утратив своего восхищения сказал Сергеев, — Ты что делаешь?

— Да вот, антенну распутывал.

— Помочь?

— Нет, я кончил уже. Лучше снимай рубаху — полью.

И Костя, ничего не говоря, набрав котелок воды, стал в выжидаемой позе. Воды он не жалел, так что через несколько минут Миша был выкупан с головы до ног. Костя весело смеялся, видя как юноша хватает ртом воздух, да фыркает отдуваясь.

В сердцах Миша обещал Мурохину, что в долгу не останется.

Сергеев не сразу заметил, что эту сцену, стоя невдалеке, наблюдают командир с начальником штаба.

— Мухомин, зачем обижаешь младших? — громко спросил полковник.

— Нет, товарищ командир, он сам попросил, а я просто старался, — Костя произнёс эти слова с такой убеждённой и состроил такую обиженную гримасу лица, что от смеха не удержался и командир с Калугиным.

Через несколько минут после этой шуточной сцены командир ушёл в свою землянку, а подошедший к Сергееву Калугин сказал:

— Сходи на кухню покушать и заходи к Бате. Он хочет о чём-то поговорить.

Миша не раз бывал в землянке командира, он знал каждую ступеньку спуска в неё, мог с закрытыми глазами описать скромную обстановку, создающую уют.

Войдя в землянку, Миша заметил, что командир сегодня был как-то сосредоточен и мало разговорчив. Льдов указал на самодельную табуретку, стоящую у стола, сам сел напротив.

Умел полковник говорить с людьми, вот и сейчас вёл беседу не как с мальчишкой. Он говорил и тоном и всем своим обращением к Сергееву, как будто перед ним сидел не только выдавший виды трудных партизанских троп парнишка, а взрослый человек с богатым жизненным опытом. А это льстило пареньку, поднимало его самостоятельность, гордость. Трудно представить, с каким глубоким отцовским чувством удавалось полковнику вести такой разговор.

Но вот Батя поднялся, прошёл несколько шагов взад-вперёд по землянке, подошёл к Сергееву и в упор посмотрел в глаза юному партизану. Неизвестно, о чём он думал. Может, спрашивал своё сердце, стоит ли рисковать этой молодой человеческой жизнью, или: «А выдержит ли в случае провала, не погубит ли других?» Но вопрошающий взгляд командира Миша выдержал и, как бы в ответ, говорил глазами: неужели, не верите? Неужели, есть сомнения?

Молчание длилось небольшое мгновение. И Батя перешёл как-то сразу, неожиданно, к деловому разговору.

— Миша, сейчас тебе предстоит не обычное, а специальное задание. Тебе нужно будет проникнуть в Ивацевичский военный гарнизон. Это, дорогой мой, крупный вражеский орешек. Там, по нашим данным, более тысячи всякой сволочи, начиная от гестапо, и кончая местными предателями — полициями. Через Ивацевичи идут к фронту и железнодорожная и шоссейная дороги. Вход в город под наблюдением патрульной службы. Так что пробраться туда — это нелегко, это непросто. Усвоил, что от тебя требуется? Не задрожали пятки?

И вновь полковник внимательно посмотрел юноше в глаза.

— Там мать казнили, товарищ командир, — сказал Миша. Этим было сказано всё.

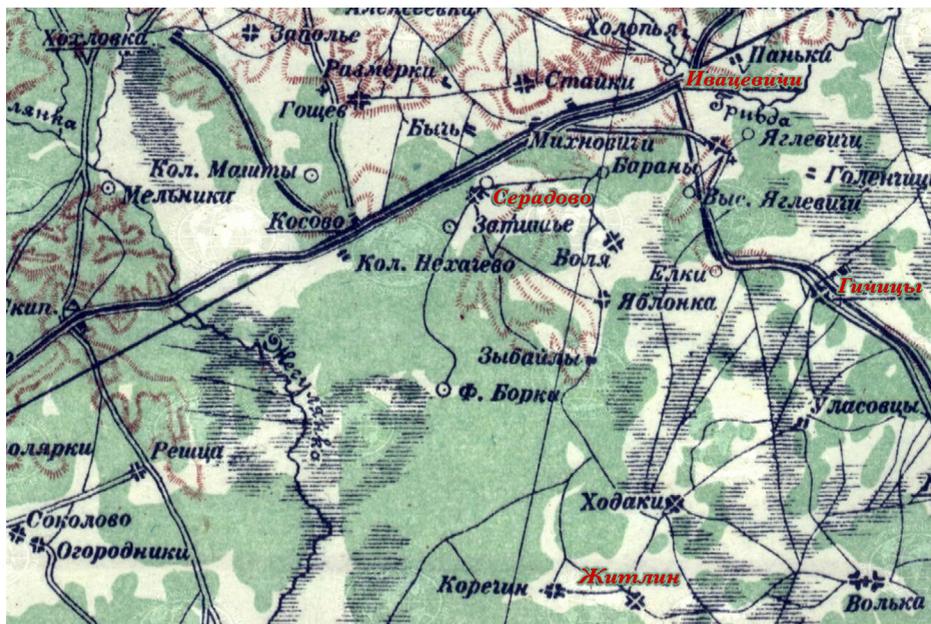
Полковник несколько помолчал и затем тем же спокойным тоном продолжил:

— Слушай внимательно. Кроме личного наблюдения в гарнизоне тебе нужно будет зайти в аптеку. Там встретишь знакомую личность. Обращайся к ней, как к родственнице. Её зовут тётя Рая. В разговоре с ней в незаметной форме должны быть произнесены слова: «порошки и таблетки, дядя Лёша». Желательно повторить дважды. А сейчас сутки в твоём распоряжении. Иди и детально продумай план, как лучше проникнуть в гарнизон, и как будешь вести разговор с известным тебе человеком.

План, изложенный Сергеевым, был одобрен. Он был прост. В город нужно идти по Московскому шоссе, на которое выйти с просёлочной дороги неподалёку от деревни Серадово. Шоссе постоянно оживлённое. И если не будет возможности с кем-либо подъехать, то мальчик, идущий в город, подозрения не вызовет. Миша попросил 2–3 килограмма мяса, желательно телятины, чтобы преподнести как подарок тёте Рае. Разговор предусмотреть трудно, он зависит от разных обстоятельств.

— Хорошо, — сказал полковник, — До шоссе добраться поможет Мирсков.

В город Сергеев добрался благополучно. Как и рассчитывал, вскоре после выхода на шоссе его догнал старичок, ехавший на подвозке в город.

— Дедушка, подвези, пожалуйста, — попросил мальчишка. Старичок внимательно посмотрел, как бы что-то взвешивая, тихонько сказал:

— Садись, немного весишь, в тягость не будешь.

Он на секунду придержал нешуструю лошадку и посадил паренька рядом с собой. В задней части повозки из сена, застланное самотканой новой родюгой, сделано сиденье. Ехали медленно, молча, но Мишу одолевала мысль: куда и зачем едет старик. Ведь так готовят повозку, чтобы привезти какую-то знать, вельможу.

Старичок очень приятной внешности, погладив свою уже жидковатую седую бородку, спросил парнишку:

— Куда же тебя внучек в такую погоду Бог послал?

Это было сказано с сочувствием в голосе и какой-то втренней болью.

Миша это уловил и, подражая тону деда, как ему казалось очень ласково, поведал, что мама послала проведать бабушку, которая что-то прихворала и просила кого-нибудь к ней прислать. Она живёт сейчас одна.

— Да, времена... — проворчал сквозь зубы дед. — Человек, что мука... Вот и я, дорогой мой, еду за святым отцом, чтобы молебен исправил. Вчера младшая сестра приказала долго жить. Извели басурманы, изверги...

Старик проговорил эти слова и замолчал. Кого обвинял он, можно было догадываться. Больше до города он не проронил ни одного слова. И когда Сергеев поблагодарил его, он только помахал своею опущенной к низу седую головой.

Миша не раз бывал до этого в Ивацевичах и ориентировался свободно. Он сделал небольшой круг, подошёл к железнодорожному вокзалу и, убедившись, что за ним никто не следит, пошёл по направлению к аптеке. Размещалась она в конце центральной улицы в ветхом одноэтажном деревянном домике.

Улицы городка были малооживлены. Немного более народу сновало около вокзала, да гибитскомиссариата. И то, большинство были военными или полициями.

К середине дня усилилось движение как по железной, так и по шоссе́йным дорогам. Миша отметил, что в течение получаса прошло три эшелона, два из которых были в сторону фронта, оба с военной техникой, и один санитарный на запад, а по шоссе́йной дороге две колонны по около сотни крытых грузовых машин.

«Трудно приходится фашистам, не успевают подбрасывать всё новые резервы на фронт», — отметил юный партизан. Ему хотелось ещё несколько побродить по городу, лучше осмотреться, но Миша помнил слова командира: «Будь внимательным, осторожным, помни о главном, старайся быть в гуще народа».

М. С. Сивеня, фото 1944 г.

С этими мыслями он подошёл к домику с вывеской «Аптека». Вокруг было обыденно, проходили редкие прохожие. В домик никто не входил и не выходил.

Миша понял, останавливаться нельзя, и он на ходу, как будто был здесь не в первый раз, открыл дверь и сразу очутился в маленькой полумрачной комнате.

Сергеев сразу узнал девушку, которая ему была нужна, но в комнате была старушка и упрашивала о чём-то, как ему показалось, здешнюю начальницу.

Миша сделал вид, будто не заметил девушку, и подошёл к говорящим женщинам.

— Тебе чего нужно, мальчик? — спросила средних лет черноволосая отрядная женщина.

— Мне тётю Раю надо, тётенька.

Она оглядела паренька с головы до ног и звонким нараспев голосом позвала: — Рая, тебя мальчишка спрашивает.

Миша обернулся и увидел вышедшую из отгороженной фанерным листом комнаты отрядную рослую молодую девушку.

— Тётя Рая, здравствуйте!

— Здравствуй, Мишка, что случилось?

— Тётенька, у нас заболела Алёнка. Очень большой жар у неё. Так мамка просила, чтобы ты дала порошков или таблеток. Мамка прислала тебе немножко мяса телёночка. Зарезали. Он сломал ногу.

— И вам разрешили?

— Да, сам староста позволил его зарезать.

Знала Рая Пшенай, что нет у Мишки матери, нет сестры Алёнки. Когда гитлеровцы казнили мать на глазах ребёнка,

не выдержало юное сердце, она заболела и умерла (в партизанском лазарете).

— Пани Ядвига, у нас сегодня будет жаркое, — весело закричала Рая, обращаясь к женщине, которая её позвала. Та улыбнулась и, подойдя к Мише, сказала:

— Молодчина твоя мама, что не забывает своих, хотя и дальних, родственников. Но как же она тебя такого маленького одного решилась отправить в такую дальнюю дорогу?

— Нет, тётя, не одного. Я приехал с дядей Лёшей. Он молоко привёз. У нас каждый день утром у кого есть коровы по одной большой кружке со всех хат отдаёт немцам.

— Ну, если так, то другое дело, а то ведь и заблудиться можно.

— Нет, тётя, я и обратно с ним поеду. Только дядя Лёша просил, чтобы я долго не был. Он меня будет ждать там, где молоко принимают.

— Отпусти, Рая, мальчишку, пусть бежит.

Рая вышла за фанерную заставку и через несколько минут вернулась, держа в руках пакетики с порошками и три таблетки.

— Вот, что, Мишка, передай маме, чтобы давала в день по три порошка и одной таблетке. Тогда у Алёнки жар сразу пропадёт и она будет здоровой. А теперь беги к своему дяде, а то чего бы он доброго не уехал.

Сергеев, получая таблетки с порошками, уловил еле заметную дрожь Раиных пальцев. Но он аккуратно завернул их, положил в карман, поблагодарил обеих женщин и оставил аптечный домик. Всё было выполнено, как приказал командир. Сейчас главное выбраться из городка.

Р. Г. Пшеная

И вот сейчас Миша понял сложность своего положения. Ведь в Ивацевичах служат в полиции несколько человек из его и соседних от него деревень. Они его хорошо знают. Встреча с ними — это не только провал задания, это гибель. Нет, больше ему не хотелось бродить по этим улицам. Он быстро свернул в привокзальный переулок и направился к заводскому посёлку. Этим он избегал контрольного пункта, который был за переездом железной дороги к выходу бывшего лесхоза.

Он миновал лесозаводской склад и было повернул на просёлочный тракт, как, вдруг, его осенила мысль: «А что? Вполне возможно. Почему не воспользоваться УЖД?». Миша в раздумье остановился, а затем развернулся и пошёл в обратном направлении к депо узкоколейной железной дороги.

По УЖД, связывающей Ивацевичи с другими районами, как Телеханы, Иваново, осуществлялись небольшие поездки.

На этот раз Сергееву повезло. Маленький паровозик стоял под парами. Несколько десятков женщин с детьми сидели на низеньких открытых платформах, от которых только что отошёл собирающий дань помощник машиниста.

— Тётенька, — обратился Миша к пожилой женщине, сидящей с двумя ребятишками, — скоро поезд пойдёт?

— Сейчас! Садись, коли ехать треба.

Миша был рад такому случаю. По пути он узнал, что женщина едет только до деревни Гичицы, а поездок, если дойдёт, направляется в Телеханы.

От Гичиц до отряда Сергеев знал каждую тропку. Хоть было и далековато — километров пятнадцать, зато менее опасно — это была в основном партизанская зона. Этим он и воспользовался. К вечеру он докладывал командиру о выполнении задания. Подробно рассказал, что видел, как прошла встреча с партизанской связной Раей Пшенай.

Многим позже Мише стало известно, что означали переданные им слова. «Жар у Алёнки» — был сигнал приступить

Король

В это раннее пасмурное утро капитан Илларионов вошёл в землянку, которую здесь именовали радиорубкой.

За небольшим столиком, на котором стояла радиостанция «Северок», да аккуратно сложена небольшая стопка бумаги, сидела дежурная радистка Елена Шлыкова.

— Всё по-прежнему, товарищ капитан. Молчат, — как-то не по военному доложила Шлыкова.

Илларионов и без доклада по выражению её лица понимал, что и сегодня, как три дня назад, в назначенное время специальная группа подполковника Короля, действовавшая в окрестностях города Барановичи, на связь не вышла.

Но приказ командира был краток: в указанное время вызывать.

— Сколько до конца связи? — прерывая свои мысли спросил он девушку.

Елена молча посмотрела на огромный светящийся циферблат ручных часов, выпуска 2-го Нировского завода, и, уступая место капитану, сказала: — 25 минут.

Илларионов надел головные телефоны, включил станцию, и стал прослушивать эфир, а затем, через каждые пять минут, стал вызывать замолчавшую радиостанцию.

Время летело быстро, уже истекла последняя секунда и капитан потянулся к выключателю, как вдруг услышал долгожданные точки, тире.

Он знал почерк К. Мурохина и сейчас, неторопливо записывая принимаемые цифры, был удивлён его работой. Не было ни чёткости, ни быстроты.

Через несколько минут полковник Льдов вторично перечитывал расшифрованный текст радиограммы, в которой Пётр Степанович Король сообщал, что радист ранен, боеприпасы на исходе, что группа уходит на запасную базу и для связи с городом необходим опытный разведчик.

После некоторого раздумья командир попросил пригласить начальника штаба М. А. Калугина.

С каждым днём весна набирала силу. От тёплых солнечных лучей таял снег. Вырезались из-под снега чёрные бугорки на полях, в лощинки стекались маленькие ручейки и образовывали разных форм зеркальные лужицы. Полевые дороги раскисли, во многих местах они превращались в сплошную жижу. И только по-прежнему стояло замёрзшим Выгоновское озеро, да вокруг него в лесах лежал ещё плотный покров снега.

Путь по такому весеннему бездорожью был нелёгок. Не знали, чем добираться, как лучше доставить груз в спецгруппу подполковника Короля, которая находилась километрах в двадцати юго-восточнее озера.

Время торопило. Немцы стягивали силы вокруг партизанской зоны. Усилились немецкие гарнизоны в Телехане, Гандевичах, Ляховичах и особенно крупном железнодорожном узле Барановичи. Группе Короля срочно требовались взрывчатка, боеприпасы, а самое главное, надёжная радиосвязь.

С этим заданием и для координации и единства действий в Барановическую зону и был направлен начальник штаба спецотдела капитан Калугин. В составе группы были местные патриоты Иван Шабатько и Савва, воевавшие в отряде уже более года и хорошо знающие дорогу, радистка Елена Шлыкова, инструктор-подрывник Лаврентий Бриль и юный разведчик Михаил Сергеев.

Долго шла речь, как добираться, на чём. Не подходили ни сани, ни повозка, а такими силами пронести десятки

километров до тонны груза не могло быть и речи. И всё же, после изучения разных вариантов, было решено использовать повозку, погрузить на неё тол, боеприпасы, движок, питание, медикаменты и радиостанции, и под покровом ночи обойти немецкие гарнизоны «Святая Воля», «Бобровичи», перейти Огинский канал и выйти к Выгоновскому озеру.

Забрезжил рассвет, когда партизаны остановились на небольшой привал, чтобы сориентироваться и осмотреть прочность льда на озере.

Голубое небо, первые золотистые лучи солнца, и такая тихая, что не шелохнётся не одна веточка, погода говорили о том, что ожидается тёплый солнечный весенний день.

После краткого осмотра партизан постигло первое разочарование: у берегов озеро начало оттаивать, а посередине, где толщина льда ещё держалась, проехать средь бела дня более восьми километров опасно. Это была открытая мишень для вражеских самолётов, которые беспрерывно кружили

над партизанской зоной. Не одной партизанской жизни стоила дорога через это озеро. Нет, и сейчас вариант перебираться через центр озера на тот берег был отвергнут. А ждать некогда.

Что-то посоветовавшись, Шабатько подошёл к Калугину и попросил разрешения ему и Савве пройти вдоль берега, чтобы отыскать зимник — дорогу, хорошо укатанную за зимнюю пору.

Ждать пришлось долго, время подходило к десяти часам, когда вернулись Шабатько и Савва. Доклад был краток.

— Берегом ещё можно добраться к зимней дороге. Она не более трёх километров отсюда, — говорил Шабатько. — Дальше по ту сторону её берег, поросший мелким кустарником, оттаял. Пешком пройти покуда можно, но лошадь с повозкой не выдержит. Мы прошли по зимнику километров около четырёх. Лёд ещё прочен, толщиной 20-25 сантиметров, думаем, что проберёмся, если не медлить.

И как в оправдание добавил: — Солнце сильно пригревает.

Выслушав доклад, Калугин приказал:

— Запрягайте лошадь, не будем терять времени, поехали! — и, повернувшись к Шабатько, добавил: — Откройте банку тушёнки, подкрепитесь с Саввой. Мы покушали, пока ждали вас.

Зимняя дорога и впрямь была хорошо укатана. Несколько минут колебаний, и всё же, сняв с повозки движок, питание и радиостанции, выехали на лёд озера. Первый километр ехали медленно, впереди, метрах в тридцати пяти — сорока, шёл кто-то из партизан. Но, убедившись, что всё идёт словно по хорошо отработанному графику, успокоились. У разместившихся на повозке партизан поднялось настроение. Лаврентий Бриль даже начал подшучивать над радисткой Шлыковой. Он с увлечённостью убеждал, что ей нельзя теряться, и пока есть выбор женихов, как ни у какой другой невесты, арканить по душе красавца, и точка.

— Не себя ли в красавцы метишь? — съязвил Иван Шабатько, и все дружно рассмеялись.

— А что же, чем не парень? — не обращая внимания на смех, парировал Лаврентий.

— Да где уж, перебери все партизанские отряды, так рыжей рыжего не найдёшь, — поддержал весёлое настроение Калугин.

— Говорят в народе, чем рыжей, тем дорожей, — не сдавался Бриль. — Не прогадала бы.

— Я невеста не из богатых, дорого платить нечем, — с иронической улыбкой сказала Лена.

За весёлым разговором быстро пролетало время, сокращалось расстояние, исчезла настороженность.

И вдруг, когда до берега озера оставалось не более километра, с противоположной стороны послышался гул самолёта. Он летел на небольшой высоте несколько правее озера. Звук его с каждой минутой нарастал и приближался.

В этот момент не выдержали нервы у Савелия, он хотел быстрее проскочить оставшийся участок озера, и хлестнул жеребца гибким лозовым прутиком.

Цокот копыт, да стук колёс сливались с гулом самолёта. Казалось, ещё несколько минут, и вот он — берег. Но не проехали и двести метров, как под тяжестью бегущей лошади и гружёной повозки лёд не выдержал и рухнул. В одно мгновение все оказались в ледяной воде.

Шабатько, Савва и Бриль сумели выскочить на лёд, а Калугин, Шлыкова и Сергеев сидели на повозке, зависшей на отколовшихся льдинах.

Лошадь держалась на плаву. Она старалась выскочить на лёд, но ей мешала упряжь и лёд беспрерывно ломался под её передними ногами. И так несколько отчаянных минут единоборства.

В это время Сергеев сумел схватить брошенные Саввой вожжи и придержать выбивающуюся из сил лошадь. Этого было достаточно, чтобы начальник штаба Калугин смог выскочить из повозки. Но льдина накренилась, и он, поскользнувшись,

оказался в воде между повозкой и кромкой необломанного ледяного поля.

Не растерявшись, Шлыкова выбросила на берег шнур из парашютных строп, которым в доли секунды Шабатько с Брилем помогли Калугину выбраться из ледяной воды.

Ещё несколько минут, и таким же путём подтянули повозку к кромке льда. Прошло всего несколько минут, и повозка была разгружена. На ней остался один Сергеев. Всё ещё была надежда вытянуть её на лёд, но все предпринимаемые усилия были безрезультатны. Сначала отделили переднюю часть повозки, а затем обрезали и упряжь с лошадьё, но и это не помогло.

Никто не помнил, сколько прошло времени, пока сумели с огромным трудом вытянуть на твёрдый лёд переднюю часть повозки и погрузить на неё тол и другой груз, который везли партизаны. Лошадь пришлось застрелить. Жаль было оставлять её на мучение.

К вечеру стало прохладнее, морозно, и на открытом озере мокрая одежда обмёрзла и ломалась на изгибах. Первым встал в упряжку более всех замёрзший Михаил Калугин. Остальные помогали, подталкивая сзади.

Все забыли про тот проклятый самолёт, который пролетел мимо, к счастью, не заметив партизан.

Шли молча, а путь ещё был большой — около восемнадцати километров бездорожья.

Маленький тонкий фитилёк, зажатый в гильзе патрона от ПТР слабо освещал землянку. Только привыкший глаз мог различить в этой полутьме, что землянка переполнена народом.

На нарах, да вокруг печки «буржуйки» отогревались бойцы. Одни между собой тихо переговаривались, другие, наслаждаясь блаженством тепла, успели вздремнуть. За последние дни нечасто выпадали такие минуты затишья и отдыха, и партизаны старались их использовать.

Прикрыв за собой дверь, Сергеев, замерев у порога землянки, всматривался, где бы найти местечко поближе к печке. Ему так хотелось, так и тянуло к теплу, но у печки места не нашлось. А поскольку он здесь был впервые и никого из сидящих не знал, то он был рад примоститься в уголке на нарах около входной двери. Но и здесь после хотя и небольшого мартовского морозца было довольно тепло.

Миша, не мешкая, ослабил ремень, на котором поддерживаемые двумя портупелями были две кассеты к ППС, пистолет «Вольтер», финский нож, да граната Ф-1, присел на нары и через несколько минут уже был в глубоком сне. Сказался переход. Усталость брала своё.

Сколько он проспал, Сергеев не знал. Очнулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо и что-то говорил, но спросонья ничего сообразить не мог.

Придя в себя, Миша, наверное больше чувством, чем сознанием сообразил, что от него что-то требуют, чего-то велят.

Соскочив с нар, Сергеев увидел, что перед ним командир разведки группы Василий Моисеевич Куратник. Миша больше года не видел этого замечательного человека, бесстрашного партизана, коммуниста с подпольным партийным стажем, ещё в годы белопольского владычества за принадлежность к Коммунистической партии Западной Белоруссии и нелегальную подпольную работу отсидевшего более семи лет в тюремных застенках.

Сергеев обрадовался встрече, хотелось что-то сказать, но, прижавшись к Василию Моисеевичу, он услышал:

— Пойдём, подполковник Король ждёт.

Сон как рукой сняло.

Из землянки вышли вместе. Был уже поздний вечер. Во дворе стоял ещё ощутимый мартовский морозец.

Куратник с Мишей остановились невдалеке от штабной землянки Короля. Пред ними была невообразимая вечерняя

красота — высокое синее небо, словно бисером усыпанное звёздами, свет луны. Мерцавшие на ветках деревьев звёздочки снежинок дополняли изумительной красотой эту небольшую лесную поляну.

— Иди, — проговорил Василий Моисеевич, показывая на землянку командира. — Ночевать жду к нам, приходи.

Но не знал Василий Моисеевич, что в эту ночь отдыхать никому не придётся. Через несколько часов, заминировав подходы к лагерю, группа уходила в глубь полесских болот.

Когда Сергеев вошёл в землянку, там кроме командира были Калугин и Бриль.

Все трое настолько были увлечены, рассматривая карту, что несколько минут ему пришлось обождать, чтобы его появление было замечено.

В это время Миша с нескрываемым любопытством смотрел то на вкривь и вкось стоящие скамейки, но на огонёк копилки, слабо заметный в дымной синеве скуренного самосада, то на коренастую фигуру командира, которую видел впервые.

Петра Степановича Миша знал из рассказов партизан. Знал, как волевого, опытного командира, душевного человека, лучшего мастера диверсионного дела.

И сейчас, стоя у порога землянки, он мысленно сопоставлял его из своих воображений с этим вот стройным, подтянутым и очень уставшим на вид человеком.

— Так вот ты какой! — пожимая Мише руку, проговорил Пётр Степанович с каким-то нежным отцовским голосом, — правда, представлял из рассказа Бати немножко другим.

Сергеев, как будто понял, что командир в нём разочарован, в обиженном тоне проговорил:

— Значит, не приглянулся, неудал, да ростом мал...

Пётр Сергеевич на сказанные юношей слова с улыбкой произнёс:

— Народная мудрость говорит, что мал золотник, да дорог.

Лица сидящих у стола Калугина и Бриля расцвели в улыбке, а Миша оценку командира принял в свой адрес и был польщён вниманием в этой первой их встрече.

Когда присели у тёсанного стола, Пётр Степанович без лишних слов, обращаясь к Сергееву, спросил: — С заданием знаком?

— Приблизительно да! Батя приказал действовать по обстановке и выполнять Ваши указания.

Король каким-то пронизывающим взглядом ещё раз посмотрел на мальчишку и продолжал:

— Задание не из лёгких. Тебе, Миша, (он впервые назвал юношу просто по имени) предстоит в этот раз очень, я бы сказал, ювелирная работа. Обстановка в нашей зоне сложилась довольно сложная и неприятная, фашисты наседают со всех сторон. Основные пути передвижения наших групп блокированы, нам стараются отрезать путь к отходу в глубину болот. В городе наши люди действуют, но их удары фашисты ощущают слабо. Короче говоря, им нужна взрывчатка.

— Я понял, товарищ командир, — тихим голосом сказал Сергеев, — Когда?

— Сегодня, через один час и двадцать пять минут нужно выходить.

Миша знал, что в отряде стало обычным правилом не измерять время часами, а приказы отдавались с обязательным прибавлением минут за все часы партизанской жизни. Он никогда не слышал, чтобы командир приказывал прибыть в десять или двенадцать часов, он обычно добавлял «10:15» или «12:05». Полковник Льдов считал, что эти минуты дисциплинируют бойцов и придают какую-то более ответственную ситуацию выполняемому заданию.

Так и сейчас Пётр Степанович не сказал «через час» или «полтора часа», а именно час и двадцать пять минут, чем конкретизировал время выхода.

— С собой возьмёшь четыре мины и десять взрывателей конструкции Бриля. Они эффективно работают с любой взрывчаткой или термитными шариками. Мы располагаем данными, что в Барановичи должен прибыть немецкий прихвостень — назначенный президент Белоруссии некто Островский. К сожалению, даты и пути следования его нам пока неизвестны. Над этим вопросом там работают наши товарищи. При малейшей возможности эти подарочки предназначены ему и их нужно преподнести. Если не будет возможности, используйте мины в городе. Это также отвлечёт внимание от партизанской блокады.

Пётр Степанович замолчал. Сергеев впитывал каждое сказанное им слово и был готов повторить как хорошо вызубренное стихотворение. Вот сейчас он понял, что значат слова Бати действовать по обстановке.

— Как мне известно, с минами замедленного действия, переконструированными товарищем Брилем, ты знаком. Можешь действовать сам и, если нужно, обучить наших связных. Если есть какие-то неясности, Лаврентий Павлович разъяснит.

При этих словах Бриль поднялся и подошёл поближе к Сергееву.

— Пользовался ими, товарищ командир, — спокойно ответил юноша.

— До определенного места тебя проводит наш разведчик. Вас встретит наш связной и дальше пойдёшь с ним. Люди надёжные, не раз проверенные на деле, так что можешь положиться. Для подкрепления связных получишь десять тысяч немецких марок. Деньги и мины замедленного действия со взрывателями сейчас принесут. Пароли, клички тебе известны. На базу в лагерь не возвращайся — мы почти одновременно с тобой его оставляем. Подходы будут заминированы.

Пётр Степанович, энергично поднявшись, подошёл к двери и тихо приказал:

— Куратника ко мне!

Сидевшие молча Калугин и Бриль также поднялись со своих мест. Воцарилось минутное молчание.

Скрутив «козью ножку» и прикурив от горящего фитилька, Калугин, обращаясь к Мише спросил:

— Ну как?

— Как обычно, — также спокойно ответил Сергеев.

— Хорошо, а теперь слушай меня внимательно. Оружие сдашь. Оно тебе не нужно. Самое главное оружие у тебя — это находчивость.

— А если? — как-то вырвалось у Бриля.

— Если? — очень каким-то чужим голосом ответил начальник штаба, — Если — он знает, какое нужно применить оружие.

Миша знал, о каком оружии говорит Калугин. В правом борте пиджака и рубашке воротничка имелся яд.

Разговор прервался, в землянку командира вошёл Лёня Никитин — заместитель Короля. Он принёс четыре магнитных мины замедленного действия и пачки немецких марок, которые аккуратно положил на стол перед сидящем парнем.

А. Д. Никитин

Он сказал Королю что-то, что Миша не понял, и быстро вышел.

По тому, что Никитин был уже во всеоружии, Миша понял, что отряд готов к походу. Сергеев взял в руки одну из мин, а Лаврентий Бриль достал взрыватель и хотел ещё раз показать, как с ним следует обращаться, но Сергеев сразу закрутил головою, и показал, что вся поверхность магнитной мины покрыта чёрным лаком, а выступ взрывателя на длину чуть ли не винтовочного патрона сделан из белой трубки. Оплешность поняли все. Пришлось её исправлять по ходу действия — закрасили чёрным мазутом.

В землянку вошёл В. М. Куратник, товарищ командира. Хотел было доложить, но Король остановил его на полуслове и чётко спросил:

— Разведчики готовы?

— Так точно!

— Действуйте.

— Пётр Степанович, разрешите мне сопровождать Сергеева, — попросил Куратников.

Король несколько минут колебался, затем взглянул на Калугина, и сказал:

— Хорошо, постарайтесь, чтобы до рассвета он был в деревне.

Партизанский связной Алексей встретил Сергеева и сопровождающих его разведчиков на опушке леса. После крепкого рукопожатия он кратко обрисовал обстановку, рассказал, что за последнюю неделю каждый день прибывают всё новые немецкие части. Вот только вчера около двухсот венгерских солдат разместились в деревне Тишковичи, где уже было не менее сотни полицаев, но не местных, а каких-то приезжих.

Фашисты занимают те сёла, которые имеют главные подходы к лесу в партизанскую зону. Связной упомянул, что их деревня пока ещё чиста от этой нечисти, и продолжил:

— Несмотря на то, что фашистов скапливается всё больше и больше, ведут они себя очень возбуждённо, с каким-то нервным раздражением, чувствуется большая какая-то напряжённость. Вот вчера один пьяный венгерский офицер проболтался, что в скором времени ожидают какое-то высокое начальство.

Эти слова сразу насторожили Василия Моисеевича. Он мысленно отметил, что это, пожалуй, самое главное из доклада связного. Сейчас его мысль сверлило одно: «Что это? Немцы готовятся к блокаде партизанских отрядов и стягивают силы вокруг партизанской зоны, или таким путём хотят обеспечить

охрану нового фашистского холуя Островского, назначенного после смерти Кубе, на пост президента Белоруссии, который, как предполагается, должен посетить Барановичи и, возможно, близлежащие районные центры».

Командир разведгруппы В. М. Куратник очень внимательно выслушал Алексея, а затем изложил ему суть задания и его непосредственной работы.

После минутного молчания Алексей тихим, но убеждённым голосом ответил:

— Понял Вас, товарищ командир, сделаем всё, что в наших силах. Даже и того больше, если это нужно, — с улыбкой добавил связной.

Время летит быстро, начинал брезжить рассвет, и Алексей как бы дал понять, что до хутора около четырёх километров, а до света нужно быть на месте.

К ним подошли до этого стоявшие в стороне разведчики и передали ценный груз.

Алексей очень быстро и ловко рассовал в потайные карманы своего уже изрядно потрёпанного пальто пачки немецких марок, в шапку-ушанку, в двух местах залатанную, упрятал взрыватели замедленного действия, а в небольшой крестьянской сумке из неотбеленного льняного полотна, наполовину засыпанной семенами конопли, аккуратно уложил четыре английские магнитные мины.

Минутой позже разведчики разошлись каждый в своём направлении.

Алексей жил на отсёлке. Хутор его не выделялся среди односельчан ни богатством, ни бедностью. Сам хозяин с людьми ладил, другим в душу не лез, себя в обиду не давал. Большинство в селе считали его замкнутым, а порой и нелюдимым человеком. Он то роется дома по хозяйству, то уезжает по своим необходимым делам на сутки и более в районный центр или даже в город.

В своем скромном хозяйстве он держал ещё довольно резвую лошадку, корову первотёлку, поросёнка, да более десятка штук птицы.

Но в последнее время, как стали замечать в селе, Алексей пристрастился к коммерческим делам. Отвезёт в город пару килограмм сала или несколько голов птицы, а оттуда возвращается с самыми дефицитными товарами: керосином, солью, мылом. А то, и гляди, привезёт красивого порошка, чтобы хозяйки смогли покрасить в нужный цвет приготовленное ими льняное полотно. Здесь была прямая выгода. За проданные дефициты он получал в три — пять раз больше, чем истратился.

Люди села к этому уже привыкли и обмен товаров процветал успешно. От полицаев Алексей откупался самогоном и каким-либо товаром, а иногда просто кому считал необходимым подносил подачку салом, яйцами, мёдом и, конечно, с приложением бутылки самогона.

Никто не мог себе представить, что этот застенчивый и немножко жадный тихоня, развернувший коммерческую деятельность, продавал, производил обмен, покупал в основном за продукты и немецкие марки, которыми его снабжали партизаны. За них Алексей направлял в отряд лекарства и перевязочный материал, оружие и боеприпасы, питание к радиостанции, входил в доверие к фашистам, получал нужные сведения военного характера, интересовавшие командование партизан. Алексей и среди полицаев считался своим, но это не притупляло его бдительности, он к каждой поездке в город очень тщательно готовился, никогда не брал с собой ничего лишнего, что могло бы вызвать подозрения или настороженность фашистов. Всегда имел в запасе, чем откупиться (это были жгуч и самогон). Никогда не имел при себе оружия — считал, что пистолет может принести больше вреда, чем пользы.

Вот и на этот раз, когда Алексею с Сергеевым нужно было выехать в город, у него всё было до самых маленьких тонкостей

продумано. Разработанная им версия была настолько проста, что его смекалке можно было только позавидовать.

Алексей рассказал Сергееву свой план выполнения задания. «Да, действительно он прост», — подумал Миша, — «но придраться не к чему».

Так что же он предлагал?

В город выезжают ранним утром. Алексей везёт своего племянника, который должен сидеть в скромной крестьянской одежке с перевязанной щекой, к зубному врачу, а в гостинiec (в качестве оплаты) доктору он везёт пол кубометра сухих метровых дров, так как у него в городе печное отопление. Об этом как-то раньше его просил сам доктор.

Так вот, все метровые поленья одно в одно лежат в ряд. Ничего кроме них на телеге нет. Все они хорошо просматриваются со всех сторон и никакого подозрения не вызывают. Всем ясно, что кроме дров на повозке ничего нет. Но это очень обманчиво. В одном из них, лежащем почти на самом верху, было выгнившее дупло, в которое Алексей в хорошей мягкой упаковке уложил магнитные мины и взрыватели замедленного действия. Образовавшуюся дыру дупла он так искусно заделал, что невозможно отличить от старого отрубленного сука. А в хомуте на лошади и подседелке очень-очень аккуратно были разложены пачки немецких марок.

Сам Алексей на этот раз был одет довольно прилично, как и подобает хотя и не большому, но коммерческому человеку.

С таким грузом Алексей с Сергеевым добрались, не вызвав никаких подозрений на пропускных пунктах у полицаев.

Ещё по дороге в город Алексей давал свои наставления и советы Сергееву.

— Как только будем поворачивать на нужную нам улицу, ты пойдёшь впереди. На меня не оборачивайся, иди смело, не глазами по дворам. Когда будешь подходить к дому № 7, то обрати внимание на окна. Если крайнее во дворе будет

закрыто занавеской, а от улицы не будет горшка со столетником, то ты сразу перейди на левую сторону улицы и иди дальше. Знай, что это что-то не в порядке. Если всё будет нормально, то продолжай идти прямо, сделай круг, выйди обратно на эту улицу и только тогда, как убедишься, что здесь всё хорошо, заходи во двор.

Сергеев прошёл несколько улиц и когда подошёл к дому, то увидел, что лошадь выпряжена и заканчивают выгружать дрова. Он прошмыгнул в калитку и подошёл к сараю, куда сносили и складывали поленья.

— Вот, знакомьтесь, — сказал Алексей стоящему рядом коренастому широкоплечему в заношенной спецовке человеку, показывая на Сергеева.

Он протянул свою мозолистую руку и сказал: — Дядя Вася.

Сергеев так же с достоинством ответил: — Миша.

— Мишка, Мишка, Мишка, — трижды повторил дядя Вася. Что он этим хотел сказать, что выразить? Или, возможно, подумал: «Кого вы мне прислали?». Но дядя Вася повернулся к Алексею и сказал: — Давай, закончим с дровами.

Здесь Сергеева ждал новый сюрприз Алексея. Просто диву даёшься, как можно незаметно под дровами уложить несколько кусков сала, да две грелки с самогоном. Даже дядя Вася, не первый день зная его, и тот не удержался от улыбки. А он, как будто ничего не заметив, сказал:

— Уноси, пригодится!

— Да ещё как, — ответил дядя Вася.

— Вот кажется и всё, дорогой мой друг, — повернувшись к Сергееву произнёс Алексей. — Всё, что мне поручено, я исполнил. Сейчас, чтобы лишне не маячить в городе, я загрузусь определённым товаром и оставлю город. Передать в отряд что-либо есть?

— Пока нет, — кратко ответил Сергеев и посмотрел на Алексея, который подошёл к лошади, стоящей во дворе, взял за

300

уздечку и завёл в сарай. Здесь из хомута извлекал он пачку за пачкой немецких марок.

— Вот все ровно девять тысяч. Одна тысяча, Василий Моисеевич сказал, принадлежит мне.

— Всё правильно, — ответил Сергеев и попросил дядю Васю пока их понадежнее припрятать, — Хотя, две тысячи марок Вам — берите сразу.

Когда Алексей уехал, Сергеев с дядей Васей, присев на сложенных поленьях, повели разговор о дальнейших действиях. Дядя Вася кратко рассказал обстановку в городе, после чего сказал Сергееву:

— Тебе надо бы пару часов поспать, а то вид у тебя невзрачен, словно спишь на ходу, — и, не ожидая согласия или возражения, продолжил, показывая на пристройку к дому, — Здесь есть коморка. Там тепло, хороший топчан. Я снаружи закрою на висячий замок, для безопасности, а когда вернусь — поговорим, детально всё обсудим.

Долго ещё не мог уснуть Сергеев. Он вспоминал наставления полковника Льдова, как от его имени поблагодарить подпольщиков, как более детально донести поставленную перед ними задачу, какая именно острота действий в данной ситуации. Нужно детально уточнить их возможности в проведении диверсий и сборе разведданных. Поглощённый этими мыслями, Сергеев углубился в сон.

Проснулся он внезапно от шороха шагов и скрипа открывающейся двери. В первые секунды он ничего не мог сообразить. Где он, что с ним? Но открыв глаза и увидев дядю Васю, Миша успокоился, напряжённое состояние отлегло.

— Ну как, отдохнул немного? — спросил дядя Вася.

— Да, немножко, — ответил Сергеев.

— Ну, вот и хорошо. Вставай давай, немного освежись холодной водицей.

Только сейчас Миша увидел, что здесь в коморке на скамейке стоит ведро с водой и кружка, а под ней — эмалированный тазик.

Когда Миша привёл себя в порядок, они зашли в другую также небольшую комнату. Там были двое. Один лет 27–28, второй — более старшего возраста. Мужчина помоложе назвался Николаем, второй — Петром Ивановичем.

Но чем был поражён Сергеев, когда взглянул на стол, на нём, словно в праздник, стояла бутылка самогона, сырое сало, солёные огурцы, около десятка яиц, хлеб и три стакана.

— Вот, кажется, все в сборе. Можно начинать.

Сергеев думал, что хозяйева сразу примутся за уничтожение обилия стола, и выжидающе смотрел, то на одного, то на другого, и неожиданно для себя заметил, что Николай в форме немецкого полицаая. Видя явную настороженность и недоверие, дядя Вася произнёс:

— Не беспокойся! Здесь все свои. Коля нами послан и работает вместе с нами. Давай, говори, что требуется от нас.

И только сейчас Миша понял, что собравшиеся здесь товарищи не садятся за стол, а ждут от него, что он будет говорить, с чем и зачем он к ним прибыл.

Миша, как и было ему приказано, передал подпольщикам слова Героя Советского Союза полковника Льдова, который от имени Матери Родины благодарил их за исполинский труд ради нашей победы над фашистской Германией. Затем Сергеев рассказал, что Штаб располагает данными, что в их город должен в скором времени прибыть новый президент Белоруссии Островский. Командование хотело бы организовать ему горячую встречу. Сергеев рассказал, с каким грузом он прибыл, что этим заданием будут заниматься и другие группы, что для осуществления этой операции не жалеть ничего, что бы оно ни стоило.

Сергеев попросил дядю Васю показать магнитную мину и взрыватели замедленного действия. Он объяснил, что взры-

ватель этот не заводской, а переконструирован одним самоучкой партизаном. Он продолжал, что взрыватели на практике действуют надёжно, безотказно. Ценность этого взрывателя заключается в том, что он срабатывает в определённое заданное ему время. Он поведал товарищам, что в одном из поленьев, привезенных дяде Васе, имеются четыре магнитных мины и десять взрывателей. Батя приказал взрывателей отправить больше, так как они сообщали, что некоторое количество взрывчатки у них есть.

— Правильно, — подтвердил Пётр Иванович, до этого сидевший, не проронив ни слова.

Однако когда Михаил говорил о достоинствах взрывателя, он уловил во взглядах подпольщиков какую-то неуверенность в этом изобретении. И сейчас он сказал об этом открыто. Он попросил, что если есть сомнения, то их нужно решить сейчас, здесь же.

Николай, как бы восприняв сказанное в свой адрес, подтвердил: — Вообще-то, да. Какие-то они, на первый взгляд, не внушающие доверия.

Сергеев ещё некоторое время объяснял действие взрывателя, показывал, как практически его надо применять.

После обсуждения нескольких вариантов, было решено провести с небольшим зарядом испытательный взрыв, на выполнение которого Николай попросился сам.

— Мне, — говорит, — это сделать будет легче, ведь я в форме блюстителя порядка.

Сергеев предупредил, что взрыватели рассчитаны от одного часа до трёх.

— На гильзе патрона есть пометки — одна, две или три резки. Сколько резок, столько и часов.

Миша передал просьбу командира в ближайшее время организовать в городе несколько диверсий и особенно обратить внимание на железную дорогу.

Разговор подошёл к концу, когда Сергеев передал, что Штаб хочет в распоряжение подпольщиков направить радиста, а для этого надо подобрать место для его работы.

— Да, этот вопрос не из лёгких, — сказал Пётр Иванович, но дядя Вася съязвил, что лёгкие другим достались

Когда все вопросы были решены, то перед тем, как разойтись, Николай и Пётр Иванович, спрятав по две тысячи немецких марок и закусив после 100-граммовой рюмки самогона, покинули гостеприимный дом, оставив Сергеева с дядей Васей.

— Поживи несколько дней у моей родственницы. Там есть твой сверстник, он хорошо знает город и покажет всё, что тебя будет интересовать. Володька парень смышлённый, через него будешь связь держать со мною, — сказал дядя Вася и направился к выходу, держа в руке навесной замок.

Прошло уже несколько дней. Володя с Сергеевым весь день пропадали в городе. На них никто не обращал никакого внимания. Миша фиксировал все: движение поездов, работу Барановического аэродрома, накал, суету и чёткость работы вокзала, какие разговоры ведут люди на базаре, что продают в магазинах, привокзальных базарчиках и палатках, о чём пишет бульварная местная газета, какие вывешены и расклеены объявления немецкой администрации. Сергеев знал, что обо всём этом нужно будет доложить по прибытию в Штаб.

К двенадцати дня Сергееву передали быть на товарной станции города. Дорогу к товарной он знал нетвёрдо, а изучить маршрут по рассказу и найти указанное место на станции не позволяло время, поэтому он решил воспользоваться добротой всезнающего Володьки, который с большим удовольствием составил Мише компанию.

Их встретил дядя Вася, который немедленно Володю отправил обратно, а Сергеева предупредил, что с ним будет разговаривать один товарищ.

— Зови его дядя Костя. Посиди вон на той скамеечке, он сейчас подойдёт.

Миша не впервые встречался с подпольщиками разных городов, и прекрасно понимал, что все они такие же дяди Васи, Кости, Петры и Николаи, Марии или Ольги, как и он Сергеев. Но так надо. Конспирация нужна. Ведь на кону жизни.

Миша видел, что от весовой будки к нему направился человек. Изучая его, Сергеев отмечает: «Одет прилично, тёмно-синий плащ, рост выше среднего, подвижен, походка медленная, немного вразвалку, в тёмно-синих очках». А когда подошёл поближе и заговорил, Миша отметил, что на правой руке золотой перстень, а во рту две золотые коронки зубов.

Миша не сомневался, что где-то этого человека он видел, но где? Сейчас он припомнить ничего не смог.

— Я дядя Костя, — подошедший представился и сел рядом с Мишей, открыл портфель, из которого достал две небольшие белые сверху посыпанные сахарной пудрой булочки, да бутылку лимонада.

— Ешь!

— Я не голоден, — ответил Миша.

— Ешь! — повторил дядя Костя. — Так надо.

И действительно, посмотреть со стороны, станет ясно, что отец подкармливает своего проголодавшегося юнца. А тем временем дядя Костя продолжал.

— Сегодня, а точнее часа через полтора, уедешь из города. На Пинск ведёт состав наш человек. Будешь с ним на паровозе. На станции Микашевичи тебя встретят наши люди и помогут добраться до места. Уяснил?

Сергеев подтвердил кивком головы.

— Вот и хорошо. Деньги дядя Вася передал.

Сергеев знал пароль для передачи денег и решил проверить, по назначению ли попали. И он неожиданно для дяди Кости сказал: — А деньги-то от Бати.

Человек в очках заметно улыбнулся, вновь показал свои золотые коронки, и ответил:

— Для Короля. Передашь Бате огромное спасибо за подарок. Взрыватели замедленного действия замечательные. Экспериментальным взорвана бензоколонка, да жаль мал заряд взрывчатки — фейерверк не состоялся. Взрыватели мы изучили. Сложность небольшая. Думаю, наладим своё производство. Островский поездку отменил. Его здесь не будет. Всё, что просил Батя, думаю выполним. Раньше Микашевич не сходи — немцы уже более недели ведут бои с партизанскими отрядами. Результаты обычные, трескотни много. Очень тяжело было группе Короля. Не вздумай добираться старым путём. Да, и если придётся бывать здесь, забудь ту квартиру, где разгружали дрова. Там дядя Вася не живёт.

— Константин Андреевич, пора. Осталось 10 минут до отправления, — сказал товарищ, подошедший с дядей Васей. — Идём.

А затем Константин Андреевич сказал: — С дядей Васей (Николай Васильевич Будин) очень плохо. Открытый туберкулёз. Передай нашу просьбу, пусть запросят о помощи Москву.

И он резко повернулся и ушёл в противоположном от товарной станции направлении, а Сергеев, вскочив в клубах спускаемого пара, забрался по ступенькам лестницы в кабину паровоза и только здесь, на паровозе, вспомнил, что дядю Костю он не раз видел в штабе Льдова, только там он его знал как Михаила Кузнецова.

Через трое суток после почти месячного отсутствия Сергеев вновь был в штабе и докладывал о проделанной работе. Он узнал, что в боях с карателями был смертельно ранен подполковник Король, который скончался не приходя в сознание.

Сивеня Михаил Сергеевич (стоит)
Москва ФЗО, 1945 г.

Последнее задание

Обстановка обострялась. Гитлеровские войска отступали. Фронт с каждым днём приближался к Западной границе Белоруссии. Впереди был Брест — мощный оборонительный рубеж на реке Буг. Советскому командованию срочно требовались разведданные, и Центр требовал ускорить выполнение ранее полученного задания.

Прочитав только что принесённую начальником радиосвязи радиограмму, полковник тяжело вздохнул, отодвинул лежащую рядом карту и поднялся. Он медленно сделал несколько шагов по маленькой, но уютной землянке и, как бы про себя, произнёс:

— Придётся послать...

Стоящий рядом капитан из сказанных слов командира ничего уловить не смог и только выжидающе смотрел на маленькое оконце, из которого в землянку проникали утренние лучи солнца.

Не знал Илларионов, что посланные в Брест разведчики не вернулись. Не принесли положительных результатов и действия связных железнодорожников, которые поддерживали связь с Брестским подпольем. С трудом добытые советскими патриотами данные о фашистской обороне, сосредоточении войск на западном берегу Буга, так нужные советскому командованию, лежали мёртвым грузом.

Полковник, не переставая в задумчивости отсчитывать шаги и словно не замечая рядом стоящего капитана, повторил:

— Придётся посылать...

Он медленно повернулся и, направляясь к столу, на ходу произнёс: — Позовите ко мне Калугина.

— Есть! — ответил капитан и вышел из землянки.

Оставшись один, командир мысленно анализировал: «В чём дело? Почему провалы? Почему связь с Брестом по всем каналам оборвалась так внезапно?» Он задавал себе эти вопросы и не находил вразумительного ответа.

Ведь всё детально было разработано, предусмотрены разные варианты, учтены, казалось, даже все самые маленькие, незначительные детали.

Посланы самые опытные разведчики, хорошо знающие немецкий язык, не раз выполнявшие очень сложные задания, из которых выходили победителями.

«Неужели? Хотя бы маленький просвет!». За этими размышлениями и застал командира вошедший в землянку начальник штаба капитан Калугин.

Кивком головы полковник показал присесть на маленькую скамейку, стоящую у столика, и протянул ему только что полученную из Центра радиограмму.

Калугин быстрым взглядом пробежал первые строчки и понял, что командир поглощён всеми мыслями о предстоящем выполнении задания.

Возвращая радиограмму, Калугин как бы в тон мыслей Льдова сказал:

— Хотя сказано в ней лаконично, но я понял, что это приказ Центра.

— Да, Михаил Андреевич, это приказ, — повторил полковник, — и мы должны его любыми усилиями, путями и средствами, чего бы это не стоило, выполнить.

После нескольких минут тягостного молчания командир в третий раз повторил:

— А всё же придётся посылать...

Калугин вздрогнул, поднял голову и как бы не веря услышанному только и произнёс:

— Его?

— Да. На мой взгляд, больше некого. Самая надёжная кандидатура, — твёрдо, как бы давно решённым им вопросом произнёс полковник.

Начальник штаба знал, о ком идёт речь, но ведь не дальше, как два дня назад, сам Льдов говорил, что любимыми силами его надо сберечь и при первой же возможности отправить на Большую землю. Он несколько раз повторял, что Сергеев этого заслужил.

В крутившихся веером мыслях Калугин подумал: «Вот, как круто меняется положение». Вчера — перспективы, Большая земля, Москва, учёба, а сегодня — вновь готовься глядеть смерти в глаза, и зажди все свои нервы в хотя и небольшой, но железный кулачок, и будь готов к выполнению очередного задания, ибо этого требует военная обстановка, наша Победа и свобода Родины.

— Но всё же, — Михаил Андреевич напомнил командиру, — а как же с Большой землёй?

Полковник некоторое время сидел молча, а затем, резко поднявшись со скамейки, вновь зашагал по землянке. Так длилось несколько минут, и, как будто оправдываясь перед начальником штаба, он уже не командирским голосом сказал:

— Другого, Михаил Андреевич, не нахожу. Да и опытной разведчика у нас нет. Сергеев, думаю, и на этот раз задание Центра выполнит успешно. Да, а он знает о нашем разговоре об отправке его в Москву? — неожиданно спросил командир Калугина.

— Я на эту тему с ним не разговаривал, — ответил Михаил Андреевич.

— Вот и хорошо. Пришлѐшь ко мне, нужно с ним очень серьёзно говорить о задании Центра. Он поймѐт. Ведь от своевременно доставленных им данных будет зависеть жизнь сотен и тысяч людей. Так что, Михаил Андреевич, давайте будем готовить. Срок два дня. С лагеря Сергеев должен уйти незаметно

с диверсионной группой Рекунова. Об этом не должна знать ни одна живая душа.

— Понял, товарищ командир, — тихо сказал Калугин и вышел, поглощённый мыслями о предстоящем задании Сергеева, из землянки командира.

Задание оставалось не выполнено. Посланные в Брест трое партизан так и не вернулись. В тот момент Сергеев ничего этого не знал. Сейчас ему предстояло идти четвёртым, и он усиленно изучал легенду, разработанную штабом. Она была несложной.

Мальчишка, потерявший родителей и оставшись один, разыскивает своего брата, который служит в полиции где-то в Берёзе или Бресте. Миша на руках имел справку, удостоверяющую его личность, и письмо семимесячной давности от брата. В этих документах он не сомневался, ибо район, выдавший этот документ, был освобождён Советской Армией, а брата такого вообще не существовало.

Сейчас главное было в другом — нужно твёрдо войти в роль, перевоплотиться в мальчишку, вызывающего жалость к сироте у взрослых. Изучить маршрут, фотографии, пароли связных, отдельные ситуации разговора при встрече с посторонними людьми или фашистскими чиновниками. Ему никто не мешал, и он, уединившись, отработывал десятки вариантов, подбирая лучший.

Сложность в этом вопросе была в том, что добираться до Бреста было решено поездом. А поскольку уезжать предстояло со станции Берёза-Картузская, для большей гарантии и безопасности надо было добавить к двум имеющимся на справке отметкам, очерёдку Берёзовского гестапо. При проверке документов отметки гестапо имели отрезвляющее воздействие для всех чиновников и полицаев фашистских учреждений. С таким документом можно было разыскивать «брата» не только в Бресте, а в любом городе, оккупированном фашистами.

Обстоятельства складывались так, что времени на подготовку оставалось в обрез. И через несколько дней, на отдалённой от Штаба полянке командир с начальниками штаба и разведки учинили Сергею суровый экзамен. Кроме памяти у него ничего вспомогательного не было, а их интересовало буквально всё: какие улицы прилегают в Берёзе к зданию Гестапо, на каком поезде лучше добраться до Бреста, как будешь вести себя при проверке документов, что у тебя находится в сумке, как и при каких обстоятельствах произнесёшь пароль нужному человеку?

И на все эти вперемешку заданные вопросы Миша отвечал спокойно, с уверенностью. Экзамен продолжался уже более часа и Сергею казалось, что он его выдержал.

Но после небольшой паузы командир вдруг спросил:

— Что заметил на фото девушки с большой русскую косой?

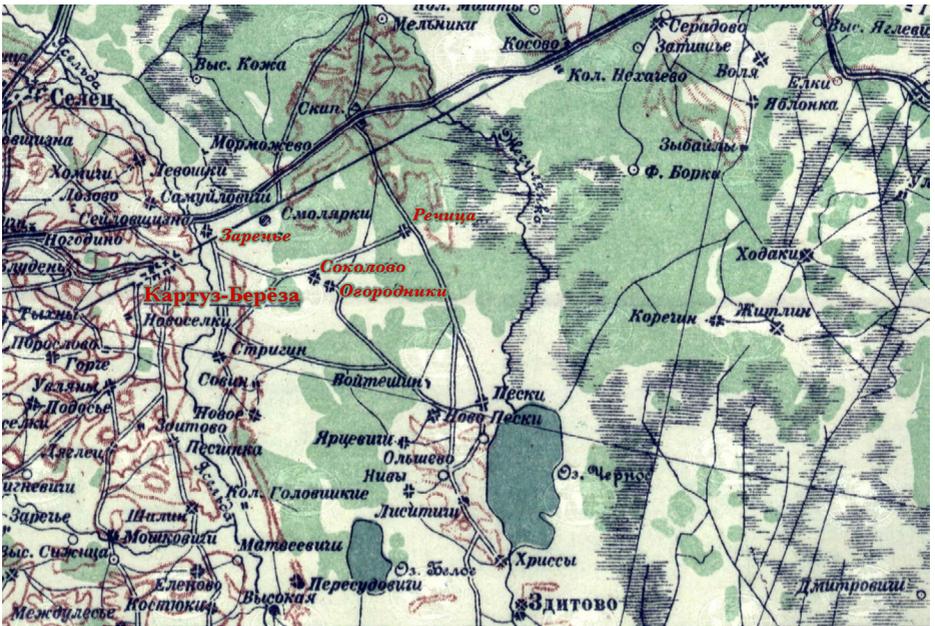
От неожиданности юноша несколько секунд молчал, как бы соображая, с чего начать. Он никогда её не видел, да и фото не отличалось качеством, однако с уверенностью сказал:

— Лет около двадцати пяти, красивая. Если не искажает фото, то на правом ухе родинка.

После минутного молчания командир посмотрел на юношу и, обращаясь к своим помощникам, сказал:

— Пожелаем доброго пути. Иди, Миша, отдыхай. Завтра придётся уходить.

На рассвете Сергеев покинул лагерь. Его до деревни Речица провожал Мирсков с двумя разведчиками. Он помогли нести запасную одежду, в которую паренёк должен был переодеться, выйдя из болот на сухие сельские дороги, да небольшую сумочку, в которой лежали два яичка, граммов 70 сала, да кусок деревенского чёрствого хлеба. Вид у Миши сейчас был самого, что ни на есть, осиротевшего мальчишки, каких в то лихое время ходило по сёлам сотни.

— Вот и всё, — добравшись до опушки леса, почти вплотную прильнувшего к деревни, сказал Мирсков. — Переодевайся. Дальше пойдёшь один.

— По нашим данным в деревне полицаев не должно быть. Во всяком случае вчера вечером их не было, — добавил Гриша Попко, — Иди через деревни. Это менее подозрительно.

Пройдя несколько метров, Миша оглянулся, посмотрел на провожающих его друзей, и быстрым шагом направился к деревенской улице.

Как и предполагалось, немцев в селе не было. Не было их и в соседних Огородниках и Соколово. И только миновав Заречье и выйдя к мосту через реку Ясельда, Сергеев увидел двух солдат в венгерской форме. Солдаты вели между собой какой-то разговор, и на идущего мальчишку не обращали никакого внимания.

Итак, первая задача выполнена. В начале второй половины дня партизанский разведчик был в городе Берёзе — крупном фашистском военном гарнизоне.

День стоял солнечный, тёплый. Пройденный по бездорожью путь давал о себе знать, хотелось присесть — передохнуть. Вот хотя бы под этим кудрявым каштаном. Даже скамеечка есть.

Но эту минутную слабость он отбросил и пошёл по улицам этого мрачного изрядно разрушенного бывшего районного центра. Миша мысленно говорил себе: «Не так ты выглядишь, как на карте. На бумаге красив, в действительности — запущенный, покалеченный с десятками пожарищ, заросшими бурьяном, да торчащими вверх словно памятниками обгоревшими чёрными печными трубами. Город небольшой, но куда ни взглянешь, везде видна боль человеческого горя, да жизни в неволе».

Нет, бродить дальше по улицам не имело смысла, и Сергеев повернул на соседнюю улицу и пошёл к небольшой базарной площади. Он понимал, что сейчас у немцев обеденный час, значит, самое подходящее время зайти в гестапо и сделать отметку на удостоверяющей справке. Ведь там будет только кто-то из дежурных.

Миша в задумчивости не заметил, как ускорил шаг, и, подойдя к базару, понял, что плохо следит за собой, не контролирует поступки и действия, поддался возбуждённому настроению.

Мысленно он себе приказывал: сосредоточенность, внимательность и выдержка.

А когда подошёл к базару, он легче вздохнул, увидев, что там есть люди.

«Значит, сегодня базарный день», — отметил юноша. — «Можно немного повертеться в толпе».

Время подходило к концу обеда и Сергеев твёрдо решил, не ожидая лучшего времени, идти в гестапо.

— Мне к господину офицеру, — показывая справку дежурившему у входа полицая, сказал мальчишка.

Тот, не торопясь, взял протянутую бумажку, брезгливо сморщил своё лицо, вернул её обратно. Но, когда увидел обрат-

ную сторону с отметкой гестапо, он вновь забрал её, уже смотрел старательно и через несколько минут разрешил войти в здание гестапо, предупредив, что первая дверь направо.

За столом сидел приятный на вид офицер в чёрной гестаповской форме. Высокого роста с большой шевелюрой русских волос и покрытыми серебром висками. Он что-то читал и делал какие-то пометки в тексте, держа в руке очень тонко отточенный красный карандаш. Даже голову не поднял на вошедшего и только тогда, когда Сергеев, постояв несколько секунд, выдавил из себя: «Господин офицер, я...», гестаповец оторвался от чтения, поднял голову и как бы про себя еле заметно улыбнулся.

— Тебе что нужно? — почти на чисто русском языке спросил он у стоящего возле дверей мальчишки.

— Господин офицер, я ищу брата. Он служит в полиции, — Миша торопливо протянул ему справку.

Офицер поднялся, поправил наброшенный на плечи мундир, и только сейчас Миша увидел два железных креста, прикреплённых на мундире.

«Нет, это не дежурный», — подумал юноша, — «Это что-то повыше». Не знал он знаков различия.

А тем временем гестаповец внимательно рассмотрел справку, и также, не меняя тона в разговоре, даже как-бы ласково сказал:

— Тебе надо в полицию, вот там и помогут тебе найти твоего брата.

Он было уже взял авторучку и хотел, как понял Миша, сделать отметку на справке, чтобы быстрее отвязаться, как открылась дверь и на пороге появился полицейай, нёсший графин с соком или каким-то другим напитком.

— Господин..., — начал было полицейай, но в одно мгновение стал словно отлитая статуя, даже речь у него отнялась. Они смотрели друг на друга. Полицейай на мальчишку, мальчишка на полицая. От такой неожиданной встречи, хотя она длилась

несколько секунд, у Сергеева не только пробежала по телу дрожь, но словно иголками закололо в пятки.

— Что, сам пришёл? — продолжал в упор смотреть на мальчишку. — Не узнаёшь? Вот это встреча! Молодой-то какой, а!

— Я Вас не знаю, пан полицейский. Я Вас никогда не видел.

— Не видел, говоришь? Так...

Наблюдавший за этим разговором гестаповец не дал договорить полицаю последнюю фразу. Интонация слов, а может, торжествующий взгляд этого подонка, осенили гитлеровца на какую-то мысль. Он резко оборвал полицаю и приказал поставить графин в соседнюю комнату.

— Не волнуйся, мальчик, наш долг помочь хорошим людям. Найдём и твоего брата, — сказал гестаповец, но каким-то другим, довольным, заискивающим голосом, с искринками в глазах. — Вот, садись, подожди, я сейчас вернусь и дам указание помочь тебе добраться до Бреста.

С этими словами он вышел в соседнюю комнату, в которую несколько минут назад отправил полицаю.

Веером неслись мысли: «Что делать? Бежать? Бесполезно, у входа часовой, да видно. Начнёшь открывать дверь, услышат в соседней комнате. Нет, этот вариант отпадает. Отсюда не убежишь. Вот если бы пару гранат, но у него чем можно защититься ничего не было. Какой найти выход в эти оставшиеся считанные минуты?» Сергеев знал, что сейчас полицаю рассказывает этому фашисту всё, что знает про него.

А знал он многое. Это было в начале 1939 года. Мастеровые люди в деревнях пользовались не только авторитетом, но и большой потребностью. Одним из таких и был портной из деревни Спорово Лютыг. Его как хорошего специалиста портняжного дела приглашали из села в село, жил он неделями то в одной, то в другой крестьянской семье, пока не обшивал всех домочадцев.

Жил он более недели и в доме Мишиного деда. Не раз к чужому дяде привязывался мальчишка с разными наивными

своими вопросами. Не один раз сидел за одним столом во время обеда, не раз принимал конфетку из его рук.

Но время шло, с чудовищной быстротой менялись события. Не успели свободно вздохнуть освобождённые народы Западной Белоруссии от белопанской Польши, как началась война.

И вновь судьба свела мастеравого человека с подростком. Миша стал юным партизаном, портной по-прежнему жил в своей деревне. Шла первая военная зима, стояли февральские морозы. Одежка у Сергеева была и не по росту, и не согревала душу. Увидев, как это тяжело переносит юноша, командир приказал из двух трофейных шинелей сшить брюки, пиджак и аккуратное пальтишко. И всю эту работу сделал Лютыг.

И вот она очередная встреча. Да где.

«Положение — хуже не придумаешь», — подумал Сергеев. Но в это время скрипнула дверь и к своему столу вернулся офицер. Полицай не выходил. Видно, из второй комнаты был отдельный выход.

Гестаповец, взглянув на спокойно сидящего мальчишку, взял справку, ещё раз внимательно её рассмотрел и неторопливо, словно подбирая каждое слово, тихим голосом сказал:

— Я тебе сделаю отметку такую, как в Барановичах, что сегодня ты был у нас в Берёзе, — и он размашисто сделал на справке какую-то запись.

Затем он снял телефонную трубку и ещё минут пятнадцать с кем-то разговаривал. О чем речь шла и с кем этот фашист говорил, Миша не знал. Говорил он быстро, на немецком языке. Сергеева пронизывала мысль: «Почему не арестовывают, что они замышляют? Ведь они теперь знают, кто он».

А тем временем гестаповец, положив телефонную трубку, сказал:

— Я тебе напишу ещё одну бумажку. С ней, если не найдёшь брата, зайди в гестапо и покажи. Всё остальное они помогут, скажут, что дальше делать.

Через несколько минут он отдал мальчишке две бумажки, причём добавил, что тот может ехать до Бреста спокойно, его никто не задержит.

Сергеев поклонился, поблагодарил офицера, и с нескрываемой радостью произнёс, что уж теперь он наверняка найдёт своего брата.

Пройдя метров двести Миша заметил, что за ним неотлучно следят два полицейя. Он свернул на другую улицу, замедлил шаг, начал рассматривать вывески, объявления. На почтительном расстоянии полицейя делали то же самое.

«На безлюдных улицах от них не укроешься», — понял Сергеев. — «Нужно в гущу, где больше народу», — и он повернул к базару. — «Жаль, что не знаю никакой сволочи. Сейчас только и зайти. Пусть бы фашисты потягали гада».

При повороте Миша заметил, что следит за ним один полицейя, второй куда-то исчез. И мысль сработала мгновенно: «Полицейя поняли, что в форме они заметны, как белые вороны. Сейчас передадут полицейям в штатском. Это уже хуже».

Когда до базара оставалось несколько десятков метров, Сергеев свернул во двор ближайшего дома. Во дворе стоял туалет, и Миша направился прямо к нему. Он немножко помедлил, чтобы это заметил полицейя. Вскочив в туалет, Сергеев закрыл его на внутренний крючок и с силой ударил ногой по широкой доске в задней стенке. Она легко поддалась. В маленькую щель было видно, что на улице полицейя свёртывал самокрутку.

Не теряя времени, Миша прошмыгнул через проделанную щель и выскочил в огород. Здесь он бросил свою сумку и через несколько минут был на базаре.

Базар был полупустой, человек с полста пешеходов, да немногим более десятка подвод. Сергеев подошёл к повозкам. Он заметил, что две уже приготовились к отъезду. На одной повозке была закреплена деревянная балея для мытья белья и детей. В это время стремглав пробежал по улице полицейя-

ский. Люди, переглянувшись, начали спешно покидать базар. Он пустел с каждой минутой.

— Трофим, это не к добру, уцьяем, — сказал сосед.

Миша подскочил к дядьке, которого называли Трофимом, и чуть не с плачем попросил:

— Дяденька Трофим, подвезите!

— А тебя куда?

— Мы же с одного села.

В одно мгновение Миша сидел, свернувшись в клубочек, прикрытый балеей. А хозяин хлестнул мерина и колёса застучали по булыжной мостовой. Сергеев знал, почему бежал полицай, и ему было сейчас всё равно, в какую сторону его вывезут, потому что через полчаса здесь всё перекроют. Начнётся сплошная проверка и обыски. Но вот колёса застучали по настилу моста. Он понял — проехали Ясельду. Ещё несколько минут и подвода свернула вправо. Как и прежде хозяин похлёстывал кнутом и так резво бегущего мерина. Вот и Заречье.

— Ты в каком доме живёшь, малыш?

Можно было показать на любой, но отсюда недалеко было до города, а это опасно.

— Я с Огородников, дядя Трофим, — сказал Сергеев.

— Тогда дело другое. Сиди, ещё немного подвезу. Я вот на том хуторе живу, — и он показал на дом, почти примыкающий к лесу.

Не доезжая к хутору, Сергеев поблагодарил хозяина и соскочил с повозки на дороге, ведущей к деревне Огородники.

Нет, сейчас Сергееву не нужны были деревни. Он их обходил далёкими окольными путями. Не искал проторенных лесных дорог, он шёл вдоль них, внимательно прислушиваясь к каждому звуку, к каждому шороху.

К вечеру, когда начало смеркаться, голодный, смертельно уставший Сергеев вышел к тому месту, где утром расстался с провожавшими его разведчиками. Темнело быстро. По заболо-

ченным местам и лесному бездорожью в изрядно потрёпанных башмаках идти было трудно.

И только утром, когда солнышко высоко поднялось над лесом, партизаны 345-го отряда помогли Сергееву добраться в штаб.

Вопросом встретил Батя вошедшего разведчика:

— Сорвалось?

— Сорвалось, товарищ командир, — каким-то виноватым, тихим голосом ответил Миша и протянул обе бумаги с отметкой Берёзовского гестапо.

Посмотрев на них, полковник как бы про себя проговорил:

— Бывают и неудачи, главное — ушёл. Иди, пока отдохай, ведь за сутки вздремнуть не пришлось? — Миша только молча покачал головой. — После доложишь подробности.

Часов через пять Сергеев подробно рассказывал о своём неудачном походе в Берёзу для поездки в Брест. По мере рассказа командир делал какие-то пометки, записывал отдельные слова, иногда просил повторить или уточнить тот или иной момент. Миша закончил. Воцарилось минутное молчание.

Полковник посмотрел на присутствовавших начальников штаба и разведки, а затем, повернувшись к Сергееву, произнёс:

— Молодец. Ты, Мишка, просто молодчина, умница. Принятое решение и твои действия считаю единственными правильными. Другой возможности уйти могло уже не оказаться. Вот этот гестаповец, а судя по подписи, это начальник гестапо, человек довольно умный, опытный и хитрый. Но к нашему счастью попался глупый полицай, который своей поспешностью отличиться раскрыл дальнейшие их партии. Установив, кто ты в действительности, их больше всего интересовало, куда, к кому и зачем ты послан. Забрав тебя, можно ничего не добиться, а, «помогая», можно выявить многое. Этот матёрый фашист знал, что тебе не уйти, он видел эту игру как кота с мышонком,

Встреча партизан, вторая половина 1940-х гг.

Встреча партизан, середина 1950-х гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Учетная карточка захоронения в д. Житлин

(из базы данных «Память народа»)

11. Дополнения к информации о захоронении

**УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА
воинского захоронения**

Приложение № 2
к директиве Министрат обороны СССР
1990 года №

СССР

страна

номер карточки

1. Место и дата захоронения

СССР, Брестская область, Ивацевичский район, деревня Житли, север
/ 12.7.1944 г. /

2. Вид захоронения

братская могила

3. Размеры захоронения и его состояние

ширина - 8м, длина - 9м, ограда
деревянная, состояние удовлет-
вительное

4. Краткое описание памятника (надгробия) на захоронении

Скульптура воина с автоматом на
постаменте. Высота 8м. Изготовлен
из бетона, установлен в 1959 году.
Состояние удовлетв. зрительное.

5. Количество захороненных:

Всего		В том числе:	
		известных	неизвестных
74	военнослужащих	20	
	партизан	54	

6. Персональные сведения о захороненных

№ п/п	Воинское звание	Фамилия, имя отчество	Год рождения	Дата гибели или смерти	Место захоронения на кладбище, участке кладбища	Откуда перезахоронен	
1		Список	прилагается				
2							
3							

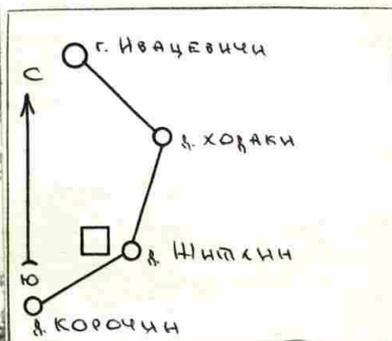
7. Кто шефствует над захоронением

Литлинская средняя школа
колхоз имени Чертокэва

8. Фотоснимок захоронения

9. Схема расположения захоронения

10. Представитель Министерства обороны СССР

Ивацевичский районком

подполковник

КОМАНЧЕВ

Заместитель председателя исполкома

ПИЩЕВ

19 91 г.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О
ЗАХОРОНЕННЫХ

№	Воинское звание	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Дата гибели или смерти	Место захоронения на кладбище	Откуда перенесено захоронение
1	2	3	4	5	6	7
1.	Рядовой	БАЕВ Фёдор Алексеевич	Не уст.	12.07.1944	Братская	
2.	Партизан	БЕЛОБЛОЦКИЙ Александр Яковлевич	1905	20.06.1944	- " -	
3.	Партизан	БЛИЗНИКОВ Л.Ф.	1926	1944	- " -	
4.	Лейтенант	БРУТОВ Михаил И.	1922	1944	- " -	
5.	Партизан	ВЛАСЕНКО Алексей Петрович	1914	06.04.1944	- " -	
6.	Рядовой	ВЕРТЕЛЬНИК Сергей Иванович	Не уст.	12.07.1944	- " -	
7.	Партизан	ВОРОВЬЕВ	Не уст.	1943	- " -	
8.	Партизан	ГЕРАСИМЧИК Яков Семёнович	1922	Не уст.	- " -	
9.	Партизан	ГОЙШИК Григорий Константинович	1909	09.05.1944	- " -	
10.	Партизан	ГОРЕЛОВ Павел Васильевич	1908	12.07.1944	- " -	
11.	Партизан	ГРИГОРЬЕВ Иван Андреевич	1918	23.06.1944	- " -	
12.	Партизан	ГУРВИЧ Владимир Львович	1914	11.10.1943	- " -	
13.	Партизан	ДЕМИДОВИЧ Иван Васильевич	1922	04.06.1944	- " -	
14.	Партизан	ДОВЫВОРНЫЙ Иван	1919	1943	- " -	
15.	Партизан	ДОЛЖИКОВ Тимофей Васильевич	1907	11.10.1943	- " -	
16.	Партизан	ДОПУХ Михаил Фёдорович	1925	16.01.1944	- " -	
17.	Старший лейтенант	ЖЕЛОВАКОВ Николай Егорович	1914	12.07.1944	- " -	
18.	Младший сержант	ЖИЛИЧКИН Павел Петрович	Не уст.	12.07.1944	- " -	
19.	Партизан	ЖИВКОВ	Не уст.	1944	- " -	
20.	Сержант	ЗЛОВИН Захар Яковлевич	Не уст.	12.07.1944	- " -	
21.	Младший сержант	ИДРЯКОВ Николай Константинович	Не уст.	12.07.1944	- " -	
22.	Партизан	КАЛЕНИК Павел Максимович	1921	15.05.1944	- " -	
23.	Партизан	КЛИМОЧКИН Павел Фёдорович	1915	27.11.1943	- " -	

1	2	3	4	5	6	7
24.	Партизан	КЛУТКО	1922	21.07.	Братская	
		Антон Николаевич		1943		
25.	Партизан	КОВАЛЕВИЧ	1927	11.05.	- " -	
		Алексей Васильевич		1944		
26.	Партизан	КОЗЛОВ	1907	17.09.	- " -	
		Александр Андреевич		1943		
27.	Партизан	КОСОВЕЦ	1925	08.06.	- " -	
		Алексей Максимович		1944		
28.	Рядовой	КОСТЫРКИН	Не уст.	12.07.	- " -	
		Николай Николаевич		1944		
29.	Партизан	КОРОЛЕВ	1925	15.05.	- " -	
		Василий Михайлович		1944		
30.	Полковник	КОРСЬ	Не уст.		- " -	
		П.С.		1944		
31.	Партизан	КРАВЧЕНЯ	1914	02.12.	- " -	
		Николай Константинович		1943		
32.	Партизан	КРАВЧЕНЯ	1910	08.06.	- " -	
		Лука Константинович		1944		
33.	Партизан	КРАСОТИН	Не уст.	Не уст.	- " -	
34.	Партизан	КРЕМНЕВ	1908	20.06.	- " -	
		Александр Степанович		1944		
35.	Партизан	КРОНДА	1903	09.04.	- " -	
		Пётр Григорьевич		1943		
36.	Партизан	КУРИНЦЫ	1912	11.10.	- " -	
		Константин Ильич		1943		
37.	Партизан	КУШКО	1911	08.06.	- " -	
		Сергей Григорьевич		1944		
38.	Партизанка	КУНЧЕВСКАЯ	1919	20.06.	- " -	
		Александра Гавриловна		1944		
39.	Рядовой	ЛЕГКИЙ	Не уст.	12.07.	- " -	
		Николай Устимович		1944		
40.	Младший сержант	ЛЮДИН	Не уст.	12.07.	- " -	
		Борис Михайлович		1944		
41.	Партизан	МИСЕЕВ	1910	12.11.	- " -	
		Пётр Иванович		1943		
42.	Рядовой	МИЩЕНКО	Не уст.	12.07.	- " -	
		Дмитрий Платонович		1944		
43.	Младший лейтенант	МИХЕЕВ	Не уст.	21.07.	- " -	
		Иван Никонорович		1944		
44.	Партизан	МУЦ	1921	09.03.	- " -	
		Николай Никитич		1944		
45.	Рядовой	НЕПОГОДИН	1901	2.07.	- " -	
		Андрей Фёдорович		1944		
46.	Партизан	ОРЛОВ	1918		- " -	
		Сергей		1943		
47.	Партизан	ПАШИШ	1908	11.10.	- " -	
		Михаил Фёдорович		1943		
48.	Партизан	ПАШКОВ	1904	28.04.	- " -	
		Илья Григорьевич		1944		
49.	Партизан	ПАШКОВ	Не уст.	Не уст.	- " -	
50.	Рядовой	ПАЩЕНКО	Не уст.	12.07.	- " -	
		Григорий Андреевич		1944		
51.	Партизан	ПОДОВЕД	1913	20.06.	- " -	
		Иван Ефимович		1944		
52.	Партизан	ПРОКОФЬЕВ	1923	15.05.	- " -	
		Иван Фёдорович		1944		
53.	Партизан	ПЫТЛЯК	Не уст.	Не уст.	- " -	
		Д.В.				

1	2	3	4	5	6	7
54.	Партизан	ПЫТЛЯК Илья Бенедиктович	1915	06. 1944	Братская	
55.	Партизан	РАЦЕК Михаил Александрович	1923	04.02. 1944	- " -	
56.	Партизан	САЛАСИН Герасим Михайлович	1906	30.06. 1944	- " -	
57.	Партизан	САЛИВОНЧИК Владимир Васильевич	1927	04.06. 1944	- " -	
58.	Партизан	СИВЕНЯ Василий Фёдорович	1921	29.04. 1944	- " -	
59.	Партизан	СОЛОВЬЕВ Николай Тимофеевич	1914	20.06. 1944	- " -	
60.	Партизан	СТАНОВИХИН Степан Фёдорович	1924	14.06. 1944	- " -	
61.	Партизан	СТИВОКИН С.Ф.	1924	1944	- " -	
62.	Партизан	СУЧОВ Леонид	1920	1943	- " -	
63.	Младший сержант	ТЕРТЫЧНЫЙ Михаил Константинович	Не уст.	12.07. 1944	- " -	
64.	Партизан	ТИТОВ Иван Данилович	1920	20.06. 1944	- " -	
65.	Сержант	ТОПЧИШВИЛИ Михаил Ильич	Не уст.	12.06. 1944	- " -	
66.	Партизан	ХРУЦКИЙ Карл Карлович	1925	21.06. 1944	- " -	
67.	Партизан	ХРЕНОВ Михаил Андреевич	1911	21.01. 1944	- " -	
68.	Партизан	ХМЕЛЬ Антон Иванович	Не уст.	05. 1944	- " -	
69.	Партизан	ЦЕМБАЛИСТ Николай Александрович	1920	30.05. 1944	- " -	
70.	Лейтенант	ЧЕРТКОВ Алексей Петрович	1920	11.10. 1943	- " -	
71.	Партизан	ЧУЖО Р.	Не уст.	1943	- " -	
72.	Рядовой	ШАТУНОВ Николай Яковлевич	Не уст.	12.07. 1944	- " -	
73.	Партизан	ЯКОВЛЕВ Трифон Яковлевич	1911	11.10. 1943	- " -	
74.	Партизан	ЯЛОВСКИЙ Иван Семёнович	1924	15.05. 1944	- " -	

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

В огне партизанской войны

Из истории партизанского движения в Полесье

Статья из книги «Память. Историко-документальная хроника
Березовского района»
Минск, Издательство «Белорусская советская энциклопедия»
имени Петруся Бровки, 1987

Огненный смерч войны уже на второй день прошел по деревням и селам Березовского района, зловещей лавиной двигался на восток. До 28 июня в тылу вражеской армии шли затяжные бои окруженных подразделений 459-го полка 42-й стрелковой дивизии. Героическое сопротивление советских воинов встречало горячую поддержку местных жителей. Ценой большого риска для жизни они спасали раненых, помогали бойцам и командирам, отбившимся от своих частей, выводили их в леса, снабжали продуктами и одеждой. Активную роль в объединении патриотических сил сыграли бывшие члены КПЗБ, советские работники, комсомольцы. Так, бывший член КПЗБ, председатель Сошицкого сельсовета Л. Р. Зданович организовал группу советских активистов и вывел их в лес. Важная роль в организации партизанского движения в районе принадлежит советским военнослужащим.

Первая партизанская группа из военнослужащих начала складываться в Березовском районе уже в июле 1941 г. около д. Войтешин. В нее вошли старшина 513-го стрелкового полка В. М. Монахов, старшина сверхсрочной службы 459-го стрелкового полка П. И. Губарев, башенный стрелок отдельного легкого танкового батальона сержант А. Горелов, лейтенант Ф. Очерднюк и несколько рядовых бойцов (фамилии не установлены). Все они бежали из плена. Житель деревни Войтешин Цибульский укрыл красноармейцев, обеспечил их продуктами, двумя пистолетами и вывел в Песковский лес. Здесь группа пополнилась бежавшими из плена военнослужащими и молодежью из окрестных деревень Пески, Речица, Огородники.

Много заботы и сердечной доброты проявили жители этих деревень, снабжая группу продуктами, одеждой и оружием. Крестьянин из Речицы Мартын Медведь, например, передал партизанам миномет, пулемет и 8 винтовок. Группа численно росла, вооружалась. Вскоре, оформившись в отряд, она приступила к боевым действиям. 15 декабря 1941 г. партизаны напали на оккупантов в д. Огородники, а через пять дней разгромили полицейский участок в д. Спорово.

В Песковском лесу базировалась также группа Ю. А. Беринчика (Беренчика), жителя д. Пески. Она состояла в основном из местных советских работников.

16 августа 1941 г. в районе Бронной Горы из эшелона с советскими военнопленными удалось бежать группе бойцов и командиров, которую возглавил бывший командир 61-го разведбатальона майор Горбун. К октябрю 1941 г. группа численно выросла до отряда (в апреле — мае 1942 г. в боях с карателями отряд понес большие потери, оставшийся личный состав в августе 1942 г. объединился с группой Ю. А. Беринчика).

Весной 1942 г., когда трудности суровой зимы остались позади, партизанское движение вспыхнуло с новой силой. Этому способствовали разгром немецко-фашистских войск под Москвой, большая политическая работа подпольщиков, активизация боевых действий партизан и массовый приход к ним местного населения. Переход к активным действиям усилил стремление к слиянию разрозненных групп в более крупные боевые единицы. Инициаторами объединения патриотических сил выступили коммунисты, бывшие члены КПЗБ И. П. Урбанович, И. И. Шишко, М. Е. Криштафович, Л. Р. Зданович, Н. Ф. Тринда и многие другие. Для координации действий подпольных и партизанских групп и отрядов по инициативе И. П. Урбановича 12 мая 1942 г. был создан «Комитет борьбы с немецкими оккупантами». В него вошли И. П. Урбанович — секретарь, М. Е. Криштафович, Е. М. Афанасьев, И. И. Жишко и лейтенант

Александр Журба. Комитет возглавлял борьбу подпольщиков и партизан в Березовском, Ружанском, Пружанском, Коссовском и других районах области. В конце мая 1942 г. был образован Березовский районный «Комитет борьбы с немецкими оккупантами» во главе с Л. Р. Здановичем. К этому времени отряды и отдельные группы численно выросли, приобрели навыки партизанской борьбы. Теперь они имели прочные связи с подпольными группами, а через них — надежную поддержку жителей окрестных деревень. Процесс роста и концентрации партизанских сил весной и летом

1942 г. охватил всю Белоруссию, в том числе Березовский и смежные с ним районы. Недалеко от д. Побежино из объединенных партизанских групп в апреле 1942 г. организовался отряд им. Г. Димитрова. В июне — августе 1942 г. отряд совершил несколько диверсий на железной дороге между станциями Береза- Картузская и Бронная Гора.

В первых числах мая на общем собрании в Андреевском лесу Слонимского района был сформирован партизанский отряд им. Н. А. Щорса, который стал наиболее крупной боевой партизанской единицей в области. История создания отряда такова. В июле 1941 г. в Слонимском районе Барановичской области образовалась группа из военнослужащих и местных патриотов во главе с А. В. Фидриком — Г. А. Дудко. Вскоре сюда из Коссовского района перешла группа военнослужащих, руководимая П. В. Пронягиным. В конце 1941 г. обе группы объединились (командир П. В. Пронягин). В мае 1942 г. группа П. В. Пронягина и действовавшие в Коссовском и Слонимском и других районах группы Федоровича, Ф. Казанцева, М. Вознесенского и А. Леонтьева объединились в партизанский отряд им. Н. А. Щорса. Летом 1942 г. отряд насчитывал 534 человека. Кроме винтовок и автоматов на вооружении у него имелось 2 пушки и около 40 пулеметов. В мае — августе 1942 г. отряд пустил под откос несколько эшелонов с живой силой

и военной техникой противника. С ноября 1942 г. по апрель 1943 он входил в состав партизанского соединения Пинской области, затем возвращен в Брестскую область.

Кроме Березовского района отряд действовал в Коссовском, Пружанском, Ружанском, Дрогичинском, Дивинском районах Брестской, Бытенском, Слонимском — Барановичской, Ганцевичском, Ленинском — Пинской, Стародорожском — Минской областей.

Отряд соединился с частями Красной Армии 30 марта 1944 г. в составе 340 партизан. Из них: членов ВКП(б) — 18, кандидатов — 10, членов ВЛКСМ — 75, беспартийных — 237.

Командный состав партизанского отряда имени Н. А. Щорса

Командиры:

Пронягин Павел Васильевич (май 1942 — апрель 1943),
Коновалов Михаил Петрович (апрель 1943 — сентябрь 1943),
Гужевский Виктор Федорович (октябрь 1943 — март 1944).

Комиссары:

Дудко Григорий Андреевич (май 1942 — июль 1942),
Ковалев Павел Григорьевич (август — ноябрь 1942),
Аветисян Арутюн Самсонович (ноябрь 1942 — декабрь 1942, и. о.),
Шариков Степан Сергеевич (декабрь 1942 — февраль 1943),
Егоров Сергей Егорович (февраль 1943 — апрель 1943),
Рева Григорий Яковлевич (апрель 1943 — ноябрь 1943),
Нестеренко Василий Александрович (ноябрь 1943 — март 1944).

Начальники штаба:

Мерзляков Карп Емельянович (май 1942 — апрель 1943),
Гужевский Виктор Федорович (апрель — октябрь 1943),
Зуев Дмитрий Егорович (ноябрь 1943 — март 1944).

В мае 1942 г. в отряд В. М. Монахова влилась группа Ю. А. Беринчика. Это значительно расширило боевые возможности партизан. В ходе боевых действий отряд установил тесную

связь с 112-м отрядом (образован в апреле 1942 г. из отдельных групп военнослужащих, возглавляемых офицерами Красной Армии А. П. Чертковым, П. И. Ключевым, С. Н. Зориным, а также из молодежи деревень Житлин и Ходаки), а 21июля 1942 г. отряды объединились в один. Ему был оставлен номер 112. В августе 1942 г. отряд попытался уйти на восток и влиться в действующую армию. Перед уходом 112-го отряда на восток из него выделились группа местных партизан во главе с Ю. А. Беринчиком и небольшая часть военнослужащих, которые оставались в Песковском лесу. Здесь они объединились в отряд и вели боевые действия в районе.

Все отряды действовали в тесном контакте с Брестским межрайонным «Комитетом борьбы с немецкими оккупантами». В процессе объединения разрозненных партизанских групп и слияния мелких отрядов в крупные боевые единицы значительно укрепились партизанские формирования. Весной и летом 1942 г. они стали активней вести боевые действия. Общими усилиями патриоты очистили значительную часть территории Березовского и смежных с ним районов от мелких гарнизонов противника, полицейских участков, разгромили государственные имения оккупантов. На очищенной от врага территории образовались партизанские зоны. В июне 1942 г. число отрядов в области выросло до 17 боевых единиц. Теперь партизаны стали чаще наносить удары по железным и шоссейным дорогам. Активизация и расширение их боевых действий ставили под угрозу срыва снабжение немецких войск. Стремясь обеспечить охрану тыловых транспортных коммуникаций и других жизненно важных для немецкой армии объектов, противник с мая по ноябрь 1942 г. провел на территории области ряд карательных операций. В августе 1942 г. в центральных районах области гитлеровцы сосредоточили крупные силы (1-ю пехотную моторизованную бригаду СС, подразделения 11-го, 15-го и 16-го полков военной полиции, а также подразделения

полевой жандармерии и местных гарнизонов) и повели наступление на партизан, базировавшихся в Коссовском, Ружанском, Березовском, Антопольском, Малоритском, Дивинском районах. Партизанские отряды оказали карателем упорное сопротивление. Имея абсолютное превосходство в живой силе и технике, противнику удалось сковать силы партизан, навязать им бои в окружении. Не имея достаточных возможностей удерживать свои зоны, партизаны переходили к подвижной обороне. Когда у них иссякали боеприпасы, они прорывали блокаду и выходили в другие районы.

В начале сентября 1942 г. штаб Западного фронта десантировал в район деревень Коречень и Житлин Коссовского района диверсионно-разведывательную группу капитана И. Ф. Топкина. В нее входили 38 опытных подрывников и разведчиков. Группа пополнилась местными партизанами и оформилась в отряд. Имея радиосвязь со штабом фронта и значительный запас взрывчатки, командование отряда вскоре стало координировать диверсионно-разведывательную работу партизанских отрядов «Советская Белоруссия», 112-го, 113-го, Е. Г. Макаревича (позже им. Е. Г. Макаревича), им. Э. Тельмана, Ю. А. Беринчика, им. Г. Димитрова (весной 1943 г. к ним присоединились отряды им. С. М. Кирова и им. В. П. Чкалова, базировавшиеся в Порозовском и Пружанском районах).

Штаб Западного фронта поставил перед партизанами задачу: срывать вражеские перевозки по железным дорогам в районах дислокации. С этой целью за партизанскими отрядами были закреплены определенные районы базирования и участки железных дорог для проведения диверсий. За отрядом им. В. П. Чкалова (Ю. А. Беринчика) закреплялся Березовский район с участками железной дороги между станциями Береза-Картузская — Бронная Гора.

На качественно новую ступень поднялось партизанское движение в области в 1943 г. Большая организаторская работа

партии, разгром немецких войск в Сталинградской битве вызвал мощный массовый патриотический подъем населения.

Проводя в жизнь постановление Февральского (1943 г.) пленума ЦК КП(б)Б «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Белоруссии», Центральный Комитет разработал ряд практических мер по установлению связи с партизанскими отрядами и подпольными организациями Брестской области. По его заданию в конце апреля на Брестчину из советского тыла прибыла организаторская партийная группа во главе с уполномоченным ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) Сергеем Ивановичем Сикорским, бывшим до войны секретарем Брестского обкома партии. Группа развернулась в Брестский подпольный обком КП(б)Б. Для военного руководства партизанским движением в области обком партии образовал штаб партизанских отрядов. Все отряды, действующие на территории области, объединились в одно партизанское соединение. Его командиром стал секретарь Брестского подпольного обкома КП(б)Б С. И. Сикорский, начальником штаба — П. В. Пронягин. 5 мая обком окончательно определил место своего базирования — леса возле озера Споровское. С этого момента Березовский район приобрел значение центра руководства партизанским движением в области. Отсюда осуществлялось управление самыми отдаленными отрядами, проводилась большая организационно-партийная работа: создавались межрайонные, городские и районные подпольные комитеты партии и комсомола. По решению ЦК КП(б)Б Брестский межрайонный «Комитет борьбы с немецкими оккупантами» в июле 1943 г. был преобразован в Брестский областной антифашистский комитет. Вскоре Березовский районный «Комитет борьбы с немецкими оккупантами» преобразовался в Березовский антифашистский комитет в составе М. В. Завадича, С. С. Борушко, Т. А. Чепко. Для лучшего управления отрядами

обком и штаб партизанского соединения объединили отдельно действовавшие отряды в более крупные формирования — бригады. Так, в июне 1943 г. были объединены отдельные отряды им. А. В. Суворова, «Советская Белоруссия», им. Г. Димитрова, им. С. М. Кирова, им. В. П. Чкалова и диверсионная группа Н. Ф. Новика в бригаду им. П. К. Пономаренко. В июле — августе в ее составе образованы отряды им. Дмитрия Пожарского (позднее им. А. И. Колупаева) и им. Н. Ф. Гастелло. Бригада действовала в Березовском, Коссовском, Пружанском, Ружанском районах Брестской и Слонимском районе Барановичской областей.

Бригада соединилась с частями Красной Армии 11 июля 1944 г. в составе 4 отрядов общей численностью 1537 партизан. Из них: членов ВКП(б) — 48, кандидатов в члены ВКП(б) — 72, членов ВЛКСМ — 305, беспартийных — 1112.

Командный состав партизанской бригады имени П. К. Пономаренко

Командиры:

Урбанович Иосиф Павлович (июнь — июль 1943, и. о.),

Сенькин Николай Владимирович (июль 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Потеруха Степан Филиппович (июнь — июль 1943),

Толочко Константин Демьянович (сентябрь — ноябрь 1943, погиб),

Криштафович Мирон Емельянович (ноябрь 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Дорофеев Григорий Кузьмич (июль — сентябрь 1943),

Коваль Тимофей Спиридонович (сентябрь 1943 — июль 1944).

Отряд имени Г. Димитрова

Организован в апреле 1942 г. в Коссовском районе на базе группы Д. С. Дмитриева — Н. И. Селюкова. В мае к отряду присоединилась группа А. Д. Москвина, в ноябре — группа партизан — жителей Березовского рай-

она, которая ранее действовала в составе отряда имени К. Е. Ворошилова. До 19 июня 1943 г. действовал самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 453 партизана.

Командиры отряда:

Дмитриев Дмитрий Семенович (апрель — май 1942, сентябрь 1942 — декабрь 1943),

Мирошниченко Иван Павлович (июнь — сентябрь 1942, погиб),

Семенов Николай Дмитриевич (декабрь 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Захаров Иван Романович (июль — сентябрь 1942),

Семенов Николай Дмитриевич (сентябрь 1942 — декабрь 1943),

Савин Федор Иванович (декабрь 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Дмитриев Дмитрий Семенович (июнь — сентябрь 1942),

Москвин Алексей Дмитриевич (сентябрь 1942 — июль 1943),

Талалуев Александр Сергеевич (июнь 1943 — июль 1944).

Отряд «Советская Белоруссия»

Образован 1 сентября 1942 г. из партизан 53-й группы, выделенной отдельным отрядом им. Н. А. Щорса и группы П. И. Павловского. В ноябре в него влилась группа Я. Ф. Гусева (более 60 человек) из отряда имени В. И. Чапаева, в январе 1943 г. — группа П. Осея (26 человек) из отряда «Поддубного». До 19 июня 1943 г. действовал самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 530 партизан.

Командиры:

Бобков Николай Владимирович (сентябрь 1942 — июль 1943),

Власов Виктор Алексеевич (июль 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Введенский Николай Николаевич (сентябрь — декабрь 1942),

Гусев Яков Федорович (январь — ноябрь 1943),

Пытель Георгий Дмитриевич (ноябрь 1943 — март 1944),

Журавлев Михаил Мефодьевич (апрель — июль 1944).

Начальники штаба:

Журавлев Михаил Мефодьевич (сентябрь 1942 — апрель 1943),

Сенькин Николай Владимирович (апрель 1943 — июль 1943),

Васюк Петр Дмитриевич (июль 1943 — июль 1944).

Отряд имени С. М. Кирова

Сформирован 22 февраля 1943 г. по инициативе Брестского межрайонного «Комитета борьбы с немецкими оккупантами» из отдельных групп В. В. Янушко («Поддубного»), Иванова, С. Г. Цветкова, Г. К. Дорофеева, А. А. Дышлевого и других, действовавших в Порозовском и Ружанском районах. До 19 июля 1943 г. отряд проводил боевые операции самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 325 партизан.

Командиры:

Нищенков Константин Борисович (февраль — май 1943, погиб),

Дорофеев Григорий Кузьмич (май — июль 1943),

Самуйлик Александр Иванович (июль 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Почебутов Александр Фомич (февраль 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Дорофеев Григорий Кузьмич (февраль — май 1943),

Кузнецов Константин Иванович (июль 1943 — июль 1944).

Отряд имени Н. Ф. Гастелло

Начал формироваться на базе групп В. Р. Силича и Н. Ф. Новика, действовавших в Слонимском и Коссовском районах по заданию ЦК КП(б) Б и БШПД с января 1943 г. В феврале командир группы В. Р. Силич погиб, а ее личный состав вошел в группу Н. Ф. Новика. 19 июля 1943 г. группа Н. Ф. Новика вошла в состав бригады, где к концу августа численно выросла до 67 человек и была оформлена в отряд им. Н. Ф. Гастелло. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 125 партизан.

Командиры:

Кондратьев Григорий Захарович (август — ноябрь 1943),

Москвин Алексей Дмитриевич (ноябрь 1943 — апрель 1944),

Чекан Николай Андреевич (апрель — июль 1944).

Комиссар — Савченко Тимофей Иванович (август 1943 — июль 1944).

Начальник штаба — Дубин Павел Яковлевич (август 1943 — июль 1944).

В сентябре 1943 г. отряды им. Г. Димитрова, им. Н. Ф. Гастелло, бригады им. П. К. Пономаренко участвовали совместно с отрядами им. А. П. Черткова, им. А. В. Суворова и им. М. И. Калинина в операции «Концерт» — втором этапе рельсовой войны. Было произведено более тысячи взрывов рельсов, в результате чего вражеские перевозки противника по главной магистрали Брест — Москва на местном участке значительно сократились.

29 августа 1943 г. приказом командира партизанского соединения из бригады им. П. К. Пономаренко выделяются отряды им. В. П. Чкалова, им. А. В. Суворова, им. Дмитрия Пожарского (позже им. А. И. Колупаева) и на их базе в Гута-Михалинском лесу формируется новая бригада «Советская Белоруссия». Она представляла хорошо организованное тактическое соединение. К моменту организации ее отряды насчитывали 602 партизана, имели на вооружении миномет, противотанковое ружье, 31 станковый и 41 ручной пулемет, 51 автомат, 407 винтовок. Личный состав бригады наполовину состоял из военнослужащих, партийных и советских работников. Все они прошли суровую школу партизанской борьбы в тылу врага, имели большой опыт диверсионной работы. На протяжении всего периода базирования в Березовском районе (с сентября 1943 г. по июль 1944 г.) бригада прочно удерживала территорию, защищая ее от вторжения карательных отрядов. Ее подрывные группы совершали диверсии на коммуникациях противника, партизаны участвовали в массовом разрушении железнодорожных линий: в операции «Рельсовая война» в сентябре 1943 г. они уничтожили 748 рельсов. Основной удар бригада наносила по железным дорогам Брест — Барановичи, Волковыск — Мосты, Брест — Пинск. Только с сентября по 15

декабря 1943 г. отряды совершили 41 диверсию: подорвали 21 воинский эшелон, 5 обстреляли, разрушили 12 мостов на железных и шоссейных дорогах. В засадах уничтожили 18 и обстреляли 61 вражескую автомашину с различными грузами и живой силой.

14 октября 1943 г. фашисты прибыли в район деревень Спорово, Здитово, Старомлыны для захвата рабочей силы и угона людей в Германию. Небольшими силами партизан, свободных в тот день от боевых заданий, в шестичасовом бою каратели были разбиты. На поле боя противник оставил 12 автомашин, орудие и 28 убитых солдат и офицеров. После этого здесь прочно обосновались народные мстители.

С приближением линии фронта противник весной 1944 г. решил ликвидировать группировку партизан и обеспечить безопасное движение автомобильного транспорта по шоссейным и грунтовым дорогам Дрогичин — Береза, контролируемым бригадой «Советская Белоруссия». На переправе через реку Дорогобуж у д. Здитово бригада имела хорошие укрепления: 6 дзотов и боевое охранение. При попытке противника овладеть переправой партизаны с 4 до 11 апреля вели оборонительные бои. За период боев противник сумел лишь отеснить партизан на подготовленный оборонительный рубеж, потеряв 260 солдат и офицеров убитыми и 318 ранеными. Здитовская оборона осталась яркой страницей в летописи боевой славы партизан бригады «Советская Белоруссия».

Накануне стратегической операции советских войск «Багратион» в ночь на 20 июня 1944 г. по приказу БШПД бригада в полном составе вышла на участок железной дороги Кобрин — Городец. Стремительным броском отряды отеснили охрану дороги и произвели 304 взрыва рельсов.

При подходе частей Красной Армии бригада установила связь с войсками 28-й армии и взаимодействовала с ними. По приказу командования 28-й армии бригада перекрыла путь

к отступлению разрозненным подразделениям противника у деревень Житлин, Затишье, Бездежь Коссовского района. 12 июля 1944 г. около д. Нехачево Коссовского района бригада соединилась с войсками 197-го стрелкового полка в составе 3 отрядов общей численностью 863 партизана. На день соединения в бригаде было: членов ВКП(б) — 35, кандидатов в члены ВКП(б) — 66, членов ВЛКСМ — 158, беспартийных — 550.

Командный состав партизанской бригады «Советская Белоруссия»

Командир — Бобков Николай Владимирович (август 1943 — июль 1944).

Комиссар — Мосалов Петр Иванович (сентябрь 1943 — июль 1944).

Начальник штаба — Дорофеев Григорий Кузьмич (август 1943 — июль 1944).

Отряд имени В. П. Чкалова

Организован 4 марта 1943 г. по инициативе Брестского межрайонного «Комитета борьбы с немецкими оккупантами» из отдельных партизанских групп П. И. Масалова, С. Г. Бокши, «Виктора», Х. Комуратова, Я. Г. Бережняка, базировавшихся в Ружанском, Пружанском, Коссовском районах. Действовал самостоятельно. С 19 июня по 28 августа 1943 г. — в составе бригады им. П. К. Пономаренко.

Командиры:

Мосалов Петр Иванович (март — август 1943),

Островский Сергей Захарович (ноябрь 1943 — май 1944),

Колесников Яков Ксенофонтович (июнь — июль 1944).

Комиссары:

Комуратов Христофор (март — июнь 1943, погиб),

Бережняк Яков Гурьевич (июль 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Храбрых Николай Захарович (март — июль 1943, погиб),

Степанов Николай Сергеевич (август 1943 — июнь 1944, погиб),

Задора Петр Кузьмич (июнь — июль 1944).

Отряд имени А. В. Суворова

В феврале 1942 г. около г. Барановичи военнослужащими, не вышедшими из вражеского тыла, организована партизанская группа во главе с А. Л. Леонтьевым. В мае 1942 г. она прибыла в Булинский лес Слонимского района, где объединилась с группой А. П. Огнева и была включена в отдельный отряд им. Н. А. Щорса 54-й группой (ротой).

В конце апреля 1943 г. на основании приказа штаба партизанского соединения Брестской области 54-я группа преобразована в самостоятельный отряд им. А. В. Суворова. В июне — августе 1943 г. он действовал в составе бригады им. П. К. Пономаренко. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 297 партизан.

Командиры:

Леонтьев Андрей Леонтьевич (апрель — июнь 1943),
 Машин Василий Григорьевич (июнь — июль 1943, и. о.),
 Казаков Константин Егорович (февраль — март 1944, и. о.),
 Серый Иван Дементьевич (июль 1944).

Комиссары:

Казаков Константин Емельянович (апрель — июль 1943),
 Болтрик Николай Николаевич (июль 1943 — февраль 1944),
 Аксенов Иван Егорович (февраль — март 1944, и. о.),
 Серый Иван Дементьевич (март — июнь 1944),
 Докучаев Николай Георгиевич (июль 1944).

Начальники штаба:

Машин Василий Григорьевич (апрель — июнь 1943),
 Баранов Федор Николаевич (июль — декабрь 1943),
 Лаврентьев Валентин Владимирович (декабрь 1943 — июль 1944).

Отряд имени А. И. Колупаева

Образован 27 июля 1943 г. в составе бригады им. П. К. Пономаренко из партизан, выделенных отрядом «Советская Белоруссия». До 3 апреля 1944 г. — отряд им. Дмитрия Пожарского, затем ему присвоено имя командира отряда А. И. Колупаева, погибшего в марте 1944 г. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 289 партизан.

Командиры:

Колушаев Аркадий Исакович (июль 1943 — март 1944, погиб),
Виноградов Борис Николаевич (март — июль 1944).

Комиссары:

Толочко Константин Демьянович (июль — август 1943),
Виноградов Борис Николаевич (август 1943 — март 1944),
Клецовка Григорий Максимович (март — июль 1944).

Начальники штаба:

Коваль Тимофей Спиридонович (июль — сентябрь 1943),
Клецовка Григорий Максимович (сентябрь 1943 — март 1944),
Романенко Владимир Илларионович (апрель — июль 1944).

В ноябре 1943 г. приказом по партизанскому соединению Брестской области из отдельных отрядов им. Е. Г. Макаревича, им. В. П. Чкалова, им. А. А. Жданова была создана бригада им. Я. М. Свердлова. 18 апреля 1944 г. в нее включен отдельный отряд им. В. Н. Боженко. Бригада действовала в Ивановском, Ганцевичском, Дрогичинском, Березовском и Антопольском районах. Соединилась с частями Красной Армии 16 июля 1944 г. в составе 4 отрядов общей численностью 1001 партизан.

В декабре 1943 г. была создана бригада им. Ф. Э. Дзержинского в составе отдельных отрядов им. В. М. Молотова, им. М. И. Калинина, им. М. Ф. Сильницкого и вновь созданного отряда им. А. П. Черткова. Бригада действовала в Березовском, Коссовском, Телеханском районах. Соединилась с частями Красной Армии 12 июля 1944 г. в составе 4 отрядов общей численностью 1040 партизан.

Командный состав партизанской бригады им. Я. М. Свердлова

Командир — Мариньяк Иван Павлович (ноябрь 1943 — июль 1944).

Комиссар — Дудко Григорий Андреевич (ноябрь 1943 — июль 1944).

Начальник штаба — Семенов Алексей Иванович (ноябрь 1943 — июль 1944).

Отряд имени В. П. Чкалова

Сформирован в октябре 1941 г. на базе группы майора Горбуна, действовавшей с августа 1941 г. С декабря действовал в Малоритском районе, но, понеся в апреле — мае 1942 г. в боях с карателями большие потери, перешел в Березовский район, где в августе 1942 г. объединился с отрядом Ю. А. Беринчика. (В июле 1941 г. из местных жителей Березовского района организовалась партизанская группа во главе с Ю. А. Беринчиком. В мае 1942 г. она влилась в 112-й отряд, в июле 1942 г. выделилась и оформилась в самостоятельный).

В июне 1943 г. объединенный отряд назван именем В. П. Чкалова. До ноября 1943 действовал самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 226 партизан.

Командиры отряда:

Горбун (октябрь 1941, погиб),

Дружинин Павел Федорович (ноябрь 1941 — 1 август 1942),

Беринчик Юлий Антонович (август 1942 — февраль 1943, погиб),

Филинов Василий Трофимович (март — июль 1943, погиб),

Кокшаров Федор Михайлович (июль 1943 — январь 1944),

Губарев Павел Илларионович (январь — июль 1944).

Комиссары:

Дружинин Павел Федорович (август 1942 — январь 1943),

Дудко Григорий Андреевич (июнь — ноябрь 1943),

Сазонов Иван Дмитриевич (ноябрь 1943 — июнь 1944),

Семенов Алексей Иванович (июнь — июль 1944).

Начальники штаба:

Губарев Павел Илларионович (август 1942 — январь 1944),

Кифаренко Александр Антонович (январь — май 1944),

Ромасов Иван Александрович (май — июль 1944).

Отряд имени Е. Г. Макаревича

Создан в сентябре 1942 г., до 28 ноября 1943 г. действовал самостоятельно. 24 июля 1943 г. назван именем первого командира отряда Е. Г. Макаревича. На день соединения с Красной Армией насчитывал 486 партизан.

Командиры отряда:

Макаревич Евгений Георгиевич (сентябрь 1942 — июнь 1943, погиб),

Семенов Алексей Иванович (июнь — ноябрь 1943),

Калилец Иван Михайлович (ноябрь 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Калилец Иван Михайлович (сентябрь 1942 — ноябрь 1943),

Малев Федор Тихонович (декабрь 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Семенов Алексей Иванович (сентябрь 1942 — июнь 1943),

Палто Павел Михайлович (декабрь 1943 — июль 1944).

Отряд имени А. А. Жданова

Организован в октябре 1943. До 28 ноября 1943 г. боевые операции проводил самостоятельно. На день соединения с Красной Армией насчитывал 155 партизан.

Командир отряда — Славнов Владимир Фомич (октябрь 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Харламов Александр Васильевич (октябрь 1943 — январь 1944),

Прокопчик Сергей Антонович (январь — июль 1944).

Начальники штаба:

Мацука Федор Никитич (октябрь 1943 — май 1944),

Ступак Федор Климентьевич (май — июль 1944).

Отряд имени В. Н. Боженко

Создан 18 апреля 1944 г. На день соединения с частями Красной Армии в его составе был 101 партизан.

Командир отряда — Майорчик Степан Яковлевич (апрель — июль 1944).

Комиссар — Загорец Василий Степанович (июнь — июль 1944).

Начальники штаба:

Любанский Павел Иванович (апрель — июнь 1944),

Багук Федор Яковлевич (июнь — июль 1944).

Командный состав партизанской бригады

имени Ф. Э. Дзержинского

Командир бригады — Монахов Василий Михайлович (декабрь 1943 — июль 1944).

Комиссар — Ковалев Павел Григорьевич (декабрь 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Баранов Федор Николаевич (декабрь 1943 — май 1944),

Журавлев Александр Григорьевич (май — июль 1944).

Отряд имени В. М. Молотова

Сформирован в апреле 1942 г. как 112-й отряд в Коссовском районе из групп бывших военнослужащих, возглавляемых А. П. Чертковым, П. И. Клюевым, М. Г. Артеменко. В июле 1942 г. к нему присоединился отряд В. М. Монахова, созданный в августе 1941 г. из жителей Песковского сельсовета Березовского района и попавших в окружение военнослужащих. В октябре 1942 г. отряду присвоено имя В. М. Молотова. До декабря 1943 г. действовал самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 250 партизан.

Командиры отряда:

Чертков Алексей Петрович (апрель 1942 — октябрь 1943, погиб),

Монахов Василий Михайлович (октябрь — декабрь 1943),

Зорин Сергей Николаевич (декабрь 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Беляев Федор Александрович (октябрь 1942 — февраль 1943),

Колтун Макар Иванович (апрель — июнь 1943),

Паршин Николай Харитонович (июнь — октябрь 1943, погиб),

Беляков Иван Михайлович (октябрь 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Монахов Василий Михайлович (июль 1942 — октябрь 1943),

Лопатин Викторин Васильевич (октябрь — декабрь 1943),

Гусев Аркадий Семенович (декабрь 1943 — январь 1944),

Адаменко Иван Евлампиевич (январь — июль 1944).

Отряд имени М. Ф. Сильницкого

Организован в августе 1943 г. согласно распоряжению БШПД из личного состава, выделенного отрядами им. М. Ф. Сильницкого 25-й бригады им. П. К. Пономаренко и им. С. М. Кирова 37-й бригады им. А. Я. Пархоменко Минской области.

В сентябре 1943 г. отряд передислоцировался в Брестскую область и включен в состав партизанского соединения. До декабря 1943 г. действовал самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 159 партизан.

Командиры отряда:

Чернышев Иван Игнатьевич (август — декабрь 1943),

Щербаков Николай Яковлевич (декабрь 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Синявский Николай Иванович (август 1943 — январь 1944),

Гусев Аркадий Семенович (январь — май 1944),

Круглов Василий Иванович (май — июль 1944).

Начальники штаба:

Дороговцев Владимир Алексеевич (август 1943 — январь 1944),

Круглов Василий Иванович (январь — май 1944),

Верещагин Василий Лаврентьевич (май — июль 1944).

Отряд имени А. П. Черткова

Образован в декабре 1943 г. из личного состава, выделенного отрядом им. В. М. Молотова. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 226 партизан.

Командир отряда — Лопатин Викторин Васильевич (декабрь 1943 — июль 1944).

Комиссары:

Качарин Геннадий Иосифович (декабрь 1943 — март 1944),

Терешенков Иван Михайлович (март — июль 1944).

Начальники штаба:

Терешенков Иван Михайлович (декабрь 1943 — март 1944),

Залесов Иван Лаврентьевич (март — июль 1944).

Отряд имени М. И. Калинина

Начал формироваться в феврале 1943 г. из резерва семейной группы отряда им. В. П. Чкалова. В мае 1943 г. приказом по партизанскому соединению Брестской области группа организационно оформлена в отряд. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 216 партизан.

Командиры отряда:

Ковальский Петр Мамертович (май — декабрь 1943),

Ляпичев Фрол Корнеевич (декабрь 1943 — июль 1944).

Комиссар — Беляев Федор Александрович (май 1943 — июль 1944).

Начальники штаба:

Каштелян Иван Павлович (май 1943 — апрель 1944),

Артеменко Макар Григорьевич (апрель — июль 1944).

Каждая бригада закреплялась за определенным районом и отвечала за сохранность мирного населения. Соответственно отрядам выделялась группа деревень, на территории которых они организовывали гарнизонную и комендантскую службу. Населенные пункты Березовщины прикрывались также частью сил бригады им. П. К. Пономаренко (отряды им. Г. Димитрова, им. Н. Ф. Гастелло), отрядом им. М. И. Калинина из бригады им. Ф. Э. Дзержинского.

Для жителей, которым угрожала расправа, отряды в местах своего базирования устраивали семейные лагеря. Всего на территории района под защитой боевых партизанских отрядов и бригад находились 14 семейных лагерей, в которых нашли спасение от фашистского террора около 10 тысяч женщин, стариков и детей.

Естественно, в условиях длительной оккупации района остро встал вопрос, как быть с детьми школьного возраста. Было решено открыть лесные школы. Осенью 1943 г. сотни школьников сели за «лесные парты» — самодельные столы и скамейки. Учителя-энтузиасты В. Г. Иванова, Я. А. Чернявская, В. З. Хоружая, Ф. П. Карабетян, П. И. Ивановский, А. Н. Короткова, Л. А. Гри-

цова, М. В. Шляхтенко и многие другие в трудных условиях отдавали все силы обучению и воспитанию детей.

В октябре — декабре 1943 г. по распоряжению ЦК КП(б)Б и БШПД на основании плана перегруппировки партизанских сил в Березовский район прибыл 345-й отдельный партизанский отряд. Этот отряд начал формироваться в Березинском районе Могилевской области.

В мае 1942 г. здесь образовалась партизанская группа в составе С. А. Яроцкого, А. А. Баранова, В. Н. Бурого, Ф. И. Казановского. Группа численно выросла и оформилась в отряд. 12 июня он вошел в состав Кличевского оперативного центра, где ему был присвоен номер 345. 27 ноября 1942 г. включен головным отрядом в 3-ю Березинскую бригаду. С 20 мая 1943 г. действовал самостоятельно, с мая до августа 1943 г. — отдельным отрядом в составе Березинской военно-оперативной группы. 10 января 1944 г. был включен в состав партизанского соединения Брестской области.

В районе дислокации отряд разгромил 5 волостных управ, разрушил 20 мостов, провел 18 боев. С 17 июля по 8 августа 1942 г. вел бои с карателями, в том числе держал оборону у д. Камело, затем многочисленные бои, находясь в блокаде. Вместе с другими отрядами участвовал в крупной операции по ликвидации 8 вражеских гарнизонов, расположенных в Белыничском районе вдоль шоссе Минск — Могилев, и многих других операциях и диверсиях.

4 октября 1943 г. отряд вышел в рейд. На 617-километровом пути по территории Могилевской, Минской, Полесской, Пинской и Брестской областей форсировал 11 водных преград, перешел 3 железные и 4 шоссезные дороги, провел 4 боя. 20 декабря 1943 г. 345-й партизанский отряд (254 партизана) прибыл в Березовский район. Отряд разместился в урочище Буды. Штабом партизанского соединения была определена зона действия отряда — юго-западная часть Березовского

и часть Коссовского и Антопольского районов. Командир 345-го партизанского отряда С. А. Яроцкий был утвержден секретарем Березовского подпольного райкома партии. Подпольный райком развернул активную работу по активизации партизанской борьбы в тылу врага. По его решению в мае 1944 г. из 345-го отряда были выделены 8 партизан для организации отряда из резерва Стригинского и Песковского семейных лагерей. Командиром 347-го отряда был назначен А. Д. Арбузов, комиссаром Е. Е. Царичев, начальником штаба — П.Х. Пимоненко. Отряд размещался к востоку от озера Черное, действовал на территории района.

Партизаны 345-го и 347-го отрядов принимали активное участие в рельсовой войне накануне операции Красной Армии по освобождению Белоруссии.

В ночь на 20 июня 1944 г. народные мстители на участке Бронная Гора — Коссово подорвали 380 рельсов. При подходе частей Красной Армии отряды поддерживали радиосвязь с частями 28-й армии. По приказу командования армии с 9 июля 1944 г. 345-й отряд занял оборону у д. Пески и в течение четырех дней контролировал дороги Житлин — Пески — Бронная Гора, Пески — Соколово. 12 июля 1944 г. отряды соединились с войсками 67-го стрелкового полка в районе д. Пески — д. Житлин в составе 375 партизан. Среди них: членов ВКП(б) — 28, кандидатов в члены ВКП(б) — 31, членов ВЛКСМ — 86, беспартийных — 230.

Командный состав 345-го партизанского отряда

Командиры:

Яроцкий Семен Адамович (май 1942 — июнь 1944),

Бурый Василий Никитич (июнь — июль 1944).

Комиссары:

Баранов Кондрат Антонович (июнь — июль 1942),

Яроцкий Василий Михайлович (июль 1942 — сентябрь 1943).

Начальники штаба:

Казановский Федор Иванович (май 1942 — октябрь 1943),

Казюкин Иван Николаевич (октябрь 1943 — июль 1944).

А. Л. Манаенков

Обложка книги

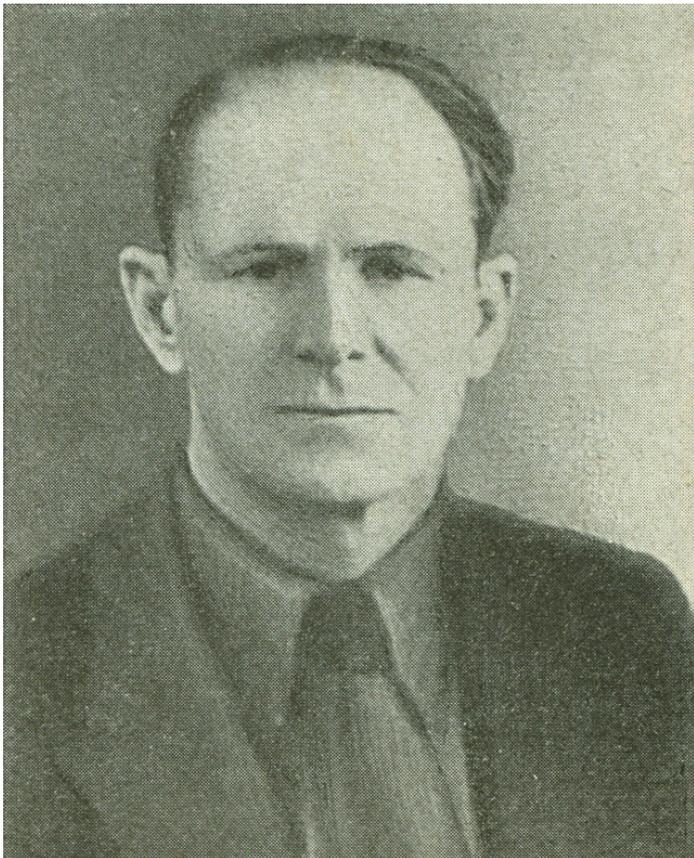
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Воспоминания Н. Х. Колтуна

Статья из книги «Памяць. Івацэвіцкі Раён»

Минск, Белта, 1997

перевод с белорусского языка

Колтун Николай Харитонович

Николай Харитонович Колтун родился 15 августа 1903 г. в деревне Ходаки Ивацевичского района. Он был одним из организаторов партизанского отряда № 112 (позднее переименованного в отряд им. А. П. Черткова). Член Коммунистической партии Западной Белоруссии с 1927 г. Отбывал наказание в польских тюрьмах за революционную деятельность. С сентября 1939 г. до июля 1941 года был председателем Житлинского сельсовета. В октябре 1941 г. с его инициативы создана первая партизанская группа на житлиновщине, которая к весне 1942 г. переросла в партизанский отряд. Был начальником разведки 112-го партизанского отряда, а затем спецгруппы Героя Советского Союза Г. М. Линькова. После освобождения района работал инструктором и заместителем председателя райвоенкомата, председателем колхоза, председателем сельсовета.

Некоторые воспоминания Н. Х. Колтуна были опубликованы в книге «Память. Ивацевичский район».

Первое воспоминание относится ко временам, когда Западная Белоруссия относилась к территории Польши. Это воспоминание о Коссовском восстании, участником которого был Николай Харитонович.

«3 февраля 1927 г. в Коссове состоялась демонстрация рабочих. День этот — незабываемый день солидарности рабочих и крестьян, их решимости бороться за светлое будущее, навсегда остался в моей памяти. Героизм, самоотверженность участников демонстрации всколыхнул не только Западную Беларусь, но и всю Польшу.

Демонстрация была направлена против гнета польских оккупантов. Она проходила под руководством окружного и коссовского районного комитета КПЗБ. Более полутора сотен коммунистов и комсомольцев возглавили шествие, стали его авангардом.

Над колоннами демонстрантов развевались красные флаги, звучали революционные песни. Когда же полиция начала стрелять в демонстрантов, прозвучал выкрик: «Не отдавать флаги в руки врагов!» Тогда ударила пулеметная очередь. Шесть человек отдали свои жизни за свободу, более тридцати были ранены. Помню погибших товарищей по борьбе: Михаила Семеновича Евтуха, Петра Семеновича Гавруса, Николая Трофимовича Топтало, Сергея Семеновича Воробья, Ивана Ивановича Кучука.

Демонстрация была расстреляна. Тюрьмы заполнились ее участниками. Издевательства, пытки, нечеловеческие условия жизни перенесли мои товарищи — борцы за народную волю — А. Г. Свяргун, М. Ф. Трында, А. М. Власовец, Г. Н. Жданович, К. Д. Толочко, Н. Я. Дегтярик, А. И. Красавец и многие другие».

Второе воспоминание — о Великой Отечественной войне.

«С первых дней оккупации нашего района гитлеровцы начали расправы над патриотами. В Житлине схватили Кондрата Сивеню, избили его, увезли в Ивацевичи и там расстреляли. В Гичицах расстреляли Максима Цимашевича и его жену Анисию. В Козиках расстреляли 15 человек.

Я в первые дни войны по заданию райкома партии дежурил с группой товарищей в районе Коссово. Нам была поставлена задача вести наблюдение и, в случае высадки фашистского десанта, уничтожать парашютистов.

Быстрое продвижение немцев помешало нам отойти на восток с частями Красной Армии. Дома, в деревне Ходаки, уже господствовали немцы и их приспешники — предатели.

Они назначили старосту и семерых полицейских. Надежные люди предупредили, что оккупанты устроили у меня на дворе круглосуточную засаду.

Я пошел в лес. Через несколько дней ко мне присоединились Макар Иванович Колтун и Николай Сергеевич Кузьменя.

Мы сразу же начали налаживать связь с населением. Активно помогали нам:

в Ходаках — Прокоп Мироновский и Евстафий Кулинич,
в Власовцах — Александр Вдовин, Иван Клютко и Василий Зыбайла,

в Житлине — Николай и Владимир Савчуки и Данила Сивеня,

в Корочине — Иван Кулинич, Николай Клютко,
в Зыбайлах — Андрей и Семен Яловские, Игнат Михникевич,
в Яблонцах — Александр Зыбайла, Адам Перевалоцкий,
в Воле — Василий Гойшик,

в Серадове — Николай Кот, Александр Слесарчик, Егор Шиян,

в Яглевицах — Василий и Николая Пытляки, Николай и Виктор Клютко,

в Галенчицах — Андрей Макаревич,
в Козиках — Марк Лишко,

в Ивацевичах — Гордей Иванович Пшенай и его дочка Рая, Антон Демьянчук.

18 ноября 1941 г. в районе Житлина мы встретились с группой красноармейцев под командованием лейтенанта Алексея Петровича Черткова и объединились для совместных действий. Через неделю к нам присоединился Сергей Демьянович Орлов. В феврале 1942 г. пришел Василий Макар из села Любыщицы. Этой небольшой группой мы провели первую военную зиму. Главной нашей задачей в то время была подготовка к созданию партизанского отряда. Подбирали людей по деревням, добывали оружие.

С 1 апреля 1942 г. отряд начал быстро расти. К нам шли группа за группой — местный актив и сбежавшие из плена бойцы. Первой прибыла группа в количестве семи человек из деревни Яглевичи. Возглавляли ее Василий и Николай Пытляки. Затем пришли пять бойцов во главе с лейтенантом Иваном Михайловичем Терешенковым. За ними — 15 человек из деревни Серадово во главе с молодым политруком Федором Александровичем Беляевым. Из деревни Руда пришли пять человек под предводительством Гудзилина. Позже в отряд влилась еще одна крупная группа — 40 человек во главе с Павлом Бутовичем. Работающие на шоссе в деревне Нехачево пленные красноармейцы внезапно напали на охрану, перебили немцев и, забрав оружие, пришли к нам.

Патриоты, решившие с оружием в руках бороться с захватчиками, все прибывали и прибывали — из деревень Ходаки, Власовцы, Житлина и других населенных пунктов. Из деревни Быч пришли Каспировичи — отец, три сына и дочь.

К маю 1942 г. в отряде уже числилось 140 человек! Командиром отряда был выбран А. П. Чертков, комиссаром — Ф. А. Беляев, начальником штаба несколько позже был выбран Василий Михайлович Монахов, группа которого влилась в наш отряд в мае. Мне было поручено возглавить разведку.

Если зимой наша группа занималась в основном подготовкой и организацией отряда, отлавливала полицаев, то весной мы решили расширить поле своей деятельности, масштабы боевых операций.

Было решено отметить Первомай мощным ударом по железной дороге. Взрывчатки у нас не было, поэтому мы лопатами подкопали один бок железнодорожного полотна на перегоне Ивацевичи — Нехачево. Эффект был выдающимся: под откос полетели паровоз и восемь вагонов с боеприпасами.

Первый крупный успех вдохновил нас. На протяжении мая — июля отряд разгромил полицейские участки в деревнях

Чемелы, Святая Воля, Стригинь, Пески, сжег деревянный мост через реку Щару на магистрали Брест — Москва.

Мы научились выплавлять тол из снарядов, а в качестве взрывателя использовали немецкие гранаты с длинной деревянной ручкой и шнуром. Такими самодельными минами уничтожили несколько эшелонов.

Партизанское движение становилось все более массовым. Новые и новые сотни людей вливались в ряды народных мстителей. К осени 1942 г. по соседству с нами действовали уже несколько партизанских отрядов. В районе Гута-Михайлина дислоцировался отряд имени Димитрова, в Буленском лесу — отряд имени Щорса, а позднее — «Советская Белоруссия».

В сентябре гитлеровцы бросили против партизан до 45 тысяч карателей. Но их планы провалились. Партизаны с помощью связных узнавали о планах противника, умело выходили из окружения, заходили ему в тыл и нападали на врага там, где он их не ожидал.

В этой операции враг потерял не одну сотню своих солдат. Раздосадованные неудачами фашисты стали вымещать свое зло на мирном населении. Спалили множество деревень, а деревни Вяда, Красница, Тупичицы и Зыбайлы сожгли вместе с жителями. Так они думали запугать народ, лишить партизан поддержки населения. Не вышло! Поддержка народных мстителей росла с каждым днем. Отряды превратились в бригады — мощные боевые единицы, которые стали наносить более чувствительны удары.

Позже, когда в наш район прибыла спецгруппа полковника Льдова (Г. М. Линькова), я был включен в ее состав начальником разведки. Во многих боевых и разведывательных операциях мне пришлось принять участие.

...В жизни на мою долю выпало немало тяжелых испытаний. В панской Польше за участие в коммунистическом движении я был осужден на семь лет тюремного заключения. За это время

умерли мои жена и дочь. Немецкие ублюдки арестовали мою новую семью, когда я ушел в лес, держали ее в заложниках, а потом расстреляли жену и дочку. И я тогда жил одной мыслью — мстить, беспощадно мстить фашистам и за свою семью и за горе, которое они принесли моему народу. Вместе со мной боролись мой сын Николай и пасынок Миша Сивеня»...

Стоят: М. С. Сивеня, Н. Д. Сивеня, Н. Н. Колтун
Сидит Н. Х. Колтун
1950 год

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

**М. С. Сивеня и Н. Х. Колтун
в книгах и газетах**

(сохранена орфография и пунктуация источников)

Михаил Сивеня

Передо мною сидит шестнадцатилетний юноша.

Давно, еще в чаду костров, бородатые дядьки обращались к нему, как к взрослому. Маленький ростом, щупленький на вид. Если взглянуть на хлопчика сзади, то еще и теперь ему можно дать не более тринадцати лет. Но если вы посмотрите внимательно ему в лицо и в его вдумчивые голубые глаза, то можете дать и все восемнадцать.

Этот паренек очень рано испытал тяготы боевой жизни в условиях фашистского подполья.

Отца своего он не помнит. Ему было пять лет, когда мать вышла замуж за Колтуна Николая Харитоновича, только что вернувшегося из семилетнего заключения в панской тюрьме. Миша нашел в Харитоныче отца, а Харитоныч в нем сына. Они сдружились.

Когда пришли оккупанты, Колтун ушел в лес и создал там первую партизанскую пятерку. Гитлеровцы устраивали облавы на горсточку, еще путем невооруженных, народных посланцев. Мише тогда было по метрике одиннадцать лет, а на вид не более восьми. Но только ему Николай Харитонович сообщал о местонахождении своей базы. И Миша оправдывал это доверие. Он неоднократно в самый последний момент спасал от неминуемой гибели партизанскую группу.

Однажды гитлеровцы неожиданно нагрянули рано утром, Разделившись на два отряда, одним они оцепили деревню, вто-

рым начали охватывать выступ леса, прилегавший к постройкам. Миша понял, что партизан ждет гибель, и рванулся к лесу мимо часового. Стоявший на посту длинноногий гитлеровец бросился за мальчиком, стараясь его схватить без выстрела, но просчитался. Ловкий мальчик начал ускользать, и фашисту пришлось открыть огонь из автомата. Пригибаясь к земле, Миша добежал до первых кустов и, лавируя между ними, скрылся на опушке леса. Партизаны были спасены и на этот раз.

Взбесившиеся гитлеровцы схватили и увезли в Ивацевичи мать Миши с двумя маленькими детьми. Мать оккупанты расстреляли, а девочек, в виде «приманки», передали под охрану семьи полицейского и установили наблюдение. Миша через одну соседку выкрал сестренку среди белого дня и вывез их в лес на хутор к близкому человеку. С 1942 года он стал партизаном.

Я познакомился с белокурый шустрый мальчонком в мае 1943 года после приземления в Ружанской пуще. Он пас коров при госпитале. Паренек давно упрашивал командование штаба освободить его от этого мирного занятия и послать на боевые дела. Но по-настоящему никто не придавал этому значения. Миша решил попробовать счастье у нового командира. Но сделал это не сразу. Он долго изучал характер нового начальника и, выбрав подходящий момент, решил действовать.

Помню, это было теплым летним вечером, когда закатившееся солнце не уносит с собой тепла, излученного на землю, а люди, уставшие от дневной жары, с нетерпением ожидают ночной прохлады. Я сидел у костра — единственного места, свободного от комаров, тучами носившихся в воздухе. Миша подошел и сел против меня. Он долго, казалось безучастно, слушал наши разговоры, рассматривая тонкие синеватые струйки пламени, вырывавшиеся из сухих перегорающих прутьев орешника, время от времени пошевеливал их железной тросточкой.

А разговор у костра шел о том, кого немедленно направить в Барановичи для передачи срочного задания и взрывчатки

нашему человеку. Вся трудность задачи заключалась в том, что это нужно было сделать в течение одних суток. Но подходящего человека для посылки поездом у нас не было, а болотом до города и за двое суток никто не добрался бы. Улучив момент, когда я остался у костра один, Миша тихонько сказал:

— Товарищ полковник, поручите мне это задание! Я его выполню.

Я пристально посмотрел Мише в глаза. Они горели желанием и решимостью.

— А как же ты думаешь за сутки добраться до Барановичей? — спросил я у парнишки.

Искра надежды блеснула в умных глазах мальчика. Миша начал излагать свой план.

— Сейчас не более одиннадцати, — говорил он спокойно. — До станции Бронная Гора, напрямую через болото, двадцать два километра. В шесть двадцать идет поезд на Барановичи. Я успею купить билет и сесть в поезд. В шестнадцать я буду в городе, а пяти часов мне хватит на то, чтобы найти нужного человека, передать ему задание и взрывчатку.

— Но если ты пойдешь до станции болотом, то тебя не только в поезд, но и на станцию не пустят, — возразил я парню.

— У меня есть запасные ботинки, брюки и рубашка. Грязное я оставлю в кустах, возьму с собой мыло, хорошенько вымоюсь и переоденусь, — поспешно пояснил смышленный мальчуган.

Через полчаса он исчез в темноте ночи: А через трое суток на том же самом месте совершенно спокойно докладывал мне об успешном выполнении задания.

После этого юный связист-разведчик бывал в ряде городов и местечек, переполненных гитлеровцами.

Однажды он был опознан в Березе-Картузской местным предателем. Его арестовали и двое полицаев как опасного партизана повели под конвоем к фашистскому коменданту. Миша,

улучив момент, метнулся в пролом в стене. Первые пули в него не угодили, а от последующих он укрылся в соседних дворах.

Перед приходом Красной Армии в Брест Миша доставлял данные о дислокации гитлеровских частей от работавшей у оккупантов на почте Ксении Ключевой на конспиративную квартиру для передачи по радио.

В четырнадцать лет он в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина принял орден Красной Звезды.

Окончив ремесленное училище, Миша приехал в Ивацевичи и стал работать инструктором райкома комсомола. О его работе я получил хорошие отзывы. Сельский совет, в котором он был уполномоченным, первым в районе выполнил свои обязательства перед государством по поставке зерна и сдал около тысячи пудов сверх плана. Все эти годы Михаил усиленно работал над собой И вот снова, как три с половиной года тому назад у костра, смотрит он на меня не по возрасту умными глазами:

Можно не сомневаться, что неисчерпаемая энергия и ум этого юноши теперь будут так же полезны для нашей социалистической родины, как и в дни Великой Отечественной войны.

Г. М. Линьков

книга «Война в тылу врага», Москва,

Государственное издательство художественной литературы, 1956 г.

Всегда в поиске. Портрет замполита

Всесоюзный староста обнял смущенного героя, взглянул на фотографа: чего, мол, медлишь? Так и замерли на снимке два веселых лица — Михаил Иванович Калинин и Михаил Сергеевич Сивеня. Тогда, в 44-м, с Кремле, сам Калинин при-

рис. А. Лука

крепил орден к пиджаку героя. То была уже вторая правительственная награда. Лаконичная строчка в Указе Президиума Верховного Совета СССР поясняла, что Михаил Сергеевич Сивеня награждается орденом Красной Звезды за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками... А было тогда Михаилу Сергеевичу 15 лет от роду...

На послевоенных развалинах задача формулировалась просто: строить так, как били фашистов. За битых врагов ордена получали — будут ордена и здесь, за возрождение города и села. Но ордена — это итог, оценка работы. А работа предстояла такая же трудная и героическая, как самый жестокий бой с врагом. И так же, как в бою, шагал Михаил Сивеня от одного рубежа к другому. Рубежи ему доставались не из легких.

В двадцать лет он получил партийный билет. В двадцать три стал председателем Ивацевичского горсовета. Потом

забрали его в райком партии инструктором. Потом послали учиться в партшколу. Беспокойная должность была обеспечена, ибо в райкоме сразу и недвусмысленно намекнули: вернешься — пошлем на самый трудный участок. И в «Бытеньском» и «Белоозерском» совхозах комиссарил — возглавлял партийную организацию. А в декабре 65-го еще потрудней нашли ему должность — в милицию направили.

Сейчас Сивеня смеется и машет рукой: трудные дела не перевелись, на его век работы хватит. Под работой он подразумевает только то, что трудно — потому, дескать, и говорим: труд. Что ж, философия завидная — трудный труд...

Район был огромный — втрое больше, чем сегодня. В райотделе тогда чуть ли не полторы сотни людей работало. Откровенно, больше было суеты, чем работы. К тому же силы милиции так расплылись, что пьяницы и хулиганы всегда могли найти укромный уголок. Удаленность от райцентра сказывалась и на дисциплине самих работников милиции. Сетовать на независящие от тебя, так сказать, объективные трудности Сивеня считает излишней тратой времени. Взятся за гуж, не говори, что велик район.

Дело хоть и не далекое, но прошлое. И вот, вороша в памяти это прошлое, подыскивая для меня «интересные» примеры, Михаил Сергеевич оказывается в явном затруднении: примеров, конечно, не мало, но люди давно постарались перечеркнуть неприятные воспоминания — стоит ли теперь напоминать старое или сообщать об этом другим? Ну, хорошо, вспомним так — без имен, только факты.

Милиционера увидели на улице пьяным. До дому не смог пройти — прилег под яблоней отдохнуть на глазах у всей Березы.

До сих пор только замполита не хватало в отделе, чтобы придать подобному факту по-настоящему тревожное звучание. Что ж, спросите, пьяниц по головке раньше гладили? Нет, их наказывали: и выговоры давали, и строгие, и с последним

предупреждением. Израсходуют последнее предупреждение — начнут сначала. Таким образом, наказание совершенно не достигало цели. Ну, а «перевоспитывать» пьяниц было некогда — у каждого своих дел по горло.

Любопытно было работникам отдела, что предпримет замполит? За провинившимся милиционером раньше ничего такого не замечали — можно, видимо, на первый раз пожурить человека, ну, предупредить, что ли, да и отпустить с миром. Но Сивеня сделал совсем не так. Поступок милиционера рассмотрел товарищеский суд рядового состава. По инициативе замполита на заседании товарищеского суда была создана атмосфера самого резкого осуждения виновного и поставлен вопрос об увольнении его из органов милиции. Дело обернулось так круто и неожиданно, что милиционер, в общем-то хороший работник, прямо здесь же, посреди комнаты, заплакал. Это было искреннее раскаяние честного человека, и ему поверили. Его предупредили в последний (кстати сказать, и в первый) раз. Немыслимо представить себе, что после такого человек смог сделать хоть малейший предосудительный шаг.

Я расскажу еще много хорошего о Сивене. Но хочу сразу предупредить: я далек от мысли идеализировать своего героя. Михаил Сергеевич — самый обыкновенный человек. У него всегда в запасе куча вопросов — что-то неясно, что-то совсем неизвестно, что-то он не умеет и чему-то хочет научиться. Пытливый ум, обилие вопросов — это сильная сторона натуры. Особенно руководителя. Это первый признак неустанного поиска новых, лучших форм работы.

Помню, как только мы познакомились, Сивеня буквально затаскал меня — где мы только ни побывали за один день: в банке, военкомате, районо, райфо, райторге, и даже в Белоозерске, что в пятнадцати километрах от Березы. Причем я только сопровождал замполита, а он работал — исполнял свои служебные обязанности. Вот, скажем, военкомат. Несколько призывников

райотдел милиции направляет на службу в подразделение, занятое охраной общественного порядка. Михаил Сергеевич — член призывной комиссии. Есть у него, так сказать, дальний прицел — опять-таки черта хорошего руководителя. Из «своих» призывников — образованных, владеющих специальностью шофера ребят — он заранее готовит милицейские кадры.

— Вернется парень из армии — вот тебе и участковый готов, — рассуждает замполит. — Значит надо уже сейчас его заинтересовать, увлечь.

Так оно и делается. И вот уже от тех, кто служит, приходят письма — первые ласточки: вернемся — возьмете в милицию?

— Возьмем, еще как возьмем! Да с такими ребятами... — замполит растолковывает мне, как будет хорошо работать «с такими ребятами».

Итак, за день мы исколесили всю Березу и вдобавок в Белоозерск «слетали» на милицейском газике. А вечером Сивеня потащил меня на «лирические песни». В нарядной ленкомнате (нарядная — заслуга замполита) занят каждый стул. Оказалось, сотрудники отдела и их жены собрались на репетицию. Активность — поразительная. «Художественная самодеятельность — тоже служба», — шутит Сивеня. В шутке много смысла.

Рядом с Сивеней сидит начальник отдела подполковник милиции Александр Николаевич Горбухов. А можете вы представить себе, что солистом вдруг выступает сам замполит? Солидный и серьезный человек, у которого уже двое детей и капитанские погоны на плечах, вдруг запоет:

Солнце зашло за темный лесок,
Выйди дивчина, хоть на часок...

Вот откуда секрет активности: и замполит, и начальник отдела всегда первыми берутся за любое дело, увлекая остальных. Ну, и чтобы уже не возвращаться к «лирике», скажу, что в прошлом году самодеятельные артисты Березовского

райотдела милиции дали в районе восемь «бисовых» концертов и (за количество и качество их) заслужили второе место в области (второе — после Бреста).

Взаимоотношения начальника отдела и замполита — наиболее существенная сторона вопроса. Только тесный контакт и полное единодушие мнений могут быть залогом успешной деятельности обоих.

Сивеня пришел в милицию с партийной работы. Специфику милицейской службы только предстояло освоить. Нынче об этом можно вспоминать разве что в назидание другим: на первых порах возникли, мягко выражаясь, шероховатости во взаимоотношениях двух руководителей отдела. Сейчас, через расстояние времени, легко найти причину. Слишком строго хотели оба разграничить свои обязанности — от и до: это дело мое, это — твое. А ведь в принципе вопрос ставился проще: труд замполита должен в конечном итоге помочь улучшению всей оперативно-служебной работы отдела. То есть, ни в коем случае не годилось раскладывать обязанности по полочкам — от и до. К счастью, оба руководителя оказались достаточно умными и тактичными, чтобы своевременно найти общий язык.

Александр Николаевич Горбухов помог новому коллеге изучить обязанности каждого сотрудника отдела — от рядового милиционера до своих собственных. Потом Сивеня углубился в анализ работы коммунистов, совета отличников. Он понял свое назначение абсолютно точно: поднять боеспособность личного состава, увеличить те показатели и проценты, которые выставлялись в сводке из месяца в месяц и за которые поругивали в управлении. Потому-то и понадобился глубокий анализ.

В 1965 году, например, в графе «процент раскрываемости преступлений» стояло 90. В 1966 году эту цифру сменила круглая сотня. Опять-таки будет преувеличением все заслуги приписывать только замполиту. Но одной заслуги у него не отберешь: замполит дал толчок к оживлению всей работы, он как

бы зарядил обессилевший аккумулятор: люди сейчас глубже осознали свой служебный долг, а отсюда — более осознанные действия в самых сложных ситуациях.

Казалось бы, получается несоответствие: замполит — не оперативник, откуда ему знать, чему учить людей, занятых оперативной работой? Вот здесь-то выявляется еще один штрих в портрете замполита Березовского РОМ. Он успевает делать и «чужую» работу: сам выезжает на место происшествия, больше того — сам расследует дело. В совхоз «Белоозерский» он выезжал вместе с оперативными работниками расследовать дело о пожаре и искать поджигателя. Нашли. На известковом заводе он расследовал дело о хищении цемента — сам допрашивал, изымал вещественные доказательства. Он и при мне вел несколько допросов. Я подчеркиваю: сам. Хотя это не входит в его прямые обязанности. Но нельзя потом отвечать людям на те вопросы, которые никогда не задавал самому себе, на которые в свое время сам не нашел ответа...

Райком комсомола проводит в районе молодежные собрания: «Достоинно встретим 50-летие Советской власти!» Комсомольцы берут обязательства: сверхплановое мясо, молоко, зерно — Октябрю. Стоп: только мясо, молоко и зерно?

Сегодня в кабинете замполита лейтенант Сергей Смоленых — начальник паспортного стола.

— Вот что, Сергей Константинович. В «Сельхозтехнике» комсомольское собрание. Обязательства ребята будут брать. Повышенные. Напомните им, что высокие производственные показатели — это не все. Образцовый общественный порядок, ни единого правонарушения — не менее дорогой подарок Октябрю. В общем, поговорите с ними по душам.

По душам... Я запомнил эти слова, потому что на следующий день Иван Андреевич Ходунков — следователь, секретарь партийной организации отдела сказал мне о Сивене:

— Главная его обязанность — в душу вникать.

Может быть, несколько пышная фраза, но, мне кажется, она заменяет все инструкции и разъяснения насчет обязанностей замполита. А в душу Сивеня может вникнуть...

Как член райкома партии Сивеня стал самым надежным связующим звеном между партийным руководством района и милицией. Влияние коммуниста Сивени, члена райкома, сказывается, к примеру, и на работе добровольных народных дружин. Каждый месяц одна — две дружины (в одной только Березе их 12) заслушиваются или на бюро РК КПБ, или на исполкоме Совета (Сивеня, кстати, — депутат горсовета), или на заседании районного штаба. И всякий раз упор делается на строгий спрос с первичных партийных организаций по руководству дружинами, на воспитание дружинников в духе преданности общественному долгу.

Сейчас в отделе пишется история березовской милиции — еще одно важное партийное дело. Разыскиваются ветераны, открыта мемориальная доска. Сивеня — инициатор и руководитель всей работы.

В НЕУСТАННЫХ хлопотах бегут дни. Строгое партийное чутье, которое неизменно сопутствует замполиту, делает каждый из этих дней новым шагом вперед.

*Г. Круглов, г. Береза
газета «На страже Октября», 08 мая 1967 г.*

Биография авторитета

О нем можно написать очерк. И не один. Например, о том, как одиннадцатилетний паренек стал партизаном и из-под носа полиции среди бела дня выкрал двух детей, оставленных заложниками. Или о том, как он участвовал в уничтожении вражеских эшелонов на линии Брест–Москва. Дорога буквально кишела патрулями, лес по обе стороны полотна был вырублен. Но партизаны ловко обходили патрулей. И летели, летели под откос поезда...

Ходил Михаил Сивеня и в разведку. Однажды его схватили, повели к коменданту. Но и тут не растерялся Михаил, сумел воспользоваться подвернувшимся случаем и бежал.

До самого освобождения Белоруссии советскими войсками выполнял юный партизан ответственные поручения. А потом, в конце сорок четвертого, с группой наиболее отличившихся партизан прилетел в Москву. Оробевший от торжественности момента, покрасневшийся, подошел он к Михаилу Ивановичу Калинин, чтобы получить орден Красной Звезды.

Чуть позже рядом с первой наградой на груди юного героя появилась вторая — орден Красного Знамени. И все это в четырнадцать мальчишеских лет.

После войны задача формулировалась просто: работать по-фронтовому, так же самоотверженно, как воевал.

В двадцать три года молодой коммунист Михаил Сивеня стал председателем Ивацевичского горсовета. Вскоре его взяли в райком партии инструктором. Оттуда послали учиться в партшколу, сказав при этом: вернешься — направим на самый ответ-

Сотрудники отдела знают, что заместитель начальника по политико-воспитательной работе всегда окажет им помощь, даст совет по любому вопросу. Вот и сейчас к нему за консультацией обратились коммунисты (слева направо): младшие лейтенанты милиции С. Ходорович и П. Панютин и старший лейтенант милиции А. Юзюкович.

Фото К. Никифорова.

центра сказала и на дисциплине самих работников милиции. Но сетовать на объективные трудности Сивеня всегда считал излишней тратой времени. Взялся за гуж — не говори, что район велик. Ищи к людям подход, налаживай дисциплину. С этого он и начал полтора года назад.

Дело хоть не далекое, но прошлое. Милиционер совершил серьезный проступок. Раньше в таких случаях выговоры давали: и строгие, и с последним предупреждением. Израсходуют

ственный участок. И направили — в «Бытеньский», а потом в «Белоозерский» совхозы секретарем парткома. А в декабре 1965 года назначили на должность еще потруднее — заместителя начальника Березовского райотдела милиции по политико-воспитательной работе.

Рассказывая об этом, Михаил Сергеевич Сивеня смеется: трудные дела не перевелись, на век работы хватит. Под работой он подразумевает только то, что трудно, потому, дескать, и говорим: труд. Что ж, философия завидная.

Начинать было и впрямь нелегко. Район огромный — втрое больше, чем сейчас, после разукрупнения. Силы милиции распылены. Пьяницам и хулиганам раздолье. Удаленность от рай-

последнее предупреждение — начнут сначала. Поэтому наказание часто не достигало цели.

Любопытно было работникам отдела: что предпримет заместитель начальника? За провинившимся милиционером раньше ничего такого не замечалось. Можно, видимо, на первый раз пожурить человека, на, предупредить что ли... Но Сивеня сделал иначе. Проступок рассмотрел товарищеский суд рядового состава. Умело и страстно выступал на нем Сивеня, говорил о моральном облике советского милиционера. Сослуживцы строго осудили виновного, внесли предложение уволить его из милиции. Дело обернулось неожиданно для всех. Милиционер, в общем-то неплохой работник, прямо здесь же, перед товарищами, заплакал. Это было искреннее раскаяние. Ему поверили. И не ошиблись...

Многое сделали руководители и партийная организация районного отдела для укрепления дисциплины, и основой этой работы было воспитание людей, требовательность, внимание к ним, умение индивидуально подойти к каждому сотруднику.

С утра до вечера занят капитан Сивеня. Впрочем, вечерами у него тоже немало дел.

— Художественная самодеятельность — та же служба, — шутит он.

В хоре состоит не только Сивеня, но и начальник отдела подполковник милиции Александр Николаевич Горбухов. Вот и секрет активности: руководители отдела всегда первыми берутся за любое дело, увлекая остальных. В прошлом году самодеятельные артисты Березовского райотдела милиции дали в районе восемь больших концертов и заняли в области второе место.

Взаимоотношения начальника отдела и замполита — существенная сторона успеха. Только тесный контакт и полное единодушие мнений могут быть залогом плодотворной деятельности обоих.

Сивеня пришел в милицию с партийной работы. Специфику милицейской службы только предстояло освоить. И на первых порах возникли, мягко говоря, шероховатости во взаимоотношениях между начальником отдела и его заместителем. Слишком строго хотели они разграничить свои обязанности: мол, это дело мое, это — твое. А ведь введение в органах милиции должности заместителя начальника по политико-воспитательной работе преследовало вполне определенную цель: путем идеологического воздействия на сердца и умы сотрудников способствовать улучшению всей оперативно-служебной деятельности органов милиции. То есть ни в коем случае не годилось раскладывать обязанности по полочкам — от и до. К счастью, оба руководителя оказались достаточно умными и тактичными. Все усилия и начальника отдела и замполита нацелены сейчас на одно: еще более улучшить оперативно-служебную деятельность отдела. С этой целью они вместе с членами партийного бюро анализируют деятельность подразделений и сотрудников, совета отличников, других общественных организаций, всячески распространяют опыт передовиков.

Казалось бы, получается несоответствие: этот заместитель начальника не оперативник, чему же он может учить людей, занятых оперативной работой? Вот здесь-то и выявляется еще один штрих в характере Михаила Сивени. Он все время учится, настойчиво познает тонкости оперативного мастерства.

А имея возможность со знанием дела руководить людьми, направлять их усилия на решение стоящих перед отделом задач, он в свою очередь передает им свое умение политически оценивать каждый жизненный факт или явление, прививает вкус к общественно-политической работе.

Сегодня Сивеня узнал, что райком комсомола проводит в хозяйствах района молодежные собрания с повесткой дня: «Достоинно встретим 50-летие Великого Октября». Комсомольцы берут повышенные обязательства: сверхплановое мясо, молоко,

зерно — Октябрю. Михаил Сергеевич приглашает к себе лейтенанта Сергея Смоленых — начальника паспортного стола.

— Вот что, Сергей Константинович. Надо пойти в «Сельхозтехнику» на комсомольское собрание. Обязательства ребята будут брать повышенные. Напомните им, что высокие производственные показатели — это еще не все. Образцовый общественный порядок, ни одного правонарушения со стороны членов коллектива — не менее дорогой подарок Октябрю. В общем, поговорите с ними по душам.

По душам... Сам опытный пропагандист, капитан Сивеня знает силу слова, зажигающего сердца, страстного, убежденного слова коммунистической правды. Поэтому не жалеет сил, подбирая людей, которые таким словом и личным примером мобилизовали бы людей на решение стоящих перед ними задач. В его блокноте красным кружком обведена цифра 22. Столько сотрудников райотдела милиции являются членами районного отделения общества «Знание». Они выступают перед трудящимися в соседних совхозах и колхозах, на промышленных предприятиях. И ими довольны. Но неумный человек замполит считает, что достигнутые в агитационной работе успехи — далеко не предел.

Заслуги М. С. Сивеня в воспитании личного состава отдела милиции высоко оценены коммунистами районной партийной организации. Они избрали его членом райкома. В этом качестве он стал надежным связующим звеном между партийным руководством района и милицией. Влияние коммуниста Сивени, как члена райкома, особенно сказалось на активизации работы добровольных народных дружин. Каждый месяц одна-две дружины заслушиваются на бюро райкома или на заседании районного штаба. И всякий раз упор делается на строгий спрос с партийных организаций за руководство народными добровольцами, воспитание дружинников в духе беззаветной преданности общественному долгу.

Капитан милиции М. Сивеня отличается завидным умением находить доселе неизвестных героев Великой Отечественной войны, разыскивать документы тех лет. Вот почему для директора краеведческого музея Е. Божок (на снимке — слева) он добрый советчик и помощник. Фото К. Никифорова.

Сейчас в отделе под руководством замполита пишется история березовской милиции. Собраны фотографии, документы, оформлены стенды, альбомы. В просторном светлом вестибюле на самом видном месте открыта мемориальная доска, на которой золотом выведены имена работников березовской милиции, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны. Перед памятью павших склоняют головы нынешние солдаты порядка.

Хорошо поставленная партийно-политическая работа самым положительным образом сказывается на решении служебных задач. Если в 1965 году в графе «процент раскрываемости преступлений» стояло 90, то в 1966 году это число сменила твердая сотня.

Было бы, конечно, преувеличением все заслуги приписывать только заместителю начальника отдела по политико-вос-

питательной работе. Но одной у него не отберешь. М. Сивеня дал толчок к оживлению всей работы, он как бы подзарядил мощный аккумулятор: люди сейчас глубже осознали свой служебный долг.

*Г. Круглов, К. Никифоров, г. Береза Белорусской ССР
газета «Советская милиция», август 1967 г.*

Фото К. Никифорова

Преемственность

очерк

Ласточки на проводах

В дом идти не хотелось. Мы сидели в вишеннике, радуясь хотя бы малейшей тени. Но жара донимала и здесь. Казалось, зноем дышал каждый лист.

— Быть дождю! — сказал Николай Харитонович.

И действительно, через полчаса ни с того, ни с сего нахмурился небосклон и поплыла в нашу сторону синяя туча. На ее фоне мы увидели ласточек. Много ласточек, чем-то не на шутку встревоженных. Словно молнии, они перечерчивали небо, то сбиваясь в стайку, то бело-черными брызгами разлетаясь в стороны.

— Смотри, плутовка! Чего захотела?

Я всматриваюсь пристальнее и замечаю среди ласточек серую птицу. Она нервно носилась в небе, явно недовольная дружным отпором ласточек. А те наседали и наседали на кобчика, не давая ему опомниться. И хищник отступил. Ласточки начали медленно падать к земле.

— Такое не только у птиц, — слышу приглушенный голос.

Под глазами у Николая Харитоновича сбегаются морщинки, потом так же неожиданно исчезают. Я слушаю его неторопливую речь. Она мне кажется исповедью. Исповедью человека, которому многое довелось увидеть на своем веку и который гордится каждым прожитым днем.

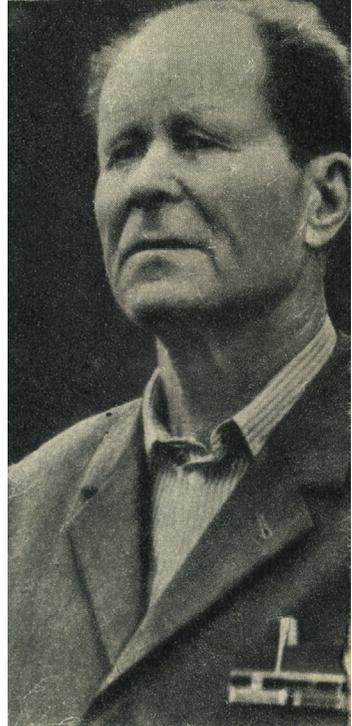
...Николай Харитонович Колтун хорошо помнит то далекое время. Шла империалистическая война. В потоке беженцев их семья долгие месяцы добиралась с Полесья в глубь России. Пристанище нашли лишь в Самарской губернии. Там и встретил паренек-полешук Октябрьскую революцию. Там вступил в комсомол, получил первое боевое крещение — в борьбе с кулаками в годы продразверстки.

— Комсомол у меня вселил веру в себя, — вспоминает Николай Харитонович — Будто крылья выросли...

Он умолкает. Смотрю на него и хочу отгадать его мысли. Может, он воскрешает в памяти далекий двадцатый год, когда вернулся в заросшую чернобыльником родную деревню Ходоки, затерявшуюся в глухих Житлинских лесах? Может, вспоминает тот день, когда его принимали в ряды КПЗБ и он поклялся всю свою жизнь отдать борьбе за освобождение родной земли? А может, человек припоминает друзей, погибших во время расстрела коссовской демонстрации? Возможно, всплыли в его памяти дни заточения — семь лет один на один со своими мыслями в камере-одиночке!

И слышу совсем неожиданное:

— У каждого есть свой учитель. У него учишься жизни. С него берешь пример. Для меня им была Вера Хоружая. Впервые встретился я с Верой Захаровной в 1932-м в Варшаве. В тюрьме для политзаключенных. Второй раз — в Ивацевичах, в незабываемый сентябрь 1939-го. Тогда Вера Захаровна рекомендовала меня на должность председателя Житлинского сельсовета.

Н. Х. Колтун

Откуда-то из-за дома заскочил во двор ветер, покружился, сметая пыль со стезжки, подхватил несколько соломинок и швырнул их в молодую вишенку и, довольный, спрятался в крапиве у забора. А потом на листья упало несколько крупных капель. Харитонович было поднялся, намереваясь идти в избу, но посмотрел на небо и раздумал:

— Напугала лишь эта туча, — сказал он и снова сел на скамейку. — Так что я хотел сказать? Ага! Что наши люди, как эти ласточки. Вся жизнь в заботах. А доведись беде случиться — сплотятся и одолеют любого ястреба. Взять Отечественную...

Я слушаю Николая Харитоновича и передо мной открывается еще одна страница его биографии.

С первых дней войны он идет в лес, из местных коммунистов организует партизанскую группу. Вскоре она выросла в первый в этих местах отряд народных мстителей. А спустя два года на базе его был создан отряд специального назначения, которым командовал Герой Советского Союза Григорий Матвеевич Линьков. Николай Харитонович до последних дней войны был помощником прославленного разведчика.

— Григорий Матвеевич для меня вторым учителем был. В его книге «Война в тылу врага» о наших делах тоже написано.

Я вспомнил эпизод из этой книги. Спрашиваю, как партизан «брал» фашистского разведчика.

Николай Харитонович смеется: — Пришлось повозиться. Матерый волк попался, офицер из разведки. Его отправили в Москву специальным самолетом. Вскоре из Центра сообщили, что этот офицер многих генералов стоит. Ну, а мне за это награду дали — орден Отечественной войны I-й степени.

...Синяя туча отплыла в сторону леса. Сквозь листву вишен снова полилось солнце. Откуда-то прилетела и села на провода семья ласточек.

Встреча на пепелище

Ему не было и тринадцати, когда из подмосковного городка, где отдыхали разведчики, однажды его вызвали в Кремль. Всероссийский староста Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Красной Звезды. За мужество. За боевые заслуги.

На западе еще шла война. И Михаил просился на фронт. А ему сказали:

— Для тебя война кончилась. Ты должен учиться.

Вскоре он получил направление в одно из московских ремесленных училищ. Успешно закончил его. Стал комсомольцем. Некоторое время работал там же, в училище, секретарем комитета комсомола. Неизвестно, как сложилась бы судьба Михаила, если бы не встретился он со своим бывшим командиром. Это было в 1946 году.

— Собираюсь я, — сказал он Михаилу, — посетить бывшие партизанские места. Поедем?..

Как не поехать! И раньше тянуло туда, где в водовороте партизанских будней пролетело детство. И разве откажешься вновь ступить на землю, где вечным сном почивают многие друзья, близкие, родные люди?

Вскоре бывший разведчик ходил по улицам знакомого городка. Вот тот дом, где восемь месяцев просидела в качестве заложницы его мать с маленькими сестренками. Вот груда развалин от бывшей офицерской столовой, которую взорвали его друзья-партизаны. Много фашистов нашло здесь свою могилу. А вот и холм, где гитлеровцы расстреляли мать...

Захотелось побывать в родной деревне. Вернее, посмотреть на то место. Пошел пешком за двадцать километров от Ивацевичей. Среди лесов и болот здесь когда-то стояла деревня Житлин.

Юношу поразила увиденная картина: одни пепелища, поросшие чертополохом. Раньше видеть такое было привычным, теперь — не выдержал: комок подкатил к горлу. Помнит,

М. С. Сивеня с детьми

аист вернул его к действительности. Обыкновенный голенастый аист. Он стоял невдалеке, на том месте, где до войны был их дом, и, вытянув шею, удивленно посматривал на Михаила. «И ты вернулся», — подумал юноша.

Назавтра он пришел в райком и сказал, словно отрезал:

— Я решил остаться здесь. Посылайте на любую работу.

Началась для Михаила новая жизнь. Сначала рабо-

тал в райкоме комсомола, затем — председателем горсовета, позже — пропагандистом в райкоме партии, секретарем парткома совхоза. Заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС и теперь он заместитель начальника отдела внутренних дел в соседнем, Березовском районе.

Недавно Михаил Сергеевич Сивеня разменял пятый десяток. Годы незаметно посеребрили его виски. В глазах сгустились и боль, и радость земли родной. Как он схож с Николаем Харитоновичем. Закрадывается мысль: не родственники ли? Спросил — и в ответ услышал:

— Я — сын Николая Харитоновича. Приемный. Мы воевали в одном отряде.

Перед большой дорогой

И тогда мне захотелось повидаться с Сашей — сыном Михаила Сергеевича. Просто так. Посмотреть на него. Поговорить. Сравнить с отцом, с дедом. Но случай не подвернулся. И лишь совсем недавно состоялась эта встреча. Будучи в Березе, я вспомнил об этой семье и решил провести ее.

Десятиклассник Саша Сивеня был занят своим любимым делом — что-то мастерил. На столе лежали различные радиодетали, провода, лампы, лампочки. Саша со всем этим делал только одному ему понятные манипуляции. То соединял, то разъединял и начинал снова.

— Думаю сконструировать новую электровычислительную машину. Прошлогодняя меня уже не удовлетворяет, — сказал он.

Мне понравился этот невысокий худошавый паренек с комсомольским значком на груди. Понравились и его рассказы о будущем.

— Хочу, — говорит Саша, — успешно закончить школу, поступить в институт, стать специалистом...

Что ж, Саша прав. Дед в его годы был пастухом, отец — восстанавливал разрушенное войной. Как говорят, иное время — иные люди.

Но что-то общее есть в этих людях. Что же? Неотступность от заветной цели? Напористость? Любовь к родной земле? Справедливость?

Скорее всего — все вместе. И все это — преемственность.

Ярослав Пархута

Перевод с белорусского языка

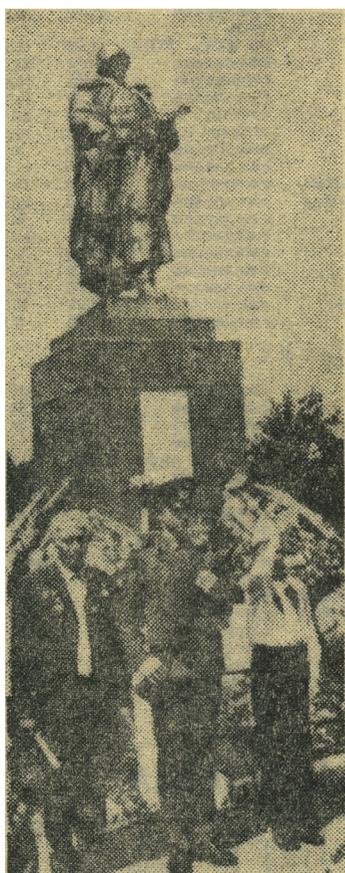
*газета «Заря», 14 августа 1970 г. (на рус. языке),
журнал «Беларусь», сентябрь 1970 г. (на бел. языке)*

Фотографии автора статьи

Ради жизни на земле

На встрече бывших партизан в деревне Житлин

Стало доброй традицией проводить встречи бывших партизан в деревне Житлин Ивацевичского района. И это совсем

Почетный караул
у памятника погибшим
воинам и партизанам

не случайно. Именно ивацевичским лесам суждено было стать тем местом, где в годы Великой Отечественной войны во всю мощь развернули активные боевые действия основные силы народных мстителей, здесь с весны 1943 года дислоцировались подпольный обком партии во главе с С. И. Сикорским и штаб соединения, возглавившие всю борьбу партизан на территории области. Традиционная встреча бывших народных мстителей состоялась и в прошедшее воскресенье.

...В центре села Житлин на высоком постаменте в скорбном молчании застыла бронзовая фигура советского солдата с автоматом на груди. Этот величественный монумент воздвигнут в честь павших смертью героев воинов-фронтовиков и партизан. К 12 часам дня сюда пришли сотни жителей местного колхоза имени Черткова и прибывшие со всех

концов страны бывшие участники партизанского движения на Брестчине. На импровизированную трибуну поднимаются второй секретарь обкома КПБ И. М. Бут-Гусаим, заместитель председателя облисполкома В. П. Старовойтов, секретарь Ивацевичского РК КПБ С. П. Повхович, бывший партизан отряда имени Щорса, первый секретарь Ляховичского РК КПБ Н. Л. Степанюк, бывший начальник штаба соединения П. В. Пронягин, бывший командир бригады имени Чапаева Ф. А. Баранов, бывший заместитель комиссара бригады имени Дзержинского по комсомолу М. П. Черных, бывший командир полка, удостоившегося наименования «Брестский», полковник в отставке С. А. Пирзаяв, бывший адъютант командира соединения Ф. П. Бершадский и многие другие ветераны минувших сражений, а также воины Брестского гарнизона.

Начинается митинг. Его открывает кратким вступительным словом заместитель председателя Ивацевичского райисполкома Н. И. Сергеев. Торжественно звучат гимны Советского Союза и Белорусской ССР. Право зажечь огонь Вечной славы предоставляется П. В. Пронягину, бывшим командирам партизанских бригад Н. В. Сенькину и С.Х. Арзуманяну.

С теплыми, проникновенными словами приветствия к участникам митинга обращается второй секретарь обкома КПБ И. М. Бут-Гусаим. Он говорит:

Победа над гитлеровской Германией стала возможна благодаря несокрушимой мощи доблестной Советской Армии, которая сломала хребет фашистскому зверю и тем приумножила славу Страны Советов.

Вместе с воинами нелегкую ношу ратного труда разделили миллионы сынов и дочерей нашей Родины, открывших уже в первые дни войны второй фронт — фронт народного сопротивления в тылу врага. В летопись наших побед много ярких страниц вписали и партизаны Брестского соединения. За годы войны они разгромили 110 вражеских гарнизонов, подорвали

свыше 700 мостов, пустили под откос 2 000 эшелонов, подбили 32 танка, 69 бронемашин, 1 520 автомашин, уничтожили большое количество фашистских солдат и офицеров.

В преддверии полувекового юбилея образования СССР особо хочется отметить, что всенародное партизанское движение прочно опиралось на нерушимую дружбу советских народов. В партизанских отрядах плечом к плечу с сынами и дочерьми белорусского народа героически сражались русские, украинцы, литовцы, латыши, грузины, евреи, казахи, армяне, татары, азербайджанцы, а также представители других наций и национальностей нашей страны. Только в Брестском партизанском соединении в 1944 году насчитывалось 7 210 белорусов, 2 862 русских, 757 украинцев, сотни представителей других народов нашей Родины. Дружба советских народов выдержала все испытания и, скрепленная совместно пролитой кровью, стала еще более крепкой.

Трудящиеся Брестчины, как и все советские люди, будут и впредь свято беречь и приумножать славные боевые и трудовые традиции нашего народа, творчески, с полной отдачей сил и способностей работать над претворением в жизнь решений исторического XXIV съезда партии, над выполнением больших планов и социалистических обязательств.

— Сегодня, — отмечает секретарь Ивацевичского РК КПБ С. П. Повхович, — в день встречи ветеранов войны по случаю 30-летия развития массового партизанского движения на территории области мы собрались на этом священном месте, чтобы отдать дань безмерного уважения и глубочайшей признательности героям Великой Отечественной войны, всем участникам беспримерной народной эпопеи. С болью в сердце мы склоняем головы перед светлой памятью павших товарищей в смертельной битве с врагом за честь, свободу и независимость нашей прекрасной Родины.

Более трех лет черная ночь фашистской оккупации висела над белорусской землей. Кровавые фашистские орды покрыли наш край виселицами и концлагерями, всюду сеяли смерть, несли разорение и горе. Но наш народ не покорился, не стал на колени, а с оружием в руках поднялся на справедливую борьбу с захватчиками. Только в нашем районе действовало пять партизанских бригад, шестнадцать отрядов, которые получали постоянную поддержку и помощь со стороны местного населения.

27 лет прошло с тех пор, как отгремели залпы великой битвы с фашизмом. Залечены раны войны. Выросли новые города и села. Немалых успехов во всех областях народного хозяйства и культуры добились и трудящиеся Ивацевичского района.

Бывший командир партизанской бригады имени Дзержинского В. М. Монахов, коротко рассказав собравшимся о героических делах народных мстителей на территории Ивацевичского района, пожелал труженикам местного колхоза, носящего имя прославленного партизанского командира А. П. Черткова, новых замечательных успехов в труде.

Райвоенком М. В. Корнилов передал собравшимся горячие слова приветствия от ветеранов войны, находящихся в запасе, от солдат, сержантов и офицеров, состоящих на военной службе.

Бывший редактор подпольной березовской газеты «Пламя» И. И. Братанов на ярких примерах показал героизм народных мстителей, рассказал об огромной роли печати в развитии партизанского движения на временно оккупированных районах Брестчины.

— Я и мои сверстники, те, кто носит у сердца комсомольский билет, — говорит секретарь Ивацевичского РК ЛКСМБ В. А. Круглиевский, — родились под мирным небом. Мы не слышали свиста пуль, не видели падающих в бою солдат,

задыхающихся в газовых камерах детей. Мы не поднимались в рост навстречу вражеским танкам, не считали секунды между жизнью и смертью. Но мы знаем, что такое война. Знаем по рассказам отцов, по безвременным сединам матерей. Многие из нас знают отца и мать лишь по фотографиям, коротким фронтовым извещениям: «Погиб в боях за Родину».

Тысячи молчаливых гранитных обелисков покрыли многострадальную белорусскую землю. Тысячи и тысячи известных и безымянных героев кровью своей и жизнью шагнули в бессмертие, отстояли мир для нынешнего и грядущего поколений.

Мы всегда будем помнить, что радостью жизни, великим правом трудиться мы обязаны старшему поколению советских людей — вам, дорогие ветераны. Ваши подвиги для нас — великий пример служения Родине, партии, народу.

Участники митинга с большим вниманием прослушали речь председателя колхоза имени Черткова Е. А. Михнюка, рассказавшего о замечательных делах полеводов и животноводов.

— Сельские труженики, — подчеркнул он, — своими замечательными делами свято хранят и приумножают боевые традиции грозного военного времени. На местах бывших партизанских стоянок, отвоеванных у болот земель мы собираем теперь рекордные урожаи. За успехи, достигнутые в производстве молока и мяса, хозяйство в прошлом году удостоилось переходящего Красного знамени райкома партии и райисполкома.

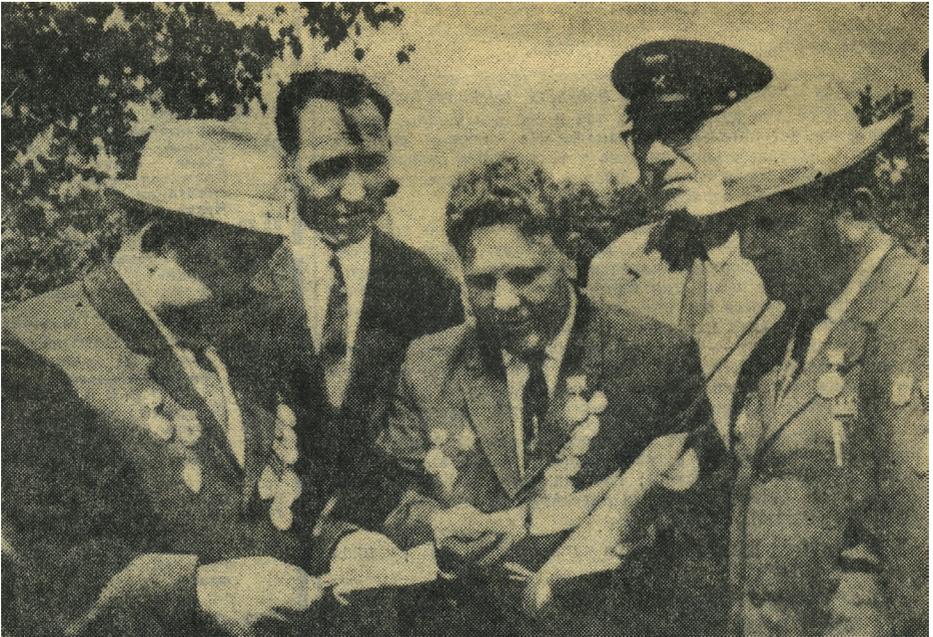
Митинг окончен. К подножию памятника возлагаются венки, букеты цветов. Голубое небо усыпают разноцветные огни ракет.

Многие из участников митинга посетили урочище «Хованщина», где возведен мемориальный комплекс подпольного обкома партии, штаба соединения, подпольного обкома комсомола и подпольной редакции областной газеты «Заря».

На открытой эстраде возле Житлина состоялись массовые гулянья. Допоздна продолжались игры, танцы, звучали песни,

славившие родную Коммунистическую партию и Советское правительство, счастливую, созидательную жизнь наших людей.

*А. Припотнев
газета «Заря», 30 мая 1972 г.
Фотографии В. Германа.*

Бывший партизан М. С. Сивеня, инструктор Березовского райкома ДОСААФ, показывает фотографии военных лет своим боевым друзьям

Партизанская юность

Война, ее суровая действительность прервала детство Михаила Сивени, превратила эту радостную пору в тяжелое испытание на твердость, мужество, храбрость и силу воли.

В 12 с небольшим лет Миша встал в ряды народных мстителей. В 112-ом партизанском отряде Брестского соединения он сменил несколько боевых профессий — был связным, работал в диверсионной группе. А в самой последней части своей боевой биографии Михаил Сивеня — разведчик. В 14 лет он был награжден орденом Красной Звезды. Эта высокая награда Родины говорит о том, что воевал юный партизан зло и умело, вкладывая всю ненависть к проклятым немецко-фашистским оккупантам.

В последнее время у нас появилось немало людей, которые кропотливо, день за днем восстанавливают героические страницы прошлого. К их числу относится и Михаил Сергеевич Сивеня, ныне — председатель Березовского РК ДОСААФ, заместитель председателя районного Совета ветеранов войны.

В 1971 году в нашей газете появился материал «Первый эшелон», положивший начало циклу очерков М. С. Сивени о 112-ом партизанском отряде. И вот с того времени наши читатели постоянно встречали эти очерки в газете вплоть до настоящего времени. Цепкая, натренированная память разведчика, умение передать материал живо, образно, яркие портреты командиров и партизан, запоминающиеся характеристики — все это отличает эти очерки. Я думаю, что никого не оставил равнодушным рассказ о героической смерти комсомольца Василия

Сивени (напечатанный под заголовком «Клянусь жизнью...»), да и все остальные очерки запоминаются надолго.

Хочу упомянуть еще об одном. Михаил Сергеевич — удивительный рассказчик. Мне довелось слушать его рассказ о еще не описанных случаях. И каждый раз я поражался: до чего живо, непосредственно и взволнованно повествует он о суровой године войны.

Но я хотел бы еще отметить то, что вы напрасно будете искать в этих материалах строки о деятельности самого автора. Он показывает боевой коллектив, скромно умалчивая о собственных заслугах. Поэтому расскажу маленький эпизод. В то время Михаил выглядел вообще ребенком. И вот при встрече с ним кадрового советского разведчика, «старшего офицера войск СС», тот долго не мог поверить, что пришедший мальчуган и есть связной, которому он должен передать секретнейшие и важнейшие сведения для наведения советских самолетов на военные цели в Бресте.

Большую и важную работу делает бывший партизанский разведчик, вписывая еще одну страницу в летопись всенародного подвига.

И. Яковлев

газета «Маяк коммунизма», 09 мая 1974 г.

Выросли сыновья

В Березовском музее хранится пожелтевшая от времени фотография парнишки. Под ней табличка: «Сивеня Михаил. С 3 июля 1941 года имел связь с партизанской группой № 112. С 3 мая 1943 года — партизан агентурной разведки в составе диверсионной группы». Сжато, лаконично. Но в этой сжатости — жизнь, которой и половины хватило бы на целую повесть. Наверное, трудно совместить в сознании озорные двенадцать лет и сложно испытание войной, несложившийся характер четырнадцатилетнего подростка и ежеминутный риск, которому подвергался юный разведчик. Хотя что значит — несложившийся характер? В те годы он не кирпичик к кирпичику складывался — сурово сбивала характер война. Мальчишки жаждали жизни и были готовы к смерти, мечтали о славе и шагнули в подвиг.

...Миша Сивеня лазил по деревьям, играл в «войну» и не знал, что скоро, совсем скоро громыхнут первые выстрелы за околицей, вражеские сапоги перетопчут цветы в палисаднике и навечно застынет в памяти добрый материнский взгляд. Маму Агриппину Евстафьевну казнили фашисты.

Отчим Николай Харитонович Колтун, коммунист-подпольщик, один из организаторов партизанского отряда № 112 забрал Мишу с собой в лес. Так началась его партизанская жизнь.

— Два года и восемь месяцев был я в партизанах, — говорит Михаил Сергеевич. — Столько времени прошло с тех пор, а все помнится так отчетливо, словно это было вчера. Знаете, порой не верится, что минуло тридцать лет, что я уже почти старик и у меня взрослые сыновья.

У него озорная улыбка. Наверное, так улыбался тот парнишка из июня сорок первого. А сыновья действительно взрослые. Сережа учится в Ленинградском институте инженеров водного транспорта, через несколько лет станет инженером по подъемно-транспортной технике.

А в Березовском райкоме комсомола напротив меня сидит юноша. Такой же сероглазый. Точная копия отца. Саша Сивеня после школы окончил Витебское техническое училище, которое готовит наладчиков швейного оборудования, отслужил в армии, теперь работает на комбинате бытового обслуживания. Любит читать о войне, смотреть фильмы о разведчиках. Война для него — история.

О себе Михаил Сергеевич рассказывает неохотно. «География» у Миши Сивени в те партизанские два года и восемь месяцев была богатая — за сотни километров отправлялся он в Минск, Барановичи, Белосток, Варшаву, доставляя командованию ценные сведения. Участвовал в организации диверсии в фашистской столовой в Бресте. Об это Михаил Сергеевич говорит сегодня как-то просто, обыденно. Впрочем, это и были будни. Партизанские будни. Только измерялись они высокой мерой ответственности. И еще — человеческой совестью. Перед собой, перед товарищами, страной. Перед казненной врагами матерью...

— Вы были в наших лесах? — спрашивает меня Саша Сивеня.

— Красиво?

— Трудно описать. После дождя все как будто дышит. И трава, и лес, и даже небо. Мы с отцом там часто бываем.

— Рассказывает что-нибудь о том... прошлом? — спрашиваю.

— Мало, очень мало. Я к деду часто езжу. Николай Харитонович, тот много рассказывает о своем отряде. А отец... место вот разве показал, где у костра в комсомол готовился. Но это к случаю было. Я учился в школе, и когда заявление в комсомол подал, отец повел меня в лес. Наверное, поэтому

мне тот день очень запомнился. И еще день, когда накануне 50-летия со дня рождения комсомола вручали мне билет.

— У тебя много друзей?

— Я люблю товарищей. Люблю, когда их много, когда они близки по делу, по духу. Жалко, когда кто-то уезжает, а кто-то просто уходит. Знаете, у отца сохранились все фронтовые друзья. Я ему завидую. Вы с ним поговорите.

...Первый секретарь Березовского райкома комсомола Леонид Нестерчук сказал:

— Нашего председателя клуба ДОСААФ Михаила Сергеевича Сивеню разговорить трудно. А ведь он многое может рассказать.

Конечно, может. Но разве передашь словами, как между вылазками, измученный усталый, словно стихи, учил он комсомольский устав, как считал дни до необходимых четырнадцати лет, как колотилось сердце, когда уже в сорок четвертом вручали ему заветный билет.

— Это было в Москве. Меня туда прямо из отряда направили учиться в ремесленное училище. Как раз в то самое время, когда в Сокольницком райкоме комсомола мне вручали комсомольский билет, под Белостоком, куда не раз приходилось ходить в разведку, наша армия вела освободительные бои.

В городе с легендарной славой будет получать комсомольский билет нового образца Сережа Сивеня. А Саша с гордостью сообщил:

— Мне вообще везет. Рота, в которой я служил в армии, обменивала билеты самой первой. И здесь я тоже буду в числе первых, потому что комсомольская организация Березовского КБО — одна из лучших в районе.

— Тебе нравится твоя работа? Не кажется порой монотонной, скучной?

— Что вы! Я так считаю: человеку нужна фантазия. Конечно, работа наладчика швейного оборудования для кого-то может показаться скучной, а мне интересно.

— У тебя есть любимый фильм или книга?
 — «Как закалялась сталь». Павка Корчагин — человек на века. Он всегда наш современник. Такого человека я понимаю.
 ...Мы расстаемся с Михаилом Сергеевичем Сивеней. При прощании я подумала: выросли у него сыновья, достойные отца.

Э. Аграновская

газета «Заря», 10 апреля 1975 г.

В БЕРЕЗОВСКОМ музее хранится пожелтеншая от времени фотография парнишки. Под ней табличка: «Сивеня Михаил. С 3 июля 1941 года имел связь с партизанской группой № 112. С 3 мая 1943 года — партизан агентурной разведки в составе диверсионной группы». Сжато, лаконично. Но в этой сжатости — жизнь, которой и половинам хватило бы на целую повесть. Наверное, трудно совместить в сознании сложные двенадцать лет и сложное испытание войной, несложившийся характер четырнадцатилетнего подростка и ежедневный риск, которому подвергалась юная разведка. Хотя что значит — сложившийся характер? В те годы он не кирпичик к кирпичику складывался — сурово сбивала характер война. Мальчишка жаждал жизни и был готов к смерти, мечтали о славе и шагнули в подвиг.

...Миша Сивеня любил по деревьям, играл в «войну» и не знал, что скоро, совсем скоро промахнутся первые выстрелы за окопной, вражеские солдаты переступят цветы в папироснике и памерно застынет в памяти добрый материнский взгляд. Маму Агриппину Евстафьевну казнили фашисты.

Отцом Николаю Харитонович Колтун, коммунист-недопопозчик, один из организаторов партизанского отряда № 112 забрал Мишу с собой в лес. Так началась его партизанская жизнь.

— Два года и восемь месяцев был я в партизанах, — говорит Михаил Сергеевич. — Столько времени прошло с тех пор, а все помнится так отчетливо, словно это было вчера. Знаете, порой не верится, что минуло тридцать лет, что я уже почти старик и у меня взрослые сыновья.

У него озорная улыбка. Наверное, так улыбался тот парнишка из юной сорок первого. А сыновья действительно взрослые. Сержа учится в Ленинградском институте инженеров водного транспорта, через несколько лет станет инженером по подземно-транспортной технике. А в Березовском райкоме комсомола напротив меня сидит юноша. Такой же серьезный. Точная копия отца. Саша Сивеня после школы окончил Витебское техникумское училище, которое готовит наладчиков швейного оборудования, отслужил в армии, теперь работает на ком-

бинате бытового обслуживания. Любит читать о войне, смотреть фильмы о разведчиках. Война для него — история.

О себе Михаил Сергеевич рассказывает неохотно. «География» у Миши Сивеня и те партизанские два года и восемь месяцев была богатая — за сотни километров отправлялся он в Минск, Баранович, Белосток, Баршаву. Доставлял командованиям ценные сведения. Участвовал в организации диверсии в

ВЫРОСЛИ СЫНОВЬЯ

фашистской столовой в Бресте. Об этом Михаил Сергеевич говорит сегодня как-то очень просто, обыденно. Впрочем, это и были будни. Партизанские будни. Только измержался они высокой мерой ответственности. И еще — человеческой совестью. Перед собой, перед товарищами, страной. Перед казенной вратом матерью...

— Вы были в наших лесах? — спрашивает меня Саша Сивеня.

— Красиво?
 — Трудно описать. После дождя все как будто ахнет. И трава, и лес, и даже небо. Мы с отцом там часто бываем.
 — Рассказывает что-нибудь о том, что произошло? — спрашиваю.

— Мало, очень мало. Я к лесу часто ехал. Николай Харитонович тот много рассказывает о своем отряде. А отец... место вот разве показывал, где у костра в комсомол готовился. Но это к случаю было. Я учился в школе, и когда заведение в комсомол подав, отец повел меня в лес. Наверное, поэтому мне тот день очень запомнился. И еще день, когда накануне 50-летия со дня рождения комсомола вручали мне билет.

— У тебя много друзей?
 — Я люблю товарищей. Люблю, ког-

да их много, когда они базика по делу, по духу. Жалко, когда кто-то уезжает, а кто-то просто уходит. Знаете, у отца сохранились все фронтовые друзья. Я ему завидую. Вы с ним поговорите.

...Первым секретарь Березовского райкома комсомола Леонид Нестерчук гла-зал.

— Нашего председателя клуба ДОСААФ Михаила Сергеевича Сивеню разговорить трудно. А ведь он многое может рас-сказать.

Конечно, может. Но разве передашь словами, как между вылазками, измученный уставший, словно стикли, учил он комсомольский устав, как считал дни до необходимых четырнадцати лет, как колотилось сердце, когда уже в сорок четвертом вручали ему заветный билет.

— Это было в Москве. Меня туда прямо из отряда направили учиться в ремесленное училище. Как раз в то самое время, когда в Соколыцком райкоме комсомола мне вручали комсомольский билет, под Белостоком, куда не раз приходилось ходить в разведку, наша армия вела освободительные бои.

В городе с легендарной славой будет получать комсомольский билет нового образца Сержа Сивеня. А Саша с гордостью сошлется:

— Мне необоно везет. Рота, в которой я служил в армии, обменяла билеты самой первой. И здесь я тоже буду в числе первых, потому что комсомольская организация Березовского КВЮ — одна из лучших в районе.
 — Тебе предстоит твой работа? Не кажется порой мимолетной, скучной?

— Что вы! Я так считую: человеку нужна фантазия. Конечно, работа наладчика швейного оборудования для кого-то может показаться скучной, а мне интересно.

— У тебя есть любимый фильм или книга?

— «Как закалялась сталь». Павка Корчагин — человек на века. Он всегда наш современник. Такого человека я понимаю.

...Мы расстаемся с Михаилом Сергеевичем Сивеней. При прощании я подумала: выросли у него сыновья, достойные отца.

Э. АГРАНОВСКАЯ.

В 13 мальчишеских лет

Встречаясь с молодежью, особенно с пионерами, делясь с ними воспоминаниями об огненных годах Великой Отечественной войны, часто я вспоминаю о юном белорусском патриоте-пионере Мише Сивене, теперь уже Михаиле Сергеевиче — председателе Березовского РК ДОСААФ.

Он стал партизаном, когда ему еще не исполнилось 13 лет. Он принес с собой в отряд не только оружие, но и лютую ненависть к врагу. Это был небольшого роста, худенький, русоголовый паренек с умными, не по годам серьезными глазами. Отличали его чрезвычайная сообразительность, настойчивость, упорство, неутомимость в выполнении всякого дела. Ему можно было доверить любое задание.

С опасностью для жизни он неоднократно сообщал партизанам об угрожавшей им опасности. Во время одной из блокад Миша получил задание срочно доставить взрывчатку в Барановичи. Преодолев все трудности, он в срок выполнил это задание, диверсия была совершена. Командование доверяло ему выполнение различных заданий в Бресте, Ивацевичах, Телеханах. Не один раз он добывал медикаменты, которые я ему заказывал для раненых и больных.

Владея польским языком, Миша успешно справился с ответственным заданием в Варшаве. Возвращаясь с этого задания, Миша был схвачен в Бресте во время облавы, в комендатуре опознан полицейским. Его «легенда» о том, что он родственник бургомистра, лопнула. Только случайность помогла ему

выбраться из создавшегося положения. Выручили от жестокой расправы партизаны.

В одну из встреч бывших партизан, которые стали традиционными, после митинга у братской могилы павшим в боях с захватчиками в деревне Житлин, мы собрались у Миши Сивени в кругу его прекрасной семьи, в кругу ветеранов партизанского движения на Брестчине. Были здесь бывший член Брестского подпольного обкома партии С. Ф. Потеруха, Н. Х. Колтун — один из основателей партизанского движения в Ивацевичском районе, бывший комиссар, затем командир специального отряда В. А. Цветков, бывшие командиры В. И. Савельев, А. А. Мирсков, И. А. Маценко, М. А. Глаговский, А. Д. Никитин, бывшая радистка Л. А. Шелухина и другие наши товарищи.

А. Н. Халаджиев, Н. Г. Рубцов,
И. А. Маценко, фото 1944 г.

Впервые на встречу приехала из г. Гродно бывшая разведчица Ксения Николаевна Ключева. Она в годы войны по заданию работала переводчицей на главпочтамте в г. Бресте и добывала ценные сведения для командования. Ксения Николаевна вспоминала, как произошла ее первая встреча с Мишей Сивеней, который был направлен к ней связным для передачи сведений о дислокации гитлеровских частей. Затем эти сведения передавались по радио в центр. Она рассказывала: «Я заметила, что по залу почтамта ходит какой-то мальчик. Он делает вид, что читает всякие объявления, а сам тем временем пристально меня изучает. Ему дали описание моей внешности, и он должен был не ошибиться. Он дождался, когда от моего окна отошли

все посетители. Подошел и тихо сказал пароль. Я сказала ему условный ответ. Так мы с ним познакомились и некоторое время вместе работали».

Ксения Николаевна пригласила Михаила Сергеевича и всех нас к себе в гости и сказала: «Приезжайте, будем очень рады. Теперь пароль уже не нужен!».

М. С. Сивеня и К. Н. Клюева

О Мише Сивене — партизанском разведчике — уже писали Герой Советского Союза Г. М. Линьков в книге «Война в тылу врага» и В. А. Цветков в книге «Своими глазами».

За выполнение заданий в тылу врага Михаил Иванович Калинин вручил М. С. Сивене в Кремле орден Красной Звезды.

*А. Халаджиев, бывший партизанский врач
газета «Маяк коммунизма», 09 мая 1975 г.*

Бесстрашный разведчик

Фашистам было известно, что партизанская бригада имени Дзержинского поддерживает связь с подпольщиками Минска, Баранович, Бреста, Варшавы. Но кто связной, как он пробирается на задания — это предстояло выяснить.

В поезде, идущем на Варшаву, фашисты тщательно проверяли документы. Никто из пассажиров не вызвал подозрений. Для порядка подошли и к тихому мальчику, робко смотревшему на проверяющих. Он подал фашистам билет и справку, в которой было указано, что житель Ивацевич Миша Сивеня едет в Варшаву навестить брата, служащего в полиции. Гитлеровцы вернули ему документы, не заподозрив, что перед ними тот, кого они давно и упорно ищут.

До Варшавы Миша добрался благополучно, а вот на обратном пути, когда он вез сведения, полученные от разведчиков, юный партизан попал в облаву.

На офицера службы безопасности, который его допрашивал, справка, будто старший брат Миши служит в полиции, не подействовала.

— Брат в полиции, а ты — партизан! Признавайся! — кричал он, избивая мальчика.

Во время допроса в комнату вошел какой-то важный начальник.

— О, господин лейтенант! — сказал он, обращаясь к офицеру. — Если бы вы так же усердно искали партизанского разведчика, как умеете допрашивать детей! В чем обвиняется этот мальчик?

— Пока ни в чем, господин оберст. Но на всякий случай надо допросить.

— Так когда разведчик будет пойман?

— Стараемся, господин оберст.

Когда старший офицер ушел, лейтенант приказал солдатам:

— Посадите его в крытую машину и везите в Ивацевичи. Пусть покажет свой дом. Действительно ли он живет в Ивацевичах? Проверьте!

Никакого дома у Миши в Ивацевичах, конечно, не было. Он с тревогой ожидал, когда машина придет в Ивацевичи и обман откроется. Начнутся новые допросы...

Но Мише повезло: километрах в пятнадцати от города машину обстреляли партизаны. Был убит водитель и сопровождающие солдаты. В кузове партизаны увидели мальчика с кровавленным лицом и с трудом узнали в нем Мишу Сивеню.

Несколько недель Миша отдыхал в партизанском госпитале, а потом опять стал проситься на задания.

В это время фашистские агенты уже дознались, что партизанский разведчик — четырнадцатилетний мальчик. Тогда-то и вспомнился им «младший брат» полицейского из Варшавы, которого не довели до Ивацевич. Полной уверенности, что он и есть тот самый разведчик, не было. Но все же агентам службы безопасности в Ивацевичах и в Березе было поручено найти и арестовать этого мальчишку. Фашисты ожидали, когда он вновь поедет в Варшаву «навещать брата». Но пока у партизан не было необходимости посылать туда связного.

Миша вернулся в диверсионную группу Александра Шлыкова. Двенадцать пущенных под откос эшелонов было на счету этой группы. Во всех двенадцати диверсиях участвовал пионер Миша Сивеня.

Однажды бойцы всю ночь пролежали в траве у железнодорожного полотна. Поезд показался только на рассвете. Подорвавшись на mine, он с грохотом полетел под откос.

Партизанам удалось незаметно уйти от железной дороги. Они решили пересидеть день на уединенном хуторе.

Не знали партизаны, что хозяин хутора Стась Кривицкий — сын бывшего кулака, что он люто ненавидит Советскую власть. Стась пригласил их в хату. На столе появились картошка и сало, огурцы и капуста. Хозяин щедро угощал партизан.

— Отоспаться нам надо бы, — сказал командир группы. — Может, на сеновале устроишь?

— Все для вас сделаю, ребята, — отвечал Стась. — И подежурю, спите спокойно.

Уставшие партизаны быстро уснули. А Стась Кривицкий оседлал коня и помчался в Березу к начальнику управления службы безопасности Гансу Гофману. Через несколько минут две машины с гитлеровцами мчались к хутору. Начальник СД сам возглавил солдат. Он уже представлял, как его солдаты свяжут спящих партизан.

Кстати, среди партизан, как доносил Стась Кривицкий, есть мальчишка. По всем приметам — разведчик, что ездил в Варшаву.

Но как ни устал командир партизан Александр Шлыков, все-таки сквозь дрему услышал он рокот моторов.

— Фашисты! Вставайте скорей!

Партизаны тут же схватились за оружие. Они подбежали к воротам, но раскрыть их не смогли. Оказалось, что фашистский холуй Кривицкий подпер ворота сарая снаружи толстым бревном.

— Мы в ловушке! — воскликнул Шлыков. — К бою!

Партизаны приготовили гранаты.

Фашисты подошли к сараю. Они оттащили бревно. Но только ворота распахнулись, как тринадцать гранат, брошенных партизанами, взорвались среди фашистов. Тут же застрочили партизанские автоматы. Бойцы выскочили из сарая и бросились к оврагу, поросшему мелкоколесьем...

Партизаны еще не знали, что гитлеровцы охотятся за Мишей. Юный разведчик опять собирался ехать в Варшаву. Было решено, что на этот раз Миша сядет в поезд не в Ивацевичах, где его могли запомнить, а в Березе.

Когда начальник управления службы безопасности Ганс Гофман узнал, что какой-то подросток просит пропуск, чтобы ехать в Варшаву к своему брату, он сразу подумал, не партизанский ли это разведчик. Гофман размышлял. Как лучше забрать его? Может, сразу арестовать? Или следить за ним, чтобы узнать, с кем он встречается.

— Значит, тебе надо разрешение на проезд в Варшаву? — вкрадчиво спросил офицер. — Хорошо. Твой брат служит фюреру, и наша задача помочь тебе. Вот разрешение на проезд до Бреста. В Бресте пойдешь в комендатуру, и тебе помогут доехать до самой Варшавы.

Гофман повернул пропуск обратной стороной и что-то быстро написал по-немецки.

Непонятное волнение охватило Мишу. Что написал фашист? Почему в Ивацевичах на пропуске ничего такого не писали?

Миша шел по улице, тревожно оглядываясь по сторонам, и вскоре заметил, что двое незнакомых мужчин неотступно следуют за ним.

Фашистские агенты, понял Миша. Надо бежать.

По улице шли крестьяне, ехали подводы.

Мальчик как бы невзначай посмотрел в сторону агентов. Те поспешно отвернулись. В эту минуту Миша вскочил на подводу, что проезжала мимо. На подводе стояла бочка, и он быстро спрятался в ней...

Ищейки еще долго озирались по сторонам, удивляясь, куда мог исчезнуть мальчишка.

...Миша спешил в партизанский отряд. Ему хотелось узнать, что же написал фашистский начальник на пропуске.

Партизанский переводчик взглянул на документ, потом повернулся к Мише и похвалил:

— Молодец, парень! Ловко ты обвел фашистов. Знаешь, что здесь написано? «Комендатуре Бреста. Не упускайте мальчика из виду. Выследите партизанские явки и затем арестуйте всех. Гофман».

После этого Гофман обратился к населению Березы с воззванием, обещавшим большую награду за поимку мальчишки-разведчика, приметы которого указывались.

Но партизанский разведчик по-прежнему был неуловим.

Боец батальона белорусских орлят Михаил Сергеевич Сивеня и сегодня живет в Березе. Работает он председателем районного комитета ДОСААФ. Учит молодежь беззаветно любить Родину, быть готовой к ее защите.

В. Герасимов

книга «Рядом с отцами», Минск «Народная Асвета», 1978

И ожили страницы книги

История эта началась еще в прошлом году. Учащиеся 272-й группы гидромелиоративного техникума заинтересовались судьбой героев книги Василия Афанасьевича Цветкова «Своими глазами». Дело в том, что в книге командира спецотряда особого назначения В. А. Цветкова рассказывается о самоотверженной борьбе партизан Пинщины с немецко-фашистскими захватчиками. Перед читателями проходит множество людей, причастных к событиям тех грозных военных лет: партизан, подпольщиков, связных. Зона действия отряда была четко определена командованием Западного фронта: Ивацевичи, Пинск, Иваново, Именно в этих местах нашлись у отряда сотни добровольных помощников. Ни один из них не забыт автором. О каждом сказано теплое слово.

Ребята задалась благородной целью: разыскать героев книги, познакомиться с ними поближе, узнать, как сложилась их жизнь после войны. Сначала решено было провести читательскую конференцию по книге. Активно помогла учащимся классный руководитель Раиса Романовна Хохлова. Конференция прошла очень живо. О ней будущие мелиораторы написали автору в Одессу. Василий Афанасьевич прислал ответ, в котором выразил сердечную благодарность за проявленный интерес к его книге.

Следующим этапом стал розыск партизан и подпольщиков, связанных с боевой деятельностью специального разведывательного отряда. Некоторых героев нашли с помощью директора филиала госархива Брестской области в Пинске

Ивана Георгиевича Васильева. Остальных помогли разыскать партийные и советские органы, советы ветеранов войны. Когда в списке уже стало более двадцати человек, было решено организовать встречу с этими интересными людьми и посвятить ее 35-летию Победы над фашистской Германией.

И вот этот долгожданный день наступил. Актальный зал техникума заполнен до отказа. Под горячие аплодисменты студентов и преподавателей на сцену поднимаются прославленные соратники Василия Афанасьевича Цветкова,

Разными путями пришли они в 25-й спецотряд, но все сражались храбро и не жалели сил в борьбе с ненавистным врагом. Свидетельство их мужества — многочисленные боевые награды. Иван Георгиевич Васильев представляет дорогих гостей. Сам участник Великой Отечественной войны, он оказал неоценимую помощь автору книги документальными архивными материалами, помог восстановить наиболее яркие эпизоды героических действий партизан в тылу врага.

Первым выступает Николай Харитонович Колтун. Этот 76-летний человек — живая история родного края. Коммунистом он стал в 1927 году в тяжелых условиях подполья. Уже тогда Николай Харитонович пользовался большим авторитетом у товарищей и смело брался за самые ответственные партийные поручения. Польская охранка долго охотилась за Колтуном и, когда нашла след, сделала все, чтобы не выпустить на свободу, 7 лет провел патриот в одиночных камерах. Есть свидетельства бесчеловечных пыток, которым подвергали его в гродненской и варшавской тюрьмах. Но Колтун стойко перенес тяжелейшие истязания и остался верен своим политическим взглядам.

С восхищением смотрела молодежь на этого поистине легендарного полесского крестьянина. После прихода в Западную Белоруссию Красной Армии Николай Харитонович активно включается в строительство новой жизни. Его избирают председателем сельсовета. На этом посту и встретил 22 июня

1941 года. Когда фашисты подошли к родной деревне, ему пришлось покинуть семью и уйти в лес. Немцы обещали за голову Николая Колтуна большую сумму немецких марок.

Группа ветеранов партизанского движения с учащимися техникума.
Фотография Н. Басевича.

Не зря враги боялись этого человека. Уже в августе вокруг него собралась группа местных патриотов и был создан партизанский отряд. Немцы арестовали жену Колтуна — Агриппину с двумя малолетними детьми и предложили партизанскому вожаку явиться с повинной. Не добившись своего, они расстреляли женщину. С еще большей ненавистью Николай Харитонович сражался с оккупантами.

Затаив дыхание, слушают студенты рассказ ветерана о некоторых ярких эпизодах борьбы с врагом.

Слово берет Серафима Александровна Хмелевская, по книге Сима Бигоза. Ей автор посвятил целую главу «Она не боялась рисковать». 17-летняя Сима стала в отряде лучшей связной. Ее дерзкие по смелости поездки в Пинск к подпольщикам можно сравнить с подвигами солдат на фронте. Ведь тогда людей хватало и расстреливали по малейшему подозрению. Серафима Александровна рассказала на встрече о том, как однажды ночью

несла важное донесение. Нужно было перейти железную дорогу. Заметив патруль, она поползла и вскоре к своему ужасу увидела табличку с надписью «Заминировано». Но раздумывать было некогда, и девушка, рискуя жизнью, по-пластунски преодолела минное поле. Пакет был доставлен по назначению. В другой раз Сима провезла на телеге в Пинск взрывчатку и каким-то чудом сумела обмануть вражеских постовых.

С интересом узнали ребята, что Серафима Александровна после войны трудилась на советской работе в Ивановском районе, вырастила четверых детей.

А вот, что называется, из первых уст звучит рассказ о выполнении молодыми партизанами необычного задания. В канун 26-й годовщины Великого Октября командование отряда приняло такое решение: нескольким группам проникнуть в гарнизоны врага, выбрать наиболее высокие сооружения и водрузить на них знамена. Перед этим было проведено занятие, как соединять мину с флагом. Среди смельчаков, отправленных на такую операцию в Мотоль, были присутствовавшие на встрече пинчанин Николай Андреевич Ломакин и Сергей Николаевич Маркевич, начальник инспекции по закупкам и качеству сельхозпродуктов Ивановского района. Если Н. Ломакин к этому времени был опытным бойцом, то Сереже Маркевичу шел только четырнадцатый год. После того, как у штаба вражеского гарнизона были сняты посты, Сережа надел немецкую форму, взял в руки винтовку и должен был изображать часового. Тем временем Николай Ломакин с двумя товарищами установили на крыше флаг.

В ночь на 7 ноября 1943 года флаги появились на видных местах в Пинске, Поречье и других населенных пунктах.

Вместе с Сергеем Маркевичем находился в отряде 15-летний Николай Кухарчук, сын участника гражданской войны, зверски замученного фашистами. Подростки не только храбро воевали, но и успевали учиться в партизанской школе.

— Какая это была учеба, — рассказывает Николай Александрович. Писать приходилось на березовой коре, на всех учеников был один карандаш.

Н. А. Кухарчук впоследствии сам стал учителем, после войны закончил Пинское педучилище и Минский педагогический институт, сейчас работает в Достоевской школе. Интересно сложилась судьба у Сергея Маркевича. В 1944 году он был вывезен в Москву, учился там в ремесленном училище, потом служба в армии, техникум. Высшая партийная школа.

Встреча подходит к концу. Зачитывается письмо от Василия Афанасьевича Цветкова. Теплое приветствие учащимся 272-й группы прислал и Леон Онихимовский, бывший разведчик отряда, ныне главный редактор польского журнала «Континенты».

Горячими аплодисментами встречено предложение сделать такие встречи традиционными, продолжать поиск новых героев книги В. А. Цветкова, оформить уголок боевой славы 25-го партизанского спецотряда.

Прикосновение к подвигу — так можно назвать ту большую работу, которую проводят по военно-патриотическому воспитанию в гидромелиоративном техникуме. Мероприятия, подобные сегодняшнему, учат молодежь трудовым и ратным подвигам, укрепляют историческую связь поколений.

С. Шапиро

газета «Полесская правда», 09 мая 1980 г.

Партизанская связная

Паренек лет тринадцати робко переступил порог аптеки. — Могу я увидеть тетю Раю? — спросил тихо посетитель. Девушка встрепенулась — эти слова были условным паролем.

— Да, — ответила восемнадцатилетняя «тетя» Рая, — это я. Паренек передал записку и исчез.

«Сегодня жди связного возле своего дома в районе 11–12 часов ночи. Старик», — прочла Рая короткую фразу.

В условленный час она встретила партизанского связного из д. Власовцы Александра Удовина и передала ему пакет с лекарствами, бинтами и ватой. Такие встречи стали частыми. Рая Пшеная, а это была она, уже долгое время держала связь с партизанами, выполняла их поручения. Она работала в аптеке под прикрытием отца Гордея Пшеная, который был начальником ивацевичского паспортного стола и также имел связь с партизанами.

Потом девушку попросили устроиться на работу на биржу труда, где больше людей и возможных связей. При помощи отца дело было исполнено. Ценные сведения стали поступать от нее в штаб специального отряда, которым командовал полковник Льдов (Г. М. Линьков). Часто приносил ей поручения уже знакомый нам паренек — партизанский разведчик Миша Сивеня.

В Ивацевичах была немецкая столовая, в которой питались офицеры и солдаты, а вечерами отдыхали. Партизаны давно хотели уничтожить эту столовую. Рае получили найти надежного исполнителя. Она обратила внимание на молодого

парня Петра Ревенкова, который работал в столовой электромонтером. Поговорили и Петр дал согласие, так как считал стыдным сидеть сложа руки. Началась подготовка к операции. На хутор возле деревни Яглевичи связной Иван Григорьевич Пекарский доставил из отряда мину с часовым механизмом и восемь килограммов тола. Несколько дней потребовалось, чтобы перенести по частям взрывчатку на место — Ревенков пронес ее в подвал столовой.

Вечером 18 октября 1943 г. в столовой, как всегда, былолюдно.

Ревенков незаметно проскользнул в подвал и положил на толовый заряд мину с заведенным часовым механизмом. Однако выйти незаметно не удалось — у входа появились солдаты. Петр с большим трудом вылез через окошко подвала и только отбежал на несколько метров, как ударная волна сбила его с ног, а страшный взрыв потряс окрестности. От столовой осталась только куча кирпича и бревен.

Петр Ревенков добрался до леса и стал партизаном. Он участвовал во многих боевых операциях. В одной из них около г. Иваново в бою с карателями Петр погиб.

...В Ивацевичах на углу Комсомольской и Почтовой улиц работает «дежурный магазин». Он стоит на месте немецкой столовой. Кто-кто, а Раиса Гордеевна Пшеная всегда переживает минуты волнения, проходя это место.

М. Коляда.

книга «Памяць. Ивацэвіцкі Раён», Минск, Белта, 1997

перевод с белорусского языка

Облава в Бресте

Гитлеровские войска стремительно откатывались на запад. Менялись и места жительства наших подпольщиков. Вместе с пинской окружной провиантурой убыл и «Орленок». Спустя несколько недель мы узнали, что провиантура обосновалась на окраине Варшавы. Нужно было как можно скорее организовать регулярную доставку от Пасьялюка-Кремера сведений о противнике.

Для связи с ним мы перебросили в Варшаву Тадеуша Янковского. Несколько позднее в помощь ему направили Владислава Кручинского. Связь намечалась через Софью Сосновскую, проживавшую в Бресте по улице Домбровского (ныне Советская).

События торопили, а сведения от них доставлялись нерегулярно. Надо было подыскать такого человека, который бы нигде не работал и мог свободно совершать поездки. Софья Сосновская, находясь на службе у немцев, ездить часто в Варшаву не могла. Пришлось попросить маленького парнишку Мишу Сивеню. Ему тогда исполнилось 14 лет. Мальчик хорошо знал польский язык, был не по возрасту развит, смекалист и мог найти выход, казалось, из любого положения.

Мише подобрали приличный костюм, снабдили немецкими оккупационными марками и направили в Ивацевичи. Там он должен был сесть в поезд и добраться до Бреста, навестить Софью Сосновскую и узнать адрес Янковского.

Миша взял билет и уселся у окна в пассажирском вагоне. Когда поезд тронулся, стал рассматривать проносившиеся

мимо поля, леса, перелески. Вдруг кто-то толкнул в плечо. Он обернулся и вздрогнул от неприятной встречи. Перед ним стоял полицейский Степан Лютич, бывший белогвардеец. Миша хорошо знал его, но не предполагал, что полицейских привлекали для проверки пассажиров. А Степан Лютич обслуживал участок дороги от Березы-Картузской до Бреста и знал многих местных жителей.

— Ты куда едешь, парень? — спросил полицейский, внимательно всматриваясь в его лицо.

Миша старался сохранить внешнее спокойствие.

— В Брест, — ответил юноша и протянул билет.

— Ты сел в Ивацевичах? Чей же будешь?

Миша, не долго думая, назвал известную в Ивацевичах фамилию, понимая, что она произведет соответствующее впечатление.

— Племянник пана Славинского?! — переспросил удивленный полицейский и тут же возвратил билет. Он хотел идти дальше, но, немного подумав, решил уточнить.

— Это пан бургомистр в Ивацевичах твой родственник?

— Конечно! Разве в Ивацевичах есть другой пан Славинский?

Фашист что-то примиряюще пробубнил себе под нос, неумело извинился и пошел дальше.

В Бресте Миша разыскал Софью Сосновскую, узнал порядок, как переехать белорусско-польскую границу, и первым же поездом отправился в Варшаву. Все необходимые документы у него были.

В Варшаву поезд прибыл вечером. Мише долго пришлось разыскивать улицу Черняковского. Усталый, он подошел наконец к дому № 193 и позвонил. Дверь открыл мужчина средних лет и удивленно посмотрел на мальчика.

— Здесь живет Тадеуш Янковский?

— Тадеуш Янковский? — переспросил мужчина.

— Да. Нельзя ли мне его видеть?

— Ну, если тебе он нужен лично, то это я.

— Вы? — обрадованно произнес мальчик. — Я только что прибыл в Варшаву... из Бреста, и мне негде остановиться. Не разрешите ли у вас переночевать?

Сивеня всю дорогу повторял эти слова и все-таки произнес их не совсем уверенно.

— Прошу пана заходить. Ты счастливый. Час тому назад я возвратился из Кракова, — ответил на пароль Тадеуш Янковский.

Вошли в уютную прихожую. Там их встретила молодая женщина. Густые черные волосы подчеркивали правильные черты лица. Она чем-то напоминала расстрелянную фашистами мать.

— Добрый вечер, пани! — поздоровался мальчик.

— Добрый вечер, — ответила женщина. Голос ее был мягким, приветливым, добродушным.

Тадеуш поспешил рассказать, от кого приехал мальчик. Миша передал привет от Софьи Сосновской, и между хозяйкой и ним сразу же завязался оживленный разговор.

На второй день с пакетом, зашитым в подкладку пиджака, Миша поехал назад. В Брест он прибыл в момент, когда в городе подпольщики совершили взрыв. Немцы производили облаву. Задерживали всех подозрительных. Задержали и Мишу.

Сутки просидел он в темном подвале, переполненном арестованными. ЕСТЬ не давали. Только один раз приносили воду. С утра вызывали на допрос. Некоторых возвращали в каземат, но сильно избитыми. «Что сделать с донесением? — думал мальчик. — Начнут обыскивать и обнаружат. Нужно его уничтожить».

Забившись в угол, он достал маленький пакет, осторожно распечатал и с трудом прочитал:

«Штаб группы армий «Центр» переместился в район Варшавы. 26 июня фельдмаршала Буша сменил фельдмаршал

Модель. Последнему Гитлер поставил задачу остановить наступление советских войск и не допустить их к границе Германии. Отходящие соединения 2, 4 и 9-й армий занимают оборону по западному берегу реки Нарев. Всеми силами будут удерживать Варшаву...»

В конце донесения «Орленок» просил организовать личную встречу со мной или с каким-либо другим нашим человеком. Сообщалось, что добыты важные сведения о заговоре в Германии.

Вдруг загремел железный засов, открылась дверь и в подвале посветлело. Полицейский назвал Мишину фамилию. Сивеня не отвечал, стараясь оттянуть время, чтобы проглотить порванное донесение и конверт. Полицейский зло выругался и снова назвал его фамилию».

Когда Миша подошел к двери, полицейский со всего размаху ударил его по голове и, схватив за шиворот, толкнул к выходу. Из глаз мальчика будто посыпались искры, он не удержался на ногах, упал на ступеньки и рассек бровь. Пошла кровь.

В приемной, куда ввели Мишу, находился полицейский. Он внимательно посмотрел на мальчика и узнал его.

— Слушай, пацан, почему ты очутился здесь? Ты же говорил мне, что племянник бургомистра.

Миша молчал. Неожиданная встреча со Степаном Лютичем застала его врасплох. Перед ним стоял тот же полицейский, два дня назад проверявший в поезде документы. Миша обдумывал, как выйти из трудного положения.

Не дождавшись ответа, полицейский вошел к коменданту и, видимо, доложил все, что знал о мальчике. Мишу тут же вызвали в кабинет. Он повторил, что действительно является племянником бургомистра. После некоторых уточняющих вопросов позвонили в Ивацевичи. Оттуда попросили направить «племянника» бургомистра к ним.

И вот Мишу под охраной везут на автомашине в Ивацевичи. Скоро его обман будет раскрыт, и он попадет в руки коменданта

полиции Ивацевичской волости Алексея Негробецкого. Живым от этого петлюровского поручика уйти еще никому не удавалось.

Машина уже въезжала в лес, за которым рукой подать до Ивацевич. И тут неожиданно послышались выстрелы. Машина завилыла, перескочила кювет и, сильно ударившись о дерево, загорелась. Миша не удержался на скамейке, упал в кузов и потерял сознание.

Партизаны доставили мальчика к нам в лагерь в тяжелом состоянии. Александр Халаджиев сделал все, чтобы вернуть его к жизни. Только через несколько дней Миша смог сказать, что выполнил задание, и передал просьбу «Орленка».

В. А. Цветков

книга «Своими глазами», Издательство «Беларусь», Минск, 1972

М. С. Сивеня с отчимом Н. Х. Колтуном, сыном и внуком
г. Москва, 10 мая 1983 г.

Встреча ветеранов партизанского движения. Май 1973 г.

На снимке сверху:

Потеруха Степан Филиппович
Маценко Иван Антонович
Сивеня Михаил Сергеевич
Мартынов Иван Данилович
Топкин Иосиф Филиппович
Глаговский Михаил Андреевич
возм. Цветков Василий Афанасьевич

На снимке справа:

Савельев Владимир Иванович
Цветков Василий Афанасьевич
Маркевич Петр Иванович
(Вислицкий Бронислав)
Халаджиев Александр Никитич

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

**Краткие биографии некоторых
персонажей повести**

Глаговский Михаил Андреевич

Родился в 1918 г. в г. Макеевка Сталинской области Украинской ССР. На службу в Красную Армию поступил в 1938 году.

Воевал на Западном фронте, в январе 1942 г. был награжден медалью «За отвагу». В феврале 1944 г. получил орден Красной Звезды, а уже в ноябре 1944 г. награжден орденом Красного Знамени. В феврале 1945 г. вместе с А. А. Мирсковым и И. Ф. Топкиным получил медаль «За оборону Москвы».

Колтун Николай Харитонович

Родился 15 августа 1903 г. в деревне Ходаки Ивацевичского района Брестской области.

Был одним из организаторов партизанского отряда № 112 (позднее переименованного в отряд им. А. П. Черткова). Член Коммунистической партии Западной Белоруссии с 1927 г. Отбывал наказание в польских тюрьмах за революционную деятельность. С сентября 1939 г. до июля 1941 года был председателем Житлинского сельсовета. В октябре 1941 г. с его инициативы создана первая партизанская группа на житлиновщине, которая к весне 1942 г. переросла в партизанский отряд.

Был начальником разведки 112-го партизанского отряда, а затем спецгруппы Героя Советского Союза Г. М. Линькова.

После освобождения района работал инструктором и заместителем председателя райвоенкомата, председателем колхоза, председателем сельсовета.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней.

Линьков Григорий Матвеевич

Родился 04 февраля 1899 г. в селе Васильевка ныне Октябрьского района Оренбургской области.

Окончил сельскую школу, Оренбургскую совпартшколу и рабфак. Член ВКП(б) с 1918 года.

В Красной Армии с 1918 года. Участник гражданской войны, воевал в составе армии Блюхера.

В 1938 году окончил Высшую военную электротехническую школу комсостава Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), получил специальность военного инженера.

В боях Великой Отечественной войны с сентября 1941 года. Возглавил 1-й Белорусский отряд особого назначения, начавший действовать на оккупированной территории Лепельского, Чашникского и Хлопеничского районов Витебской области БССР (при этом главная база отряда находилась на небольшом острове в Березинских болотах).

Партизанский отряд под его командованием прошёл 600 км по тылам врага в южных районах Белоруссии, совершал диверсии и подрывал коммуникации противника. С мая 1943 года Г. М. Линьков — командир диверсионно-разведывательной группы, действовавшей в районе Бреста, Барановичей, Волковыска, а затем на территории Польши и Чехословакии. Добытые сведения о противнике передавались командованию и помогли проведению Белорусской и других операций.

Награждён орденом Красного Знамени, медалями. Звание Героя Советского Союза Г. М. Линькову присвоено 21 января 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу врага и особые заслуги в развитии партизанского движения в Белоруссии.

С 1946 года полковник Г. М. Линьков в отставке, был на партийной и государственной работе. Жил в Москве. О своей военной карьере написал книгу «Война в тылу врага».

Известен также под псевдонимами Батя и Льдов.

Погиб 17 декабря 1961 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Лопатин Викторин Васильевич

Родился в г. Кирове в 1917 году. В годы Великой Отечественной войны оказался в глубоком тылу врага — в Бестской области. Был начальником штаба в партизанском отряде № 112, командиром которого был А. П. Чертков. После гибели Черткова возглавил отряд, переименовав его в отряд им. А. П. Черткова.

Мирсков Александр Ананьевич

Краткая автобиография.

На свет появился я в 1918 году 28 дня ноября месяца.

Народился в семье крестьянина-бедняка Саратовской области, Балтийского района, с. Сосновки.

Вместе со сверстниками учился в сельской школе. Окончил 7 классов и поступил в Саратовский Геолого-Гидро-Геодезический техникум. После окончания техникума некоторое время работал топографом.

Осенью 1939 года был призван в ряды Красной Армии. Начал службу в Забайкальском военном округе на границе с Монгольской народной республикой в качестве танкиста. В то время в Армии людей со средним образованием было сравнительно мало. Служба проходила сравнительно легко.

Уже через 8-10 месяцев мне присвоили звание. Сначала младшего командира, а затем старшины, и назначили командиром танка.

По совместительству я исполнял обязанности командира взвода первой роты отдельного танкового разведбатальона, так как не было офицера.

Демобилизацию ожидали осенью 1941 года. В начале мая 1941 года нашу дивизию начали передислоцировать на западную границу страны.

Война нас застала в эшелоне под городом Курском. С первых её дней наш батальон в отрыве от основных сил дивизии начал боевые действия самостоятельно. Офицер к нам так и не прибыл, и я продолжал выполнять обязанности командира взвода.

В боях под Оршей и Смоленском мой взвод потерял сначала один, затем второй, и в одном из боёв под Ельней ещё два танка.

Уже без танков личный состав взвода в начале августа под Ельней перешёл реку Днепр. Штаб нашей дивизии находился в районе г. Дрогобуш, куда мы и прибыли.

В середине августа в районе г. Дрогобуш Смоленской области, где переформировалась наша дивизия, я по доброй воле был зачислен в отряд особого назначения разведотдела штаба Западного фронта. Отряд вместе с командирами насчитывал около ста человек.

Первый рейд в тыл врага отряд под командованием Т. Алексеева начал 12 сентября 1941 года и длился до конца декабря.

За три с лишним месяца мы прошли сотни километров по тылам врага по Смоленской и Калининской областям.

Штаб Западного фронта регулярно получал от нас сведения о дислокации и передвижении врага. Наряду с боевыми действиями по уничтожению гитлеровцев, отряд выполнял не менее важную в то время работу по созданию и укреплению партизанских отрядов и уничтожению продовольствия и скота в колхозах и совхозах на территории, занятой врагом.

В конце декабря 1941 года по приказу командования отряд вернулся к своим. Вместе с нами перешли фронт более 300 человек офицеров и бойцов, попавших в окружение.

После месячного отдыха и награждения (я получил первую медаль «За отвагу») отряд, почти в том же составе, в феврале 1942 года на лыжах снова отправился в тыл врага. На этот раз в районе города Мосальска Калужской области.

Выполнив задание, отряд через три с половиной месяца вернулся к своим войскам. Была уже в полном разгаре весна.

Также как и в первый раз, вместе с нами перешло около 200 человек офицеров, солдат и местных жителей.

За два таких рейда мы накопили определённый опыт разведки в глубоком тылу врага.

За успешное выполнение задания все участники похода были награждены правительственными наградами. Я получил вторую медаль «За отвагу».

Действиями нашего отряда заинтересовался Генеральный Штаб Советской Армии.

Примерно в июле 1942 года нас подчинили непосредственно разведотделу Генерального Штаба, который отобрал группу около 30 человек и под командованием капитана т. Топкина (комиссар т. Цветков) группами по 10–12 человек за три рейса был выброшен в Брестскую область в район деревни Житлин, за 800 километров от линии фронта.

Отряд был разбит на группы по 5–6 человек, одной из которых командовал я.

Перед нами стояла одна из важнейших задач — сообщать о дислокации и передвижении противника по железным и шоссейным дорогам.

Наряду с этим мы должны помочь координации действий партизанских отрядов, объединить отдельные партизанские группы в мощные отряды, обеспечить их боеприпасами и взрывчаткой.

Уже к концу 1942 года отряд располагал надёжной агентурной сетью из местных жителей на важнейших железнодорожных станциях и узловых населённых пунктах на шоссейных дорогах в районе от Барановичей до Бреста и от Слонима до Пинска.

Родина стала получать регулярные сводки о движении живой силы и военной техники по железным дорогам в районе действия отряда.

Партизаны, снабжённые взрывчаткой, резко усилили диверсии на железных и шоссейных дорогах. Под откос полетел не один эшелон с живой силой и техникой врага.

Гитлеровцы вынуждены были вдоль железных и шоссейных дорог очищать широкую полосу от леса и усилить охрану железнодорожных путей. По шоссе стали передвигаться только днём.

В 1943 году капитан т. Топкин после тяжёлого ранения был отправлен на самолёте за линию фронта. Вместе с ним отправили также получивших тяжёлые ранения товарищей Ифутина Михаила и Устояна Сергея.

В это время командование отрядом принял на себя т. Цветков.

Через некоторое время к нам в отряд прибыл полковник, Герой Советского Союза т. Линьков (под псевдонимом Льдов), который принял командование от Цветкова.

К этому времени отряд вместе с подчинёнными ему партизанскими отрядами насчитывал несколько сот человек.

Полковник Льдов с целью расширения зоны действия отряда, направил т. Цветкова с группой в район г. Пинска.

В начале мая я с группой разведчиков был направлен в район г. Белостока.

Приближался фронт. Нужно было заранее, в случае необходимости, подготовить для отряда новую базу.

Весна 1944 года для Белоруссии особенно памятна. Войска Рокоссовского провели блестящую операцию по окружению гитлеровских войск и их уничтожению в районе г. Бобруйска, а затем г. Минска.

Наступление наших войск было настолько мощным, а бегство гитлеровцев было настолько стремительным, что намеченная нами база в районе г. Белостока оказалась освобождённой от врага.

В июне 1944 года мы с радостью встретили наши войска.

Все партизаны были переданы в распоряжение командования фронта, а мы, десантники, были вызваны в разведотдел Генерального Штаба. Вместе с нами полетели в Москву также юные партизаны Миша Сивеня и Сергей Маркевич.

За успешное выполнение задания всех нас наградили правительственными наградами. Я тогда получил орден Красного Знамени, Миша Сивеня — орден Красной Звезды...

Лето 1944 года мы отдыхали, занимались составлением отчёта о проделанной работе и готовились к выполнению новых заданий. Некоторые наши товарищи были выброшены в тыл врага в Польшу и Чехословакию.

Я в составе группы пяти человек, в том числе один пленный немецкий офицер из Берлина, готовились для выполнения задания на территории Германии, возможно даже в самом Берлине.

Начиная с февраля 1945 года нашу группу неоднократно пытались отправить в тыл врага, но всегда в последний момент находились какие-то неизвестные нам причины, и нас с аэродрома возвращали на базу.

Последняя такая попытка была в конце апреля 1945 года. Мы уже вышли на лётное поле, когда за нами прибежал связной штаба и вернул в аэропорт. Сопровождавший нас офицер Генштаба с радостью сообщил: «Всё в порядке, Берлин окружён».

Демобилизовался я в 1946 году, а женился ещё в 1945 году. Началась моя мирная жизнь.

За 30 лет мира я работал всего в трёх организациях г. Москвы. С 1946 по 1957 год в Минлеспроме СССР, где прошёл путь от заведующего дачным хозяйством до помощника Министра. В 1957 году в связи с организацией Совнархозов это министерство наряду с другими было упразднено. С 1957 по 1967 год работал начальником планового отдела института «Гипроторфразведка» Министерства геологии РСФСР. В 1967 году перешёл на работу в качестве помощника заместителя

Министра промышленного строительства СССР, где работаю по настоящее время.

Краткое описание жизненного пути составил собственноручно.

15 июня 1976 года, А. А. Мирсков

Монахов Василий Михайлович

Родился 15 июля 1915 г. в селе Мордовские Парки Мордовской АССР. Один из руководителей партизанского движения в Брестской области. С июня 1941 г. на Западном фронте. В партизанах с июля 1941 г. Командир группы, с августа 1941 г. — отряда, в декабре 1943 г. — июле 1944 г. командир партизанской бригады им. Ф. Э. Дзержинского. В 1944–1975 гг. на советской и хозяйственной работе. Умер 25 ноября 1988 г.

Терешенков Иван Михайлович

Вероятно, родился в 1919 году в с. Рухань Ершичского района Смоленской области.

В июне 1941 года — лейтенант, начальник связи батальона 459-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии. Оказавшись в тылу врага, стал партизаном.

Руководил диверсионной группой. В дальнейшем — комиссар отряда имени А. П. Черткова.

Награжден двумя орденами, в том числе орденом Отечественной войны I степени, и многими медалями.

Член КПСС.

После войны И. М. Терешенков жил и работал в Бресте.

Топкин Иосиф Филиппович

Родился в 1914 г. в с. Метлишино Полудинского района Северо-Казахстанской области Казахской ССР.

В Красной Армии с ноября 1935 года призван Полудинским РВК Северо-Казахстанской области Казахской ССР, Участник

Великой Отечественной войны с июля 1941 года. 02 июля 1941 г. был ранен в бою у ст. Фанодаль, с группой бойцов и командиров вышел из окружения.

В феврале 1942 года был награжден медалью «За боевые заслуги». С сентября 1942 года в качестве командира ОЦ в тылу противника, до прибытия подпольного обкома партии объединил местные партизанские отряды в Белоруссии и руководил их боевой деятельностью. С сентября 1942 года им организовано и проведено крушение 4-х воинских эшелонов противника с войсками, техникой и боеприпасами, разбито и уничтожено 60 вагонов и 3 паровоза. Взорвано два моста, один из них железнодорожный. Убито и ранено более 100 гитлеровцев.

В ноябре 1942 года награжден орденом Красного Знамени. В 1943 году награжден орденом Отечественной войны 1 степени. В результате полученного осенью 1942 г. ранения потерял зрение и был уволен в отставку. После войны проживал в г. Одессе.

Цветков Василий Афанасьевич

Родился 24 декабря 1913 г. в д. Мильцево Курловского района Владимирской области.

В годы Великой Отечественной войны по заданию командования был заброшен в глубокий тыл врага — на оккупированные территории Брестской области. Был комиссаром отряда у Г. М. Линькова.

В 1942 году награжден орденом Красного Знамени, в 1945 году — орденом Отечественной войны I степени, медалью «За взятие Будапешта».

В 1946 году окончил вечерний университет марксизма-ленинизма и в том же году поступил в Одесский государственный университет имени Мечникова на исторический факультет. Помимо работы по кадрам, с октября 1944 г. работал секретарем в партийной организации.

В 1972 году выпустил книгу мемуаров «Своими глазами». В 1980 году проживал в г. Одессе.

Халаджиев Александр Никитич

Родился в 1919 г. в г. Ставрополе. В Великую Отечественную войну — майор медицинской службы в отряде Г. М. Линькова.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Красного знамени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими наградами.

Чертков Алексей Петрович

Родился в сентябре 1920 г. в д. Жадино Курской области. 15 июня 1941 г. окончил Калининское военное училище и в звании лейтенанта был направлен на западную границу. С первых дней войны участвовал в боях с оккупантами. Попал в плен, совершил побег и с группой бойцов пришел в Ружанскую пушу, затем у деревни Корочин соединился с местной группой патриотов. Патриоты организовали партизанский отряд под названием 112-й. А. П. Чертков был избран командиром отряда. В октябре 1943 г. в бою с карателями около деревень Гутово и Кремна Дрогичинского района погиб.

После его гибели отряд 112-й стал называться отрядом им. А. П. Черткова. Именем героя названы колхоз на Житлинщине и улица в Ивацевичах.

Май 1979 г. У памятника в д. Житлин

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями офицерского, сержантского и рядового состава разведывательного управления Генштаба Красной Армии» от 21 ноября 1944 г.

ГАРФ, ф. Р7523, оп. 4, д. 245,

рассекречено в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 08 мая 2007 г. № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов»

(из базы данных «Память народа»)

УКАЗ ПРЕЗИДИИ ВЕРХОВНОЙ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
SSRI BAŞ SÖVETİ PREZİDİUMUNUN FÖRMANI
პრეზიდენტის ბრძანება უმაღლესი საბჭოს პრეზიდიუმის
ბრძანება

SSSR JOKARİ SOVETI PREZİDİUMNIN UKAZI
SSSR ALIJ SOVETI PREZİDİUMININ UKAZI
UKAZI PREZİDİUMI SOVETI OLIJİ SSSR
SSSR ÜLĖ SOVETJ PREZİDİUMNIN UKAZI
SSSR ÇOQORQU SOVETI PREZİDİUMUNUN UKAZI

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденами и медалями офицерского, сержантского и рядового состава разведывательного управления Генштаба Красной Армии.

За образцовое выполнение боевых заданий по разведке в тылу противника и проявленные при этом доблесть и мужество
н а г р а д и т ь :

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. Майора ГЛУМОВА Михаила Сергеевича.
2. Младшего лейтенанта КОВАЛЕВА Михаила Ильича.
3. Майора ПАВЛЕНКО Евгѳафа Кирилловича.

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Старшего лейтенанта АЛЕКСЕЕВА Кирилла Михайловича.
2. АЛЕКСЕЙЧИКА Николая Иосифовича.
3. Старшину АФАНАСЬЕВА Владимира Семеновича.
4. БАЙКОВА Исяя Николаевича.
5. БАССАРАНОВИЧА Григория Андреевича.
6. Красноармейца БАЮШКИНА Алексея Тарасовича.
7. Старшего лейтенанта БОНДАРЕНКО Константина Ивановича.
8. Майора БРИТАЕВА Хаджимета Ахметовича.
9. БУРИМСКОГО Юрия Михайловича.
10. Красноармейца ВАРВАРУКА Тимофея Михайловича.
11. Красноармейца ВАРТАНЬЯНА Гургена Аваковича.
12. Сержанта ВОЛКОВА Юрия Сергеевича.
13. Старшину ГАЛЫЧЕНКО Дмитрия Власовича.
14. Старшину ГЛАГОВСКОГО Михаила Андреевича.

15. Подполковника ГРАЧЕВА Ивана Васильевича.
16. Старшего сержанта ДОСЬКО Владимира Гавриловича.
17. Санинструктора ДЕМЧЕНКО Павла Васильевича.
18. Старшего сержанта ЕФРЕМЕНКО Андрея Антоновича.
19. Старшего лейтенанта ЗИНОВЬЕВА Михаила Игнатьевича.
20. Капитана ИЛЛАРИОНОВА Василия Михайловича.
21. Лейтенанта КАПЛЕНКО Ивана Илларионовича.
22. Младшего лейтенанта КЛИМЕНКО Петра Алексеевича.
23. Подполковника КОМАРОВА Аркадия Григорьевича.
24. КОНИЩУКА Николая Парамоновича.
25. Красноармейца КОРЖАВНЫХ Григория Фомича.
26. Младшего сержанта КОСЕНКО Николая Ананьевича.
27. Подполковника КОСИВАНОВА Михаила Яковлевича.
28. Старшего лейтенанта ЛАРИОНОВА Ивана Васильевича.
29. Старшину ДОГИНОВА Петра Михайловича.
30. Старшего лейтенанта ДОСКУТОВА Алексея Матвеевича.
31. Капитана МАНЗИЕНКО Федора Сергеевича.
32. Красноармейца МАРКЕВИЧА Петра Ивановича.
33. Сержанта МЕЛЕТИНА Александра Васильевича.
34. Сержанта МИРСКОВА Александра Ананьевича.
35. Политрука МИСНИКА Архипа Константиновича.
36. Сержанта МОИСЕЕНКО Владимира Петровича.
37. Старшего лейтенанта НАЗАРОВА Алексея Петровича.
38. Политрука НЕВОЙТА Анатолия Семеновича.
39. Подполковника НИКОЛЬСКОГО Виталия Александровича.
40. ОВСЕЙЧУКА Ивана Никоновича.
41. Красноармейца ОГАРКОВА Дмитрия Гавриловича.
42. Красноармейца ПЕДЧЕНКО Ивана Сергеевича.
43. Подполковника ПЕЛИХ Валентина Петровича.
44. Красноармейца ПЕРЕВЕРТУНА Михаила Анисимовича.
45. Полковника ПИТАЛЕВА Михаила Кузьмича.
46. Старшего сержанта ПОПОВА Степана Андреевича.
47. Старшего военфельдшера РУБЦОВА Николая Григорьевича.
48. Майора САВЕЛЬЕВА Владимира Ивановича.
49. Капитана САЗОНОВА Ивана Яковлевича.
50. Капитана САЛАМОНОВА Анатолия Николаевича.
51. Старшего лейтенанта САМЧУКА Петра Харитоновича.
52. Красноармейца САХАНЕВИЧА Василия Захаровича.

Лист в базе данных «Память народа» отсутствует.

Вместе с тем, известно, что на нём информация о награждении Халаджиева Александра Никитича орденом Красного знамени, а также начало списка награжденных орденом Отечественной войны I степени.

16. ВОВЧИКА Андрея Павловича.
17. Старшину ГАВРИЛОВА Петра Ивановича.
18. ГАРНОВИЧА Даниила Яковлевича.
19. Майора ГЕРАСИМОВА Петра Степановича.
20. Красноармейца ГОЛУБОВИЧА Дмитрия Александровича.
21. ГУМЕНЮКА Савву Михайловича.
22. Красноармейца ГУНЧИНА Василия Васильевича.
23. Сержанта ДВОРЯНИНА Александра Федоровича.
24. Красноармейца ДИДЮШИНА Петра Ивановича.
25. ДОЛМАТ Александру Титовну.
26. Старшего лейтенанта ЕМЕЛЬЯНОВА Николая Андреевича.
27. Техника-лейтенанта ЕПИХИНА Юрия Леонидовича.
28. Красноармейца ЕРОФЕЕВА Василия Васильевича.
29. Красноармейца ЕСИНКОВА Тимофея Петровича.
30. Красноармейца ЖАРИКОВА Александра Денисовича.
31. Техника-лейтенанта ЖУРАВИЦКОГО Казимира Николаевича.
32. Младшего сержанта ЗАГОВЕНКОВУ Антонину Николаевну.
33. Старшего сержанта ЗЕМСКОВА Василия Андреевича.
34. Красноармейца ИВАНЕЦ Виктора Тихоновича.
35. Сержанта ИВАНОВА Алексея Акимовича.
36. Младшего сержанта КОКУРИНУ Нину Сергеевну.
37. Красноармейца КАЛЕНКБА Наума Яковлевича.
38. Старшего лейтенанта КАЛУТИНА Михаила Александровича.
39. Инженер-подполковника КАРПУХИНА Григория Меркурьевича.
40. Красноармейца КАРПУШИНА Федора Абрамовича.
41. Майора КАТКОВА Николая Алексеевича.
42. Красноармейца КОВАЛЕВА Андрея Петровича.
43. Красноармейца КОЗИНЕНКО Ивана Петровича.
44. КОМТУНА Николая Николаевича.
45. КОМТУНА Николая Харитоновича.
46. Красноармейца КОМАРОВА Владимира Васильевича.
47. Красноармейца КОНОНЕНКО Павла Михайловича.
48. Капитана КОРНЕЕВА Петра Прокоповича.
49. Сержанта КОСОВСКОГО Ивана Дмитриевича.
50. Красноармейца КОСЫРОВИЧА Александра Григорьевича.
51. Красноармейца КОРЯГИНА Николая Ивановича.
52. Красноармейца КРИВЦОВА Павла Тимофеевича.
53. Сержанта КУБАНОВА Ивана Ивановича.
54. Старшину КУЗНЕЦОВА Михаила Петровича.

55. Красноармейца КУЗНЕЦОВА Тимофея Семеновича.
56. КУПЕРБЕРГА Исаака Гириевича.
57. Красноармейца ЛАСКОВИЧА Василия Петровича.
58. Майора медицинской службы ЛЕКОМЦЕВА Виктора Алексеевича.
59. ЛЕВШЕВУ Ираиду Ивановну.
60. Красноармейца ЛОБАЧЕВА Никиту Родионовича.
61. Политрука ЛОГУНА Адама Иосифовича.
62. Красноармейца ЛИТВИНОВА Георгия Федосеевича.
63. Старшего лейтенанта МАГРАДЗЕ Сергея Ноевича.
64. Красноармейца МАКАРОВУ Анну Георгиевну.
65. МАЛАШИЦКОГО Григория Ивановича.
66. МАНДЕЛЬБАУМА Владимира Исааковича.
67. МАРЦИНСВИЧА Леонида Степановича.
68. МАРТЕНОВА Анатолия Николаевича.
69. МАРТЕНОВА Григория Федоровича.
70. МАТВЕЮКА Аксения Дмитриевича.
71. Капитана МАТЕЮКА Николая Антоновича.
72. Старшего сержанта МЕЛЬНИКОВА Семена Семеновича.
73. Красноармейца МУРЕКИНА Константина Степановича.
74. МУШИНСКОГО Мовшу Израилевича.
75. НАГОРНОГО Петра Семеновича.
76. Красноармейца НАУМЕНКО Афанасия Ивановича.
77. НИКИТИНА Алексея Дмитриевича.
78. Красноармейца НИКИТИНА Петра Николаевича.
79. Сержанта ОБУХОВА Георгия Яковлевича.
80. Красноармейца ОНИЩУКА Ефима Леонтьевича.
81. Красноармейца ОРЛЕАНСКУЮ Людмилу Константиновну.
82. Старшего лейтенанта ПАРАСКЕВОВУ Неонилу.
83. Майора ПАРУБЧЕНКО Григория Пименовича.
84. Красноармейца ПЕШКОВА Петра Владимировича.
85. Красноармейца ПЛЕХАНОВА Михаила Агафоновича.
86. Красноармейца ПЛЕШКОВА Ивана Васильевича.
87. Сержанта ПОЛЕВОГО Николая Владимировича.
88. Капитана ПОШОВА Андрея Владимировича.
89. ПРИМАЧУКА Петра Денисовича.
90. Красноармейца РОМАНОВИЧА Николая Ивановича.
91. Старшего сержанта РЫЖИХ Григория Федоровича.
92. Красноармейца РЫСУНОВА Прокофия Васильевича.

93. Старшего лейтенанта РЯБОВА Алексея Ивановича.
94. Старшего сержанта САЛТЫКОВА Филиппа Ефимовича.
95. Гвардии старшину САПАТОВА Петра Дементьевича.
96. Младшего сержанта СЕДЕЛЬНИКОВА Анатолия Васильевича.
97. Подполковника СЕМЕНОВА Ивана Михайловича.
98. Сержанта СЕРДЦОВА Ивана Павловича.
99. Красноармейца СЕРДЮКА Александра Сидоровича.
100. Сержанта СЕРГЕЕВА Петра Сергеевича.
101. Сержанта СИМИКИНА Матвея Филипповича.
102. Красноармейца СИНЯНСКОГО Петра Ивановича.
103. Подполковника СОКОЛОВА Георгия Алексеевича.
104. Старшего сержанта СТАНОВОГО Дмитрия Ивановича.
105. СТЕЛЬМАШУКА Иосифа Николаевича.
106. Красноармейца СТОЛЯРОВА Ивана Дмитриевича.
107. Красноармейца СТРОЕВА Александра Михайловича.
108. ТАНКОВИЧА Михаила Ульяновича.
109. Сержанта ТИТОВА Якова Сергеевича.
110. Сержанта ТОРОПОВА Николая Васильевича.
111. Красноармейца ТРЕХСВОЯКОВА Дрона Савельевича.
112. Капитана УЗДЕНОВА Дугербия Танеевича.
113. ФЕЛЮКА Александра Федоровича.
114. Красноармейца ФИЛИМОНЧУКА Иосифа Григорьевича.
115. Подполковника ХОМЧУКА Тимофея Власовича.
116. Старшину ХРЕНОВА Сергея Ивановича.
117. Ефрейтора ХРИСТИАНОВА Петра Петровича.
118. Майора ЦВЕТКОВА Василия Афанасьевича.
119. Старшего сержанта ЧИРКОВА Василия Ивановича.
120. ШТЕРНА Давида Срульевича.
121. ШУГА Ивана Анисимовича.
122. Старшего сержанта ЯНИНА Николая Васильевича.

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ II СТЕПЕНИ

1. Красноармейца АЛЕКСЕЕВА Владимира Алексеевича.
2. Майора АЛЕСЬКО Стефана Марковича.
3. АРМУШЕВИЧА Михаила Прокофьевича.
4. Старшего сержанта АНТОНЕНКО Григория Гавриловича.
5. Красноармейца АРТЕМЕНКО Николая Степановича.
6. Старшину БАРАНА Ивана Федоровича.

7. Красноармейца БАЦКАЛЕВИЧА Константина Антоновича.
8. Красноармейца БАЧАЙ Халита Изретовича.
9. Старшину БЕЛОГО Ивана Михайловича.
10. Старшего лейтенанта БИБИКА Ивана Абрамовича.
11. БОВГИРА Василия Александровича.
12. Старшего сержанта БОГДАНОВА Тимофея Карповича.
13. Сержанта БОРИСОВА Валентина Михайловича.
14. БОРИЩУКА Максима Фомича.
15. Младшего лейтенанта БОРОДИНА Алексея Ивановича.
16. Капитана ВЕНЕДИКТОВА Ивана Елисеевича.
17. ВЕРБАНОВИЧА Василия Мироновича.
18. Сержанта ВИЛЕНКОВА Василия Федоровича.
19. Красноармейца ВОРОБЬЕВА Павла Борисовича.
20. Красноармейца ВЛАСОВУ Валентину Ивановну.
21. ГЛОВСКОГО Николая Александровича.
22. Лейтенанта ГОРЛАНОВА Федора Павловича.
23. Младшего лейтенанта административной служб ГОРОХОВА Николая Леонтьевича.
24. Сержанта ГОРЬКОВУ Александру Михайловну.
25. Лейтенанта ГРАЧЕВА Ивана Филипповича.
26. Красноармейца ГРИШАНОВУ Веру Ефимовну.
27. Младшего сержанта ГРИЩЕНКО Ивана Афанасьевича.
28. Старшего лейтенанта ГРИЗЛОВА Александра Федоровича.
29. ГУСАИНА Михаила Васильевича.
30. ГУЗА Ицека Шлемовича.
31. ДЕДУХА Николая Терентьевича.
32. Сержанта ДЕРУНОВУ Веру Васильевну.
33. ДЕРЕВЯНЧУКА Ивана Анастасьевича.
34. Красноармейца ДИМИДЕНКО Дмитрия Матвеевича.
35. Красноармейца ДОЛГОВА Владимира Яковлевича.
36. ЕМЕЛЬЯНОВА Григория Андреевича.
37. Сержанта ЕРШОВА Михаила Григорьевича.
38. Капитана ЕФИМОВА Афанасия Ивановича.
39. ЗАЖАРСКУЮ Антонину Федоровну.
40. Лейтенанта ИБРАГИМОВА Изета Ибрагимовича.
41. ИВАНОВУ Анфису Михайловну.
42. Ефрейтора ИВАНЧУКА Николая Николаевича.
43. ИГНАТЮКА Якима Максимовича.
44. Красноармейца КАЗАКА Василия Пантелеевича.

45. Красноармейца КАММЕРЕРА Виктора Юльевича.
46. Старшего сержанта КОЗЫРЕВА Игоря Викторовича.
47. Красноармейца КОЛЧИНА Михаила Васильевича.
48. Старшего сержанта КОРОТКОВА Василия Сергеевича.
49. КАРАЧИЦКОГО Трофима Лукьяновича.
50. КОСТЮЧЕК Якова Даниловича.
51. Красноармейца КОТЛЯРА Всеволода Дмитриевича.
52. Красноармейца КОЧКИНА Федора Прокофьевича.
53. Сержанта КУЗНЕЦОВУ Зою Селиверстовну.
54. КУЗЬМИНА Максима Семеновича.
55. КУШНИЧА Михаила Ильича.
56. Красноармейца КУСАЙНОВА Даганубека.
57. КУХТА Феклу Евстипеевну.
58. Красноармейца ЛЕБЕДЕВА Анатолия Васильевича.
59. ЛЕВДАНСКОГО Владимира Викентьевича.
60. ЛЫСАКА Сендера Мотелевича.
61. МАЗЬКО Куприяна Андреевича.
62. Сержанта МАМОНОВА Ивана Федоровича.
63. Красноармейца МЕДВЕДЕВА Василия Ивановича.
64. Красноармейца МЕНЬШИКОВА Василия Абрамовича.
65. МЕШЕНУКА Афанасия Васильевича.
66. Лейтенанта МИХАЛЬЧИШИНА Саведия Николаевича.
67. Красноармейца МИЧУРИНА Николая Андреевича.
68. Красноармейца НАГРЕВЕНЦУЮ Марию Корнеевну.
69. НАЙДИНА Константина Николаевича.
70. Красноармейца НАУМОВУ Евгению Николаевну.
71. Красноармейца НОСОВА Владимира Григорьевича.
72. Красноармейца ОСКЕР Венеру Ивановну.
73. Красноармейца ОСКИРГО Ивана Петровича.
74. Сержанта ПЕРЕВОЗНИКОВА Николая Васильевича.
75. Красноармейца ПОЗДНЯКОВА Прохора Евлантьевича.
76. Красноармейца ПУХОВА Аркадия Федоровича.
77. ПЫРКОВА Николая Денисовича.
78. РАДЗЕВСКОГО Бориса Абрамовича.
79. Красноармейца РАДЧЕНКО Григория Михайловича.
80. Красноармейца РЕВИНА Владимира Васильевича.
81. РОЖКО Константина Николаевича.
82. Красноармейца САВИНОВА Федора Ивановича.

83. Майора САВИЦКОГО Владимира Федоровича.
84. САДОВНИКОВА Федора Сидоровича.
85. САВЕЕЦ Степана Васильевича.
86. Старшего лейтенанта САВЧУКА Григория Степановича.
87. САВЧУКА Ивана Денисовича.
88. Заместителя политрука САМСОНОВА Алексея Архиповича.
89. Красноармейца САУНИНА Якова Александровича.
90. Младшего политрука САФРОНОВА Бориса Степановича.
91. Капитана СВИНТОРАШКОГО Якова Ивановича.
92. СЕГАЛА Ицека Эшковича.
93. Красноармейца СЕЛВЕЖИЦКОГО Остапа Федоровича.
94. Красноармейца СЕРЕДА Анатолия Алексеевича.
95. СЕРОВУЮ Надежду Николаевну.
96. Красноармейца СИДЬЯЧЕНКО Петра Ефремовича.
97. Старшего сержанта СЕРИНИКА Алексея Порфирьевича.
98. Старшего сержанта СОКОЛИНА Василия Никонovichа.
99. Красноармейца СОЛОВЬЕВА Николая Михайловича.
100. Младшего сержанта СОЛОВЬЕВУ Клавдию Федоровну.
101. Красноармейца СОСНОВСКУЮ Веру Ивановну.
102. Старшего сержанта СТЕПУШКИНА Василия Степановича.
103. СТОВБА Ивана Васильевича.
104. СТРАШНСКОГО Бронеслава Осиповича.
105. Красноармейца ТАРАСЕВИЧ Нину Николаевну.
106. ТАРКОВА Антипа Павловича.
107. ФЕДОРАШКО Романа Ивановича.
108. Красноармейца ФЕДОРЦЕВА Гавриила Дмитриевича.
109. Красноармейца ФОМИНА Дмитрия Федоровича.
110. Сержанта ФОНИЧЕВА Василия Филипповича.
111. ФРАНЦЕВИЧА Андрея Петровича.
112. ХЛЕБОВИЧА Василия Федоровича.
113. ЦУПА Степана Степановича.
114. Старшего сержанта ЧЕГОДАЕВА Ивана Тихоновича.
115. Красноармейца ЧИЛБУРА Александра Дмитриевича.
116. ЧИСТОВА Петра Андреевича.
117. Капитана ЧУПРИСА Демьяна Федоровича.
118. Красноармейца ШЕНЕЛЯ Максима Ивановича.
119. Красноармейца ШЕСТЕРКИНА Степана Ивановича.
120. Красноармейца ШИШКОВА Александра Владимировича.
121. Красноармейца ШУРГИНА Василия Степановича.

122. КРАШЕВИЧА Якова Григорьевича.
123. Старшего сержанта ЯРЫШЕВА Григория Михайловича.

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. АВДЕЕВУ Анфису Константиновну.
2. АВЕРЬЕВУ Веру Александровну.
3. Красноармейца АКИМОВА Николая Христиановича.
4. Красноармейца АНДРЕЕВА Александра Михайловича.
5. АНДРЕЕВУ Зинаиду Борисовну.
6. Сержанта АРХИПОВУ Елену Григорьевну.
7. Красноармейца АФНАСЬЕВА Александра Дмитриевича.
8. Красноармейца АФНАСЬЕВА Цавеласа Ипатьевича.
9. Младшего сержанта АФНАСЬЕВУ Марию Александровну.
10. БАВНИКИНУ Нину Ивановну.
11. Красноармейца БАРШЕВА Леонида Ивановича.
12. БАСИЯ Каленика Ильясовича.
13. Красноармейца БАТУРИНА Николая Трофимовича.
14. БАЯНА Ивана Сергеевича.
15. БЛАНШТЭЙНА Иосифа Хацкелевича.
16. БЛЕТКО Василия Васильевича.
17. Красноармейца БОБЫЛЕВА Ивана Сергеевича.
18. Красноармейца БОГДАНОВА Бориса Михайловича.
19. Младшего сержанта ВОЛТУШЕВА Николая Григорьевича.
20. БОРЕЙКО Александра Ивановича.
21. Красноармейца БОРУНОВА Ивана Даниловича.
22. Заместителя полтрука БОРОНЕНКОВА Григория Кирилловича.
23. Красноармейца БРИЦЯ Лаврентия Исааковича.
24. Старшего техника-лейтенанта БРУСНИКИНА Виктора Константиновича.
25. БУНАСА Владимира Михайловича.
26. Старшего сержанта БУТКО Василия Яковлевича.
27. Красноармейца БУТКО Федора Кондратьевича.
28. Красноармейца ВАСИЛЬЕВА Петра Ивановича.
29. ВЕЛЬГУНА Федора Игнатьевича.
30. ВЕНЦЕЛЯ Якова Павловича.
31. Техника-интенданта 2 ранга ВЛАСОВА Николая Васильевича.
32. Красноармейца ВЛУКОВА Тихона Мироновича.
33. ВОЖИНЯКА Марьяна Иосифовича.
34. ВЕДРИЧА Ивана Антоновича.

35. ГНЕДЬКО Илья Алексеевича.
36. Младшего сержанта ГНОЙКОВА Алексея Павловича.
37. Красноармейца ГОЛОВАЧА Кирилла Михайловича.
38. Лейтенанта ГОЛУБА Григория Григорьевича.
39. ГОНЧАРА Андрона Ануфриевича.
40. Лейтенанта ГОРЕМЬКИНА Григория Ивановича.
41. ГРАБОВА Якова Пейсаховича.
42. Красноармейца ГРАМАКОВА Агуриана Васильевича.
43. Красноармейца ГРАМАКОВА Ивана Васильевича.
44. Младшего сержанта ГРАЧЕВУ Анну Ивановну.
45. Красноармейца ГРЕВЕНЯ Василия Николаевича.
46. Красноармейца ГРИБАНОВА Савелия Ефимовича.
47. ГРИНЕВСКОГО Александра Михайловича.
48. Старшего лейтенанта ГРОШЕВА Петра Семеновича.
49. Красноармейца ДАВИДОВИЧА Павла Ивановича.
50. Красноармейца ДАВЛИЧИНА Салифа.
51. Старшего лейтенанта ДЕРКАЧА Ивана Фадеевича.
52. Красноармейца ДЕУШЕВА Георгия Алиевича.
53. ДЕЖУРКО Аркадия Яковлевича.
54. Капитана ДИКОГО Василия Яковлевича.
55. Лейтенанта ДРАЧЕВА Ивана Сидоровича.
56. ДОВРЫДНИКА Якова Григорьевича.
57. ДОЛГУНА Николая Ипполитовича.
58. Красноармейца ДОМАНСКОГО Ивана Даниловича.
59. Красноармейца ДРАГАШВИЛИ Владимира Григорьевича.
60. Красноармейца ЕВСТИФЕЕВА Василия Федоровича.
61. Красноармейца ЕГОРОВА Алексея Игнатьевича.
62. Красноармейца ЕГОРОВА Василия Григорьевича.
63. Красноармейца ЕЛИСЕЕВА Василия Федоровича.
64. ЖАВИНСКОГО Петра Ивановича.
65. Красноармейца ЖАДОМАЕВА Николая Егоровича.
66. ЖЕЛННОВИЧ Татьяну Ивановну.
67. Красноармейца ЖЕЧУСА Леонардаса Юргевича.
68. Красноармейца ЖУКОВА Алексея Андреевича.
69. Старшего лейтенанта ЖУКОВА Георгия Леонидовича.
70. Красноармейца ЖУРБА Павла Лукьяновича.
71. Майора ЗЛОБИНА Вениамина Васильевича.
72. Старшего сержанта ЗОЛОТУХИНА Ивана Иосифовича.

73. Подполковника ЗОРИНА Василия Федоровича.
74. Сержанта ЗУБЧЕНКО Гавриила Степановича.
75. Красноармейца ИВАНОВА Тимофея Григорьевича.
76. Красноармейца ИВАНОВА Филиппа Ивановича.
77. Красноармейца ИВАНОВАЙТЕ Евдокию Акимовну.
78. Красноармейца ИВАНОВСКУЮ Валентину Андреевну.
79. Красноармейца ИГНАТЬЕВУ Лидию Лукиничну.
80. Красноармейца КАЛИНИНА Василия Николаевича.
81. КАПУТСКУЮ Анну Андреевну.
82. КАРПОВИЧА Александра Кондратьевича.
83. КАРПОВИЧА Степана Лаврентьевича.
84. КАШАРУКА Ивана Даниловича.
85. Красноармейца КАШКИНА Василия Ивановича.
86. Старшину КИПРОВА Сергея Александровича.
87. КИОРМАНА Абу Давидовича.
88. Красноармейца КЛЮЧНИКОВА Алексея Ивановича.
89. Красноармейца КОНОПАЦКОГО Андрея Степановича.
90. Сержанта КОРЧЕННУЮ Нину Ивановну.
91. Красноармейца КРАЙНЕГО Василия Степановича.
92. КРАЙЦЕРА Григория Срульевича.
93. КРЕЧКО Ивана Васильевича.
94. Младшего сержанта КРИВОХИЖИНА Василия Ильича.
95. Красноармейца КУДРИНА Семена Михайловича.
96. Красноармейца КУЗЬМЕНКО Николая Гавриловича.
97. Лейтенанта КУЗЬМИНОВА Сергея Васильевича.
98. Красноармейца КУЗЬМИЧА Александра Васильевича.
99. Заместителя политрука КУЗНЕЦОВА Николая Григорьевича.
100. ЛАВНИКОВИЧА Николая Федоровича.
101. ЛЕВКОВИЧА Герасима Лукьяновича.
102. ЛИСЕЦКОГО Романа Николаевича.
103. Сержанта МАЙОРОВУ Розалию Алексеевну.
104. Красноармейца МАМУТОВА Агима Карамовича.
105. МАНУИЛЬЧИКА Андрея Федоровича.
106. Старшего сержанта МАРКОВА Алексея Ивановича.
107. Воентехника 2 ранга МАРКОВА Александра Сергеевича.
108. Старшего сержанта МАРЧЕНКО Михаила Ильича.
109. Лейтенанта МАЦЕНКО Ивана Антоновича.
110. МЕЛЬНИКА Петра Васильевича.
111. Красноармейца МЕЛЬНИЧУКА Гапона Федотовича.

112. МЕЛЬХИОРА Самуила Нусиновича.
113. Сержанта МИШЬТО Тамару Николаевну.
114. Красноармейца МИСЬКО Елену Васильевну.
115. Старшего сержанта МИХАЙЛОВА Григория Михайловича.
116. Старшину МОИСЕЕВА Михаила Ивановича.
117. Красноармейца МОЛЧАНОВА Николая Алексеевича.
118. Красноармейца МЩАРА Степана Антоновича.
119. НЕКРАШЕВИЧА Григория Андреевича.
120. НЕКРАШЕВИЧА Михаила Андреевича.
121. Младшего сержанта НЕКРИТОВА Кирилла Ивановича.
122. Красноармейца НЕЧАЯ Дмитрия Емельяновича.
123. Красноармейца НОГАЙЦЕВА Николая Андриановича.
124. Сержанта НОГИНА Юрия Ивановича.
125. Красноармейца НОСОВА Павла Петровича.
126. ОБОДОВСКОГО Николая Адамовича.
127. Красноармейца ОГОРОДНИКОВА Николая Ивановича.
128. ОФМАНА Владимира Евгеньевича.
129. Старшего сержанта ПАХОВСКОГО Александра Андреевича.
130. Лейтенанта ПАНАРИНА Андрея Игнатьевича.
131. Красноармейца ПЮРО Александра Николаевича.
132. Лейтенанта ПЕРЦЕВА Дмитрия Григорьевича.
133. ПЕТРИКА Григория Федоровича.
134. Красноармейца ПЕТРОЖИЦКУЮ Анну Афанасьевну.
135. Сержанта ПИКАЛОВУ Веру Васильевну.
136. Красноармейца ПЛАКСИНА Алексея Григорьевича.
137. Старшего сержанта ПЛОЦЕВА Ивана Никифоровича.
138. ПОВХА Иосифа Петровича.
139. Старшего сержанта ПОМИШКО Дмитрия Степановича.
140. ПОПЕНЯ Алексея Иосифовича.
141. Красноармейца ПОПОВА Ивана Николаевича.
142. Старшего лейтенанта ПОЖАРНИСКОГО Николая Викторовича.
143. Красноармейца ПРЕСНЯКОВА Николая Ивановича.
144. ПРИВАЛОВА Александра Федоровича.
145. ПРИЛУЦКОГО Федора Федоровича.
146. Старшего лейтенанта ПРИХОДЬКО Ростислава Владимировича.
147. Воентехника 2 ранга ПРОКОПЕНКО Валерия Ивановича.
148. ПУГАЧЕВУ Ольгу Петровну.
149. ПУЧКОВСКОГО Леонида Александровича.
150. РАДЗИЕВСКОГО Ивана Борисовича.

151. Красноармейца РЕВКО Петра Антоновича.
152. Сержанта РОДИНУ Софью Сергеевну.
153. РОЖКО Ивана Семеновича.
154. Красноармейца РОМАНОВСКОГО Николая Тарасовича.
155. Младшего сержанта РЫЛЬСКОГО Афанасия Филипповича.
156. Красноармейца САВЕЛЬЕВУ Евдокию Андреевну.
157. Майора САВЧЕНКО Алексея Яковлевича.
158. САГАНОВИЧА Романа Яковлевича.
159. Красноармейца САДОВНИКОВА Леонида Ивановича.
160. СОСКЕВИЧА Адама Даниловича.
161. СВЕРЧЕВСКОГО Евгения Малахевича.
162. СЕНЬКО Владимира Андреевича.
163. СИВЕНЯ Михаила Сергеевича.
164. СИДОРЧУКА Гавриила Никифоровича.
165. Красноармейца СКОКУНА Вячеслава Михайловича.
166. СЛЕСАРЯ Михаила Павловича.
167. Красноармейца СЛУХАЯ Алексея Максимовича.
168. Красноармейца СМЕРНОВА Александра Андреевича.
169. Лейтенанта СМЕРНОВА Григория Сафроновича.
170. СОКОЛА Карпа Романовича.
171. Младшего лейтенанта СТАРОДУБЦЕВА Ивана Александровича.
172. Красноармейца СТАХИЕВИЧА Ивана Филипповича.
173. СТЕФАНОВИЧ Любовь Даниловну.
174. Красноармейца СТЕЦОВА Григория Дмитриевича.
175. Красноармейца СТРЕЛЬЦОВА Ивана Сергеевича.
176. Красноармейца СУВОЧА Терентия Игнатьевича.
177. Красноармейца ТАТАРЧУКА Петра Григорьевича.
178. ТИМОШЕВИЧА Ивана Ивановича.
179. ТИШКЕВИЧА Николая Павловича.
180. Красноармейца ТКАЧЕНКО Епифана Корнеевича.
181. ТОКАРЕВСКОГО Вячеслава Владимировича.
182. Старшего сержанта ТОЛКАЧЕВА Виктора Ефимовича.
183. ТРОФИМЧУКА Владимира Мартыновича.
184. Сержанта ТЯНУТОВУ Лидию Александровну.
185. Красноармейца ФАЙЗУЛЛИНА Мутагара Файбуловича.
186. Красноармейца ФЕДОРОВА Александра Андреевича.
187. Старшего лейтенанта ФЕДОРОВА Михаила Владимировича.
188. Красноармейца ФЕДОСЕЕВА Павла Николаевича.

189. Лейтенанта ФЛОРИНА Петра Вильгельмовича.
190. ФЛЫША Шая Моисеевича.
191. Красноармейца ФРОЛОВА Ивана Максимовича.
192. Старшину ХИТРОНА Иосифа Михайловича.
193. ХЛЕВОВИЧА Николая Николаевича.
194. ХЛЕБУСА Леонида Дмитриевича.
195. Красноармейца ЦИРКУНА Петра Артемьевича.
196. Майора ЧЕРНОУСОВА Степана Ивановича.
197. Лейтенанта ЧИЖУНОВА Николая Ивановича.
198. ЧУДИКА Даниила Тимофеевича.
199. Сержанта ШАЛБКО Петра Никитовича.
200. Красноармейца ШВАКА Марка Сергеевича.
201. Младшего сержанта ШЕВЧУКА Семена Григорьевича.
202. Красноармейца ШИЖКЕВИЧА Ивана Григорьевича.
203. Красноармейца ШИТЕКА Петра Васильевича.
204. ШУМАНСКОГО Платона Кириловича.
205. Красноармейца ШЕРБАКОВА Василия Михайловича.
206. ШЕРБАКОВУ Тамару Ивановну.
207. ШЕРБАЧЕНЯ Василия Артемьевича.
208. ЮХИМУКА Иосифа Даниловича.
209. Красноармейца ЮНАЧЕВА Ивана Петровича.
210. Красноармейца ЮЗАПАВИЧУСА Стасиса Юзовича.
211. ЮРЧЕНКО Николая Тимофеевича.
212. Старшего сержанта ЮРЧЕНКО Семена Ивановича.
213. Красноармейца ЯГУНА Альбины Петровича.
214. Сержанта ЯНКАУСКАСА Кирила Ивановича.
215. Красноармейца ЯЦУТА Ивана Михайловича.

ОРДЕНОМ "ЗНАК ПОЧЕТА"

Полякову Екатерину Гавриловну.

МЕДАЛЬЮ "ЗА ОТВАГУ"

1. АНИЩУКА Ивана Илларионовича.
2. БАРАНОВСКУЮ Ядвигу Исидоровну.
3. БАРАНОВСКОГО Александра Макаровича.
4. ВИГОЗА Серафиму Александровну.
5. БОВГИРА Матвея Марковича.
6. БОВГИРА Федора Даниловича.
7. БОРЕЙКО Ивана Ивановича.

8. **БОРИЧЕВСКОГО** Петра Петровича.
9. Красноармейца **БЫЧКОВА** Ивана Гордеевича.
10. **БРУЯКА** Ивана Кирилловича.
11. **ВАКУЛЬЧИНА** Ивана Емельяновича.
12. **ВИНОКУРОВА** Лаврентия Ивановича.
13. **ВЫРВИЧА** Ивана Никитовича.
14. Красноармейца **ГЛАДЫШЕВА** Николая Петровича.
15. Красноармейца **ГЛЕБОВА** Сергея Васильевича.
16. Красноармейца **ГОЛОВЧЕНКО** Николая Федоровича.
17. Красноармейца **ГРИШКО** Григория Ивановича.
18. **ГУДИНА** Ивана Демьяновича.
19. **ДЕЖУРКО** Иосифа Романовича.
20. **ДРОГУНА** Павла Николаевича.
21. Красноармейца **ЕСИНЕВИЧ** Веру Алексеевну.
22. Младшего сержанта **ЖАРОВУ** Капитолину Алексеевну.
23. **ЖИЛИНА** Павла Петровича.
24. Красноармейца **ЗЕМЦОВУ** Евгению Ефимовну.
25. Красноармейца **КАЗАК** Марию Григорьевну.
26. **КАЛЫНОВСКОГО** Михаила Степановича.
27. Красноармейца **КАЛЬВИНАСА** Стасиса Ивановича.
28. Красноармейца **КИШЕНЕВСКОГО** Бориса Ивановича.
29. Красноармейца **КЛИМУКА** Даниила Васильевича.
30. **КОВАЛЕВИЧА** Николая Романовича.
31. Ветфельдшера **КОРНЕЕВА** Семена Ивановича.
32. **КОТОВИЧ** Елену Алексеевну.
33. **КРАВЧЕНЯ** Василия Андреевича.
34. **КУЗЮРА** Григория Васильевича.
35. **КУЛНИЧА** Николая Макаровича.
36. **КУРАТНИКА** Василия Моисеевича.
37. **КУРИЛОВИЧА** Ефима Петровича.
38. **КУРИЛОВИЧА** Михаила Степановича.
39. Красноармейца **КУЛНИРА** Афанасия Николаевича.
40. **ЛАХОВСКОГО** Семена Лукича.
41. Красноармейца **ЛЕВЕНТАНТА** Семена Захаровича.
42. **ЛЕВКОВИЧА** Левко Андреевича.
43. **ЛЕГКОГО** Терентия Тихоновича.
44. **ЛЕШКУН** Анну Гавриловну.
45. **ЛУКАШИКА** Тараса Федоровича.

46. ЛУЦКОГО Владимира Даниловича.
47. Красноармейца ЛЮБЕНЦЕВУ Лидию Евгеньевну.
48. МАРЧУКА Степана Филипповича.
49. МИГДАЛОВИЧА Григория Моисеевича.
50. МИГДАЛОВИЧА Наума Абрамовича.
51. Лейтенанта МИНЕВУ Валентину Михайловну.
52. МИРОНОВСКОГО Петра Ивановича.
53. Красноармейца МИРОНЮКА Иосифа Андреевича.
54. МИРОНЮКА Николая Иосифовича.
55. МИХОНОВИЧА Петра Максимовича.
56. МИШКЕВИЧА Александра Федоровича.
57. МОЛЧАНА Александра Устиновича.
58. Младшего сержанта МУРАТОВА Ивана Ивановича.
59. МУШИНСКУЮ Сару Абрамовну.
60. НАЙДИНА Александра Николаевича.
61. НИКИФОРОВСКУЮ Галину Владимировну.
62. НИЧИПОРЧУКА Федора Никаноровича.
63. ОСТАШОВЕЦ Афанасия Степановича.
64. ОСОВИЧА Владимира Андреевича.
65. ОСТАШОЖ Ольгу Николаевну.
66. ПАРХЕЙЧУКА Николая Григорьевича.
67. ПАНЧУКА Василия Дмитриевича.
68. Медсестру ПАЯШИНУ Анастасию Егоровну.
69. ПРОНЬКО Ивана Максимовича.
70. Красноармейца ПШЕДИКИНА Зигмаса Петровича.
71. РЕЗАНОВИЧА Владимира Васильевича.
72. РЕЗВАНЮКА Павла Илларионовича.
73. Красноармейца РЕШКИНА Александра Константиновича.
74. РУТСКОГО Анатолия Иосифовича.
75. РЫБНИКОВУ Нину Владимировну.
76. САВИЧА Ивана Дмитриевича.
77. САЖИНСКОГО Ивана Яковлевича.
78. САЙКО Николая Матвеевича.
79. Красноармейца САМСОНОВА Степана Илларионовича.
80. Красноармейца СИМОНЧУКА Василия Петровича.
81. СИТКОВЕЦ Григория Кузьмича.
82. Младшего лейтенанта административной службы СТАРОВА Александра Лаврентьевича.
83. СТОВБИНУ Надежду Степановну.

84. СУХОВЕЩОГО Иосифа Антоновича.
85. Красноармейца ТЕРЕЩУКА Тихона Петровича.
86. ТИХОНЧУКА Василия Никифоровича.
87. ТРОНЕВИЧ Александру Федоровну.
88. Красноармейца ТРОСТОШЕНКОВА Якова Степановича.
89. Красноармейца ТИНЫКО Афанасия Тимофеевича.
90. ТИТОВЕЦ Василия Федоровича.
91. ТИШКЕВИЧА Алексея Матвеевича.
92. Младшего воентехника ФРОЛОВА Владимира Ивановича.
93. Красноармейца УРВЕЛЛИНАСА Адама Садамасовича.
94. ЧАВЛЮКА Василия Ивановича.
95. ЧЕЛЯСА Романа Францевича.
96. Заместителя политрука ЧЕРКАССКОГО Ионилия Аракевича.
97. ЧИГИРА Константина Владимировича.
98. Сержанта ЧЕРВЯКОВУ Тамару Григорьевну.
99. УСОВИЧА Дмитрия Максимовича.
100. Красноармейца ФЛАНЕНБАУМА Мойжеша Юзэфовича.
101. Красноармейца ШАЛГУНОВА Маркилия Акимовича.
102. Заместителя политрука ШЕНТЕРИЯ Алексея Павловича.
103. ШПАКОВУ Любовь Ивановну.
104. ШУМАКА Антона Константиновича.
105. ШУРИКА Михаила Михайловича.
106. ЮРЧЕНЯ Всеволода Юстимовича.
107. Красноармейца ЮРЬЕВА Степана Васильевича.
108. ЯРОЦА Василия Тихоновича.

МЕДАЛЬЮ "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"

1. Красноармейца БАГНЮКА Николая Ивановича.
2. БАРИЧЕВСКИЮ Татьяну Ивановну.
3. БАШКОВУ Еву Раховну.
4. БЕССОНОВУ Антонину Сергеевну.
5. БЛАНШТЕЙН Мару Хацкелевну.
6. БОРИЩУК Марию Константиновну.
7. Красноармейца ВУРЦЕВА Григория Ивановича.
8. Красноармейца ВАЛАХОВИЧ Евгению Мартыновну.
9. Красноармейца ВЕЛИЧКО Григория Павловича.
10. ВОЗНЯКА Петра Михайловича.
11. Красноармейца ГАВРИШКИНА Ивана Гавриловича.
12. Сержанта ГАНЬКА Павла Николаевича.

13. Красноармеец ГЕРМАНА Василия Ивановича.
14. Красноармеец ГОРЕГЛЯДА Сергея Антоновича.
15. ГРИЦОВЕЦ Павла Артемовича.
16. ДАМАНСКОГО Николая Казимировича.
17. ДАНИЛЬКЕВИЧА Василия Михайловича.
18. ДЖИЖОРА Михаила Николаевича.
19. ЗАЛОЖУКА Сергея Владимировича.
20. Красноармеец ИБРАГИМОВА Ибрагима Халиковича.
21. Воентехника 2 ранга ИВАНОВА Петра Яковлевича.
22. ИВАХНОК Александру Андреевну.
23. Красноармеец ИЛЬЧУКА Кондрата Федосеевича.
24. КЛИМУШКИНА Ивана Матвеевича.
25. КОВАЛЬЧУКА Василия Антоновича.
26. КОВАЛЬЧУКА Ивана Сергеевича.
27. Старшего сержанта КОЖАЕВА Николая Васильевича.
28. Красноармеец КОНЬШЕВУ Марию Ивановну.
29. Красноармеец КОРОБКО Николая Иосифовича.
30. Красноармеец КОРОЛЬКОВА Апполинария Семеновича.
31. Красноармеец КОСЕНКО Ивана Куприяновича.
32. Старшину КРАСНОВА Ивана Ефимовича.
33. КУЛИКА Ивана Александровича.
34. Красноармеец КУПРИНОВА Ивана Пантелеевича.
35. КУРЯТА Станислава Романовича.
36. КУХАРЕЦ Михаила Сергеевича.
37. ДОГУНОВУ Ольгу Карповну.
38. Сержанта МАЗАНЬКОВА Ивана Афанасьевича.
39. МАЗУРА Григория Ивановича.
40. Красноармеец МАКЕЕВА Ивана Александровича.
41. МАКСИМУКА Сергея Нестеровича.
42. МЕЛАМЕДИК Любовь Иосифовну.
43. МЕНЮКА Лейба Германовича.
44. Красноармеец МИНИЧА Павла Яковлевича.
45. МИРОНОВИЧА Ивана Семеновича.
46. МИСКО Михаила Якимовича.
47. МИТЮК Степаниду Степановну.
48. Красноармеец МОЛОТЯГИНА Сергея Алексеевича.
49. Красноармеец МУХАРОВА Ивана Михайловича.
50. Красноармеец НАГАЙЦЕВА Николая Андриановича.
51. Красноармеец ОЗЕРОВА Петра Тимофеевича.

52. ОСТАШКА Николая Павловича.
53. ПОПКО Григория Григорьевича.
54. ПОРОШЕВЦЕВ Марию Андреевну.
55. ПРИДУЦКОГО Степана Федоровича.
56. ПРОКОФЬЕВА Владимира Ивановича.
57. ПУШКА Павла Ароновича.
58. РОМАНСКУЮ Софью Львовичу.
59. Красноармейца СОЛОГУБА Федора Трофимовича.
60. СТАХОВЕЦ Николая Иосифовича.
61. СТОВБА Филиппа Кирилловича.
62. ТЕЛЕШ Елену Петровну.
63. ТИШУНА Василия Андреевича.
64. ТУРОВСКОГО Валерия Трофимовича.
65. ФЕЛЮКА Дмитрия Федоровича.
66. Капитана ФЕЛБЕКЕ Эдуарда Адольфовича.
67. Сержанта ФОМИЧЕВА Тимофея Ефимовича.
68. ЦИБУЛИ Николая Антоновича.
69. ШАХНЕВИЧА Леона Грициановича.
70. Сержанта ЯКОВЛЕВА Павла Васильевича.

МЕДАЛЬЮ "ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ"

1. ЕРШОВУ Клавдию Васильевну.
2. КОЖАНОВУ Александру Ивановну.
3. ЧУХЛИВУ Нину Васильевну.

МЕДАЛЬЮ "ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ"

1. ВЕПРИНЦЕВУ Глафиру Михайловну.
2. КЛИННОВУ Анастасию Григорьевну.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - *М. Калинин*
(М. Калинин)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - *А. Горкин*
(А. Горкин)

Москва, Кремль.

21 ноября 1944 г.

д. № 913/605.

Историческая литература, мемуары

Сивеня Михаил Сергеевич

**Из истории партизанского
движения Белорусского Полесья**

Мемуары партизана-разведчика

Редактирование, верстка,
реставрация фотографий:
Д. Сивеня

18+

Подписано в свет 09.05.2020.
Гарнитура Georgia. Формат 60×90 1/16.
Электронное издание.